Том 15, Номер 5, 2022
Vol 15, No 5, 2022

ISSN 2542-0240 (Print)
ISSN 2587-9324 (Online)
ogt-journal.com

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

Роль национальной культуры в политике и экономике

National culture as a player in politics and economy

ТОМ 15 • НОМЕР 5 • 2022

Контуры глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 15 • NUMBER 5 • 2022

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.00

Контуры глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала – предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Ефременко Д.В., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Икбал Б.А., Университет Южной Африки, Претория, ЮАР, Турецкий центр азиатско-тихоокеанских исследований, Анкара, Турция
Калотай К., Институт мировой экономики Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия
Конюхова (Умнова) И.А., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Кривопалов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Берлинский Свободный университет, Берлин, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Мигранян А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания
Сибал К., бывший первый заместитель министра иностранных дел Индии, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гётеборгский университет, Гётеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гаман-Голутвина О.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ

Учредители: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, РФ

Сайт: http://www.ogt-journal.com
Периодичность: 6 раз в год
Издается с 2016 г.

© ИНИОН РАН, 2022

ISSN 2542-0240 (PRINT), ISSN 2587-9324 (ONLINE)

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.00

Содержание

Политические процессы в меняющемся мире

КОМАРОВ И.Д., ГОРБУНОВА М.Л. Трансформация мирового порядка через призму культурных измерений Г. Хофстеде 6–28

БЕЛОЗЁРОВ В.К. Методы анализа стратегических культур 29–49

С точки зрения экономики

МУЗЫЧУК В.Ю. Культура и экономика: существующие научные подходы к отражению взаимосвязи 50–67

Культура и идентичность

КУЗНЕЦОВ И.И., КУЛИКОВА Е.В., ПЕТРОВА Ю.В. Массовая культура как среда политической социализации молодежи 68–88

СМУЛЬКИНА Н.В., РОГАЧ Н.Н. Образы прошлого, настоящего и будущего России: символическое измерение 89–106

Азия: вызовы и перспективы

САЛИЦКИЙ А.И., ЧУБАРОВ И.Г. Урбанистическая ситуация и национальная городская политика в Индии и КНР: сравнительный анализ 107–132

ДЕМЕШКО Н.Э., АВАТКОВ В.А., ИРХИН А.А. Формирование медийного образа «новой Турции»: содержательный аспект 133–150

Постсоветское пространство

БАРИНОВ И.И. Белорусская национальная культура и дебаты вокруг нее в современной Беларуси 151–162

Российский опыт

АПАНАСЕНОК А.В. «Коммунистическая» трансформация и феномен советского патриотизма в среде православных верующих эпохи позднего СССР 163–184

ГРИШАНИН Н.В., МИНЕВИЧ Я.В., СОКОЛОВА Т.Д., ТИДЖИЕВ Д.А. Патриотизм как ценностный ресурс в разработке корпоративной культуры российских компаний: оценка факторов, генезис понятий, тренды и тенденции развития 185–205

Страницы прошлого

ВЕРШИНИН А.А. Становление советской дипломатической культуры (1917–1939 гг.) 206–225

МАЛЮТИНА Н.П. Международные художественные выставки как форма культурного и политического диалога 226–236

Вокруг книг

СОКОЛОВ С.В. Роль национальной культуры в политике и экономике (обзор литературы) 237–249

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.00

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Dmitry V. Efremenko, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Badar A. Iqbal, University of South Africa, Pretoria, South Africa; Turkish Center for Asia Pacific Studies, Ankara, Turkey
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Kalman Kalotay, Institute of World Economics, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary
Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Former Foreign Secretary of India, New Dehli, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina A. Umnova-Konyukhova, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Oksana V. Gaman-Golutvina, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Founders: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation
Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Web-site: http://www.ogt-journal.com
Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 copies
Published since 2016

 ISSN 2542-0240 (PRINT), ISSN 2587-9324 (ONLINE)

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.00

Contents

Political Processes in the Changing World

KOMAROV I.D., GORBUNOVA M.L. World Order Architecture and G. Hofstede's Cultural Dimensions 6–28

BELOZEROV V.K. Methods of Analysis of Strategic Cultures 29–49

From the Point of Economics

MUZYCHUK V.YU. Culture and Economy: Scientific Approaches to Interrelation 50–67

Culture and Identity

KUZNETSOV I.I., KULIKOVA E.V., PETROVA IU.V. Mass Culture as a Symbolic Environment of the Younger Generation Political Socialization 68–88

SMULKINA N.V., ROGACH N.N. Images of the Past, Present and Future of Russia: Symbolic Dimension 89–106

Asia: Challenges and Perspectives

SALITSKII A.I., CHUBAROV I.G. Urbanization and National Urban Policy in India and China: a Comparative Analysis 107–132

DEMESHKO N.E., AVATKOV V.A., IRKHIN A.A. Development of the "New Turkey" Media Image: Substantive Aspect 133–150

The Post-Soviet Space

BARINOV I.I. The Belarusian National Culture and Its Dimensions in the Modern Belarus 151–162

Russian Experience

APANASENOK A.V. The "Communist" Transformation and the Phenomenon of Soviet Patriotism among Orthodox Believers in the Late USSR 163–184

GRISHANIN N.V., MINEVICH YA.V., SOKOLOVA T.D., TIDZHIEV D.A. Patriotism as a Valuable Resource in the Development of Corporate Culture of Russian Companies: Assessment of Factors, Genesis of Concepts, Trends and Development Trends 185–205

The Pages of the Past

VERSHININ A.A. The Formation of the Soviet Diplomatic Culture (1917–1939) 206–225

MALYUTINA N.P. International Art Exhibitions as a Form of Cultural and Political Dialogue 226–236

Spotlight on New Academic Arrivals

SOKOLOV S.V. The Role of National Culture in Politics and Economics (Review of Books) 237–249

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.01

Трансформация мирового порядка через призму культурных измерений Г. Хофстеде

Игорь Дмитриевич КОМАРОВ
кандидат исторических наук, заместитель директора по международной деятельности, специалист по организационной работе Информационно-аналитического отдела Института международных отношений и мировой истории
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
проспект Гагарина, 23, Нижний Новгород, Российская Федерация, 603022
E-mail: igor.komarof@gmail.com, komarov@imomi.unn.ru
ORCID: 0000-0002-0348-0471

Мария Лавровна ГОРБУНОВА
доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой мировой экономики и таможенного дела Института экономики и предпринимательства
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
проспект Гагарина, 23, Нижний Новгород, Российская Федерация, 603022
E-mail: gorbunova@iee.unn.ru
ORCID: 0000-0003-2733-568X

ЦИТИРОВАНИЕ: Комаров И.Д., Горбунова М.Л. Трансформация мирового порядка через призму культурных измерений Г. Хофстеде // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 6–28. DOI: 10.31249/kgt/2022.05.01

Статья поступила в редакцию 25.04.2022.
Исправленный текст представлен 08.08.2022.

АННОТАЦИЯ. *Статья представляет собой одну из первых попыток применить типологию культурных измерений Г. Хофстеде для анализа международных отношений в конструктивистском ключе. Предметом исследования является взаимодействие традиционных и восходящих центров силы, конкурирующих и сотрудничающих друг с другом. Культурные переменные, предложенные Г. Хофстеде и его последователями, к которым относятся дистанция власти, индивидуализм/коллективизм, избегание неопределенности, мужественность/женственность, краткосрочная/долгосрочная ориентация на будущее, индульгенция/сдержанность, были использованы для картирования положения государств с фокусированием на центрах силы.*

Построенные диаграммы позволили выявить дифференциацию культурных измерений, характеризующих традиционные и восходящие центры силы, что является одним из факторов, усиливающих конфликтный потенциал международных отношений на современном этапе. Культурно-ценностная репрезентативность представителей Глобального Севера – традиционных центров силы – ниже, чем у представителей Глобального Юга – восходящих центров силы. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что с большей вероятностью на смену текущему переходному этапу беспорядка придет многополярная, а не биполярная архитектура мирового порядка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *архитектура мирового порядка, центры силы, традиционные центры силы, восходящие центры силы, геополитическая напряженность, культурные измерения Хофстеде, ценности и международные отношения.*

Введение в проблему

Взаимодействие традиционных и восходящих центров силы является одной из постоянных исследовательских тем разных направлений теории международных отношений. Конструктивистские подходы в силу своей антропоморфной базы придают ей новое измерение. Культурные нормы и ценности, формирующие национальную идентичность, оказывают на динамику межгосударственных отношений не меньшее влияние, чем военные и экономические потенциалы.

Долговременное доминирование либеральных ценностей в мировой политике и экономике, усиленное глобализацией, способствовало демократизации государственного управления и улучшению материальных условий жизни значительной части мирового населения, тем не менее современное состояние мирового порядка далеко от идеального. Его характеризуют не только региональные очаги напряженности, но и усиливающийся «водораздел» между Западом и «не Западом», сердцевиной которого являются отношения соперничества между традиционными и восходящими центрами силы.

Восходящие центры силы – это государства, хорошо обеспеченные природными и трудовыми ресурсами, имевшие в силу разных исторических причин низкие доходы на душу населения в начале глобализации, в ее ходе получившие от традиционных центров силы инвестиции и технологии. Можно сказать, что взаимодействие между центрами силы носило в целом прагматичный меркантилистский характер выгодного сотрудничества.

Вместе с тем либеральная глобализация характеризуется встроенным в нее потенциалом углубления неравенства не только между людьми и корпорациями, но и между государствами. Углубление неравенства привело к исключению из эффективных международных экономических отношений инвестиционно-непривлекательных государств без выхода к морю или с недостаточной численностью населения (необходимо понимать, что речь идет о пороговом значении численности населения в несколько десятков миллионов человек).

После глобального кризиса 2008 г. мировое хозяйство исчерпало ресурсы текущего технологического уклада, достигнув пределов своего роста. Реализация сценария «новой нормальности» привела к сворачиванию глобализации и разворачиванию геополитики, что всегда происходит на долгосрочном горизонте эволюции системы международных отношений.

На начальном этапе разворачивания геополитической парадигмы международных отношений очаги напряженности стали формироваться на региональном уровне, охватывая государства с недостаточной включенностью (инклюзией) в благотворный цикл развития системы международных отношений. Примерами являются Ирак, Сирия и Афганистан, а также государства, затронутые событиями «арабской весны». На следующем этапе противоречия оформились в глобальное противостояние центров силы, что проявилось в санкционной эскалации между государствами Запада и Россией, а также в реализации США политики сдерживания в отношении КНР, приведшей к развязыванию торговой войны.

В условиях сокращения роли экономических связей и усиления военно-политических аспектов в осмыслении международных отношений возрастает роль не только неореализма, отсылающего к изучению противостояния ведущих государств, но и конструктивизма, опирающегося на моральные и ценностные основы внешней политики и межгосударственного взаимодействия и приоритизирующего гуманитарное измерение общемировых политических процессов.

Предметом исследования данной статьи является изучение преимуществ и недостатков переноса концепта «национальный стереотип поведения», инерционного по своей природе и типологизированного в рамках теории международного бизнеса и кросс-культурного менеджмента, в теорию международных отношений.

Трансформация архитектуры мирового порядка: культурное измерение

Эволюция системы международных отношений может быть представлена как чередование периодов устойчивой архитектуры мирового порядка (*order*), которая определяется взаимодействием одного, двух или нескольких ведущих государств, и переходных периодов между ними (*disorder*) (см. рисунок 1), что соотносится с концептуальным видением А.Д. Богатурова [*Богатуров*, 1993; *Богатуров,* 2003].

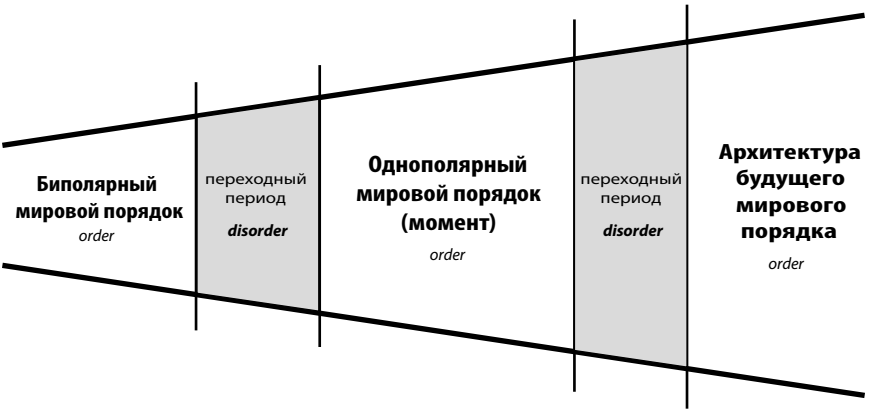

Рисунок 1. Эволюция мирового порядка: типы устойчивой архитектуры (*orders*) и переходные периоды (*disorders*)
Figure 1. The world order evolution: stable architectures (orders) and disorders stages

Источник: составлено авторами.

В периоды стабильности в межгосударственных отношениях преобладает глобализационный тренд, опирающийся на логику преимущественно экономической экспансии, в переходные периоды возрастает роль геополитики [*Rosencrance*, 1986; *Богатуров,* 1993; *Khanna,* 2010].

По мнению отечественных и зарубежных экспертов, в настоящее время наблюдается очередной переходный период (*disorder*) в развитии мирового порядка [*Reich, Lebow*, 2014; *Nye*, 2015; *Haas*, 2017; *Чернега,* 2021]. Предыдущий период устойчивой архитектуры (*order*), связанный с гегемонией США, получил название однополярного момента (*unipolar moment*) [*Krauthammer,* 1991], или однополярного мирового порядка (*unipolar order)* [*Hansen*, 2000]. Будущая архитектура находится в процессе формирования. Речь идет об определенной конкуренции двух моделей – многополярного мирового порядка и нового биполярного порядка с противостоянием США и КНР.

Первая идея была визионерски выдвинута политическим руководством Российской Федерации и Китайской Народной Республики в рамках двустороннего саммита, состоявшегося в апреле 1997 г. в Москве, итогом которого стала Декларация о многополярном мире[1]. В отечественный и зарубежный научный оборот концепция вошла во второе десятилетие XXI в.; обращают на себя внимание публикации Ф. Петито [*Petito*, 2016], Д.А. Дегтерева [*Degterev*, 2019], А.Д. Воскресенского [*Воскресенский*, 2021].

Биполярность архитектуры международных отношений рассматривается как противостояние США с РФ и КНР [*Xuetong*, 2013; *Дегтерев, Рамич, Цвык*, 2021; *Шаклеина,* 2021], или, упрощенно, как прямое противостояние США и КНР [*Фитуни,* 2019].

Многополярность не имеет единой концептуализации. А. Ачария [*Achraya*, 2014; *Ачария*, 2018] понимает ее как мировой порядок без глобального гегемона, объединяющий черты Запада и остального мира – Глобального Севера и Глобального Юга. Ф. Петито [*Petito,* 2016] рассматривает ее как межцивилизационный диалог, то есть в конструктивистском ключе. Д.А. Дегтерев связывает ее с политической практикой, в которой реализуется взаимодействие традиционных центров силы (США и их союзников) и государств БРИКС [*Degterev,* 2019].

И в биполярной, и в многополярной архитектуре будущего возникает сюжет о взаимодействии традиционных и восходящих центров силы – государств Группы семи и БРИКС. Ряд авторов, таких как Дж. Айкенберри и Р. Либер [*Ikenberry,* 2014; *Lieber,* 2014], придерживались точки зрения, что новые центры силы – Китай и Россия, даже не будучи по своей природе либеральными, будут успешно расти и развиваться внутри однополярного мирового порядка. Другие авторы – Ф. Мельничук [*Mielniczuk,* 2013], М. Ревизорский [*Ревизорский,* 2015], О. Штункель [*Stuenkel,* 2015] – полагали, что государства будут соперничать друг с другом. Торможение темпов роста мировой экономики после глобального кризиса 2008 г., получившее название «новой нормальности», усугубившееся постпандемийным спадом, противостояние на Ближнем Востоке, санкционное противостояние Запада и России, торговая война, развязанная между США в отношении КНР, в совокупности перевели взаимодействие традиционных и восходящих центров силы в режим геоэкономиче-

1 РФ – КНР. Декларация о многополярном мире // Консорциум «Кодекс». Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – 1997. – URL: https://docs.cntd.ru/document/1902155 (дата обращения: 20.03.2022).

ской конкуренции, гибридных и традиционных конфликтов.

Текущая сложная геополитическая обстановка между ведущими державами (*great powers*) и перспективы ее преодоления в рамках новой стабильной архитектуры мирового порядка чаще анализируются в русле реализма с помощью теории баланса сил (*balance of power*) [*Morgenthau,* 1948; *Mearsheimer,* 2001] или рационалистской теории властного перехода (*power transition*) [*Organski*, 1958; Power transitions…, 2000; Power Transition in…, 2017, *Горбунова, Комаров,* 2020; *Дегтерев, Рамич, Цвык*, 2021].

Авторы полагают, что всё более актуализирующимся направлением в исследовании процессов формирования устойчивой архитектуры будущего мирового порядка является использование идей конструктивизма, высказанных в ранее упоминавшейся работе «Диалог цивилизаций в многополярном мире: на пути к мультицивилизационному мультиплексному мировому порядку» Ф. Петито [*Petito,* 2016]. Он полагал, что новый многополярный мир будущего преодолеет барьеры сталкивающихся цивилизаций С. Хантингтона [*Huntington,* 1996], и в основе межгосударственных отношений будут лежать процессы либеральной глобализации, объединяющие разные цивилизации [*Fukuyama,* 1993].

Идеи итальянского исследователя о скором формировании гармоничного многополярного мира отчасти утратили свою актуальность в настоящее время, поскольку произошло сворачивание глобализационного тренда и усиление геополитического противостояния между государствами, и даже Ф. Фукуяма в своей монографии 2018 г. «Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия» [*Fukuyama,* 2018], по сути, перешел на позиции С. Хантингтона.

После завершения текущего переходного периода (*disorder*) при формировании новой стабильной архитектуры мирового порядка (*order*) глобальное сообщество вернется к «мультикультурному диалогу», «кросс-культурному регионализму» и «многоуровневому межцивилизационному взаимопониманию» (концепты Ф. Петито – *прим. авторов*). Существующие же в настоящее время противоречия и дизайн будущих линий сближения могут быть обозначены с помощью активно применяемых в международном бизнесе кросс-культурных аналитических подходов, к числу которых принадлежит типология культурных измерений, разработанных Г. Хофстеде, М.Минковым и их коллегами [*Hofstede, Hofstede, Minkov,* 2010; A Reconsideration of…, 2018; *Minkov, Welzel, Schachner,* 2020]. Данная группа исследователей использует следующий перечень культурных измерений[2]:

1) дистанция власти (*power distance*);

2) индивидуализм/коллективизм (*individualism / collectivism*);

3) мужественность/женственность (*masculinity / femininity*);

4) избегание неопределенности (*uncertainty avoidance*);

5) долгосрочная/краткосрочная ориентация на будущее (*long-term orientation / short-term orientation*);

6) индульгенция (потворство своим желаниям) / сдержанность (*indulgence / restraint*).

В применении типов культурных измерений к анализу международных отношений не всё прямолинейно.

2 Альтернативой типологии Г. Хофстеде являются переменные проекта *GLOBE* (*Global Leadership and Organizational Behavior Effectiveness*), в котором М. Минков также принимал участие. Авторы используют типологию Г. Хофстеде в эмпирической части исследования, поэтому фокусируются на ее интерпретации.

Авторы позволяют здесь собственную трактовку культурных измерений в связи с тем, что данное исследование представляет собой практически первую попытку применить интерпретационный потенциал типологии Г. Хофстеде и его последователей для анализа международных отношений. В русле вышеизложенного параметр «дистанция власти» (*power distance*) в ранжировании государств в большей степени подходит для оценки внутриполитической инклюзивности[3], а не для оценки межгосударственных отношений.

Дихотомия индивидуализм/коллективизм (*individualism/collectivism*) подходит не только для анализа инклюзивности внутренних экономических институтов, но и для отношения государств на международной арене, где смысловое противопоставление «свой – чужой» выражено более явно, чем внутри государств.

Индивидуализм (*individualism*) в сфере международных отношений аппроксимирует модель либерального мирового порядка, продвигаемого США и их партнерами. Коллективистские ценности (*collectivism*) с определенной степенью приближения соотносятся с примененной в КНР моделью «развивающего капитализма» (*developmental order*) [*Stubbs,* 2018; *Karagiannis, Cherikh, Elsner,* 2020]. В то же время такая интерпретация не противоречит тому, что США в международных отношениях опираются на собственную исключительность, что признается в том числе Джозефом Найем-мл. [*Nye jr.*, 2020]. Коллективизм (*collectivism*), по мнению авторов, отражает идеи инклюзивности, дефицит которой наблюдается и в теории международных отношений, и в их практике [*Bhambra,* 2020; *Singh,* 2020].

Показательно высказывание Дж. Миршаймера, что либеральные ценности в международных отношениях США целесообразно применять вплоть до того момента, пока не появляются государства, способные конкурировать с ними на международной арене; в этом случае необходимо переходить к концепциям реализма и неореализма, подразумевающих соперничество и противодействие ведущим конкурентам [*Mearsheimer,* 2018].

Культурное измерение Г. Хофстеде «мужественность/женственность» (*masculinity/femininity*) гипотетически подразумевает, что государства с более высоким индексом мужественности (*masculinity*) являются более воинственными, имеют склонность к решению конфликтов через конфронтацию, однако в то же время им свойственна лучшая реакция в кризисных ситуациях. Государства с высокой женственностью (*femininity*) более эффективны в решении социальных и гуманитарных вопросов.

Избегание неопределенности (*uncertainty avoidance*), или низкая склонность к риску в экономике и бизнесе, традиционно связано с инновационной ориентацией хозяйствующих субъектов. Низкий уровень избегания неопределенности (*low uncertainty avoidance*) считается элементом, способствующим прогрессу, но для международных отношений позитивный эффект созидательного разрушения неочевиден. Традиционные центры силы – исторические (исходные) бенефициары системы мирового порядка, в первую очередь США, имеют склонность к изменению правил, что формирует новые инновационные сценарии, которые в силу затратности перехода к ним создают условия монополизации

3 Инклюзивные политические институты – это концепция, предложенная Д. Аджемоглу и Дж.А. Робинсоном [*Acemoglu, Robinson*, 2012].

системы глобального управления. Так например, очевидно, переход к ESG-повестке ограничивает возможности развития, по сути, тормозит рост развивающихся государств с более низким уровнем удовлетворения потребностей населения. Рассуждая в подобном ключе, можно сделать вывод о том, что высокий уровень избегания неопределенности (*high uncertainty avoidance*) отражает стремление субъекта (государства) к стабильности и приверженность традиционным ценностям, в том числе на уровне системы международных отношений.

Смысловое противопоставление «долгосрочная/краткосрочная ориентация на будущее» *(long-term orientation / short-term orientation*) было введено в научный оборот ввиду необходимости учета азиатского мировоззрения [*Browaeys,* 2019]. Применительно к международным отношениям долгосрочная ориентация на будущее *(long-term orientation*) может быть связана с приверженностью к консерватизму, сложностью управления большими системами, свойственным в первую очередь многонаселенным государствам. Долгосрочная ориентация на будущее *(long-term orientation*) теоретически может проявляться не только у азиатских обществ, но и у ресурсоориентированных государств Африки и Латинской Америки, так как инфраструктурные и сырьевые проекты, составляющие основу их экономики, подразумевают существенные инвестиционные циклы.

Краткосрочная ориентация на будущее *(short-term orientation*) отражает способность быстро адаптироваться к изменениям внешней среды (по возможности подстроив ее под свои интересы), что для системы международных отношений может означать склонность к избирательному применению принятых глобальным сообществом правил и норм в условиях необходимости, но и риск принятия ошибочных решений и совершения неверных действий высок. Ввиду неоднородности акторов международных отношений инерция неправильных решений и действий крупных государств и международных организаций имеет бóльшие системное влияние и последствия.

Интерпретация другого относительно недавно введенного культурного измерения, также выраженного в формате дихотомии (контраста) – *индульгенция (потворство своим желаниям) / сдержанность (indulgence /restraint),* – связанного с уровнем счастья, по мнению авторов, затруднительна в контексте международных отношений, особенно в периоды напряженности. Скорее всего, более высокие показатели индульгенции *(indulgence)* нации (государства) свидетельствуют о том, что оно является бенефициаром мирового порядка, в связи с этим при переходе к многополярной архитектуре мирового порядка общий показатель индульгенции (потворства своим желаниям) должен увеличиться, что возможно оценить при наличии измерений в динамике. Сдержанность *(restraint)* характерна для наций (государств), которые существуют в режиме внутренних и внешних ограничений.

Как упоминалось ранее, модель Г. Хофстеде и его учеников не является единственной в своем роде и не лишена недостатков. Например, вызывает сомнения использование балльных (точечных) оценок для интерпретации поведения крупных сообществ людей, проживающих в разных государствах. В отличие от модели *GLOBE,* сложные полевые исследования не дают возможности оценить изменения культурных измерений. Кроме того, ряд неустойчивых государств отсутствует в выборках, что обусловлено невозможностью проведения там репрезентативных полевых исследований.

Позиционирование традиционных и восходящих центров силы в матрицах культурных измерений типологии Хофстеде

Методика исследования. Авторы статьи использовали в анализе вторичные данные проекта «Шесть измерений национальной культуры» по Хофстеде, размещенные в открытом доступе с возможностью использования в академических целях на сайте «Понимая Хофстеде» (*Hofstede-Insights*)[4].

Выборка государств по первым четырем культурным измерениям – дистанция власти (*power distance*); индивидуализм/коллективизм (*individualism/collectivism*); мужественность/женственность (*masculinity/femininity*); избегание неопределенности (*uncertainty avoidance*) – составляет 118 наблюдений, по категориям долгосрочная/краткосрочная ориентация на будущее (*long-term orientation / short-term orientation*), индульгенция/сдержанность (*indulgence/restraint*) – 100 наблюдений. И в той, и в другой выборке часть оценок получена экспертным путем. Лица, проводившие полевые исследования, результаты которых представлены на сайте «Понимая Хофстеде», указывают, что не смогли собрать репрезентативные данные в проблемных государствах Азии, Африки, Латинской Америки.

К исходным оценкам сайта «Понимая Хофстеде» авторы данной статьи добавили усредненные оценки по полным выборкам государств (отмечены на диаграммах треугольниками), а также по формализованным и неформализованным институтам глобального управления – постоянным членам Совета Безопасности ООН, участникам Группы семи и БРИКС, добавив соответствующие группировки в диаграммы. Кроме этого, центры силы – постоянные члены Совета Безопасности ООН, участники Группы семи и БРИКС. Авторы намеренно оставили маркировку (название) только у центров силы, так как целью исследования является прогнозирование будущей архитектуры мирового порядка, полюсами которой будут являться центры силы в той или иной конфигурации.

К имеющимся балльным оценкам авторы применили графический анализ, построив наборы двумерных диаграмм, комбинирующих культурные измерения репрезентативным образом.

Результаты исследования

Диаграмма, представленная на рисунке 2, отражает соотношение внутренних политических и экономических институтов. Наблюдается дихотомия государств с низкой дистанцией власти и индивидуалистических (либеральных), с одной стороны (меньшинство), и недемократических, коллективистских, патерналистских, с другой стороны (большинство).

В представлении Аджемоглу, Робинсона [*Acemoglu, Robinson,* 2012] низкая дистанция власти и индивидуалистические ценности свидетельствуют о том, что в государствах сформированы инклюзивные политические и экономические институты, соответственно, высокая дистанция власти и коллективизм говорят об их экстрактивности.

Таким образом, очевидно, что внутренняя инклюзивность характеризует развитые государства – традиционные центры силы, а экстрактивность – развивающиеся государства и, соответственно, восходящие центры силы. Это объясняется историческими обстоятельствами, в первую очередь

4 Понимая Хофстеде. – URL: https://www.hofstede-insights.com/ (дата обращения: 01.02.2022).

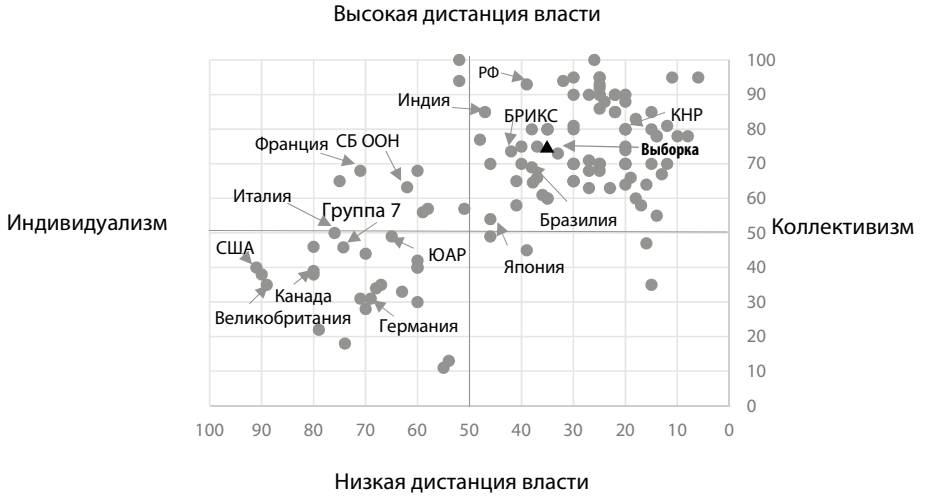

Рисунок 2. Распределение государств по осям индивидуализм/коллективизм и дистанция власти (n = 118)
Figure 2. Distribution diagram of states: individualism/collectivism vs power distance (n = 118)

Источник: выполнено авторами на основе: Hofstede-Insights. – URL: https://www.hofstede-insights.com/ (дата обращения: 01.02.2022)..

связанными с колониальным прошлым, разным уровнем институционального развития и типом решаемых задач. По положению ЮАР на диаграмме можно сделать предположение о том, что государство оценивалось по кластеру белого населения [*Browaeys,* 2019], то есть репрезентативность оценок культурных измерений Г. Хофстеде неполная по отношению к населению ЮАР.

Поскольку глобальная экономика находится в стагнации, государства в целях модернизации пытаются найти новые источники роста, заимствовав или адаптируя модели ведущих государств – традиционных и восходящих центров силы. С ценностной точки зрения государствам, не относящимся к великим державам, может оказаться ближе модель «развивающего капитализма», или «китайская» модель (*developmental capitalism*), что будет способствовать ее распространению и реализации. Авторы полагают, что и российская модель, опирающаяся на сырьевую специализацию, в определенном смысле является еще более репрезентативной для государств Африки и Латинской Америки, чем китайская (которая более соответствует условиям Восточной и Юго-Восточной Азии).

«Пекинский» и «Московский» консенсусы делают БРИКС трансрегиональным объединением, которое предлагает вариативность моделей для государств развивающегося мира, осуществляющих модернизацию, что опровергает тезис о недостаточной репрезентативности БРИКС, существующий в дискурсе (см., например, в работе Р. Такура [*Thakur,* 2014]).

С точки зрения усредненных показателей прослеживается близость между средней оценкой по выборке 118 государств (выделено треугольником) и средней оценкой по государ-

ствам БРИКС с одновременной удаленностью от средних значений по Группе семи. Это может свидетельствовать о низких возможностях заимствования национальных моделей, опирающихся на традиционные западные ценности основной массой мировых государств (немаркированные точки на графике) и о возникновении напряженности в ходе либерально-демократической модернизации.

Анализ диаграммы позволяет увидеть потенциал взвешенного принятия решений, заложенный в концепцию постоянного членства в Совете Безопасности ООН: так, его положение на диаграмме ближе к основной массе государств (немаркированных точек на графике), что повышает его универсализм и репрезентативность.

Диаграмма, представленная на рисунке 3, показывает, что подавляющее большинство государств – и развитых, и развивающихся – стремятся избежать неопределенности. Более консервативные европейские государства расположены отдельно от Великобритании, Канады и США (англоязычных государств массовой иммиграции), что свидетельствует о дифференциации традиционных центров силы в сфере инновационно-ориентированного развития.

В то же время КНР и Индия – крупнейшие растущие рынки мира и восходящие центры – получили от западных государств инвестиционные и технологические ресурсы, дополняющие избыточность местных трудовых ресурсов, что позволило им реализовать модель инновационного развития и запустить изменения. Таким образом, КНР и Индия демонстрируют потенциал локомотивов будущего экономического роста, который будет сопровождать будущую архитектуру мирового порядка.

И на данной диаграмме видна ценностная нерепрезентативность этих крупных восходящих центров с точки зрения выражения интересов большинства рассмотренных государств (что в графическом смысле определяется их положением вне основной массы немаркированных точек – в правом нижнем квадранте). Однако с точки зрения культурных измерений Г. Хофстеде БРИКС в целом являются репрезентативными по отношению к рассматриваемой выборке государств, что представлено и на рисунке 2.

Рисунок 4 показывает, что количество государств с краткосрочной ориентацией превышает число государств с долгосрочной ориентацией (об этом говорит положение точки, соответствующей значению по выборке государств).

Набор государств по обе стороны от центральной оси позволяет увязать горизонт принятия решений с их историческим возрастом, а также осуществить кластеризацию с точки зрения успешности их моделей развития.

К государствам с долгосрочной ориентацией левого квадранта с индивидуалистическими ценностями (либеральными моделями) относятся европейские государства-метрополии. В правом квадранте – квадранте коллективизма с долгосрочной ориентацией – находятся Российская Федерация и азиатские государства с многовековой историей цивилизации, с ними вместе находятся «азиатские тигры» и государства двух макрорегионов – Центральной Европы и Азии (европейская периферия).

Государства в правом нижнем квадранте диаграммы рисунка 4 (примечательно, что здесь находится и точка средних значений по выборке, в то время как государства БРИКС удалены) – наибольшие «неудачники развития», главным образом бывшие колонии с относительно низким опытом государственного управления.

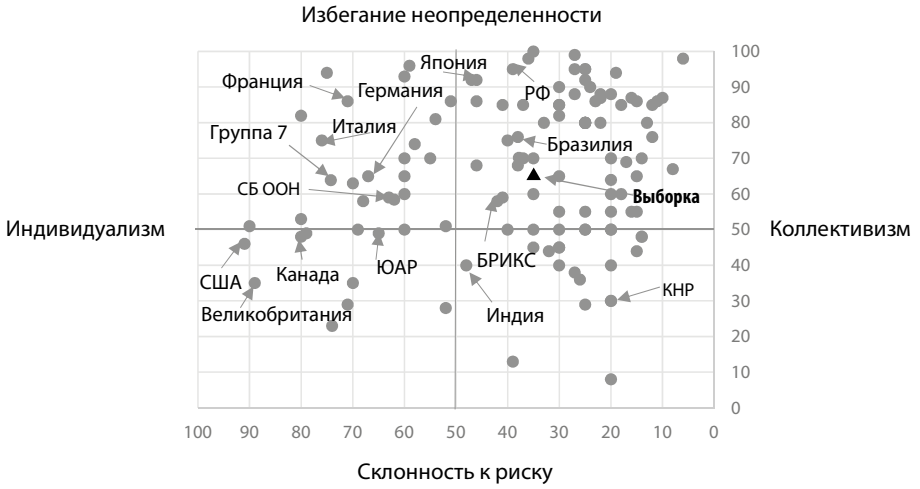

Рисунок 3. Распределение по осям индивидуализм/коллективизм и избегание риска / склонность к риску (n = 118)
Figure 3. Distribution diagram of states: individualism/collectivism vs uncertainty avoidance / risk propensity (n = 118)

Источник: выполнено авторами на основе: Hofstede-Insights. – URL: https://www.hofstede-insights.com/ (дата обращения: 01.02.2022).

Рисунок 4. Распределение государств по осям индивидуализм/коллективизм и долгосрочная/краткосрочная ориентация на будущее (n = 100)
Figure 4. Distribution diagram of states: individualism/collectivism vs long-term orientation / short-term-orientation (n = 100)

Источник: выполнено авторами на основе: Hofstede-Insights. – URL: https://www.hofstede-insights.com/ (дата обращения: 01.02.2022).

В левом нижнем квадранте представлены индивидуалистические государства с краткосрочной ориентацией на будущее, представляющие описанную ранее группу англоязычных государств массовой иммиграции, которые составляют перечень ключевых бенефициаров существующего мирового экономического порядка.

В контексте формирования архитектуры мирового порядка и выхода из состояния геополитической напряженности представляет интерес диаграмма распределения государств по долгосрочной/краткосрочной ориентации на будущее и избеганию неопределенности (рисунок 5), являющаяся комбинацией предыдущих диаграмм (см. рисунки 3 и 4): в ней не представлен аспект экономической модели, за которую отвечает смысловое противопоставление «индивидуализм/коллективизм (*individualism/collectivism*). Таким образом, диаграмма, представленная на рисунке 5, отражает только поле принятия решений.

Данная диаграмма показательна в контексте противостояния США и КНР. Оба центра силы отличаются низкой склонностью к риску, то есть потенциально стремятся к обновлению правил – инновациям – мирового порядка, в том числе из-за своего потенциала в мировом хозяйстве, для получения исключительных преимуществ. Однако представители США реализуют цели и задачи краткосрочного характера, в том числе для того, чтобы получить конкурентные преимущества спекулятивного свойства, а КНР ориентируется на долгосрочный горизонт.

В контексте биполярной архитектуры мирового порядка такое позиционирование конфликтогенно. У США создаются предпосылки сохранить однополярную архитектуру, в том числе за счет установления правил игры в глобальном масштабе и вмешательства

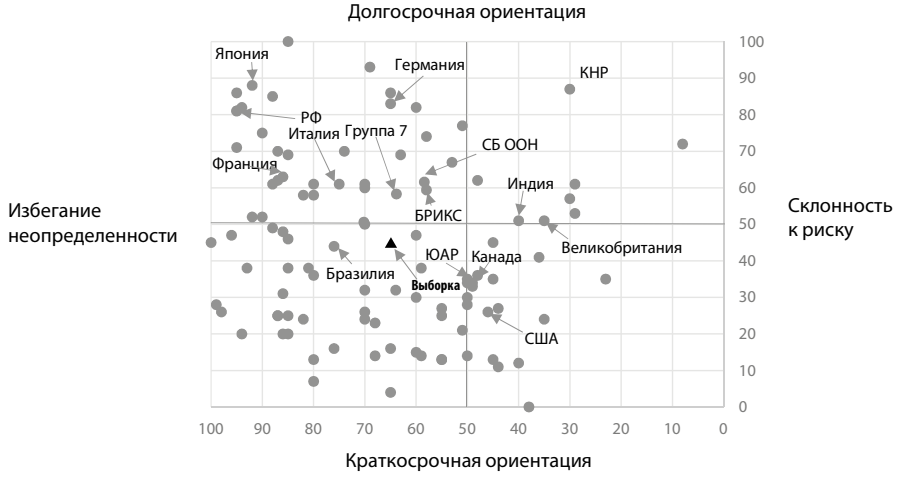

Рисунок 5. Распределение по осям «избегание неопределенности / склонность к риску» и «долгосрочная/краткосрочная ориентация» (n = 100)
Figure 5. Distribution diagram of states: uncertainty avoidance / risk propensity vs long-term orientation / short-term-orientation (n = 100)

Источник: выполнено авторами на основе: Hofstede-Insights. – URL: https://www.hofstede-insights.com/ (дата обращения: 01.02.2022).

в дела не только своих соперников, но и сопряженных с ними государств с целью блокирования развития и вовлечения в конфликтную ситуацию [*Bacevich*, 2018]. Китай ориентирован на более устойчивый многополярный или биполярный мировой порядок в тесном партнерстве с Россией [РФ – КНР…, 1997; *Xuetong*, 2013], так как сам обладает дефицитом ресурсов, в первую очередь энергетических и продовольственных [*Горбунова, Комаров*, 2020].

По мнению авторов, КНР получила высокую склонность к риску в результате заимствования идей либерализма, сохранив долгосрочный горизонт как ключевую черту самоидентификации, что согласуется с идеями Дж. Айкенберри и Р. Либер [*Ikenberry,* 2014; *Lieber,* 2014]. Однако это утверждение имеет гипотетический характер, так как культурные измерения Хофстеде в динамике не оценивались. И на этой диаграмме усредненные оценки по государствам БРИКС удалены от средних оценок по анализируемой выборке из-за переменной горизонта планирования.

На рисунке 6 представлена диаграмма распределения государств по осям «индивидуализм/коллективизм» и «мужественность/женственность». Представляется, что проявления мужественности должны быть связаны с воинственностью и экспансией, женственность – стремлением к миру и равновесию.

По мнению авторов, культурные измерения в этой сфере демонстрируют существенную историческую инерцию. Например, высокие показатели мужественности Японии и значительные показатели женственности у России, полученные эмпирическим путем авторами проекта «Шесть измерений национальной культуры» по Хофстеде[5], говорят о неоднозначности связи смыслового противопоставления мужественность/женственность с милитаризацией.

Культурное измерение «мужественность», помимо Японии, в большей степени проявляется у государств, потерпевших поражение во Второй мировой войне, чьи вооруженные силы и ВПК долгое время находились под ограничениями. В то же время у России (государства с высоким уровнем женственности) наблюдается высокий уровень военных расходов и большая численность вооруженных сил, в чем проявляются традиционные элементы оборонной политики государства, стремящегося защитить свои ресурсы. Таким образом, политика, реализуемая Россией, позволяет расширить интерпретацию культурного измерения «женственность», которая проявляется на уровне государств как «защита слабого», обеспечение мира и стремление к справедливости.

Рисунок 6 позволяет также выявить круг мирно настроенных государств – они находятся в нижней половине диаграммы. Государства БРИКС (ограниченно репрезентативны с точки зрения общей выборки) имеют более высокий средний показатель «мужественности», что говорит об их статусе центров силы. Кроме того, диаграмма, представленная на рисунке 6, с определенным допущением позволяет распределить государства с высоким индексом мужественности с точки зрения генезиса конфликтов: индивидуалистические государства чаще ведут эффективные, прагматические конфликты, в том числе за ресурсы, а коллективистские – более разрушительные, обусловленные ценностными установками и идеологией.

5 Понимая Хофстеде. – URL: https://www.hofstede-insights.com/ (дата обращения: 01.02.2022).

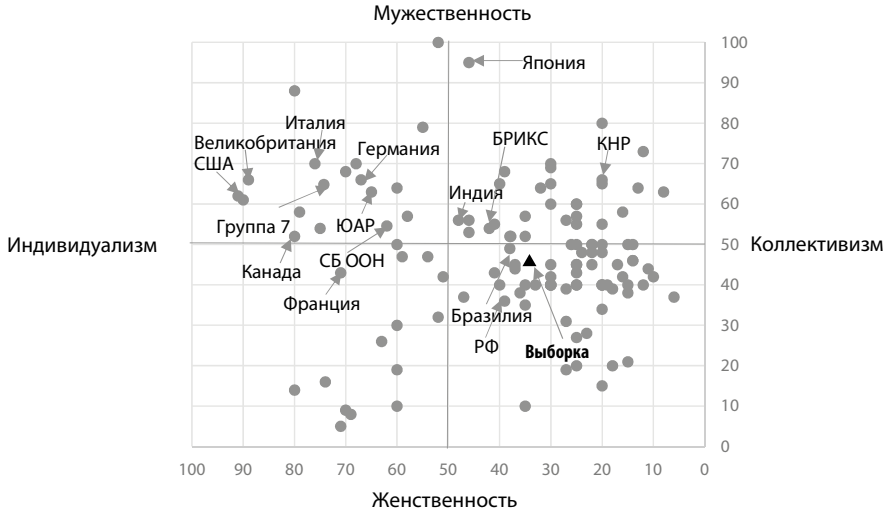

Рисунок 6. Распределение по осям индивидуализм/коллективизм и мужественность/женственность (n = 100)
Figure 6. Distribution diagram of states: individualism / collectivism vs masculinity / femininity (n = 100)

Источник: выполнено авторами на основе: Hofstede-Insights. – URL: https://www.hofstede-insights.com/ (дата обращения: 01.02.2022).

На рисунке 7 представлено распределение государств по осям индивидуализм/коллективизм и индульгенция (потворство своим желаниям) / сдержанность.

Рисунок показывает, что среди традиционных центров силы много индивидуалистических государств с высоким уровнем измерения «индульгенция (потворство своим желаниям)», другими словами, склонностью к самопрощению и эгоизму. Это англоязычные государства массовой иммиграции во главе с США, на рисунке они представлены в верхней части. Центры силы с высокой степенью коллективизма характеризуются высоким уровнем сдержанности. Такая дифференциация обусловлена различиями в уровне экономического развития и более высоким уровнем удовлетворения потребностей в иерархии А. Маслоу. Государства БРИКС являются репрезентативными с точки зрения всей выборки по сравнению с традиционными центрами силы – Группы семи. Интерпретация смыслового противопоставления «индульгенция/сдержанность» сходна графически с парой «долгосрочная/краткосрочная ориентация на будущее» (см. рисунок 4).

Общий анализ диаграмм позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, государства, которым свойственны – в разрезе культурных измерений Г. Хофстеде – индивидуализм, низкий уровень избегания рисков, краткосрочная ориентация на будущее, не могут построить в мировом масштабе стабильную систему. Построенная таким образом мировая система управления, имеющая в качестве главных бенефициаров государства с высоким культурным измерением

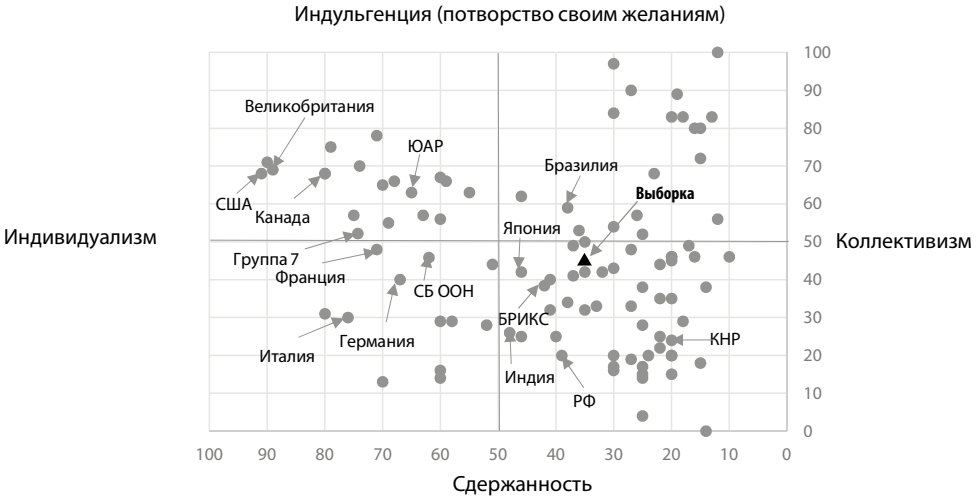

Рисунок 7. Распределение по осям индивидуализм/коллективизм и индульгенция / сдержанность (n = 100)
Figure 7. Distribution diagram of states: individualism / collectivism vs indulgence / restraint (n = 100)

Источник: выполнено авторами на основе: Hofstede-Insights. – URL: https://www.hofstede-insights.com/ (дата обращения: 01.02.2022).

индивидуализма, будет иметь колониалистический характер и конфликтогенный потенциал ввиду невозможности индивидуалистов принять инаковость коллективистов на равном с собой уровне, что дало бы шанс на инклюзивность мирового порядка.

Во-вторых, диаграммы демонстрируют, что государства Запада и по отдельности, и в рамках Группы семи не являются репрезентативными с точки зрения культурных измерений по Г. Хофстеде по отношению к большинству государств мира, что ставит под сомнение модернизацию государств Глобального Юга в логике западных моделей и требует пересмотра доктринальных установок в направлении совершенствования и дальнейшего развития корпуса незападных теорий международных отношений.

Во-третьих, исследование подтвердило, что модели восходящих центров силы неоднородны. Кроме общеизвестного Пекинского консенсуса, или «китайской экономической модели», соответствующих азиатским экономикам, трудоизбыточным и дефицитным с точки зрения природных ресурсов, авторами выявлено пространство Московского консенсуса для экономик с избытком природных ресурсов. Среди восходящих центров – государств БРИКС – к первому типу принадлежит также Индия, ко второму – Бразилия и ЮАР.

В-четвертых, исследование позволяет сделать вывод о том, что такая неоднородность внутри БРИКС является ее преимуществом, так как делает объединение более репрезентативным с точки зрения культурных измерений по Г. Хофстеде по отношению к большинству государств мира, отмеченных на диаграммах немаркированными точками.

Всё изложенное ранее говорит о том, что с большей вероятностью на смену текущему переходному этапу беспорядка (*disorder*) придет многополярная, а не биполярная архитектура мирового порядка (*order*), с учетом успешных моделей государств БРИКС. Многополярность архитектуры мирового порядка заложена в логике развития международных отношений в русле использования интерпретационного потенциала типологии культурных измерений Г. Хофстеде в анализе эволюции мирового порядка.

В то же время использование типологии культурных измерений Г. Хофстеде имеет ряд дискуссионных моментов. Изначально теория опирается на гипотезу о том, что более успешные бизнес-отношения будут реализованы между государствами со сходными параметрами дистанции власти, индивидуализма/коллективизма, избегания неопределенности, мужественности/женственности, краткосрочной/долгосрочной ориентации на будущее, индульгенции/сдержанности, которую авторы экстраполируют на международные отношения. Представляется, что в западную парадигму мышления, к которой принадлежит типология Г. Хофстеде, заложено построение международных отношений на основе культурно-ценностной однородности. Таким образом, теория Г. Хофстеде соответствует позиции С. Хантингтона, который выделил в качестве ключевой черты будущего мирового порядка столкновение цивилизаций, не оставляя вариантов для «мирной» многополярности, обозначив, что позиция Запада подразумевает конфликтогенность, в том числе из-за неспособности индивидуалистов сохранять долгосрочные отношения с коллективистами. В то же время культурно-ценностная неоднородность – основная гипотеза многополярной архитектуры мирового порядка.

Заключение

Ценностные установки и национальные стереотипы поведения являются гуманитарной составляющей международных отношений, связанной с институциональным взаимодействием. Понимание линий сопряжения ценностей и конфликтов между ними является актуальным направлением исследований в условиях текущего мирового (геополитического) беспорядка и сворачивания глобализационного вектора развития международных отношений.

Культурные измерения Г. Хофстеде, изначально предложенные в рамках кросс-культурного менеджмента и апробированные в рамках обеспечения эффективного функционирования международных коллективов, впервые применены для анализа международных отношений и взаимодействия центров силы, формирующих архитектуру мирового порядка.

Применение методологического аппарата культурных измерений показало значительный интерпретационный потенциал и позволило наглядно выявить кооперационные и конфликтные аспекты расстановки сил, в первую очередь центров силы в системе международных отношений. Это объясняется тем, что культурные измерения, среди которых дистанция власти, избегание неопределенности, дихотомические пары индивидуализм/коллективизм, мужественность/женственность, долгосрочная/краткосрочная ориентация, индульгенция/сдержанность, имплементируются во внешнюю политику и международные политические процессы через непосредственное взаимодействие людей.

Ключевые выводы статьи связаны с наглядной демонстрацией несоответствия культурных измерений традиционных центров силы (бенефициаров

уходящего мирового порядка) не только установкам восходящих центров силы, но и низким уровнем их репрезентативности по отношению к анализируемой выборке государств мира. Напротив, государства БРИКС по большинству параметров (исключение составляют параметры мужественности и горизонта планирования) являются репрезентативными по отношению к мировому сообществу. Это состояние достигается за счет неоднородности политико-экономических моделей лидеров Глобального Юга: среди них есть как государства с развитой ресурсной базой, так и государства, построившие свое благополучие на развитии трудоемких отраслей, трансформировавшееся позднее в промышленно и инновационно ориентированные экономики. Эта репрезентативность, по мнению авторов, свидетельствует о том, что следующая архитектура мирового порядка будет многополярной.

Исследования могут продолжаться в направлении вовлечения в теорию международных отношений других методик, связанных с оценкой культурных измерений, в первую очередь тех, которые позволяют увидеть процессы культурной эволюции в динамике.

Список литературы

Ачария А. Роль «Глобального Юга» в мультиплексном мире. Интервью с профессором Амитавом Ачарией, Американский университет, США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Международные отношения. – 2018. – Т. 18, № 3. – С. 701–705.

Богатуров А.Д. Кризис миросистемного регулирования // Международная жизнь. – 1993. – № 7. – С. 30–40.

Богатуров А.Д. Международный порядок в наступившем веке // Международные процессы. – 2003. – Т. 1, № 1. – С. 6–23.

Воскресенский А.Д. Новая мировая архитектоника, макрорегиональные трансформации потенциально глобального характера и значение китайского опыта // Сравнительная политика. – 2021. – Т. 12, № 3. – С. 5–20.

Горбунова, М.Л., Комаров И.Д. Ведущие центры силы в обеспечении безопасности неустойчивых государств мира // Сравнительная политика. 2020. – Т. 11, № 3. – С. 57–74.

Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США – КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Международные отношения. – Т. 21. № 2. – С. 210–231.

Ревизорский М. «Группа семи/восьми» – «Группа двадцати» – БРИКС: новая триада в глобальном управлении? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2015. – Т. 10, № 4. – С. 29–48.

РФ – КНР: Декларация о многополярном мире // Консорциум «Кодекс». Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – 1997. – URL: https://docs.cntd.ru/document/1902155 (дата обращения: 20.03.2022).

Чернега В.Н. «Геополитический беспорядок» в мире и Россия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 6–22.

Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12, № 3. – С. 6–29.

Шаклеина Т.А. Новый этап в формировании мирового порядка // Международные процессы. – 2021. – Т. 19, № 3 (66). – С. 6–21.

Acemoglu D., Robinson, J.A. Why Nations Fail. – New York : Crown Business, 2012. – 544 p.

Acharya A. The End of American World Order. – Cambridge : Polity Press, 2014. – 96 p.

A Reconsideration of Hofstede's Fifth Dimension: New Flexibility Versus Monumentalism Data From 54 Countries / Minkov M., Michael H., Bond M.H., Dutt P., Schachner M., Morales O., Sanchez C., Jandosova J., Khassenbekov Y., Mudd B. // Cross-Cultural Research. – 2018. – Vol. 52, N 3. – P. 309–333. – DOI: 10.1177/1069397117727488.

Bacevich A.J. Twilight of the American Century. – Notre Dame (Indiana) : University of Notre Dame Press, 2018. – 504 p.

Bhambra G.K. Colonial global economy: towards a theoretical reorientation of political economy // Review of International Political Economy. – 2020. – Vol. 28, N 2. – P. 1–16. – DOI: 10.1080/09692290.2020.1830831.

Browaeys M.-J. Understanding Cross-Cultural Management. – 4th Edition. – London : Pearson Education Limited, 2019. – 410 p.

Degterev D.A. Multipolar World Order: Old Myths and New Realities // Вестник РУДН. Международные отношения = Vestnik RUDN. International Relations. – 2019. – Т. 19, № 3. – С. 404–419.

Fukuyama F. The End of History and the Last Man. – New York : Free Press, 1992. – 418 p.

Fukuyama F. Identity: The Demand for Dignity and the Political of Resentment. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 2018. – 240 p.

Haas R.A. World in Disarray: A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order. – London : Penguine Press, 2017. – 352 p.

Hansen B. The Unipolar World Order and its Dynamics // The New World Order. Contrasting Theories / Ed. by B. Hansen, B. Heurlin. – London : Palgrave Macmillan, 2000. – P. 112–133.

Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and organizations: Software of the mind. Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival. – London : McGrow-Hill, 2010. – 576 p.

Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New York : Simon and Schuster, 1996. – 368 p.

Ikenberry G.J. The Illusion of Geopolitics: The Enduring Power of the Liberal Order // Foreign Affairs. – 2014. – Vol. 93, N 3. – P. 80–90. – URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2014-04-17/illusion-geopolitics (дата обращения: 16.06.2022).

Karagiannis N., Cherikh M., Elsner W. Growth and Development of China: A Developmental State "With Chinese Characteristics" // Forum for Social Economics. – 2020. – Vol. 53, N 1. – P. 1–19. – DOI: 10.1080/07360932.2020.1747515.

Khanna P. The Second World: How Emerging Powers Are Redefining Global Competition in the Twenty-First Century. – New York : Random House, 2010. – 496 p.

Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. – 1991. – Vol. 70, N 1. – P. 23–33. – URL: https://users.metu.edu.tr/utuba/Krauthammer.pdf (дата обращения: 16.06.2022).

Lieber R.J. The Rise of the BRICS and American Primacy // International Politics. – 2014. – Vol. 51, N 2. – P. 137–54. – URL: https://link.springer.com/article/10.1057/ip.2014.1 (дата обращения: 16.06.2022).

Mearsheimer J.J. The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. – New Haven, CT : Yale University Press, 2018. – 328 p.

Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics. – New York : Norton, 2001. – 592 p.

Mielniczuk F. BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests // Third World Quarterly. – 2013. – Vol. 34, N 5. – P. 1075–1090. – DOI: 10.1080/01436597.2013.802506.

Minkov M., Welzel C., Schachner M. Cultural Evolution Shifts the Source of Happiness from Religion to Subjective Freedom // Journal of Happiness Studies. – 2020. – Vol. 21, N 8. – P. 2873–2888. – DOI: 10.1007/s10902-019-00203-w.

Morgenthau H. Politics among Nations. – New York : Knopf, 1948. – 489 p.

Nye J.S. Jr. Do Morals Matter? Presidents and Foreign Policy from FDR to Trump. – New York : Oxford University Press, 2020. – 272 p.

Nye J.S. Jr. Is the American Century Over? (Global Futures). – 1st Edition. – Cambridge : Polity, 2015. – 282 p.

Organski A.F.K. World Politics. – New York : Alfred A. Knopf, 1958. – 461 p.

Petito F. Dialogue of Civilizations in a Multipolar World: Toward a Multicivilizational Multiplex World Order // International Studies Review. – 2016. – Vol. 18, N 1. – P. 78–91. – URL: https://www.jstor.org/stable/24758339 (дата обращения: 16.06.2022).

Power Transition in Asia (2017). Ed. by D. Walton, E. Kavalski. London : Routledge, 240 pp. – DOI: 10.4324/9781315601830.

Power Transitions: Strategies for the 21st Century / Tammen R.L., Kugler J., Lemke D., Stam III A.C., Abdollahian M., Alsharabati C., Efird B., Organski A.F.K. – 1st Edition. – London : Seven Bridges Press, LLC / Chatham House, 2000. – 244 p.

Reich S., Lebow R.N. Good-Bye Hegemony! Power and Influence in the Global System. – Princeton : Princeton University Press, 2014. – 208 p.

Rosencrance R. The Rise of the Trading State. Commerce and Conquest in the Modern World. – New York : Basic Books, 1986. – 268 p.

Stubbs R. Order and Contestation in the Asia-Pacific Region: Liberal vs Developmental/Non-interventionist Approaches // The International Spectator. – 2018. – Vol. 53, N 1. – P. 138–151. – DOI: 10.1080/03932729.2018.1402581.

Stuenkel O. The G7 and BRICS in the Post-Crimea World Order // Russia in Global Affairs. – 2015. – Vol. 13, N 2. – P. 128–138. – URL: https://eng.globalaffairs.ru/articles/the-g7-and-brics-in-the-post-crimea-world-order/ (дата обращения: 16.06.2022).

Thakur R. How Representative are BRICS? // Third World Quarterly. – 2014. – Vol. 35, N 10. – P. 1791–1808. – DOI: 10.1080/01436597.2014.971594.

Power Transition in Asia / Ed. by D. Walton, E. Kavalski. – London : Routledge, 2017. – 240 p.

Xuetong Y. For a New Bipolarity: China and Russia vs. America // New Perspectives Quarterly. – 2013. – Vol. 30, N 2. – P. 12–15. – DOI: 10.1111/npqu.11366.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.01

World Order Architecture and G. Hofstede's Cultural Dimensions

Igor D. KOMAROV
PhD in History, Deputy Director and Manager of Information and Analytical Department, Institute of International Relations and World History
Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod
Gagarin Avenue, 23, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603022
E-mail: igor.komarof@gmail.com, komarov@imomi.unn.ru
ORCID: 0000-0002-0348-0471

Maria L. GORBUNOVA
DSc in Economics, Associated Professor, Chief of the Chair of World Economy and Customs, Institute of Economy and Entrepreneurship
Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod
Gagarin Avenue, 23, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603022
E-mail: gorbunova@iee.unn.ru
ORCID: 0000-0003-2733-568X

CITATION: Komarov I.D., Gorbunova M.L. (2022). World Order Architecture and G. Hofstede's Cultural Dimensions. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 5, pp. 6–28 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.01

Received: 25.04.2022.
Revised: 08.08.2022.

ABSTRACT. *The article represents an attempt to apply G. Hofstede's typology of cultural dimensions to analyze international relations in a constructivist view. The study sheds light on competing and cooperating interaction of traditional and rising powers. The methodology implies to implement the list of cultural variables such as power distance, individualism/collectivism, uncertainty avoidance, masculinity/femininity, short-term/long-term orientation, indulgence/restraint to map the position of states with a focus on great powers.*

The constructed diagrams made it possible to reveal the differentiation of cultural dimensions that characterize traditional and rising powers. This differentiation is one of the factors that may contribute to the increase in the potential conflict in the international relations at present. The overall cultural representativeness of the Global North leaders, i.e. traditional powers, is lower than that of the representatives of the Global South leaders, i.e. rising powers. The results of the study generate the conclusion that the current disorder as transitional stage of the international relations is more likely to be replaced by a multipolar rather than a bipolar world order architecture.

KEYWORDS: *world order architecture, great powers, traditional powers, rising powers, geopolitical tensions, G. Hofstede's cultural dimensions, values and international relations*.

References

Acemoglu D., Robinson J.A. (2012). *Why Nations Fail*. New York : Crown Business, 544 pp.

Acharya A. (2014). *The End of American World Order*. Cambridge : Polity Press, 96 pp.

Acharya A. (2018). The role of the "Global South" in the multiplex world. Interview with Professor Amitav Acharya, American University, USA. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 18, no. 3, pp. 701–705 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-701-705.

A Reconsideration of Hofstede's Fifth Dimension: New Flexibility Versus Monumentalism Data From 54 Countries (2018). Minkov M., Bond M.H., Dutt P., Schachner M., Morales O., Sanchez C., Jandosova J., Khassenbekov Y., Mudd B. *Cross-Cultural Research*, vol. 52, no. 3, pp. 309–333. DOI: 10.1177/1069397117727488.

Bacevich A.J. (2018). *Twilight of the American Centur*y. Notre Dame (Indiana) : University of Notre Dame Press, 504 pp.

Bhambra G.K. (2020). Colonial global economy: towards a theoretical reorientation of political economy. *Review of International Political Economy*, vol. 28, no. 2, pp. 1–16. DOI:10.1080/09692290.2020.1830831.

Bogaturov A.D. (1993). Crisis of world system regulation. *International Affairs*, no. 7, pp. 30–40 (in Russian).

Bogaturov A.D. (2003). International order in the coming century. *International Trends*, vol. 1, no. 1, pp. 6-23 (in Russian).

Browaeys M.-J. (2019). *Understanding Cross-Cultural Management*. 4th Edition. London : Pearson Education Limited, 410 pp.

Chernega V.N. (2021). "Geopolitical disorder" in the world and Russia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no. 3, pp. 6–22 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-1.

Degterev D.A. (2019). Multipolar World Order: Old Myths and New Realities. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 19, no. 3, pp. 404–419. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419.

Degterev D.A., Ramich M.S., Tsvyk A.V. (2021). U.S. – China: "Power Transition" and the Outlines of "Conflict Bipolarity", *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 21, no. 2, pp. 210–231 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231

Fituni L.L. (2019). Towards a New-bipolar Model of the New World Order: Scouting Game in Africa. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 3, pp. 6–29 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29.

Fukuyama F. (1992). *The End of History and the Last Man*. New York : Free Press, 418 pp.

Fukuyama F. (2018). *Identity: The Demand for Dignity and the Political of Resentment*. New York : Farrar, Straus and Giroux, 240 pp.

Gorbunova M.L., Komarov I.D. (2020). Leading Traditional and Rising Powers as Security Providers in the World Most Fragile States. *Comparative Politics Russia,* vol. 11, no. 3, pp. 57–74 (in Russian). DOI 10.24411/2221-3279-2020-10036.

Haas R.A. (2017). *World in Disarray: A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order*. London : Penguine Press, 352 pp.

Hansen B. (2000). The Unipolar World Order and its Dynamics. In: Hansen B., Heurlin B. (eds.). *The New World Order. Contrasting Theories*. London : Palgrave

Macmillan, pp. 112–133. DOI: 10.1057/97814039.

Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. (2010). *Cultures and organizations: Software of the mind. Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival*. London : McGrow-Hill, 576 pp.

Huntington S. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York : Simon and Schuster, 368 pp.

Ikenberry G.J. (2014). The Illusion of Geopolitics: The Enduring Power of the Liberal Order. *Foreign Affairs*, vol. 93, no. 3, pp. 80–90. Available at: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2014-04-17/illusion-geopolitics, accessed 16.06.2022.

Karagiannis N., Cherikh M., Elsner W. (2020). Growth and Development of China: A Developmental State "With Chinese Characteristics." *Forum for Social Economics*, vol. 53, no. 1, pp. 1–19. DOI: 10.1080/07360932.2020.1747515.

Khanna P. (2010). *The Second World: How Emerging Powers Are Redefining Global Competition in the Twenty-First Century*. New York : Random House, 496 pp.

Krauthammer Ch. (1991). The Unipolar Moment. *Foreign Affairs*, vol. 70, no. 1, pp. 23–33. Available at: https://users.metu.edu.tr/utuba/Krauthammer.pdf, accessed 16.06.2022.

Lieber R.J. (2014). The Rise of the BRICS and American Primacy. *International Politics*, vol. 51, no. 2, pp. 137–54. DOI: 10.1057/ip.2014.1.

Mearsheimer J.J. (2001). *The Tragedy of Great Power Politics*. New York : Norton, 592 pp.

Mearsheimer J.J. (2018). *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven, CT : Yale University Press, 328 p.

Mielniczuk F. (2013). BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests. *Third World Quarterly*, vol. 34, no. 5, pp. 1075–1090. DOI: 10.1080/01436597.2013.802506.

Minkov M., Welzel C., Schachner M. (2020). Cultural Evolution Shifts the Source of Happiness from Religion to Subjective Freedom. *Journal of Happiness Studies*, vol. 21, no. 8, pp. 2873–2888. DOI: 10.1007/s10902-019-00203-w.

Morgenthau H. (1948). *Politics among Nations*. New York : Knopf, 489 pp.

Nye J.S. Jr. (2015). *Is the American Century Over? (Global Futures)*. 1st Edition. Cambridge : Polity, 282 pp.

Nye J.S. Jr. (2020). *Do Morals Matter? Presidents and Foreign Policy from FDR to Trump*. New York : Oxford University Press, 272 pp.

Organski A.F.K. (1958). *World Politics*. New York : Alfred A. Knopf, 461 pp.

Petito F. (2016). Dialogue of Civilizations in a Multipolar World: Toward a Multicivilizational Multiplex World Order. *International Studies Review*, vol. 18, no. 1, pp. 78–91. DOI: 10.1093/isr/viv030.

Power Transition in Asia (2017). Ed. by D. Walton, E. Kavalski. London : Routledge, 240 pp. DOI: 10.4324/9781315601830.

Power Transitions: Strategies for the 21st Century (2000). Tammen R.L. [et al.] 1st edition. London : Seven Bridges Press, LLC / Chatham House, 244 pp.

Reich S., Lebow R.N. (2014). *Good-Bye Hegemony! Power and Influence in the Global System*. Princeton: Princeton University Press, 208 pp.

Revizorsky M. (2015). G7/8 – G20 – BRICS: a new triad in global governance? *Bulletin of international organizations: education, science, new economy*, vol. 10, no. 4, pp. 29–48 (in Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2015-04-29.

RF-PRC (1997). Declaration on a Multipolar World. *Codex Consortium. Electronic fund of legal and regulatory documents* (in Russian). Available at: https://docs.cntd.ru/document/1902155, accessed 16.06.2022.

Rosencrance R. (1986). *The Rise of the Trading State. Commerce and Conquest*

in the Modern World. New York : Basic Books, 268 pp.

Shakleina T.A. (2021). A new stage in the formation of the world order. *International processes*, vol. 19, no. 3 (66), pp. 6–21 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2021.19.3.66.6.

Singh J.P. (2020). Race, culture, and economics: an example from North-South trade relations. *Review of International Political Economy*, vol. 28, no. 2, pp. 1–13. DOI: 10.1080/09692290.2020.1771612.

Stubbs R. (2018). Order and Contestation in the Asia-Pacific Region: Liberal vs Developmental/Non-interventionist Approaches. *The International Spectator*, vol. 53, no. 1, pp. 138–151. DOI: 10.1080/03932729.2018.1402581.

Stuenkel O. (2015). The G7 and BRICS in the Post-Crimea World Order. *Russia in Global Affairs*, vol. 13, no. 2, pp. 128–138. Available at: https://eng.globalaffairs.ru/articles/the-g7-and-brics-in-the-post-crimea-world-order/, accessed 16.06.2022.

Thakur R. (2014). How Representative are BRICS? *Third World Quarterly*, vol. 35, no. 10, pp. 1791–1808. DOI: 10.1080/01436597.2014.971594.

Voskressenski A.D. (2021). New world architectonics, macro-regional transformations of a potentially global nature and the significance of the Chinese experience. *Comparative Politics Russia*, vol. 12, no. 3, pp. 5–20 (in Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10024.

Xuetong Y. (2013). For a New Bipolarity: China and Russia vs. America. *New Perspectives Quarterly*, vol. 30, no. 2, pp. 12–15. DOI: 10.1111/npqu.11366.

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.02

Методы анализа стратегических культур

Василий Клавдиевич БЕЛОЗЁРОВ
доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии
ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»,
Остоженка ул., д. 38, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 119034;
ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов»
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»
ул. Минина, 31 а, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, 603155
E-mail: vk_belozerov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4875-5878

ЦИТИРОВАНИЕ: Белозёров В.К. Методы анализа стратегических культур // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 29–49.
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.02

Статья поступила в редакцию 25.04.2022.
Исправленный текст представлен 09.08.2022.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБОУ ВО МГЛУ (тема № FSFU-2020-0020).

АННОТАЦИЯ. *Статья имеет целью раскрытие содержания понятия «стратегическая культура», которое обладает значительным познавательным потенциалом для изучения политического курса основных игроков современного мира. В современной России исследование данного феномена отличается противоречивостью и многозначностью, что имеет дезориентирующие последствия и затрудняет использование понятия для идентификации политических явлений и процессов. Ситуация осложняется и отсутствием ясности о том, что такое политическая стратегия. В статье дается авторское видение стратегии и раскрывается, каким образом происходит детерминация стратегической культуры историческим прошлым нации, в том числе ее военным опытом. Поэтому посредством понятия «стратегическая культура» обозначается зависимость политического поведения субъекта от восприятия им своей безопасности. Такое восприятие во многом детерминировано историческим опытом применения военной силы и отношения к ней. Поэтому на практике стратегическая культура выражается в предпочтениях при выборе способов и средств реагирования субъекта на изменения в окружающей среде.*

Осмысление конкретной стратегической культуры осложняется тем, что, реально существуя и будучи недостаточно изученной и объясненной, она может восприниматься как иррациональный феномен. Понимание стратегической культуры требует

восприятия ценностных смыслов, символов и мотивов политических игроков, что обусловливает повышенные требования к выбору методологии и методов исследования. Изучение стратегической культуры и связанных с ней феноменов предполагает комплексное использование прикладных и конкретных методов. Среди них следует выделить дискурс-анализ и контент-анализ, кросс-культурный, семантический и семиотический анализ, изучение документов, анализ результатов деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *стратегия, культура, стратегическая культура, понятие, военный опыт, методология, методы анализа, конструктивизм.*

Современный мировой политический процесс характеризуется резким обострением конфронтации. Существующее состояние правомерно рассматривать как результат столкновения проектов и моделей развития, в основе которых лежат разные системы ценностей. Свое видение состояния и направленности мирового развития и декларацию мотивов и намерений Россия изложила в 2021 г. в Стратегии национальной безопасности, манифестируя стремление к формированию ценностно-ориентированной и долгосрочной программы действий. При этом в названиях официальных документов в России и за рубежом всё чаще используется слово «стратегия», что, помимо прочего, указывает на устремленность в будущее.

Научная мысль, реагируя на происходящее, сосредоточивается на выявлении и осмыслении детерминантов мирового развития, имеющих долгосрочный и устойчивый характер. Внимание исследователей фокусируется и на установлении связи между ценностными ориентациями, стереотипами, образом мышления игроков, представленных на мировой арене, и содержанием, направленностью и перспективами проводимого ими политического курса [*Горбачёв*, 2020; *Ракитянский*, 2020].

Охарактеризовать и раскрыть указанную связь позволяет понятие «стратегическая культура». Внимание к этому феномену активизировалось за рубежом, в ряде стран констатируется ренессанс в исследовании стратегической культуры. Вместе с тем в настоящее время отсутствует консолидированное и непротиворечивое представление о сущности и содержании понятия «стратегическая культура», что создает трудности для его применения, анализа и прогнозирования развития политических процессов.

Общая оценка состояния исследований

Пальма первенства во введении понятия в научный оборот и в политический дискурс принадлежит американскому исследователю Дж. Снайдеру. В конце 70-х годов XX в. он впервые употребил его для сравнения и объяснения особенностей формировании и реализации ядерных стратегий СССР и США. С позиций сегодняшнего дня такой подход представляется, пожалуй, зауженным. Вместе с тем Дж. Снайдер дал жизнь понятию, которое следует признать удачным и эвристичным. В дальнейшем появились исследования, расширившие диапазон его применения для обозначения политических феноменов. Чтобы избежать пересказа сложившихся подходов к исследованию стратегической культуры и их генезиса, можно рекомендовать обратиться к работам российских авторов, в которых представлен качественный обзор концепции стратегической

культуры и ее эволюции [*Алексеева*, 2012; *Ожиганов*, 2012].

В нашей стране обращение к проблематике стратегической культуры состоялось относительно недавно, в пределах двух прошедших десятилетий [*Алексеева,* 2012; *Иванов*, 2007; *Михайленок*, 2015; *Ожиганов,* 2012; *Рыхтик,* 2003]. Вместе с тем существующие исследования данного феномена нельзя назвать целостными и системными. Имеющиеся работы в большинстве своем связаны с познанием важных, но одновременно частных сюжетов; в силу этого и других обстоятельств проводимые исследования не лишены фрагментарности и дискретности. Также следует констатировать, что в профильной отечественной литературе представлено явно недостаточно системных исследований стратегических культур крупных политических игроков современного мира, их сопоставлений и сравнений [*Иванов*, 2007; *Кожухова*, 2021; *Ухорская, Кожухова, Кирилина,* 2021; *Ухорская*, 2021].

Имеется и немало определений стратегической культуры, в том числе существенно различающихся между собой. Обратим внимание на позицию А.А. Кокошина, который полагает, что данный феномен выражается в особом, присущем конкретной стране и народу, характере поведения вооруженных сил, в способах использования военной силы. Под стратегической культурой он понимает «совокупность стереотипов устойчивого поведения соответствующего субъекта при масштабном по своим политическим задачам и военным целям применении военной силы, в том числе при подготовке, принятии и реализации стратегических решений. Стратегическая культура является атрибутом не только вооруженных сил или даже государственной машины, а всего народа в целом. Стратегическая культура – это долговременный, весьма инерционный социо-психологический феномен» [*Кокошин*, 2018, с. 161]. Исследователь обращает особое внимание на наличие германской (существовавшей, по его мнению, в 1860–1945 гг.), китайской, англосаксонской, российской, израильской стратегических культур и указывает на их существенные различия.

Определение содержания стратегической культуры и ее дефинирование в известной степени осложняются вследствие использования в научном дискурсе ряда близких понятий, в результате чего рождаются различные смысловые конфигурации. Необходимо, в частности, отметить следующее.

Некоторыми авторами стратегическая культура практически отождествляется с военной сферой социально-политической действительности. Такой позиции придерживается французский автор Бруно Кольсон [*Colson*, 1992]. Понятием «культура военной безопасности» оперирует в своих трудах российский исследователь С.А. Вершилов [*Вершилов*, 2010]. Состоялась и концептуализация феномена военной культуры. Профессор С.Н. Климов понимает ее в двух ипостасях: в предельно широком плане – как качественную характеристику бытия военной сферы жизнедеятельности, степень совершенства ее развития как системы в совокупности материальной и духовной составляющих; в узком смысле – как часть культуры, специфический способ деятельности государства и его вооруженных сил, проявляющийся в военной сфере в соответствии с определенной системой ценностей [*Климов*, 2001, с. 25]. Дискуссии относительно содержания понятия «военная культура», его места среди других понятий в современной России продолжаются [*Данильченко, Гришина*, 2022; *Климов, Семаева*, 2018]. При всех различиях в сложившихся подходах

детерминация военной культуры обстоятельствами исторического характера сомнению не подвергается.

В современной России введено в научный оборот и понятие геополитической культуры [*Терновая*, 2021; *Шубина,* 2006]. Посредством его характеризуется система исторически сложившихся в конкретной стране устойчивых убеждений, представлений, традиций, ценностей и установок относительно международных отношений, мировой политики, геополитической картины мира, геополитической ситуации, геополитического статуса и угроз безопасности.

Заслуживают внимания проводимые в России исследования в области стратегической психологии [Стратегическая психология …, 2006]. Важными здесь видятся результаты осмысления поведения народных масс и элиты общества в период таких национальных катастроф, как крушение Российской империи и Советского Союза. Проведенный с позиций стратегической психологии анализ этих социальных катаклизмов позволил исследователям заключить, что «… в критических ситуациях политическим поведением людей управляет не сознание, а менталитет» [*Ракитянский*, 2020, с. 12]. То есть речь идет о ценностных ориентациях и установках, приобретение которых социумами происходило в течение жизни многих поколений.

Следствием сложившегося в практике научных исследований обращения к понятиям «культура» и «стратегия» является возникновение их синтеза и (или) их использование в связке с другими.

Рамки же исследования стратегической культуры еще определяются. Так, ознакомление с профильной зарубежной литературой показывает, что происходит дифференциация понятия. В частности, речь идет уже не о больших социальных образованиях, таких как народы, государства, нации, а о стратегической культуре политических партий и иных групп того или иного общества [Strategische Kultur als… 2019, с. 117–139]. То есть в данном случае дифференциация и классификация достигнет предела, если дойдет до отдельной личности, что будет свидетельствовать о полной атомизации стратегической культуры. Отсюда правомерен вопрос о выделении и уточнении социально-политических феноменов, для обозначения которых используется этот термин.

Пока же в ряде случаев складывается дезориентирующая ситуация, и возникает запутанный лабиринт, выбраться из которого человеку, стремящемуся добраться до сути дела, может оказаться весьма непросто. В сложившихся условиях довольно затруднительно ухватить смысл стратегической культуры и четко очертить явления и процессы, подпадающие под ее определение и относящиеся именно к ней.

Отсюда возникает необходимость преодоления сложившейся в связи со стратегической культурой понятийной неопределенности. При этом хорошо известна истина, что «теоретик не может сделать больше, нежели сохранение понятий и называние вещей своими именами» [*Шмитт*, 2007, с. 144]. Как и в любой другой системе научного знания, в политологии совокупность понятий представляет собой основу ее познавательного инструментария и обеспечивает проникновение в смысл политических явлений. Здесь будет уместно привести следующую метафору. Во второй – историософской – части эпилога романа «Война и мир» содержится характерное суждение Л.Н. Толстого, позволяющее оценить инструментальный смысл научных понятий: «Понятие это есть единственная ручка, посредством которой

можно владеть материалом истории… и тот, кто отломил бы эту ручку… только лишил бы себя последней возможности обращаться с ним» [*Толстой*, 1983b, с. 735]. Обращает на себя внимание то, что великий писатель, хорошо владевший немецким языком, воспользовался своими познаниями, чтобы обыграть общий корень слов *Begriff* (понятие) и *Griff* (ручка).

Ввиду существующего множества определений культуры при осмыслении стратегической культуры целесообразным представляется сосредоточиться на другой составляющей словосочетания, на стратегии. Если ухватить ее смысл, то появится возможность выяснить, что представляет собой стратегическая культура как явление и понятие, выступающее как синтетическое двухкомпонентное образование.

О содержании понятия «стратегия»

И здесь сразу приходится столкнуться с рядом пока безответных вопросов. Как ни удивительно, но общепринятой точки зрения на то, что такое стратегия, по сей день не существует. Не прибавляют ясности и постоянно появляющиеся научные труды, государственные документы и публицистические произведения, в названиях которых употребляются слово «стратегия» и производные от него.

На некоторые вопросы можно получить ответ, обратившись к возникновению и исторической эволюции понятия «стратегия», пусть даже в виде самого общего обзора. Общеизвестно, что этимология стратегии обнаруживается в военной сфере социальной действительности, имеется множество трудов с одноименным названием, в том числе тех, которые стали классическими. Причем необходимо учитывать, что речь может идти о стратегии как о практической деятельности, так и о науке. Непонимание необходимости такого различения уже способно привести к путанице.

Как самостоятельная наука стратегия стала утверждаться в Европе в последней четверти XVIII в., откуда вскоре проникла и в Россию. Интересно, что у героев романа «Война и мир» в преддверии «грозы двенадцатого года» стратегия привлекает интерес именно в статусе новой науки[1].

Вместе с тем в отношении содержания стратегии длительное время не было ясности. По крайней мере, в течение нескольких десятилетий зарубежные авторы воздерживались от характеристики содержания стратегии. Отечественный военный мыслитель А.А. Свечин, стремясь разобраться со сложившимся в середине XIX в. положением дел, обратил внимание на то, что «…самое слово “стратег”, которое Клаузевиц применял по адресу лиц, злоупотреблявших терминологией, получило в его устах обидное значение, близкое к понятию шарлатана. Ближайшие за Клаузевицем поколения писателей даже опасались ставить слово “стратегия” в заглавиях своих трудов» [*Свечин*, 1935, с. 220].

В дальнейшем, в канун Первой мировой войны, в России появились работы критически мыслящих представителей офицерского корпуса, в которых

1 «– Бог тут ни при чем. Ну, рассказывай, – продолжал он, возвращаясь к своему любимому коньку, – как вас немцы с Бонапартом сражаться *по вашей новой науке, стратегией называемой*, научили» [Толстой, 1983a, с. 162].
«Вместо наступательной, глубоко обдуманной, по законам новой науки – стратегии, войны … единственная, почти недостижимая цель, представлявшаяся теперь Кутузову, состояла в том, чтобы, не погубив армии, подобно Маку под Ульмом, соединиться с войсками, шедшими из России» [*Толстой*, 1983a, с. 224]. *Курсив автора статьи.*

вводилось в оборот понятие «высшая стратегия». Посредством ее обозначался целеустремленный и долгосрочный политический курс государства, обосновывалась насущная необходимость его выработки и реализации для нашей страны [*Новицкий*, 1913; *Вандам*, 2002, с. 155–186]. В межвоенный период, приступив к осмыслению Первой мировой войны, передовые отечественные мыслители стали постепенно понимать, что стратегию неправомерно и недальновидно ограничивать только обращением со средствами вооруженной борьбы. Так, А.Е. Снесарев, рецензируя книгу А.А. Свечина «Стратегия», вышедшую в 1926 г., обратил внимание ее автора на то, что в ходе войны в периоды между военными операциями никакого затишья в борьбе не происходит, поскольку в это время «стратегия работает не мечом, а другими средствами, хотя бы и чужими – агитацией, сокрушением вражеской экономики, обгоном в воссоздании своих сил и т. п.» [*Свечин*, 2003а, с. 631].

Отсюда с неизбежностью вставал вопрос о государственной стратегии как многокомпонентном и одновременно целостном и внутренне согласованном явлении, включающем в себя и подготовку, и применение военной силы. Фактически сразу по окончании Второй мировой войны известный английский исследователь Б. Лиддел-Гарт стал характеризовать государственную политику как высшую, или большую, стратегию, которая предопределяет в том числе и направленность военной политики. Правда, он признавал всю сложность проблемы охвата большой стратегии. Так, поскольку Б. Лиддел-Гарт полагал, что большая стратегия вбирает в себя и определение послевоенного устройства страны и мира, то именно по этой причине, «в отличие от стратегии сущность большой стратегии большей частью является *terra incognita* и нуждается в дальнейшем изучении и развитии» [*Лиддел-Гарт*, 1999, с. 369].

Эволюция политической борьбы и ее восприятия привела к тому, что в послевоенный период стало утверждаться понимание стратегии прежде всего как политического, а затем уже как военного феномена. Во втором случае для уточнения нередко подчеркивают, что речь идет о военной стратегии.

Состоявшееся «вторжение» стратегии в сферу политики требует их очерчивания, выяснения их соотношения. При ознакомлении с каким-либо официальным документом или с научным произведением иной раз трудно уяснить, что имеется в виду, когда говорится о стратегии или о политике (равно как и о доктрине или же о концепции)[2]. Слово же «стратегия» прочно заняло свое место в политическом и научном дискурсе как в России, так и за ее пределами. Так, в нашей стране оно используется в названии главного доктринального документа в сфере национальной безопасности вот уже третий раз с 2009 г. (до этого в 1997 и 2000 гг. принимались концепции национальной безопасности). В Российской Федерации создана и система стратегического планирования: в 2014 г. принят соответствующий федеральный закон, а в 2021 г. государственная политика в сфере стратегического планирования

2 Доктрина – учение, научная или философская истина; концепция – система взглядов на что-нибудь, основная мысль чего-нибудь; стратегия – 1) наука о ведении войны, искусство ведения войны; 2) искусство руководства общественной, политической борьбой. См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. – Москва, 2004. – С. 218, 375, 1011.

де-юре утвердилась в качестве относительно самостоятельной[3].

Думается, что использование в приведенных случаях слова «стратегия» представляет собой декларацию намерения реагировать на развитие внутренних и международных процессов и отражает запрос общества, его элиты и государственного руководства на целеустремленный, долгосрочный, устойчивый, последовательный и прогнозируемый политический курс. Разработка и реализация такого курса требуют следования проектному подходу, что предполагает представление об удаленном будущем, его конструирование, причем достаточно предметное, индикативное. С учетом изложенного можно утверждать, что *стратегия в политике означает целенаправленную и долгосрочную программу действий, выстраиваемую для достижения конкретизированного результата*. В подтверждение приведенной позиции и важности наличия конкретизированного представления образа будущего, выступающего как путеводная звезда для развернутой программы действий, приведем мнение А.А. Свечина, полагавшего, что стратегия есть «определение результата, которого надо добиться. … Если управлять – это значит предвидеть, то в стратегии управлять означает предвидеть далеко вперед» [*Свечин*, 2003b, с. 19, 25]. При этом среди теоретиков стратегии как прошлого, так и настоящего есть и сторонники радикальной позиции, для которых цель (заданный результат) играет абсолютную, довлеющую роль по отношению к средствам ее достижения, вплоть до игнорирования имеющихся средств и ресурсов, а также деятельности, связанной с их созданием. К таким теоретикам следует отнести и прусского философа войны: «Создание средств, которыми ведется война, не интересует Клаузевица. Внутреннюю политику Клаузевиц ощущает в основном лишь как неизбежный накладной расход» [*Свечин*, 1935, с. 258].

Вместе с тем распространено и другое понимание стратегии. По мнению английского исследователя Л. Фридмана (и не только его), стратегия – это «наука о поддержании баланса между целями, способами и средствами; наука об определении целей, а также о ресурсах и методах для ее достижения» [*Фридман*, 2019, с. 9]. Вместе с тем правомерно поставить перед сторонниками приведенного понимания стратегии вопрос: чем же тогда стратегия будет отличаться, например, от менеджмента и логистики, которые также требуют согласования усилий во времени и в пространстве, соотнесения целей и средств? К тому же баланс между целями, средствами, ресурсами и т. д. востребован и предусматривается на всех уровнях управленческой деятельности, а не только на высшем.

Обращает на себя внимание и то, что относительно недавно стали появляться исследования, посвященные государственной стратегии [*Kovač, Marček*, 2013]. В этой связи конструктив подхода Л. Фридмана заключается в том, что в рамках государственной стратегии среди согласующихся между собой средств и ресурсов политики естественным образом оказывается предусмотренным и место для военной силы. Следовательно, при таком понимании военная стратегия выступает не только в качестве высшего уровня военного искусства, как это общепринято и сложилось исторически,

3 Указ Президента Российской Федерации от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации». – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244 (дата обращения: 28.08.2022).

но и в качестве неотъемлемого компонента государственной стратегии.

Одновременно отметим и то, что, как признает Л. Фридман, «концепция стратегии "использования всех доступных средств для достижения цели" возникла сравнительно недавно, но уже широко распространилась в военных кругах» [*Фридман*, 2019, с. 681]. Действительно, можно обнаружить достаточно подтверждений тому, что такая точка зрения получила распространение в военном сообществе. Вместе с тем ее принятие и полное утверждение способно привести к отказу от примата политики над военной сферой и, следовательно, к созданию условий для распространения идеологии и практики милитаризма, что уже неоднократно случалось в истории.

Обобщая обзор понятия стратегии в связи со стратегической культурой, ограничимся установлением следующего. Во-первых, использование в политическом дискурсе слова «стратегия» призвано подчеркнуть долгосрочную и целеустремленную, организованную деятельность. Во-вторых, при оценке использования прилагательного «стратегический» следует учитывать, что оно указывает на изначальную военную этимологию понятия «стратегическая культура». В-третьих, военное прошлое и военный опыт нации являются одним из значимых факторов ее стратегической культуры.

Таким образом, понятие «стратегическая культура» в функциональном и инструментальном смысле обозначает зависимость политического поведения (курса) субъекта от восприятия им своей безопасности и благополучия, которое в значительной степени детерминировано исторически сложившимся опытом применения военной силы и отношения к ней. Стратегическая культура находит свое выражение в способах реагирования субъекта на изменения в окружающей обстановке и в предпочтениях при выборе средств реагирования, детерминированных обстоятельствами исторической природы, сохраняет относительную стабильность и устойчивость перед обстоятельствами ситуативного характера.

Героические и военные нарративы как источник стратегических культур

Сложившееся состояние стратегической культуры той или иной нации является результатом комбинированного воздействия ряда факторов и условий в самом различном их сочетании. Американский исследователь Джеффри С. Лантис среди всей совокупности потенциальных источников стратегической культуры выделяет три группы [*Lantis*, 2009, с. 40]:

- физические: география, климат, природные ресурсы, связь поколений, технологическое развитие;
- политические: исторический опыт, политическая система, убеждения элиты, военная организация;
- социальные (культурные): мифы и символы, доминирующие тексты.

При этом общеизвестно, что формирование современных государств и наций в основном проходило в условиях борьбы с соперниками, подчас ожесточенной и жертвенной. Память о ней служит питательной почвой для рождения в массовом сознании ярких образов, моделей и образцов поведения. Поэтому, характеризуя ход и результаты нациестроительства, французский религиозный философ Эрнест Ренан имел необходимые основания для включения в понятие нации восприятия социумом пережитого им исторического опыта: «Героическое прошлое, великие люди, слава (но истинная), –

вот главный капитал, на котором основывается национальная идея» [*Ренан*, 1902, с. 100]. Отсылка к истинности минувших лет у Ренана представляется совершенно нелишней: славное прошлое должно быть достоверным, подтвержденным и убедительным для нации и ее окружения, истинность славного прошлого консолидирует нацию, поддерживает и укрепляет ее жизнеспособность из поколения в поколение.

В массовом сознании связь настоящего с прошлым поддерживается посредством как стихийно сложившихся, так и целенаправленно выстраиваемых механизмов в виде социализации и образования, существования таких политико-психологических феноменов, как историческая память, мифы, стереотипы, символы. Вместе с тем производство и воспроизводство в общественном сознании мифов и стереотипов «героического» характера зависит от множества факторов и не является гарантированным, постоянным, повторяющимся и неизбежным. Для поддержания их в требуемом состоянии в ряде случаев государством и обществом предпринимаются целенаправленные усилия. Они закрепляются в конституциях, других правовых актах; выстраивается определенным образом система образования и др.

В политическом сознании и в исторической памяти нации важное место занимает мифология, детерминированная их героическим прошлым. Как подытожил отечественный философ А.Ф. Лосев, «*миф не есть историческое событие как таковое, но он всегда есть с л о в о* . А в слове историческое событие возведено до степени самосознания. Этой установкой мы отвечаем на вторую из предложенных выше апорий (относительно формы проявления личности в мифе). Личность берется в мифе *исторически*, а из ее истории берется вся *словесная* стихия. Это и есть разъяснение того, как личность проявляет себя в мифе. Кратко: *миф есть в словах данная личностная история*» [*Лосев*, 2001, с. 171].

В формировании ряда наций мифология военно-героического характера сыграла особую роль, признаки ее обнаруживаются и в современности. Характерно, что о последствиях воздействия романа Л.Н. Толстого Карл Шмитт высказался следующим образом: «Его эпопея “Война и мир” содержит мифообразующей силы больше, чем любая политическая доктрина или любая документированная история» [*Шмитт*, 2007, с. 23]. Разумеется, обращение с мифами, укоренившимися в общественно-политической жизни, реально живущими и функционирующими, требует особых подходов и методов их изучения. Немецкий политолог Х. Мюнклер в своем исследовании, посвященном национальным мифам немцев, показывает, что мифы, соединяя прошлое и будущее, содержат установки для действий в настоящем. По его мнению, именно военное прошлое Германии обеспечило мифологически-нарративное насыщение сознания поколений немцев в течение всего XIX в. и первой половины XX в. [*Münkler*, 2009, с. 27–28]. Как в итоге установил исследователь, значительная часть национальной мифологии и исторической памяти немцев так или иначе детерминирована образами и символами, порожденными военной деятельностью минувшего и ее последствиями: Фридрих Барбаросса, нибелунги, Арминий и битва в Тевтобургском лесу, дисциплина и высокое самомнение, Пруссия, правление Фридриха II, прусская королева Луиза (1776–1810), освободительная война против Наполеона и национальный подъем, Железный крест, Нюрнберг, Дрезден и др.

При этом достаточно распространенными политико-психологическими

феноменами являются необоснованное возвеличивание и преувеличение представителями того или иного социума своих военных достижений, присущей им особой воинственности и т. д. Клаузевиц, признавая возможность существования таких фантомов, когда-то – с долей снисходительности и сарказма – отмечал, что способность к высокому наступательному порыву и к атаке «приписывают себе решительно все армии» [*Клаузевиц*, 1937, с. 64]. Фактически же прусский философ войны ставит вопрос о соответствии действительности распространенных в обществе предпочтений и ожиданий от действий своих войск, о соответствии реального поведения армии таким ожиданиям. Если соответствующие ожидания преувеличены, а в обществе, среди государственного и военного руководства господствуют настроения, которые принято называть «шапкозакидательскими», то в случае вооруженного столкновения с недооцененным противником последствия могут оказаться самыми разрушительными.

Военное прошлое, восприятие и осмысление опыта применения военной силы формируют и доктринальные установки. Отечественный военный мыслитель А.А. Свечин в работе «Национальные черты в военном искусстве» (1912–1913) показывает детерминацию не только тактических действий войск, но и военных доктрин ведущих европейских держав обстоятельствами исторического свойства, доказывая, что «национальный мотив в стратегии звучит еще громче, чем в тактике» (цит. по: [*Савинкин*, 1999, с. 152]).

В дальнейшем, находясь на службе в Красной Армии, А.А. Свечин приложил значительные усилия для обоснования необходимости понимания детерминации военных доктрин историческим прошлым в интересах обеспечения обороноспособности страны и повышения эффективности подготовки и использования военной силы. Он полагал необходимым исходить из того, что «доктрина – дочь истории. … Понять чью-либо доктрину – это позволяет глубоко проникнуть в мысль и отчасти предвидеть действие» (цит. по: [*Савинкин*, 1999, с. 201]). На признании необходимости восприятия и осмысления опыта прошлого выстраивалось и понимание им стратегии, поскольку всё ее содержание «представляет, по существу, размышление над военной историей» [*Свечин*, 2003b, с. 67]. На необходимость одухотворения доктрины закрепленными в сознании общества «живыми идеями» обратил внимание и представитель русской военной эмиграции Н.Н. Головин: «Военная доктрина, представляя собою ряд „живых идей“, не может быть создана одним только приказом или запрещением инако мыслить; в ее основе может лежать лишь убеждение» [Душа армии…, 1927. с. 25].

В связи с изложенным продуктивными представляются результаты исследований, показывающих зависимость военного искусства той или иной страны от особенностей ее сложившегося общественно-политического устройства. Один из известных примеров – многотомное исследование немецкого историка Г. Дельбрюка, в котором он ставил цель «разработать и выявить… связь между государственным устройством, тактикой и стратегией... Взаимодействие тактики и стратегии, с одной стороны, и государственного устройства и политики – с другой, проливает яркий свет на последовательное развитие всемирной истории и освещает много таких сторон, которые до того оставались в тени или неправильно понимались» [*Дельбрюк*, 1930, с. XLVI]. Традицию Дельбрюка, но уже применительно конкретно к России, продолжил современный австрийский

исследователь П. Ример, обратившийся к раскрытию диалектической взаимосвязи государственной идеи и военного дела в Советском Союзе и в постсоветской России [*Riemer*, 2021].

Итак, интересы получения объективного знания о той или иной стратегической культуре требуют обращения к историческому опыту применения изучаемым объектом военной силы и к восприятию им самим этого опыта. Для получения такого знания требуется комплексный подход, не стесненный рамками только военной науки. Характерно в этой связи, что практически 100 лет назад отечественный исследователь А.К. Топорков, признавая достижения военных мыслителей предшествующих периодов в вопросах изучения национальных особенностей и иных обстоятельств субъективной природы, всё же вынужден был констатировать: «Военные теоретики останавливаются там, где начинаются наиболее интересные проблемы» [*Топорков*, 1927, с. 107].

Методологические и методические проблемы анализа стратегических культур

Характеристика той или иной стратегической культуры предполагает разработку достоверной объяснительной модели, позволяющей понять генезис, состояние и перспективы развития этого политического феномена. Творческий поиск, направленный на исследование конкретной стратегической культуры, осложняется тем, что она, реально существуя и будучи недостаточно изученной и объясненной, может восприниматься как «вещь в себе» ввиду содержащегося в ней элемента иррациональности. На такую возможность обращают внимание и российские исследователи [*Алексеева*, 2012, с. 132; *Иванов*, 2007, с. 88].

В действительности же возникновение в процессе познания подобной ситуации следует объяснить отрывом оценки существующего состояния стратегической культуры от ее предыстории, от причин, ее породивших. Между тем процесс ее возникновения и развития, равно как и исторический процесс в целом, подвержен рациональному осмыслению, в то время «как наука вообще, так и методы собирания и анализа данных опираются на возможности здравого человеческого рассудка» [Методические подходы…, 2004, с. 134]. Изучая же стратегическую культуру, исследователь неизбежно сталкивается с такими в известной степени нематериальными феноменами, как знаки, символы, система ценностей. В политической практике данные феномены порой доминируют над ситуативными и рациональными интересами и соображениями носителей стратегической культуры. В результате может возникнуть впечатление, будто политические игроки ведут себя иррационально, терпят издержки и ощущают очевидные негативные последствия вопреки своим интересам и самому здравому смыслу.

Неудивительно, что начиная с 70-х годов XX в., когда исследователи обратились к феномену стратегической культуры, проводимые изыскания основывались на различных методологических подходах. Как в итоге было установлено, методология познания, основанная преимущественно на позитивистской эпистемологии и ортодоксальном рационализме, которые не учитывают в достаточной мере исторических предпосылок, институциональных и коммуникативных практик формирования стратегической культуры, оказалась не способной обеспечить полноценное представление об этом

феномене ввиду необходимости учета процессов восприятия ценностных смыслов, символов и мотивов политических игроков. В результате, как показали проводимые изыскания, преодолению ограниченности позитивизма и устранению разрыва между рационализмом и рефлексией способствовало обращение исследователей к методологии конструктивизма [*Алексеева*, 2012, с. 145–146; *Marti*, 2003, с. 74–75; *Beeson, Bloomfield*, 2019; *Wójtowicz*, 2018].

Конструктивистская исследовательская парадигма уделяет особое внимание формированию идентичности, связанной с организационными процессами, историей, традициями и культурой. Как обоснованно отмечают российские специалисты, благодаря опоре на концепт идентичности, «появилась возможность преодолеть системные ограничения политико-институционального анализа, расширить границы знаний о природе политических коммуникаций, стимулировать политическое воображение» [Идентичность… 2017, с. 23]. Изучение идентичности позволяет лучше понять мотивацию поведения человека и социума с учетом сложившейся культуры, менталитета, национального характера и признания субъективного восприятия социально-политических реалий. На основе определенной идентичности складывается и стереотипная геополитическая картина мира [Идентичность… 2017, с. 454–488].

Вместе с тем при признании возможностей конструктивизма в исследовании стратегической культуры совершенно неправомерно игнорировать или же вовсе отрицать познавательный потенциал других методологических подходов и школ. В этом смысле американский исследователь Джеффри С. Лантис, автор работы «Стратегическая культура: от Клаузевица к конструктивизму», прав, когда делает вывод в пользу необходимости синтеза неореализма и конструктивизма, полагая, что «ученые должны работать над преодолением барьеров на пути интеграции этих двух подходов в более всеобъемлющую модель формирования, внедрения и изменения стратегической культуры» [*Lantis*, 2009, с. 46].

Действительно, стратегическая культура сопряжена с таким сложно выявляемым и измеряемым атрибутом политико-управленческой деятельности, как институционная память, которая в значительной степени предопределяет в том числе и характер, и конкретные способы подготовки и применения военной силы государства. Институционная память является, по мнению А.А. Кокошина, «одним из важнейших, практически невидимых извне параметров системы управления» [*Кокошин*, 2003, с. 379]. Носителями такой памяти в органах государственного и военного управления в нашей стране являются прежде всего высокоинформированные и компетентные специалисты, опыт и стиль работы которых передаются из поколения в поколение.

Изложенное позволяет утверждать, что изучение стратегической культуры и связанных с ней феноменов может потребовать использования целого комплекса прикладных и конкретных методов, которые могут применяться в разных сочетаниях. Как представляется, значительным познавательным потенциалом, который может обеспечить адекватное понимание той или иной стратегической культуры, обладают дискурс-анализ и контент-анализ, кросс-культурный, семантический и семиотический анализ, изучение документов, анализ результатов деятельности. Представить их полное описание в рамках настоящей статьи довольно затруднительно, в связи с чем имеет смысл ограничить иллюстрацию

их применения только некоторыми примерами.

Так, весьма продуктивным оказывается в ряде случаев изучение конституций государств. Хорошо известно, что этот документ является учредительным и декларативным. Согласно Гегелю, конституция есть «организация политического тела» страны: «В формах этого организма выражены справедливость и власть, мудрость и храбрость давно прошедших времен, честь и кровь, благополучие и нужда давно истлевших поколений, исчезнувших вместе с ними нравов и отношений» [*Гегель*, 1978, с. 68].

В этой связи весьма показательным представляется то, что Конституцией США, принятой в 1787 г., изначально узаконены и легитимизированы пиратство и негосударственная военная деятельность. Согласно Конституции США (8-й раздел), к полномочиям конгресса отнесено «определять понятия и карать за совершение пиратства и преступлений, совершенных в открытом море, и преступлений против права наций; …выдавать каперские свидетельства и разрешения на репрессалии и устанавливать правила захвата трофеев на суше и на воде». Указанное конституционное установление вовсе не следует воспринимать как исторический анахронизм: уже в 2022 г. в Конгрессе США был подготовлен законопроект, содержащий требования к президенту Д. Байдену о выдаче каперских свидетельств и репрессалий, позволяющих конфисковать частную собственность российских граждан от имени американского правительства[4]. Причем обращение к пиратскому арсеналу средств политической борьбы произошло практически сразу после начала проведения Россией специальной военной операции на Украине. Как констатировал в апреле 2022 г. секретарь Совета Безопасности РФ Н.П. Патрушев, в современных условиях США «продолжают пиратство во всемирном масштабе»[5], что вполне соответствует их традиции поведения на мировой арене и борьбы с политическими оппонентами.

Конституирование американской политической системой пиратства наглядно раскрывает сущность англосаксонской стратегической культуры. Имманентной ее характеристикой является стремление воевать чужими руками, обогащаться при этом, навязывать свои ценности силой по всему миру, сталкивать своих оппонентов и союзников, активно обращаться к «экономическому», «психологическому» и иному «оружию», использовать диверсии, проводить подрывные акции и т. д. Такое отношение к силе и военной силе является закономерным результатом исторического развития США. В агрессивном духе формируются традиционно и их военно-доктринальные установки [*Ладыгин, Афанасьев*, 2017].

В связи с рассматриваемой темой уместно подчеркнуть следующее. Политическая практика прошлого и настоящего предоставляет достаточно возможностей убедиться в правоте утверждения Гегеля о том, что «оружие есть не что иное, как сущность самих борющихся» [*Гегель*, 2000, с. 195].

Заслуживает внимания и Конституция Российской Федерации. Состоявшееся в 2020 г. закрепление в документе (ст. 67) положения о том, что страна «чтит память защитников

4 В США предложили конфисковать яхты и самолеты попавших под санкции россиян // РИА Новости. – 2022. – 1 марта. – URL: https://ria.ru/20220301/konfiskatsiya-1775737167.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 20.04.2022).

5 Над пропастью во лжи: интервью с Н.П. Патрушевым // Российская газета. – 2022. – 27 апреля.

Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается», вполне соответствует складывавшейся в течение длительного времени традиции понимания гражданами обороны страны как священного долга [*Андреев, Селиванов,* 2004, с. 217–219].

Пример с конституциями указывает и на познавательный потенциал сравнительного анализа для выявления общего, особенного и различий в стратегической культуре. Наличие схожих признаков создает условия для понимания их носителями друг друга и для их сотрудничества. Так, по мнению австрийского исследователя генерала В. Пайшеля, с точки зрения сформировавшегося под воздействием военного опыта стратегического мышления Россия по ряду позиций к немецкоязычной традиции ближе, нежели англосаксонский образ мышления. По мнению В. Пайшеля, в образе мышления и понимании стратегии русские военные теоретики А.Е. Снесарев и А.А. Свечин стоят к Клаузевицу ближе, чем представители американской парадигмы руководства [*Пайшель*, 2021, с. 48, 54].

Понимание стратегической культуры того или иного субъекта создает условия для прогнозирования его поведения на мировой арене и позволяет своевременно реагировать на такое поведение. В результате правильное понимание стратегической культуры ориентирует на применение метода ретроспективного прогнозирования, который позволяет оценить вероятность последующего хода событий на основе комплекса данных с учетом того, что результат исторического развития известен. Считается, что «в зависимости от временного диапазона прогнозов следует устанавливать ту глубину исторических исследований, на которую должны опираться прогнозы соответствующего диапазона» (см. таблицу 1) [*Кокошин*, 2014, с. 24].

Таблица 1. Зависимость политического прогнозирования от глубины исторического исследования
Table 1. The Dependence of Political Forecasting on the Depth of Historical Research

Прогнозирование	Глубина исторического исследования
Краткосрочный прогноз на 5 лет	не менее 15 лет
Среднесрочный прогноз на 10 лет	не менее 30 лет
Долгосрочный прогноз на 15 лет и более	не менее 45 лет

Следует при этом отметить, что метод ретроспективного прогнозирования, связанного с осмыслением исторического опыта, представляется весьма полезным для России, которая находится на этапе выработки долгосрочного политического курса, что особенно важно в условиях глобальных трансформаций. Как обоснованно полагают представители Института философии РАН, указывая на важность раскрытия связи между минувшим и будущим нашей страны, «подлинно научная рефлексия над прошлым становится важнейшим средством проектирования будущего» [Политические стратегии…, 2011, с. 9–10].

В целом же можно утверждать, что выбор методологии и методов анализа конкретной стратегической культуры

и их применение представляют собой сложную задачу. Указанный выбор зависит от множества обстоятельств, а применение требует серьезной подготовки.

В завершение следует отметить следующее. Понятие и концепт стратегической культуры обладают существенным исследовательским потенциалом для изучения и прогнозирования поведения крупных политических игроков современного мира посредством выявления мотивационной основы их действий. Стратегическая культура связана с восприятием субъектом условий и исторического опыта обеспечения своей безопасности, применения военной силы. Вместе с тем в понимании содержания стратегической культуры и в самом понимании стратегии единство мнений в настоящее время отсутствует. Автором предложено видение указанных феноменов на основе обращения к героическим и военным нарративам, выступающим в качестве источника стратегических культур.

Предложенное понимание феномена стратегической культуры требует взвешенного подхода к выбору методологических парадигм и методов исследования. В ходе эволюции исследования стратегической культуры на первый план выходили различные методологии, подходы, парадигмы, накоплен опыт использования конкретных методов. Творческий поиск продолжается и в настоящее время. В нашей стране его результатом должна стать разработка оригинальной концепции российской стратегической культуры.

Список литературы

Алексеева Т.А. Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 5. – С. 130–147.

Андреев А.П., Селиванов А.И. Русская традиция. – Москва : Алгоритм, 2004. – 317 с.

Вандам (Едрихин) А.Е. Геополитика и геостратегия. – Москва : Кучково поле, 2002. – 269 с.

Вершилов С.А. Культура военной безопасности в системе современных военно-политических отношений: социально-философский анализ. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2010. – 185 с.

Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. – Москва : Наука, 1978. – 440 с.

Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – Москва : Наука, 2000. – 495 с.

Горбачёв М.В. Цивилизационные основания политических проектов. – Москва : Издательство Московского университета, 2020. – 496 с.

Данильченко С.А., Гришина Е.С. К вопросу о понятии «военная культура» // Военная мысль. – 2022. – № 2. – С. 146–157.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. – Ленинград : Госиздат, 1930. – XLVII, 500 с.

Душа армии: очерки по воен. психологии / Краснов П.Н.; предисл. Н.Н. Головина. – Берлин : Медный всадник, 1927. – 156 с.

Иванов О.П. Американская стратегическая культура // Обозреватель-Observer. – 2007. – № 5. – С. 87–97.

Идентичность: личность, общество, политика / отв. ред. И.С. Семененко. – Москва : Весь Мир, 2017. – 987 с.

Клаузевиц К. 1812 год. – Москва : Госвоениздат, 1937. – 244 с.

Климов С.Н. Военная культура Франции XX века (социально-философский анализ). – Москва : Военный университет, 2001. – 172 с.

Климов С.Н., Семаева И.И. К проблеме осмысления военной культуры как социального феномена // Вестник Тверского государственного универ-

ситета. Серия «Философия». – 2018. – № 3. – С. 77–85.

Кожухова К.Е. «Стратегическая культура» в научном дискурсе Китая // Проблемы Дальнего Востока. – 2021. – № 3. – С. 136–144. DOI: 10.31857/S013128120015295-5.

Кокошин А.А. Вопросы прикладной теории войны. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 227 с.

Кокошин А.А. Методологические проблемы прогнозирования в интересах национальной безопасности России. – Москва : Институт востоковедения РАН, 2014. – 98 с.

Кокошин А.А. Стратегическое управление: Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. – Москва : МГИМО(У); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 528 с.

Ладыгин Ф.И., Афанасьев С.В. Военно-доктринальный базис внешней политики США. – Москва : Кучково поле, 2017. – 207 с.

Лиддел-Гарт Б. Стратегия непрямых действий. – Москва : ООО «Фирма «Издательство АСТ»; Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 1999. – 656 с.

Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – Москва : Мысль, 2001. – 558 с.

Методические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории / сост.: Н. Конеген, К. Шуберт. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 220 с.

Михайленок О.М. Стратегическая культура как системообразующий фактор общественно-политического согласия // Фундаментальные аспекты психического здоровья. – 2015. – № 1. – С. 47–53.

Новицкий В.Я. Высшая стратегия. – Санкт-Петербург : Типография Морского ведомства, 1913. – 97 с.

Ожиганов Э.Н. Стратегическая культура: понятие и направления исследований // Вестник РУДН. Серия : Политология. – 2012. – № 2. – С. 91–102.

Пайшель В. О сущности и содержании стратегии // Военные науки versus наука о войне в Австрии и России = Militärwissenschaften versus Wissenschaft über den Krieg in Österreich und Russland: коллективная монография / под общ. ред. В.К. Белозёрова и А. Дубови; пер. под ред. И.А. Лузяниной. – Москва : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021. – С. 48–65.

Политические стратегии российского государства как философская проблема / под ред. В.Н. Шевченко. – Москва : ИФ РАН, 2011. – 238 с.

Ракитянский Н.М. Ментальные исследования глобальных политических миров. – Москва : Издательство Московского университета, 2020. – 463 с.

Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12 томах. – 1902. – Т. 6. – Киев. – С. 87–101.

Рыхтик М.И. Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия : Международные отношения, политология, регионоведение. – 2003. – № 1. – С. 203–219.

Савинкин А.Е. Постижение военного искусства: идейное наследие А. Свечина. – Москва : Военный университет, Русский путь, 1999. – 689 с.

Свечин А.А. Клаузевиц. – Москва : Изд., тип. и цинк. Журн.-газ. объединения, 1935. – 288 с.

Свечин А.А. Методы стратегического мышления // Стратегия в трудах военных классиков. – Москва : Издательский дом «Финансовый контроль», 2003a. – С. 19–27.

Свечин А.А. Стратегия. – Москва : Кучково поле, 2003b. – 656 с.

Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала / под ред. А.И. Юрьева. – Санкт-Петербург : Logos, 2006. – 511 с.

Терновая Л.О. Геополитическая культура. – Москва : Инфра-М, 2021. – 340 с.

Толстой Л.Н. Война и мир. I и II тома. – Москва : Художественная литература, 1983a. – 832 с.

Толстой Л.Н. Война и мир. III и IV тома. – Москва : Художественная литература, 1983b. – 799 с.

Топорков А.К. Метод военных знаний. – Ленинград : Издание Военной тип., 1927. – 194 с.

Ухорская А.И., Кожухова К.Е., Кирилина Е.Ю. Антиномии стратегических культур Запада и Востока (на примере Германии, Франции и Китая) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. – 2021. – № 1. – С. 110–117. – DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-1-110-117.

Ухорская А.И. «Стратегическая культура» в научном дискурсе Франции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2021. – Вып. 4 (845). – С. 131–142. – DOI: 10.51070/2500-347X_2021_4_845_131.

Фридман Л. Стратегия. Война, революция, бизнес. – Москва : Кучково поле, 2019. – 768 с.

Шмитт К. Теория партизана: промежуточное замечание к понятию политического. – Москва : Праксис, 2007. – 299 с.

Шубина Ю.Г. Геополитическая культура как фактор современного политического развития российского общества: дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2006. – 183 с.

Beeson M., Bloomfield A. The Trump effect downunder: U.S. allies, Australian strategic culture, and the politics of path dependence // Contemporary Security Policy. – 2019. – Published online : March 28. – P. 18–20.

Colson B. La culture stratégique française // Stratégique. – 1992. – N. 53. – P. 27–60.

Kovač M., Marček J. Konzept und methodische Aspekte der Formulierung und Umsetzung der staatlichen Strategie // Österreichische militärische Zeitschrift. – 2013. – N 1. – S. 34–47.

Lantis J.S. Strategic Culture: From Clausewitz to Constructivism // Strategic Culture and Weapons of Mass Destruction. Initiatives in Strategic Studies: Issues and Policies. – New York : Palgrave Macmillan, 2009. – P. 33–52. – DOI: 10.1057/9780230618305_3.

Marti U. Theorien der internationalen Politik // Konturen der neuen Welt(un)ordnung / Herausg. von G. Kohler, U. Marti. – Berlin, New York : de Gruyter, 2003. – S. 62–79. – DOI: 10.1515/9783110204575.1.62.

Münkler H. Die Deutschen und ihre Mythen. – Berlin : Rowohlt, 2009. – 606 S.

Riemer P. Von der russischen Kriegskunst. Eine Untersuchung der dialektischen Zusammenhänge von Staatsidee und Militärwesen am Beispiel der Sowjetunion und der Russischen Föderation. – Berlin : Miles Verlag, 2021. – 360 S.

Strategische Kultur als unterschätzter Faktor von Strategie und Sicherheit. – Wien : Landesverteidigungsakademie, 2019. – 202 S.

Wójtowicz T. A comparison of the strategic culture of the United States and the People's Republic of China // Polityka i Społeczeństwo. – 2018. – № 1 (16). – P. 103–116.

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.02

Methods of Analysis of Strategic Cultures

Vasily K. BELOZEROV
Doctor of Sciences in Political Science, Full Professor, Head of the Department of Political Science, Moscow State Linguistic University
Ostozhenka Street, 38, Bld. 1, Moscow, Russian Federation, 119034;
Leading Researcher at the Research Laboratory "Study of Global and Regional Socio-Political Processes" of the Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod
Minina Street, 31a, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603155
E-mail: vk_belozerov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4875-5878

CITATION: Belozerov V.K. (2022). Methods of Analysis of Strategic Cultures. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 5, pp. 29–49 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2022.05.02

Received: 25.04.2022.
Revised: 09.08.2022.

ACKHOWLEDGEMENT: The research is conducted by the state task in the Moscow State Linguistic University (project no. FSFU-2020-0020).

ABSTRACT. *The aim of the article is to reveal the intention of "strategic culture", which has a significant cognitive potential for studying the political course of the main players in the modern world. In modern-day Russia, the study of this phenomenon is characterized by inconsistency and ambiguity, which has disorienting consequences and makes it difficult to use the concept to identify political phenomena and processes. The situation is further complicated by the lack of clarity about what a political strategy is. The article gives the author's vision of the strategy and reveals how the strategic culture is determined by the historical past of the nation, including its military experience. Therefore, the concept of "strategic culture" refers to the dependence of the subject's political behavior on their perception of security. This perception is determined by the historical experience of the use of military force and the attitude towards it. Therefore, in practice, strategic culture is expressed in preferences when choosing ways and means of the subject's response to changes in the environment.*

The comprehension of a specific strategic culture is complicated by the fact that, while existing and being insufficiently studied and explained, it can be perceived as an irrational phenomenon. Understanding the strategic culture requires the perception of value meanings, symbols, and motives of political players. It leads to increased requirements for the choice of methodology and research methods. The study of strategic culture and related phenomena involves the complex use of applied and specific methods. Among them, discourse analysis and content analysis, cross-cultural, semantic and semiotic analysis, study of documents, analysis of performance results should be singled out.

KEYWORDS: *strategy, culture, strategic culture, concept, military experience, methodology, methods of analysis, constructivism*.

References

Alekseeva T.A. (2012). Strategic Culture: Evolution of the Concept. *Polis. Politicheskie issledovanija*, no. 5, pp. 130–147 (in Russian).

Andreev A.P., Selivanov A.I. (2004). *Russian Tradition*. Moscow : Algoritm, 317 pp. (in Russian).

Colson B. (1992). La culture stratégique française. *Stratégique*, no. 53, pp. 27–60 (in French).

Danil'chenko S.A., Grishina E.S. (2022). On the Question of the Concept of "Military Culture". *Voennaja mysl'*, no. 2, pp. 146–157 (in Russian).

Del'brjuk G. (1930). *The History of Military Art within the Framework of Political History*. Leningrad : Gosizdat, XLVII, 500 pp. (in Russian).

Dusha Armii… (1927). Krasnov P.N. *The Soul of the Army: Essays on Military Psychology*. With preface by N.N. Golovin. Berlin : Mednyj vsadnik, 156 pp. (in Russian).

Fridman L. (2019). *Strategy. War, Revolution, Business*. Moscow : Kuchkovo pole, 768 pp. (in Russian).

Gegel' G.V.F. (2000). *Phenomenology of the Spirit*. Moscow : Nauka, 495 pp. (in Russian).

Gegel' G.V.F. (1978). *Political Works*. Moscow : Nauka, 440 pp. (in Russian).

Gorbachev M.V. (2020). *Civilizational Foundations of Political Projects*. Moscow : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 496 pp. (in Russian).

Identichnost'… (2017). Semenenko I.S. (ed.) *Identity: The Individual, Society, and Politics*, Moscow : Ves' Mir, 987 pp. (in Russian).

Ivanov O.P. (2007). American Strategic Culture. *Obozrevatel'-Observer*, no. 5, pp. 87–97 (in Russian).

Klauzevic K. (1937). *1812 year*. Moscow : Gosvoenizdat, 244 pp. (in Russian).

Klimov S.N. (2001). *Military Culture of France of the Twentieth Century (Socio-Philosophical Analysis)*. Moscow : Voennyj universitet, 172 pp. (in Russian).

Klimov S.N., Semaeva I.I. (2018). On the Problem of Understanding Military Culture as a Social Phenomenon. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija : Filosofija*, no. 3, pp. 77–85. (in Russian).

Kokoshin A.A. (2014). *Methodological Problems of Forecasting in the Interests of Russia's National Security*. Moscow : Institut vostokovedenija RAN, 98 pp. (in Russian).

Kokoshin A.A. (2018). *Questions of Applied Theory of War*. Moscow : Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 227 pp. (in Russian).

Kokoshin A.A. (2003). *Strategic Management: Theory, Historical Experience, Comparative Analysis, Tasks for Russia*, Moscow : MGIMO(U); "Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija" (ROSSPEN), 528 pp. (in Russian).

Kovač M., Marček J. (2013). Konzept und methodische Aspekte der Formulierung und Umsetzung der staatlichen Strategie. *Österreichische militärische Zeitschrift*, no. 1, pp. 34–47.

Kozhuhova K.E. (2021). "Strategic Culture" in the Scientific Discourse of China. *Problemy Dalnego Vostoka*, no. 3, pp. 136–144 (in Russian). DOI: 10.31857/S013128120015295-5.

Ladygin F.I., Afanas'ev S.V. (2017). *The Military-Doctrinal Basis of US Foreign Policy*. Moscow : Kuchkovo pole, 207 pp. (in Russian).

Lantis J.S. (2009) Strategic Culture: From Clausewitz to Constructivism. In: *Strategic Culture and Weapons of Mass Destruction. Initiatives in Strategic Studies: Issues and Policies*. New York : Palgrave Macmillan, pp. 33–52. DOI: 10.1057/9780230618305_3.

Liddel-Gart B. (1999). *Indirect Action Strategy*. Moscow : OOO "Firma Izdatel'stvo AST"; Saint-Petersburg : Terra Fantastica, 656 pp. (in Russian).

Losev A.F. (2001). *Dialectic of myth*. Moscow : Mysl', 558 pp. (in Russian).

Marti U. (2003). Theorien der internationalen Politik. In: Kohler G., Marti U. (Herausg.). *Konturen der neuen Welt(un) ordnung*. Berlin, New York : de Gruyter, pp. 62–79 (in German). DOI: 10.1515/9783110204575.1.62.

Metodicheskiye podkhodi… (2004). Konegen N., Shubert K. (eds.). *Methodological Approaches of Political Science Research and Metatheoretical Foundations of Political Theory*, Moscow : ROSSPEN, 220 pp. (in Russian).

Mihajlenok O.M. (2015). Strategic Culture As a System-Forming Factor of Socio-Political Consent. *Fundamental'nye aspekty psihicheskogo zdorov'ja*, no. 1, pp. 47–53. (in Russian).

Münkler H. (2009). *Die Deutschen und ihre Mythen*. Berlin : Rowohlt, 606 pp. (in German).

Novickij V.Ja. (1913). *Higher Strategy*. Saint-Petersburg: Printing House of the Maritime University, 97 pp. (in Russian).

Ozhiganov Je.N. (2012). Strategic Culture: The Concept and Directions of Research. *Vestnik RUDN. Ser. Politologija*, no. 2, pp. 91–102 (in Russian).

Pajshel' V. (2021). *About the Essence and Content of the Strategy*. Moscow : FGBOU VO MGLU, pp. 48–65 (in Russian).

Politicheskiye strategii… (2011). Shevchenko V.N. (ed.). *Political strategies of the Russian state as a philosophical problem*. Moscow : IF RAN, 238 pp. (in Russian).

Rakitjanskij N.M. (2020). *Mental Studies of Global Political Worlds*. Moscow : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 463 pp. (in Russian).

Renan Je. (1902). *What Is a Nation?* Kiev, pp. 87–101 (in Russian).

Riemer P. (2021). *Von der russischen Kriegskunst. Eine Untersuchung der dialektischen Zusammenhänge von Staatsidee und Militärwesen am Beispiel der Sowjetunion und der Russischen Föderation*. Berlin : Miles – Verlag, 360 pp. (in German).

Ryhtik M.I. (2003). Strategic Culture and the New Concept of US National Security. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija : Mezhdunarodnye otnoshenija, politologija, regionovedenie*, no. 1, pp. 203–219 (in Russian).

Savinkin A.E. (1999). *Comprehension of Military Art: The Ideological Legacy of A. Svechin*. Moscow : Voennyj universitet, Russkij put', 689 pp. (in Russian).

Shmitt K. (2007). *The Theory of the Partisan: An Intermediate Remark on the Concept of the Political*. Moscow : Praksis, 299 pp. (in Russian).

Shubina Ju.G. (2006). *Geopolitical Culture As a Factor of Modern Political Development of Russian Society: dissertation... Candidate of Political Sciences: 23.00.02*, Stavropol, 183 pp. (in Russian).

Strategicheskaya psikhologiya… (2006). Jur'ev A.I. (ed.). *Strategic Psychology of Globalization: Psychology of Human Capital*, Saint-Petersburg : Logos, 511 pp. (in Russian).

Strategische Kultur als unterschätzter Faktor von Strategie und Sicherheit (2019). Wien : Landesverteidigungsakademie, 202 pp. (in German).

Svechin A.A. (1935). Clausewitz. Moscow : izd., tip. i cink. Zhurn.-gaz. ob'edinenija, 288 pp. (in Russian).

Svechin A.A. (2003a). *Methods of Strategic Thinking*. Moscow : Izdatel'skij dom «Finansovyj kontrol'», pp. 19–27 (in Russian).

Svechin A.A. (2003b). *Strategy*. Moscow : Kuchkovo pole, 656 pp. (in Russian).

Ternovaja L.O. (2021). *Geopolitical Culture*. Moscow : Infra-M, 340 pp. (in Russian).

Tolstoj L.N. (1983a). *War and Peace*, vol. I and II. Moscow : Hudozhestvennaja literatura, 832 pp. (in Russian).

Tolstoj L.N. (1983b). *War and Peace*, vol. III and IV. Moscow : Hudozhestvennaja literatura, 799 pp. (in Russian).

Toporkov A.K. (1927). *The Method of Military Knowledge*. Leningrad : Izdanie Voennoj tip., 194 pp. (in Russian).

Uhorskaja A.I., Kozhuhova K.E., Kirilina E.Ju. (2021). Antinomies of the Strategic Cultures of the West and the East (On the Example of Germany, France, and China). *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija : Sociologija. Politologija*, no. 1, pp. 110–117 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-1-110-117.

Uhorskaja A.I. (2021). "Strategic Culture" in the Scientific Discourse of France. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki*, no. 4 (845), pp. 131–142 (in Russian) DOI: 10.51070/2500-347X_2021_4_845_131.

Vandam (Edrihin) A.E. (2002). *Geopolitics and Geostrategy*. Moscow : Kuchkovo pole, 269 pp. (in Russian).

Vershilov S.A. (2010). *Culture of Military Security in the System of Modern Military-Political Relations: Socio-Philosophical Analysis*. Saratov : Izd-vo Saratovskogo un-ta, 185 pp. (in Russian).

С точки зрения экономики

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.03

Культура и экономика: существующие научные подходы к отражению взаимосвязи

Валентина Юрьевна МУЗЫЧУК
доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Институт экономики Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: office@inecon.ru
ORCID: 0009-0008-7902-7228

ЦИТИРОВАНИЕ: Музычук В.Ю. Культура и экономика: существующие научные подходы к отражению взаимосвязи // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 50–67.
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.03

Статья поступила в редакцию 24.10.2022.
Исправленный текст представлен 20.11.2022.

АННОТАЦИЯ. *В статье предпринята попытка обобщения существующих подходов к рассмотрению взаимосвязи культуры и экономики. Речь идет, с одной стороны, о влиянии культуры на экономику как систему жизнеобеспечения, то есть о роли культурных факторов в экономическом развитии и обеспечении устойчивого экономического роста. С другой стороны, в статье уделяется внимание фактору культуры в контексте экономической науки и его отражению в отдельных направлениях экономической мысли (институциональная экономика, поведенческая экономика, экономика развития и др.): 1) культура как объяснение остаточных явлений; 2) культура как ограничение экономического поведения; 3) культура как предпочтения экономических агентов. Наконец, речь идет и об экономике культуры как самостоятельном направлении экономической науки, в рамках которого изучаются экономические проблемы сферы культуры, ответственной за приобщение к культурным ценностям широких слоев населения и совершенствование культурной составляющей человеческого потенциала в целом. В статье обосновывается необходимость включения культуры в современные экономические исследования, поскольку культура через систему ценностей не только оказывает влияние на экономическое поведение и выбор хозяйствующих субъектов, но и определяет качество институтов, формируя тем самым векторы развития современной системы общественного устройства.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *взаимосвязь культуры и экономики, экономика культуры, этика и экономика, социо-*

культурные факторы экономики, нравственный императив экономического развития, культурная составляющая человеческого потенциала.

Вводные замечания

Культура в поле зрения профессиональных экономистов, в отличие от представителей других общественных наук (социологии, политологии, философии и др.), которые не предпринимали таких жестких попыток дистанцироваться от нее, попала относительно недавно, с последнего десятилетия XX в.[1] Исследователи признают, что «когда экономисты начинают изучать культуру, они ступают на методологическое минное поле» [*Бёгельсдайк, Маселанд,* 2016, с. 383]. С одной стороны, это было обусловлено тем, что ключевой вопрос экономики – как эффективно распределять ограниченные ресурсы в целях удовлетворения неограниченных потребностей человека – был связан исключительно с материальным производством, в то время как культура ассоциировалась с духовными (нематериальными) характеристиками общественного устройства. С другой стороны, дистанцирование от культуры (особенно со 2-й половины XX в.) было связано с усилением позиций *mainstream* в экономической науке с его акцентом на методологическом индивидуализме и рациональном поведении, что не требовало глубокого погружения в социокультурный контент исследования. Как отмечают исследователи, «до недавнего времени существовал консенсус среди экономистов по поводу того, что культура и ее экономические последствия должны быть исключены из экономического анализа. Превалирующей была точка зрения, согласно которой культурные ценности людей относились к области предпочтений, и экономистам следовало воздерживаться от попытки понять формирование предпочтений. Культура была оставлена социологам и антропологам» [*Roland,* 2015, p. 1].

Между тем экономика не может быть сведена исключительно к достижению материального благосостояния людей, причем любой ценой. Поскольку речь идет о поведении и выборе человека, который живет в определенных социокультурных условиях, то в реальной жизни невозможно абстрагироваться от культуры и ее влияния, в том числе от принятия экономических решений. Не менее важен тот факт, что человек создает институты, качество и функциональность которых определяют экономику как систему жизнеобеспечения, а значит, ее параметры также задаются культурной компонентой.

Для понимания взаимосвязи между культурой и экономикой имеет значение направление воздействия культуры на экономику и/или экономики на культуру. «Все работы по культуре и экономике сталкиваются с проблемой, что причинно-следственная связь, *скорее всего (курсив – В.М.),* действует в обе стороны – от культуры к экономике и от экономики к культуре» [*Guiso, Sapienza, Zingales,* 2006, p. 24]. В большинстве своем исследователи единодушны в том, что культура влияет на экономическое поведение через нормы, ценности, традиции и т. п., укоренившиеся в том или ином обществе. Так, П. Димажио убежден, что «экономические процессы имеют непреодолимую культурную составляющую. Серьезное отношение к культуре может не только обогатить наше

1 За исключением экономики культуры, связанной с экономическим анализом культурной деятельности (см. ниже).

понимание экономических явлений, но и помочь нам лучше их объяснить» [*DiMaggio,* 1994, p. 27]. Однако это влияние признается с определенной оговоркой: «Культура влияет на экономическое развитие, но не детерминирует его» [Социокультурные…, 2020, с. 85]. При этом зачастую экономисты склонны полагать, что можно внести в культуру определенные изменения извне с тем, чтобы выйти на «нужные» темпы и масштабы экономического развития: «…как провести изменение культуры, сохранив силу страны, идентичность нации, уникальность ее истории и получить значительный экономический результат?» [*Аузан,* 2022, с. 118]. Это «подкручивание» осуществляется за счет определенных институциональных изменений, которые способны оказать «нужное» реформаторам воздействие на культуру: «Отсюда, однако, не следует, что на нее *(культуру – В.М.)* нельзя воздействовать, ускоряя ее развитие»*;* «реформатор обязан принимать во внимание гражданскую культуру, но при этом должен формировать промежуточные институты, способные влиять на нее так, чтобы обеспечить возможность дальнейшего институционального развития» [*Полтерович,* 2016, с. 2, 5]. Однако эмпирические исследования демонстрируют не столько прямое воздействие на культуру в целях достижения определенных параметров экономического развития, сколько реализацию таких институциональных изменений, которые согласуются или встраиваются в существующую культурную традицию.

Отказ от культуры в экономических исследованиях

Следует отметить, что подход, в рамках которого произошло дистанцирование экономики от культуры, был заложен еще в эпоху Просвещения, ознаменовавшуюся бурным развитием научной мысли, когда рационализм и эмпиризм стали главенствовать в естественных и общественных науках, а все чувственные, эмоциональные, а значит, и иррациональные попытки объяснения – физического мира либо человеческого поведения – стали классифицироваться как ненаучные. История экономической мысли в отношении взаимосвязи культуры и экономики напрямую связана с судьбой содержательной ветви экономики (в отличие от ее формализованной версии) [*De Jong,* 2008, p. 22].

Экономисты практически единодушны в том, что М. Вебер положил начало обсуждению проблематики взаимоотношений между культурой и экономикой, хотя сейчас его имя больше ассоциируется с экономической социологией, что отнюдь не умаляет его заслуг в экономической науке. «Когда Смит писал, социальные и культурные факторы были естественной частью экономики, если, конечно, такая четко разграниченная область уже существовала. Во время написания знаменитого эссе Вебера возникла новая интерпретация экономики, которая поместила культуру за пределы объекта экономического анализа. Поскольку теперь существовало четко разграниченное поле «экономики», частью которого культура не являлась, впервые стало иметь смысл прямо говорить о связи между культурой и экономикой. До этого мысль о том, что культура и экономика – это две разные вещи, не приходила в голову ученым» [*De Jong,* 2008, p. 10–12, 15].

Маржиналистская революция привела к тому, что экономика стала превращаться в формализованную науку: акцент с изучения экономики как системы материального жизнеобеспечения общества в динамике сместился

в сторону удовлетворения субъективных предпочтений индивидов в статике на принципах методологического индивидуализма, экономической рациональности, анализа предельных величин и использования математических методов. «Экономика стала наукой, изучающей экономизм, а не систему хозяйствования. Социальные структуры, религиозные верования или коллективные ценности лежали за пределами ее компетенции» [*De Jong,* 2008, p. 16].

Начиная с 50-х годов прошлого века экономическая наука всё больше стала формализоваться и отходить от культуры [*De Jong,* 2008, p. 18–20]. Этому было несколько объяснений. С одной стороны, это было обусловлено усилением математического аппарата в экономической науке, начало которому было положено во время Второй мировой войны, когда возникла потребность в анализе данных, планировании логистических цепочек, а математическое моделирование успешно проявило себя в этом направлении. С другой стороны, основной костяк исследователей, стоявших у истоков формализации экономической науки, составляли иммигранты, приехавшие в США в 30–40-х годах прошлого века. В отличие от институционалистов и представителей исторической школы, хорошо знавших особенности культурной среды, новые иммигранты были лишены этих знаний, поэтому с большей охотой переходили к использованию математических обоснований. Кроме того, политический фактор способствовал формализации экономики. Неоклассическая экономика с акцентом на преимущества рыночного механизма, индивидуальный выбор и недоверие к государственному вмешательству в экономическую и социальную жизнь очень хорошо укладывалась в вектор политического противостояния с политэкономией коммунистического блока. «Идеологическая приверженность индивидуальной свободе и субъективному принятию решений заставляла экономистов держаться подальше от таких факторов, как культура и моральные ценности. <…> Произошло то, что формальная интерпретация экономики стала не только школой мысли в экономике, но и превратилась в определение самой экономической дисциплины» [*De Jong,* 2008, p. 20].

Взаимосвязь культуры и экономики: палитра подходов

В настоящее время в научной, публицистической и художественной литературе накоплено колоссальное количество определений культуры. С одной стороны, это свидетельствует о том, что проблематика культуры по-прежнему важна для человека. С другой стороны, такая ситуация не позволяет выделить основные сюжеты, связанные с ролью культуры в общественном развитии. Поэтому остановимся на трех ключевых значениях культуры в системе общественного устройства.

Во-первых, культура нужна для «очеловечивания человека». Согласно академику В.С. Стёпину, «культура может быть определена как система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях». Причем «эти программы носят социальный характер. Они как бы надстраиваются над биологическими программами» [*Стёпин,* 2015, с. 33]. Это определение очень согласуется с трактовкой культуры Ю. Лотмана: «…совокупность всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения» [*Лотман,* 2002, с. 146]. А в трактовке М. Гаспарова культура

выступает в качестве «науки человеческого взаимопонимания» [*Гаспаров,* 2001]. Культура – это передача социального опыта, поэтому ее проекция на область экономических отношений выражается через несколько основных сюжетов: доверие и договороспособность, сотрудничество и кооперация, стимулы и мотивации. Сюда же попадают вопросы, связанные с религиозной и этнической принадлежностью, которые обуславливают экономическое поведение и взаимодействие контрагентов.

Во-вторых, культура важна для воспроизводства индивидуумов, занятых творческим трудом и реализующих прогностическую функцию. Речь идет о креативном классе (в терминах Р. Флориды), который реализует «программы, адресованные будущему» (в терминах В.С. Стёпина). Ю. Лотман подчеркивает, что «рассматривая историю человечества, мы не без удивления убеждаемся в том, что как далеко бы мы ни углублялись в прошлое, на всём доступном нам пространстве, наряду с непосредственным производством, человечество выделяет силы для искусства, теоретической мысли, познания и самопознания. При этом для подобной деятельности выделяются не те, кто не способен к чему-либо лучшему, не непригодные и отверженные члены общества, а люди наиболее способные, активные, наделенные и гением, и желанием общественного добра» [*Лотман,* 2002, с. 143–144]. Культура – это не только сохранение ценностей и традиций, это и взгляд в будущее через прозрение и готовность воплотить новое знание в инновациях.

В-третьих, культура и искусство представляют собой иной способ познания окружающего мира. Для формирования полноценной картины мира рациональность науки с ее системным мышлением следует дополнить искусством с его палитрой художественных образов. Эмоциональные и иррациональные особенности человека формируются под воздействием культуры, что, в свою очередь, влияет на мотивацию экономических агентов, опровергая тем самым доминанту рациональности и прагматизма при принятии экономических решений. «Они *(экономисты – В.М.)* могут приблизиться к реальному миру, используя идеи живописи, музыки и литературы, а в более узкой сфере социальных наук – взаимодействуя с другими дисциплинами, такими как психология, социология, политика и история. <…> Эти исследования должны быть частью образования экономиста, потому что они предлагают обоснованные способы видения мира, которые лежат вне рамок *mainstream* в экономике» [*Skidelsky,* 2020].

С практической точки зрения культура в исследованиях экономистов определяется как «обычные убеждения *(beliefs)* и ценности *(values),* которые этнические, религиозные и социальные группы передают практически без изменений из поколения в поколение» [*Guiso, Sapienza, Zingales,* 2006, p. 23]. В этом определении сознательно сужается трактовка культуры, с тем чтобы выявить причинно-следственные связи между ней и экономическими результатами. Причем «убеждения относятся к ожиданиям относительно природных явлений и поведения людей или реакции на поведение других людей. Ценности – это то, что придает смысл жизни человека, и то, что считается важным в жизни» [*Roland,* 2015, p. 2]. И с таким подходом согласны почти все исследователи, занимающиеся данной проблематикой.

Если же говорить об экономике, то общепринято выделять два взгляда на нее: 1) как предмет, изучающий экономические отношения; 2) как метод, используемый в экономическом анализе. Согласно К. Поланьи, с конца XIX в.

существовало два основных течения, которые рассматривали экономическую науку как: 1) содержательную традицию, сосредоточенную на изучении системы организации хозяйственной жизни: тех сегментов общественного устройства, которые связаны с производством, распространением и потреблением различных товаров и услуг; 2) формальную дисциплину, фокусирующуюся на предельном анализе индивидуальных выборов, то есть экономику в смысле экономии, экономности (тратить меньше, снижать расходы, взвешивать затраты и выгоды и максимизировать субъективную полезность и т. д.).

Следует еще раз подчеркнуть, что в исследованиях экономистов культура выступает не в широком социокультурном контексте, а в узкопрофессиональном ключе: как она отражается на экономическом развитии, экономических отношениях, экономическом поведении и т. д. «Эмпирические исследования значимости культуры для результатов экономической деятельности – относительно новая разновидность экономической науки. До настоящего времени цель большинства работ по экономике и культуре заключалась в том, чтобы в принципе продемонстрировать значимость культуры» [*Алесина, Джулиано,* 2016а, с. 85]. В настоящее время исследователи пытаются лучше понять механизмы, посредством которых культурные параметры определяют экономический выбор и даже влияют на скорость развития и благосостояние наций. Причем для экономиста важно сначала показать прямое влияние культуры на ожидания и предпочтения, а затем уже доказать, как они влияют на экономические результаты.

В своих исследованиях экономисты выделяют три основных подхода к объяснению взаимосвязи культуры и экономики: 1) культура как объяснение остаточных явлений; 2) культура как ограничение экономического поведения; 3) культура как предпочтения экономических агентов [*De Jong,* 2008, p. 32–39].

К ***культуре как объяснению остаточных явлений*** экономисты стали прибегать при невозможности обоснования расхождений между теоретическими ожиданиями и реальными фактами: «…и началось обращение к фактору культуры, как к тому фактору, который надо включить в расчеты и исследования. Этот третий неисследованный фактор должен превратиться в часть экономических формул» [*Аузан,* 2022, с. 20]. Например, отсутствие прогресса в экономическом развитии отдельных стран и регионов стали объяснять отсталой культурой (например, Южная Италия по сравнению экономически развитой Северной Италией). Или, наоборот, неожиданные экономические успехи пытались обосновать специфическими особенностями национальных культур (например, экономическое чудо «азиатских тигров»).

Этот подход в настоящее время превалирует над двумя другими. При этом исследователи признают, что в рамках данного подхода «…к культуре относятся как к чему-то второстепенному и не приводят никаких теоретических аргументов для объяснения роли, которую она играет» [*De Jong,* 2008, p. 32]. Критики такого подхода подчеркивают, что «тем самым получается, что ответ на центральный вопрос всего направления «макроанализа» о влиянии культуры на экономическое развитие зависит от того, какие измерители ценностей включаются в эконометрический анализ» [*Тамбовцев,* 2015, с. 89].

Отчетливо культура как объяснение остаточных явлений проявилась в экономических исследованиях в связи с, одной стороны, провалом так

называемых программ структурных реформ в развивающихся странах мира, а с другой – крахом коммунистического блока и внедрением в этих странах модели свободного рынка на основе модели радикальной либерализации.

Подход к ***культуре как ограничению экономического поведения*** тесно связан с понятием институтов, поскольку «…человеческое хозяйство укоренено в институтах, экономических и неэкономических, вплетено в них. Важно подчеркнуть включение сюда неэкономических элементов» [*Поланьи,* 2010, с. 55–56].

Так, согласно Д. Норту, «институты – это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком *ограничительные рамки (курсив – В.М.)*, которые организуют взаимоотношения между людьми [*Норт,* 1997, с. 17]. Также «институты включают в себя все формы *ограничений*, созданных людьми для того, чтобы придать определенную структуру человеческим взаимоотношениям» [*Норт,* 1997, с. 18]. В работе более позднего периода Д. Норт подчеркивает ограничительный характер самой культуры: «…совокупные знания общества, воплощенные в языке, человеческой памяти и системах хранения символов, состоят из верований, мифов, обычаев, которые составляют культуру общества. Культура не только определяет эффективность общества в данный момент времени, но также посредством того, как выстроенные на ней структуры создают *сдержки (курсив – В.М.)* для игроков, вносит свой вклад в процесс изменений» [*Норт,* 2010, с. 9].

Институты могут быть формальными (правила, законы, положения) и неформальными (нормы поведения, общепринятые условности, добровольные коды поведения). В теории Д. Норта они могут быть продуктом человеческого замысла или складываться в процессе исторического развития. Неформальные ограничения «возникают из информации, передаваемой посредством социальных механизмов, и являются частью того наследия, которое мы называем культурой» [*Норт,* 1997, с. 57]. При этом «формальные и неформальные ограничения отличаются друг от друга только по степени проявления» [*Норт,* 1997, с. 67].

Следует обратить внимание на то, что в исследовательской среде понятия культуры и институтов зачастую используются в качестве взаимозаменяемых. Алесина и Джулиано признают, что «оба термина часто носят в литературе неопределенный характер» [*Алесина, Джулиано,* 2016а, с. 82]. Под культурой понимаются ценности и убеждения (те самые неформальные институты), а под институтами – формальные институты. Например, «ценности и поведенческие установки, разделяемые большой группой людей и медленно меняющиеся во времени, – неформальные институты» [*Аузан,* 2022, с. 14]. Поэтому Алесина с Джулиано констатируют, что «…с точки зрения семантики мы находим контрпродуктивным и сбивающим с толку отнесение культуры (ценностей и убеждений) к неформальным институтам» [*Алесина, Джулиано,* 2016а, с. 87]. Исследователи объясняют свою точку зрения тем, что неформальные институты априори рассматриваются как вторичные по отношению к формальным. Во избежание путаницы они предлагают остановиться на таком разделении: вместо неформальных институтов использовать термин «культура», а институтами называть только формальные институты. В таком случае ярлык «институт» не будет навешиваться на всё, что таковым не является. Академик В. Полтерович

использует словосочетание «гражданская культура» для обозначения ограничений, связанных с построением конгруэнтной экономическим преобразованиям институциональной среды [*Полтерович,* 2016, с. 2].

Отчетливо *культура как ограничение* проявилась в рамках такой ветви экономической науки, как экономика развития *(development economics)*. В связи с процессом деколониализации и обретением независимости бывших колоний стала активно развиваться экономическая теория развивающихся стран, которая отличалась от основных постулатов *mainstream*. Эти страны стали именоваться третьим миром, как нечто отличное от так называемого коллективного Запада, потому что оказалось, что естественные для развитых экономик принципы индивидуализма и рационального поведения там не получили широкого распространения. Получившая в то время популярность теория модернизации широко применялась в общественных науках и исходила из постулата, что преодоление экономической отсталости возможно исключительно при условии отказа от таких сдерживающих развитие факторов, как традиционные религиозные верования и культурные особенности.

Подход к ***культуре как предпочтению экономических агентов*** тесно связан с ценностями и убеждениями, которые влияют на результаты экономической деятельности. Ценности «отличаются от знаний тем, что не обнаружены эмпирически и не обоснованы аналитически» [*De Jong,* 2008, p. 7]. В большинстве эмпирических работ культура понимается как «привычные убеждения и ценности, которые различные этнические, религиозные и социальные группы передают из поколения в поколение в относительно неизменной форме» [*Guizo Guiso, Sapienza, Zingales,* 2006, p. 23]. Также культура выражается в ценностях и предпочтениях, причем «выделяется роль эмоций в мотивации человеческого поведения» [*Алесина, Джулиано,* 2016а, с. 84–85]. Однако экономисты уделяют мало внимания различиям между ментальными (убеждения) и эмоциональными (предпочтения) компонентами культуры, хотя последние попадают в поле зрения поведенческой экономики.

Поведенческая экономика возникла как своего рода попытка найти объяснения несоответствию основных положений *meinstream* экономической науки с его акцентом на рациональном поведении и максимизации полезности при удовлетворении неограниченных потребностей реальному поведению человека в экономической системе координат. Следует подчеркнуть, что речь шла не о пересмотре этих положений, а о восполнении пробелов с точки зрения объяснения человеческого поведения на основе данных, полученных в области психологии, психотерапии, антропологии, нейрофизиологии и др. [*Cartwright,* 2018, p. 4].

Вместе с тем оказалось, что человек далеко не так рационален, как его описывает неоклассическая теория, а в условиях неопределенности его выбор далек от того, что называется оптимальным. Более того, оказалось, что человек далеко не столь эгоистичен и в его жизни не всё подчинено доводам рассудка и достижению материальной выгоды. «Они *(экономисты – В.М.)* оказываются в затруднительном положении, когда вы указываете на такие мотивы действий, как любовь, преданность, жалость, мужество, честь, лояльность, честолюбие, общественное служение, которые при любом разумном толковании не мотивированы субъективным расчетом выгоды или результата» [*Skidelsky*, 2020].

Эмпирические исследования

В рамках количественного анализа экономисты измеряют культуру тремя способами: 1) используя данные опросов (опросники содержат вопросы о ценностях и убеждениях; данные собираются в целом по стране; агрегированные индикаторы затем коррелируются с экономическими показателями); 2) наблюдая за иммигрантами во втором поколении, постоянно отслеживая экономическую и институциональную среду (сравнивают показатели в стране пребывания с аналогичными показателями тех стран, из которых данные иммигранты приехали; культурные предпочтения остаются стабильными, если и меняются, то редко в рамках первых двух поколений); 3) собирая экспериментальные данные (как люди, относящиеся к разным культурам, по-разному реагируют при проведении экспериментов на основе ролевых игр на доверие, отношение к общественным благам, ультиматуму или диктаторству) [*Alesina, Guiliano,* 2015, pp. 898–944*;* на рус. *Алесина, Джулиано,* 2016a, 2016b].

Крупнейшими исследовательскими проектами, направленными на изучение на регулярной основе межстрановых социокультурных характеристик системы общественного устройства, являются *World Values Surveys, European Values Study, Eurobarometer, Asian Barometer* и др. Структурированные опросники используются в рамках специальных методик (Г. Хофстеде, Ш. Шварц, GLOBE и др.), в которых оцениваются разные социокультурные параметры в разрезе определенных группировок ценностей, что позволяет отобрать такие социокультурные характеристики, которые «несут в себе серьезный экономический потенциал» [*Аузан,* 2022, с. 82].

Самая популярная база данных для экономистов – *World Values Surveys (WVS) – Всемирное исследование ценностей*, которая появилась на свет благодаря усилиям профессора политологии Мичиганского университета Р. Инглхарта. База данных создавалась для проверки гипотезы о том, что экономические и технологические изменения меняют ценности и мотивации населения промышленно развитых стран. В 1981 г. было проведено исследование на основе данных Европейского опроса ценностей (*European Values Surveys)*. Результаты первой волны опросов позволили сделать вывод о том, что изменения в ценностях между поколениями происходят в отношении разного спектра вопросов, касающихся политики, экономики, религии, гендерных и семейных отношений. С 1981 г. было проведено 7 волн опросов (1981–1982; 1990–1991; 1995–1997; 1999–2001; 2005–2007; 2010–2014; 7-я волна (2017–2021) была отложена из-за пандемии *COVID-19*; 8-я волна опроса запланирована на 2024–2026). За прошедшее время география проекта расширилась до 120 стран-участников, представляющих 94,5% населения мира. База данных содержит около 600 показателей, характеризующих социальные, политические, экономические, религиозные и культурные ценности людей во всем мире.

Методика голландского социального психолога Г. Хофстеде позволила выявлять межстрановые культурные различия на основе опросов людей, работающих в одной и той же компании в разных странах мира на эквивалентных должностях (гомогенная выборка). За период с 1967 по 1980 г. были проведены опросы 116 тыс. работников департаментов маркетинга *IBM* в 79 странах мира. Для Г. Хофстеде ментальные программы людей, которые формируются с раннего детства в семье, а затем закрепляются в школе и в различных организациях, являются

компонентом национальной культуры. При помощи факторного анализа из 60 ценностных переменных (что равняется 60 ответам опросника) были выделены четыре культурных индикатора: индивидуализм *(individualism)* – коллективизм; дистанция власти *(power distance)*; маскулинность *(masculinity)* – феминность *(femininity)*; избегание неопределенности *(uncertainty avoidance)*; впоследствии был добавлен еще один – долгосрочная/краткосрочная ориентация (*long- & short-term orientation*) [*Hofstede,* 2001].

Культурная база Хофстеде в настоящее время расширена, в нее входят более 100 стран. Специалисты отмечают, что «массовое принятие исследователями подхода Хофстеде объясняется […] предоставляемой им возможностью перейти от чисто качественного к количественному анализу связей культур с иными сторонами и сферами экономической, социальной и политической жизни» [*Тамбовцев,* 2015, с. 8].

При рассмотрении портрета России с точки зрения ее социокультурных характеристик по методике Г. Хофстеде появилось понятие «экономическая культура», в основе которой лежит двухъядерность как способность воспроизведения и индивидуализма, и коллективизма [*Аузан,* 2022, с. 74]. Получается, что в России не удается построить эффективную экономическую систему из-за таких социокультурных особенностей, как 1) сакральность власти, высокая дистанция власти; 2) нежелание рисковать, стремление к сохранению статус-кво; 3) с одной стороны, успешность в создании уникальной продукции (феминность), с другой – нежелание четко следовать инструкциям не способствуют развитию массового производства; 4) долгосрочная ориентация в части «жизни во имя будущего», но реализация исключительно исходя из соображений «здесь и сейчас»; 5) индивидуальные установки превалируют в крупных городах, тогда как остальная Россия укоренена в коллективизме. Поэтому «использовать влияние культуры на экономику можно через изменение структуры социального и культурного капитала посредством прежде всего образования [Социокультурные…, 2020, с. 86].

Методика Ш. Шварца, израильского специалиста по кросс-культурной психологии, позволяет проводить сравнения между странами на основе определенного набора из 56–57 ценностей. В методологии Шварца специально разводятся ценности культуры (на уровне обществ и социальных групп; теория ценностных ориентаций) и индивидуальные ценности (на уровне личности; теория базовых ценностей) [*Schwartz,* 1992, 2006]. С 1988 по 2000 г. были проведены опросы школьных учителей и студентов колледжей (также гомогенная выборка) из 73 стран, позволивших провести межстрановые культурные сопоставления.

В рамках теории культурных ценностных ориентаций Ш. Шварца было выделено семь ценностных ориентаций в разрезе трех пар противопоставлений: 1) автономия *(autonomy)* – встроенность *(embeddedness)*; 2) эгалитаризм *(egalitarianism)* – иерархия *(hierarchy)*; 3) гармония *(harmony)* – доминирование *(mastery)*. Автономия, в свою очередь, делится на два вида: интеллектуальную (*intellectual autonomy)* и эмоциональную (*affective autonomy).* Первая пара противопоставлений характеризует, по сути, ценности индивидуализма/коллективизма (по Г. Хофстеде): люди как обособленные индивидуумы (широта взглядов, любопытство, креативность/удовольствие) или встроенные в социальную структуру, ассоциирующие себя с коллективом (сохранение статус-кво, уважение к традициям, послушание). Вторая пара

противопоставлений связана с превалированием горизонтальных или вертикальных связей в обществе: равенство, социальная справедливость, ответственность, помощь и честность как противоположность социальной власти, авторитету, богатству. Третья пара противопоставлений касается отношения к природе и окружающему миру: «понять и принять» против «изменить»; единение с миром, забота об окружающей среде в отличие от активного самоутверждения, амбиций, успеха. Таким образом, высокий эгалитаризм и интеллектуальная автономия характерны для Западной Европы, а встроенность и иерархичность свойственны культуре Юго-Восточной Азии [*Schwartz,* 2006, p. 140–142].

Несмотря на популярность опросов в исследовательской среде, их методология является объектом серьезной критики. Прежде всего речь идет о том, что одни и те же слова могут означать разные вещи в разных обществах (эквивалентность смысла). Кроме того, ответ респондента на тот или иной вопрос зависит от местных условий, поэтому сравнение ценностей между странами может повлечь за собой некорректное сопоставление. Ну и, наконец, «озвучиваемые иногда исследователями суждения о том, что ценностные измерители культуры имеет смысл использовать потому, что "так проще измерять", и, кроме того, потому что имеются соответствующие базы данных, нельзя признать убедительными оправданиями такого использования» [*Тамбовцев,* 2015, с. 94].

Помимо рассмотренных выше социокультурных параметров, экономистов волнуют темы, связанные с доверием, теснотой семейных связей, отношением к труду, восприятием бедности, уровнем морали и нравственности в обществе, что непосредственным образом влияет на принятие экономических решений, а также на результаты экономической деятельности [*Алесина, Джулиано,* 2016а, с. 91–93, 94–99].

Экономика культуры

Экономика культуры является самостоятельной ветвью экономической науки, сфокусировавшей свое внимание на изучении экономических явлений в сфере культуры и искусства. «Экономика культуры адаптирует экономические идеи к особенностям культурного сектора» [*Towse,* 2010, p. 6]. Речь идет об экономическом анализе культурной деятельности, в рамках которого требует решения широкий круг проблем, связанный с производством, распространением, потреблением культурных благ, приобщением широких слоев населения к культурным ценностям, а также сохранением объектов культурного наследия. С 2000-х годов область исследований существенно расширилась за счет включения проблематики культурных индустрий и связанных с ними авторских прав как основных источников генерирования добавленной стоимости в данной сфере.

Следует отметить, что с точки зрения «большой экономики» экономика культуры представляет собой некий маргинальный сегмент экономической науки, в котором занимаются узкоспециализированными отраслевыми проблемами. Между тем именно в рамках экономики культуры за прошедшие более чем 50 лет с момента ее оформления в ранг самостоятельной научной дисциплины сформирован теоретический задел, связанный с обоснованием «ограниченности» неоклассической экономической теории в сфере культуры и искусства. Речь, в частности, идет об особой роли государства в развитии тех областей человеческой деятельности, которые не интересны частному

бизнесу в силу нулевой, а зачастую и отрицательной отдачи на вложенный капитал, но значимы для общества в целом в силу их высокой социальной полезности. Это связано с особой природой культурных благ, отличных от обычных потребительских товаров, в отношении которых принцип «потребитель голосует ногами» просто не работает. «Все общества пытаются исключить некоторые области из рыночных отношений. Примерами служат религия, личная жизнь, политическая сфера и искусство» [*Хезмондалш,* 2019, с. 86].

Сфера культуры в силу преимущественно некоммерческого характера культурной деятельности, особенностей творческого труда и высокой степени его персонификации, а также отложенного во времени результата и опережающего роста расходов по сравнению с доходами неминуемо попадает в зону провалов рынка, так как не может функционировать на принципах самоокупаемости в условиях рыночной экономики.

Актуальность теоретических наработок экономики культуры возрастает в связи с тем, что предлагаемый набор решений может применяться во всех социально значимых отраслях, связанных с совершенствованием социокультурных характеристик человеческого потенциала (образование, здравоохранение, социальная поддержка, фундаментальная наука и др.). На примере некоммерческого сегмента сферы культуры ярко высвечиваются основные противоречия экономической теории *mainstream*, потому что методологический индивидуализм вкупе с рациональным поведением и экономической эффективностью, присущий «эре рыночного триумфа» (в терминах М. Сэндела), вытесняют ценностный аспект, придающий культурным благам высокую социальную значимость. «Экономисты часто утверждают, что рынки инертны и не оказывают влияния на те товары, торговлю которыми они организуют. Однако это не соответствует действительности. Рынок оставляет свою печать на всём, к чему он прикасается. В некоторых случаях рыночная стоимость вытесняет заключенную в товаре нерыночную ценность» [*Сэндел,* 2013, с. 16].

Экономика культуры – не только часть экономической науки, она широко вписана в междисциплинарный контекст. Это позволяет выходить за узкие рамки экономикоцентризма и взаимодействовать со смежными дисциплинами, такими как социология культуры и арт-менеджмент, философия культуры и культурология, культурная политика, экономическая антропология, история искусства и т. п. По мнению М. Нуссбаум, роль искусства заключается в воспитании сочувствия, что является неотъемлемой предпосылкой для самоорганизации и развития демократии. Кроме того, «…если мы не выступим в защиту гуманитарных наук и искусства, они будут забыты – ведь они не приносят денег» [*Нуссбаум,* 2014, с. 78–79]. По мнению Д. Тросби, экономика культуры исследует способы увязки экономической и культурной интерпретаций окружающего мира, что способствует позитивному взаимодействию экономики и культуры [*Throsby,* 2020, p. 63].

Этика и экономика

В настоящее время среди экономистов глубоко укоренилось понимание экономики, в основе которой лежит рыночный механизм распределения в трактовке Ф. Хайека. Он свободен от моральных ограничений. «Экономисты скажут вам, что моральные вопросы находятся выше их компетенции – «это дело политики» – но это только

потому, что они определили свой предмет таким образом, что сознательно исключают их» [*Skidelsky,* 2020].

Между тем всё чаще звучат голоса современных экономистов, указывающих на необходимость нравственного императива экономического развития, что также свидетельствует о возвращении культуры в экономический дискурс [*Сен,* 1996; *Козловски,* 1999].

По мнению исследователей, вымывание этической составляющей в экономических исследованиях произошло по причине того, что последние замыкались исключительно в рамках нормативной экономики [*Бёгельсдайк, Масэланд,* 2016, с. 42].

При этом социологи отмечают, что «вера в рынок наиболее заметна в тех частях общества, которым рынок служит наиболее верно, но эти отношения не являются ни простыми, ни автоматическими» [*DiMaggio, Goldberg,* 2018, p. 34]. Строго прорыночных позиций, как правило, придерживаются состоятельные европейцы мужского пола с элитарным образованием. Все остальные социальные страты в большей степени руководствуются своими религиозными соображениями и политическими предпочтениями.

Если экономика – это наука, свободная от моральных ограничений, значит, абсолютно всё в системе общественного устройства может являться объектом рыночного обмена. Между тем оказалось, что люди в самых разных уголках мира отрицательно относятся к проституции, продаже внутренних органов для трансплантации, суррогатному материнству, о чём свидетельствуют опросы домашних хозяйств, на основе которых, по сути, можно определить отношение к рынку с нравственных позиций по трем ключевым параметрам (формулировка тезисов приводится по *Market Module of the General Social Survey*): 1) продажа органов («людям с двумя здоровыми детьми следует разрешить продавать одного из них в госпиталь или специализированный центр для трансплантации органов»); 2) суррогатное материнство («практику платного суррогатного материнства следует законодательно разрешить»); 3) проституция («нет ничего плохого в том, чтобы обменивать деньги на секс») [*Сэндел,* 2013, p. 11–12]. Распространение подобного рода явлений свидетельствует о коммодификации всё более расширяющегося спектра видов человеческой жизнедеятельности, напрямую не связанных с процессами материального обеспечения. Поэтому распространение рыночного подхода к этим областям свидетельствует о коррозийной способности рынка изменять ценностную природу этих благ. И потому «дискуссия о моральных ограничениях для рынка позволила бы нам, обществу, решить, в каких сферах рынок служит общественному благу, а где его присутствие является недопустимым» [*Сэндел,* 2013, с. 21].

***

Как отмечают исследователи, «…чтобы успешно включить культуру в экономическую науку, нам нужно переосмыслить культуру и экономику так, чтобы между ними с самого начала не было противопоставления» [*Бёгельсдайк, Маселанд,* 2016, с. 385].

Если «…институты создаются людьми. Люди развивают и изменяют институты; поэтому наша теория должна начинаться с индивида» [*Норт,* 1997, с. 20], то какими будут институты, зависит от человека с его мировоззрением и духовным опытом, багажом знаний и профессионализма. В конечном счете многообразие и функциональность институтов определяют экономику как систему жизнеобеспечения.

Кроме того, «неизбежность культуры» (в терминах Ю. Лотмана) в экономической системе координат обусловлена активизацией междисциплинарных исследований. Поиск приемлемых институциональных изменений в рамках взаимодействия гуманитарных и общественных наук позволит выработать грамотные управленческие решения, гармонично вписывающиеся в существующую культурную традицию. Попытка что-то «подкрутить» в культуре для того, чтобы выйти на «нужные» параметры экономического роста, чревата, потому что обеспечение устойчивого экономического развития является средством, но никак не целью человеческого бытия.

Расстановка целей и приоритетов, в свою очередь, требует от исследователя полноты видения мира. «С каждым новым поколением, сужая поле деятельности, ученые теряют связь с остальной наукой, с целостным истолкованием мира – единственным, что достойно называться наукой, культурой, европейской цивилизацией». Ученый превращается в узкого специалиста, который «хорошо «знает» свой мизерный клочок мироздания и полностью несведущ в остальном». В результате «…сегодня, когда «людям науки» нет числа, людей «просвещенных» намного меньше» [*Ортега-и-Гассет,* 2020, с. 116–120]. В этой связи на смену узкому профессионализму, специализирующемуся на одной отдельно взятой проблеме, зачастую выхваченной из содержательного контекста, приходит широкая палитра возможностей из инструментария междисциплинарных исследований.

Хочется верить, что исследования взаимосвязи культуры и экономики не только наполнят новым содержанием экономическую науку, но и смогут внести свою лепту в гармонизацию системы общественного устройства.

Список литературы

Алесина А., Джулиано П. Культура и институты. Часть I // Вопросы экономики. – 2016a. – № 10. – С. 82–111.

Алесина А., Джулиано П. Культура и институты. Часть II // Вопросы экономики. – 2016b. – № 11. – С. 24–56.

Аузан А.А. Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. – Москва : Издательство АСТ, 2022. – 160 с.

Бёгельсдайк Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности. – Москва : Изд-во Института Гайдара, 2016. – 464 с.

Гаспаров М.Л. Записки и выписки. – Москва : Новое литературное обозрение, 2001. – 388 с.

Козловски П. Принципы этической экономии / пер. с нем. под ред. В.С. Автономова. – Санкт-Петербург : Экономическая школа, 1999. – 344 с.

Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. – Санкт-Петербург : Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. – 544 с.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – Москва : Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.

Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. – Москва : Изд-во НИУ ВШЭ, 2010. – 256 с.

Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 192 с.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с исп. А. Гелескула. – Москва : Издательство АСТ, 2020. – 256 с.

Поланьи К. Избранные работы. – Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2010. – 200 с.

Полтерович В.М. Институциональные реформы и гражданская культура. Текст доклада для выступления на круглом столе «Ценности, институты и доверие» в рамках XVII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, НИУ ВШЭ. – 2016. – 19–22 апреля. – URL: https://www.hse.ru/data/2016/06/21/1116116733/Институциональные%20реформы.pdf (дата обращения: 22.04.2022).

Сен А. Об этике и экономике / пер. с англ. – Москва : Наука, 1996. – 160 с.

Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка / Аузан А.А., Бахтигараева А.И., Брызгалин В.А., Золотов А.В., Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Ставинская А.А. // Вопросы экономики. – 2020. – № 7. – С. 75–91. – DOI: 10.32609/0042-8736-2020-7-75-91.

Стёпин В.С. Философская антропология и философия культуры. – Москва : Академический проект; Альма Матер, 2015. – 542 с.

Сэндел М. Что нельзя купить за деньги. Моральные ограничения свободного рынка / пер. с англ. Н. Ильиной. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 256 с.

Тамбовцев В.Л. Миф о «культурном коде» в экономических исследованиях // Вопросы экономики. – 2015. – № 12. – С. 85–106. – DOI: 10.32609/0042-8736-2015-12-85-106.

Хезмондалш Д. Культурные индустрии / пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. А. Михалевой. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 456 с.

Beugelsdijk S., Maseland R. Culture in Economics. History, Methodological Reflections, and Contemporary Applications. – Cambridge, New York : Cambridge University Press, 2011. – 408 p.

Cartwright E. Behavioral Economics. Third Edition. – London, New York : Routledge, Taylor and Francis Group, 2020. – 586 p.

De Jong E. Culture and Economics: On values, economics and international business. – London, New York : Routledge, 2009. – 256 pp.

DiMaggio P. Culture and Economy // Handbook of Economic Sociology / Ed. by N.J. Smelser, R. Swedberg. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1994. – P. 27–57.

DiMaggio P., Goldberg A. Searching for Homo Economicus: Variations in Americans' Construals and Attitudes towards Markets // European Journal of Sociology. – 2018. – Vol. 59, N 2. – P. 151–189.

Guiso L., Sapienza P., Zingales L. Does Culture Affect Economic Outcomes? // The Journal of Economic Perspective. – 2006. – Vol. 20, N 2. – P. 23–48.

Jackson W. Economics, Culture and Social Theory. – Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA : Edward Elgar, 2009. – 288 p.

Roland G. Economics and Culture // Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences / Ed. by R. Scott, S. Kosslyn. – S. l. : J. Wiley & Sons, Inc., 2015. – URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/9781118900772.etrds0091 (дата обращения: 22.04.2022).

Schwartz S. A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Application // Comparative Sociology. – 2006. – Vol. 5, N 2–3. – P. 137–182.

Schwartz S. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social psychology / Ed. by M. Zanna. – Vol. 25. – New York, NY : Academic Press, 1992. – P. 1–65.

Skidelsky R. What's wrong with economics? A primer for the perplexed. –

New Haven, London : Yale University Press, 2020. – 248 p.

Throsby D. Value and Values in Economics and Culture // Cultural Values in Political Economy / Ed. by J.P. Singh. – Stanford, California : Stanford University Press, 2020. – P. 48–64.

Towse R. A Textbook of Cultural Economics. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2010. – 628 p.

From the Point of Economics

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.03

Culture and Economy: Scientific Approaches to Interrelation

Valentina Yu. MUZYCHUK
Dr. Sc. (Economics), Deputy Director
Institute of Economics, Russian Academy of Science (RAS)
Nakhimovskiy Avenue, 32, Moscow, Russian Federation, 117218
E-mail: office@inecon.ru
ORCID: 0009-0008-7902-7228

CITATION: Muzychuk V.Yu. (2022). Culture and Economy: Scientific Approaches to Interrelation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law,* vol. 15, no. 5, pp. 50–67 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.03

Received: 25.04.2022.
Revised: 09.08.2022.

ABSTRACT. *The article attempts to summarize the approaches to study the interrelation between culture and economy. On the one hand, it is about the cultural impact on the economy as a life-support system, i.e. about the role of cultural factors in economic development and ensuring sustainable economic growth. On the other hand, the article pays attention to the cultural factor in the context of economic science and its reflection in certain areas of economic thought (institutional economics, behavioural economics, development economics, etc.): (1) culture as an explanation of residual phenomena; (2) culture as a restriction of economic behaviour; (3) culture as a preference of economic agents. Finally, it also deals with the cultural economics as an independent branch of economic science, which studies the economic problems of culture that is responsible for the cultural engagement of the wider population and the improvement of the cultural component of human potential in general. The article justifies the necessity of incorporating of cultural factor into modern economic research as culture not only influences economic behaviour and choice of economic entities, but also determines the quality of institutes, thus forming the vectors of modern social system development.*

KEYWORDS: *interrelation of culture and economy, cultural economics, ethics and economy, social and cultural factors of economy, moral imperative of economic development, cultural component of human potential.*

References

Alesina A., Giuliano P. (2016a). Culture and Institutions. Part I // *Voprosy ekonomiki,* no. 10, pp. 82–111 (in Russian).

Alesina A., Giuliano P. (2016b). Culture and institutions. Part II // *Voprosy ekonomiki,* no. 11, pp. 24–56 (in Russian).

Auzan A. (2022). *Cultural codes of economy: How values influence competition, democracy and people's welfare.* Moscow : Publishing house AST, 160 pp. (in Russian).

Beugelsdijk S., Maseland R. (2011). Culture in Economics. History, Methodological Reflections, and Contemporary Applications. Cambridge, New York : Cambridge University Press, 408 pp.

Boegelsdyk S., Maseland R. (2016). *Culture in Economic Science: History, Methodological Reasoning, and Areas of Practical Application in Modernity.* Moscow : Gaidar Institute Publishing House, 464 pp. (in Russian).

Cartwright E. (2020). Behavioral Economics. Third Edition. London, New York : Routledge, Taylor and Francis Group, 586 pp.

De Jong E. (2009). *Culture and Economics: On values, economics and international business*. London, New York : Routledge, 256 pp.

DiMaggio P. (1994). Culture and Economy. In: Smelser N.J., Swedberg R. (eds.). *Handbook of Economic Sociology*. Princeton, NJ : Princeton University Press, pp. 27–57.

DiMaggio P., Goldberg A. (2018). Searching for Homo Economicus: Variations in Americans' Construals and Attitudes towards Markets. *European Journal of Sociology*, vol. 59, no. 2, pp. 151–189.

Gasparov M.L. (2001). *Notes and extracts.* Moscow : New Literary Review, 388 pp. (in Russian).

Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2006). Does Culture Affect Economic Outcomes? *The Journal of Economic Perspective*, vol. 20, no. 2, pp. 23–48.

Hezmondalsh D. (2014). *Cultural industries*. Transl. from English by I. Kushnareva, ed. by A. Mikhaleva. Moscow : Publishing house of the Higher School of Economics, 456 pp. (in Russian).

Jackson W. (2009). *Economics, Culture and Social Theory*. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA : Edward Elgar, 288 pp.

Kozlowski P. (1999). *Principles of ethical economy.* Transl. ed. by V.S. Avtonomov. St. Peterburg : Ekonomicheskaya shkola, 344 pp. (in Russian).

Lotman Y. (2002). *Articles on Semiotics of Culture and Art.* St. Petersburg : The Humanitarian Agency "Academic Project", 544 pp. (in Russian).

North D. (1997). *Institutes, Institutional Change and the Functioning of the Economy.* Transl. ed. by B.Z. Milner. Moscow : Foundation of Economic Books "Beginnings", 180 pp. (in Russian).

North D. (2010). *Understanding the Process of Economic Change.* Transl. by K. Martynov, N. Edelman. Moscow : Higher School of Economics, 256 pp. (in Russian).

Nussbaum M. (2014). *Not for Profit: Why Democracy Needs Humanitarian Sciences.* Moscow : Higher School of Economics Publishing House, 192 pp. (in Russian).

Ortega y Gasset J. (2020). *Revolt of the masses.* Transl. from Spanish by A. Galeskul. Moscow : AST Publishing House, 256 pp. (in Russian).

Polanyi K. (2010). *Selected Works.* Moscow : Publishing house "Territory of the Future", 200 pp. (in Russian).

Polterovich V.M. (2016). Institutional Reforms and Civic Culture. Text of the report for the speech at the round table "Values, Institutions and Trust at the XVII April International Scientific Conference on the problems of development of economy and society, National Research University Higher School of Economics, April 19–22. Available at: https://www.hse.ru/data/2016/06/21/1116116733/Институциональные%20реформы.pdf, accessed 22.04.2022.

Roland G. (2015). Economics and Culture. In: Scott R., Kosslyn S. (eds.). *Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences*. S. l. : J. Wiley & Sons Inc. Available at: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/9781118900772.etrds0091, accessed 22.04.2022.

Sandel M. (2013). What Money Can't Buy. Moral constraints of the free market. Transl. from English by N. Ilyina. Moscow : Mann, Ivanov and Ferber, 256 pp. (in Russian).

Sen A. (1996). *On Ethics and Economics.* Transl. from English. Moscow : Nauka, 160 pp. (in Russian).

Sotsiokulturniye… (2020). Auzan A.A., Bakhtigaraeva A.I., Bryzgalin V.A., Zolotov A.V., Nikishina E.N., Pripuzova N.A., Stavinskaya A.A. Sociocultural factors in economy: past milestones and current agenda // *Voprosy ekonomiki,* no. 7, pp. 75–91 (in Russian).

Stepin V. (2015). *Philosophical Anthropology and Philosophy of Culture.* Moscow : Academic Project; Alma Mater, 542 pp. (in Russian).

Schwartz S. (2006). A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Application. *Comparative Sociology*, vol. 5, no. 2–3, pp. 137–182.

Schwartz S. (1992). Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries. In: Zanna M. (ed.). *Advances in experimental social psychology*, vol. 25. New York, NY : Academic Press, pp. 1–65.

Skidelsky R. (2020). *What's wrong with economics? A primer for the perplexed*. New Haven, London : Yale University Press, 248 pp.

Tambovtsev V.L. (2015). The myth of the "cultural code" in economic research *Voprosy ekonomiki,* no. 12, pp. 85–106 (in Russian).

Throsby D. (2020). Value and Values in Economics and Culture. In: Singh J.P. (ed.). *Cultural Values in Political Economy*. Stanford, California : Stanford University Press, pp. 48–64.

Towse R. (2010). *A Textbook of Cultural Economics.* Cambridge, UK : Cambridge University Press, 628 pp.

Культура и идентичность

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.04

Массовая культура как среда политической социализации молодежи

Игорь Иванович КУЗНЕЦОВ
доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119991;
ведущий научный сотрудник отдела политической науки
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: politbum@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0274-8728

Елизавета Владимировна КУЛИКОВА
младший научный сотрудник отдела политической науки
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: kulikveta@bk.ru
ORCID: 0000-0002-8971-1831

Юлия Владимировна ПЕТРОВА
аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119991;
младший научный сотрудник отдела политической науки
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: iuliiapeetrova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8778-9010

ЦИТИРОВАНИЕ: Кузнецов И.И., Куликова Е.В., Петрова Ю.В. Массовая культура как среда политической социализации молодежи // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 68–88.
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.04

Статья поступила в редакцию 27.10.2022.
Исправленный текст представлен 13.12.2022.

БЛАГОДАРНОСТЬ: Статья подготовлена в рамках проекта № 1022062000240-7, который реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

АННОТАЦИЯ. *В настоящее время массовая культура становится значимым инструментом влияния на сознание и поведение масс, в особенности молодежи. Коммерциализация массовой культуры приводит к заметному снижению качества ее содержания, а также к утрате возможностей какого-либо нормативного контроля в данной сфере, что требует серьезного исследования того, какие именно образы и смыслы массовой культуры доминируют в сознании российской молодежи, как работает механизм формирования мировоззрения, становления картины мира и формирования собственной социальной идентичности. В рамках данной статьи выделены основные подходы к определению роли массовой культуры в процессе политической социализации молодежи в России: от исследований, подчеркивающих сугубо таргетированный характер воздействия культурных ориентиров на молодежь, до работ, заявляющих о всеобъемлющем характере массовой культуры. Сделан вывод о том, что современные подходы к изучению массовой культуры в большой степени ориентированы на концептуализацию и поиск универсальных объяснений принципов ее функционирования (коммерциализацию, контекстуальность, общедоступность, формирование конвенций в рамках коммуникации и др.). В то же время в работе зафиксированы основные межпоколенческие отличия в проведении досуга и выборе конкретных его форм, различных для поколения «отцов» и поколения «детей», что также значительно сказывается на информационном и культурном потреблении представителей различных поколений. При этом для молодежи потребление тех или иных культурных образцов определяется преимущественно доступностью соответствующих артефактов и социальным влиянием (модой, окружением, социальными контактами и др.).*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *массовая культура, молодежь, социализация молодежи, артефакты культуры.*

Вопросы политической социализации давно и прочно закрепились среди наиболее важных в социальных науках. Как именно происходит становление молодого человека, гражданина, активного участника политического процесса, интересует не только исследователей, но и крайне востребовано практиками – лицами, принимающими решения. Тем более значимыми и ответственными, по-видимому, должны быть те средства, которые используются в данном процессе. Традиционно сильными институтами политической социализации в обществе являлись семья, школа, круг повседневного общения молодого человека, религиозное сообщество. Последние два десятилетия характеризуются нарастанием возможностей сферы массовой культуры (далее – МК) в данном процессе и, наоборот, заметным снижением влияния традиционных институтов. В этой связи приходится учитывать не только формирование новых каналов коммуникации и их воздействие на массовую аудиторию, но и снижение авторитета непосредственного взаимодействия в рамках традиционных институтов и структур социального общения. Многие первичные сведения, навыки, ориентиры в сфере культуры молодые люди получают быстрее и полнее еще до того, как в этом процессе проявляется влияние семьи и школы, круга личного общения, соседей и друзей.

В рамках данной статьи предлагается разработать основные подходы к определению роли массовой культуры в процессе политической социализации молодежи в нашей стране. Кроме того, одной из задач является формулирование гипотез для эмпирического

этапа исследования данной темы, включающего массовый опрос (методом онлайн-анкетирования по соответствующей выборке) и цикл экспертных интервью.

Роль массовой культуры в современном социуме: от антиномии «элитная – массовая» к всеобщей коммуникации

Изучение массовой культуры активно ведется в социальных науках с начала XX в. Несмотря на довольно большой объем публикаций, отражающих самые разнообразные теоретико-методологические подходы к концептуализации данного понятия, до сих пор не сложилось прочной конвенции по целому ряду направлений, остаются дискуссионными вопросы возможных границ МК, влияния отдельных социальных акторов и институтов на ее функционирование, взаимодействия МК и так называемой высокой культуры и др. Полагаем, что эти вопросы в целом дают возможность предложить собственную версию эволюции исследовательских подходов и наметить главные стратегические линии работы для изучения интересующего нас вопроса – роли МК в процессе освоения молодыми людьми пространства современной политики. Если обратиться к основным измерениям категории МК в социальных науках, то можно выделить следующие.

Во-первых, определение массовой культуры как *антипода культуре «элитарной», властной.* С этой позиции выступали теоретики начала прошлого столетия, указывавшие на очевидные отличия мотивов социального действия «героев» и «толпы». Противопоставление лидеров и масс было призвано указать на различные основания политического процесса в условиях массовизации общества, формирования больших социальных групп, ориентированных на участие в политической жизни через актуализацию классовых, культурно-религиозных, этнических и других потребностей. Так, в работах Г. Лебона и Г. Тарда были сформулированы некоторые закономерности массового социального восприятия и поведения, которые позволили по-новому оценить роль психологических, субъективных факторов в формировании мировоззрения, выстраивании социально-политических стратегий власти [*Лебон*, 1995; *Тард*, 2015].

Во-вторых, МК нередко рассматривают как *явление, сопутствующее развитию современного индустриального, массового общества.* Такой социум складывается в условиях модернизации производства, появления массовой социальной общности – пролетариата, занятого в сфере материального производства, – распространения всеобщей грамотности и расширения возможностей для политического участия (массовая печать, радио, всеобщее начальное или среднее образование, кино, плакатное искусство и др.). В работах итальянского мыслителя Х. Ортега-и-Гассета актуализируется проблематика «массового общества», ориентированного на уравнивание, формирование стандартов в поведении и потреблении, как антитезы общества элитарного, что привело к появлению понятий «массовая культура» и «элитарная культура» [*Ортега-и-Гассет*, 1991a; *Ортега-и-Гассет*, 1991b].

В-третьих, одним из самых заметных проявлений такой культуры стала *коммерциализация как самих артефактов, предметов культуры, так и всей сферы ее «производства».* В работах представителей Франкфуртской школы и их последователей происходит развитие критической теории массовой культуры [*Хоркхаймер*, *Адорно*, 1997;

Маркузе, 2002; *Бодрийяр*, 2020; *Беньямин*, 1996]. Большое внимание уделяется так называемой индустрии культуры, которая производит стандартизированные, унифицированные артефакты, считающиеся новинками, ориентирована на получение прибыли и в силу этого демонстрирует стремление к максимальному охвату аудитории, повышению возможностей привлечь внимание и интерес каждого. В то же время такая индустриальная парадигма минимизирует или совсем исключает личную инициативу художника, ограничивает свободу творчества, диктует те или иные рамки для его проявления через установление форматов, определение трендов или соответствие некоему успешному идеалу. Дальнейшее преломление теории МК можно видеть в попытках установить корреляции между доминирующим в обществе типом культуры и тенденциями эволюции политического режима [*Макдональд*, 1990, с. 243–275; *Дебор*, 1999]. Например, в работе Г. Дебора спектакль, постановка, перформанс представлены не столько как жанры театрального искусства, сколько в качестве платформы существования современного общества, где театрализация является одним из основных способов заявить социальную позицию и продвинуть соответствующие интересы.

Во второй половине XX в. в исследованиях массовой культуры всё большее внимание уделяется уже не только ее пассивному потреблению, но и соучастию человека в производстве, процессе создания объектов и явлений культуры. Это отчасти снимает негативные коннотации, характерные для критической теории, но при этом указывает на важные характеристики социального контекста – наблюдаемый переход от индустриального общества к обществу постиндустриальному [*Hall*, 1980, p. 2–35; *Белл*, 2004]. Конец прошлого века и начало нового XXI в. связаны с распространением новых средств коммуникации и появлением новых возможностей для МК [*Маклюэн*, 2004; *Маклюэн*, 2019]. Сами средства общения (компьютер, смартфон и др.) становятся влиятельными инструментами коммуникации, оказывая, помимо прочего, мощное влияние и на содержание транслируемой информации. Расширение возможностей хранения и воспроизводства информации создает практически неограниченные перспективы использования большого арсенала мировой художественной культуры. С одной стороны, благодаря сети Интернет, мощным облачным хранилищам информации, появляется возможность приобщения любого человека к самым важным и значимым объектам мировой культуры. С другой стороны, эти же масштабные информационные ресурсы значительно «приземляют» элементы некогда «элитарной» культуры, происходит «усреднение» и, отчасти, обесценивание достижений мировой цивилизации. Обладатель современного гаджета, компьютера склонен к потреблению относительно простых артефактов, к которым можно отнести детектив, мелодраму, вестерн, мюзикл, комикс и др., что говорит об упрощении искусства, сведении его к простым моделям, гарантирующим успех у массовой аудитории [*Кастельс*, 2000; *Хевеши*, 2001].

Отечественные исследования массовой культуры

В российской научной литературе также ведется интенсивное обсуждение проблем и перспектив развития массовой культуры, дебатируются вопросы ее концептуализации, определения основных границ и функций. Стоит отметить, что российский опыт

в данном случае представляет особый интерес в силу двух причин.

Во-первых, исследование массовой культуры в социологии, культурологии, социальной психологии и искусствоведении неразрывно связано с определением особенностей эволюции именно российского социума. Последние два десятилетия XX в. и первые два нынешнего – время интенсивных социально-политических изменений, становления новой экономической модели, характеризующейся относительно быстрой сменой жизненного уклада многих граждан, трансформацией привычного им мира в новый, вызывающий настороженность и тревогу. Именно поэтому особое внимание исследователи уделяли возможностям социальной адаптации людей к новой реальности, стратегиям поиска новой идентичности, формированию новых сообществ и структур. Особое место в этой связи занимают исследования политического становления молодежи и поколенческие аспекты социализации в целом.

Во-вторых, российскому социуму в последние десятилетия пришлось пройти непростой путь от советского идеологического монополизма с однопартийной системой к постсоветской модели политической конкуренции с конституционным ограничением государственной идеологии. Данный путь был сопряжен с некоторыми завышенными ожиданиями от либеральной демократии и «свободного рынка» в конце 1980-х – начале 1990-х годов, а также с разочарованиями в результатах реформ, приведших к радикальной социальной трансформации с резким падением уровня и качества жизни. Массовая культура в этих условиях была естественной средой политической социализации в силу доступности, относительного разнообразия и коммерческой привлекательности для инвестирования со стороны нарождающегося предпринимательского слоя (реклама, промоушн и работа с целевыми группами были и остаются широко востребованными направлениями развития бизнеса). Кроме того, именно в сфере массовой культуры стали появляться и проявляться квазиидеологические явления, способствующие самоидентификации тех или иных общественно-политических течений (от просоветской ностальгии в духе «Старых песен о главном» до проектов построений новой «белой» или «красной» империи/сверхдержавы либо реализации стратегии «вхождения/возвращения» в так называемый цивилизованный мир, Запад). Отметим также, что в пространстве массовой культуры быстрее всего идет процесс формирования личностного капитала лидеров: многие из постсоветских политиков получили известность и стали узнаваемы благодаря своему активному участию в разнообразных развлекательных проектах.

Смена доминирующего научного подхода к исследованиям феномена массовой культуры произошла в отечественной научной литературе весьма показательно: от маркирования массовой культуры как конкретного проявления классовой сущности буржуазного, капиталистического общества [*Кукаркин*, 1985; *Нечай*, 1984; Культура…, 1990; *Райнов*, 1979] к ее определению как органической части современной постиндустриальной эпохи, формирующей новые модели общественных отношений [Массовая культура…, 2004; *Ионин*, 1998; Массовая культура…, 2005]. В работах многих исследователей массовая культура неразрывно связана с современными средствами массовой коммуникации, которые опосредуют формирование мировоззренческих стандартов общества, в том числе в сфере эстетического. Такой взгляд на МК позволяет именовать ее и как

«медиакультуру», что позволяет более точно соотносить функционирование разнообразного контента с той творческой, профессиональной средой, которая его отбирает, оформляет, репрезентирует для массового потребителя.

Для систематизации подходов к определению МК и фиксации ее роли в современном социуме сгруппируем работы отечественных исследователей в три основных блока.

Первый подход (*«масскульт всеобъемлющ»*) базируется на представлении о том, что масскульт носит всеобщий характер, что выражается в его экспансивной природе и стремлении доминировать в социокультурном пространстве посредством навязывания представлений о морально достойном, эстетически совершенном, социально одобряемом и т. д. (либо, по крайней мере, претендующим на такой статус).

Современное общество находится под постоянным давлением МК в силу невозможности полностью «отключить» либо существенно минимизировать влияние медиасреды на его функционирование. Это проявляется в агрессивном продвижении тех форм и объектов творчества, которые позволяют обеспечить повышенное внимание публики и тем самым сформировать условия для инвестирования. Таким образом, пространство массовой культуры – агрессивная среда медиакультуры, неразрывно связанная с коммуникациями, а следовательно, существующая в рамках принятых нормативных установлений данной сферы (например, поощрение разнообразия и уникальности, приоритет эмоциональным реакциям публики вместо ведения рационального диалога, минимизация сложного контента в противовес продвижению легкого и развлекательного и др.) [*Астафьева*, 2013, с. 1–8; *Орнатская*, 2001, с. 129–133; *Разлогов*, 2010; *Шапинская*, 2017]. Например, А.В. Захаров обозначает основные черты современной массовой культуры: ориентация на агрессивную экспансию визуальных форм культуры, теснящих культуру книжную; трансформация информационного образа от печатного к визуальному; сращивание СМИ с проявлениями массового сознания [*Захаров*, 2003, с. 3–16].

Исследователи также отмечают неразрывную связь МК со сложившейся социально-экономической моделью общества, которая весьма жестко задает основные параметры развития: «массовая культура восприняла основные характеристики индустриального общества, она обладает товарными свойствами, тесно связана с механизмами рекламы и связей с общественностью, так что пока существует рыночная экономика, пока доминирует массовое сознание, будет существовать и массовая культура» [*Луков*, 2018, с. 53–66]. Отметим, что молодежь традиционно является наиболее активной частью общества в том, что касается потребления продукции МК.

Второй подход (*нишевый характер МК, торжество маркетизации*) основан на том допущении, что активное использование в сфере масскульта новых технологий коммерческой рекламы, продвижения и *PR* формирует ее как совокупность различных ниш, отдельных аудиторий со своими собственными запросами и ресурсами свободного времени, внимания и т. д. Данный подход акцентирует внимание на том, как именно функционирует индустрия МК на основе современных технологий таргетирования целевых аудиторий и что могут сделать рыночные условия с содержанием и основными формами проявления культуры. Г.Л. Тульчинский пишет: «Отныне ценности не вырабатываются внутри социума, а внедряются в него. Сегодня может почитаться толерантность, завтра –

религиозная нетерпимость, а послезавтра – индивидуалистический гедонизм. И соответственно будут пропагандироваться различные имиджевые фигуры, символы. Сегодня – одни, завтра – другие, послезавтра – третьи. Слава создается манипулятивно, с помощью СМИ и за деньги. … Массовая культура – едва ли не первая в истории человечества культурная формация, лишенная трансцендентного измерения, какой бы то ни было апофатичности, а полностью и исключительно катафатичная. Если что-то сверхъестественное и фигурирует в ней, то, во-первых, описывается конкретно и буквально подобно описанию потребительских качеств товара, а во-вторых, это сверхъестественное подчинено вполне земным целям и используется в решении самых что ни на есть земных потребностей» [*Тульчинский*, 2006, с. 54–66]. Такое видение МК позволяет оценивать успешность конкретных практик в сфере культуры, разрабатывать подходы к повышению их эффективности с опорой на достижения современного маркетинга, управления репутацией и рекламы. Оборотной стороной этого процесса можно считать утрату личностью возможностей для естественного самоопределения: «Личностное самоопределение превращается в фактор, обеспечивающий иллюзию выбора. Идентичность, самосознание личности, ее «Я» (*myself*) растворяется в предметности мифа масскульта. Массовая культура и ее артефакты – целостная и хорошо интегрированная система, способная к перманентному самовоспроизводству. Это самовоспроизводящаяся массовая персонология, или персонологичная масса» [*Тульчинский*, 2006, с. 54–66].

Третий подход (*массовая культура как конвенция*) стремится видеть в МК объединяющую социум платформу общения: все обсуждают волнующие их темы на том языке, который является общеупотребительным. А это, как правило, язык мемов, символов, речевых оборотов, которые образуют некое соглашение участников коммуникации, позволяющее им находить понимание и обозначать сопричастность обсуждаемой проблеме. В таком виде МК выглядит как предельно зависимая от сложившегося на данный момент состояния массовых коммуникаций и доминирующих в них представлений. Контекстуальность этих представлений, эмоциональная насыщенность тех или иных суждений, высказываний располагает к вовлечению заинтересованных участников и формированию конкретных позиций. При этом у такой коммуникации отсутствуют барьеры входа: все, кто способен к соответствующему формату общения, могут участвовать и заявлять собственную позицию (а наиболее талантливые могут создавать собственные коммуникационные платформы в виде чатов, блогов, видеоканалов и подкастов). Некоторые исследователи не исключают иерархического устройства массовой культуры, где одновременно могут сосуществовать разные уровни коммуникации с различными стилями общения. Так, по мнению А.Н. Ильина, «массовая культура не является атрибутом только массы, но выступает культурным пространством для всего общества в целом – так называемого современного массового общества» [*Ильин*, 2009, с. 67–75].

Представляет особый интерес концепция морфологического строения культуры, в которой выделяются следующие структурные единицы: *обыденная* культура, осваиваемая человеком в процессе его общей социализации в среде проживания; *специализированная* культура, освоение которой требует специального (профессионального) образования; *массовая* культура как

занимающая промежуточное положение между этими культурами с функцией транслятора культурных смыслов [*Орлова*, 2004; *Орлова*, 2012].

Итак, современные подходы к изучению массовой культуры в большой степени ориентированы на концептуализацию и поиск универсальных объяснений принципов ее функционирования (коммерциализация, контекстуальность, общедоступность, формирование конвенций в рамках коммуникации и др.). Для задач нашего исследования имеет особое значение акцент на сложности и всеохватности данного явления, так как МК способна оказывать мощное воздействие на процессы политической социализации молодых граждан и формировать их мировоззрение. Кроме того, крайне важными остаются вопросы функционирования конкретных образов и символов МК в условиях развитой коммуникации и возможности управления этим процессом.

Культурное пространство современной молодежи: между развлечением и просвещением

Формирование мировоззрения и гражданских качеств современной молодежи проходит в условиях мощного влияния всей среды массовых коммуникаций на данные процессы. В этом состоит одна из особенностей культурной ситуации сегодня, так как еще совсем недавно далеко не каждый мог иметь мобильный, широкополосный доступ к сети Интернет и возможность просмотра видео, прослушивания аудиофайлов и чтения электронных текстов. Кроме того, на эти процессы активно воздействует сам формат пользования компьютером и мобильными устройствами. Их миниатюрность, мобильная эргономика и мощные возможности в значительной мере обеспечивают практически повседневное пользование в режиме «фоновой практики» (когда человек просматривает, прослушивает, листает материалы или ищет информацию, одновременно осуществляя какую-то иную деятельность – передвижение в транспорте, занятия спортом, домашние дела и даже учебный процесс). Современные программные средства уже давно работают в соответствии с алгоритмами, которые способны подстраиваться под интересы и запросы пользователя, учитывают особенности его сетевой активности и даже жизненный график.

Освоение культурного пространства молодежью происходит неразрывно с формированием смысловых оснований саморегуляции. В работе русского социолога начала XX в. П.А. Сорокина предложен следующий вариант реконструкции этого процесса. Базовые типы культуры содержат устойчивые концепты с набором основополагающих ценностей, находящихся в центре тезауруса большинства носителей данной культуры; они не осознаются, а «всплывают в виде представлений по поводу определенных проблем или объектов, подвигая людей на совершение поступков, определяя их направленность и предопределяя восприятие мира» [*Сорокин*, 2000, с. 11]. Таким образом, молодежь органически встраивается в социокультурное пространство, применяя весь арсенал конкретных концептов, опирающихся на базовые ценности.

Отметим, что особую сложность для анализа данной темы исследования представляет фактор исторической инерции: масштабные социально-политические изменения, происходившие в нашей стране на рубеже XX–XXI столетий, не могли не сказаться на процессах политической социализации молодежи. «Отцам» (поколениям

беби-бумеров и близких к ним по возрасту) досталась непростая адаптация к «рынку» и политическому плюрализму, а «детям» (тем, кто родился на излете СССР и в новой России) пришлось осваивать азы общественного устройства уже без пионерии и комсомола, в совершенно иной среде массовой культуры, где наряду с отечественными достижениями активно репрезентируются и мировые. Подчеркнем также, что сегодняшнее разнообразие источников и форм трансляции МК помогло сформировать гораздо более широкий спектр выбора интересующих направлений.

Разнообразные явления и формы культуры, искусства и творчества, с которыми молодым людям приходится иметь дело в обыденной жизни, отражаются в их сознании, оставляют определенный след, формируя тем самым культурное пространство личности, влияя на общий уровень развития интеллекта, памяти, воображения. Находясь в диалоге с окружающим миром, молодые граждане вырабатывают свой собственный контур взаимодействия, общения, усваивают имеющиеся образцы и паттерны социального поведения. Ю.А. Зубок пишет: «Осуществляя свои намерения, молодой человек находится в определенных условиях, которые задаются институциональным дискурсом и одновременно регулируются культурными образцами и смыслами, благодаря чему саморегуляционные процессы в молодежной среде имеют как общие, так и индивидуальные черты» [Саморегуляция…, 2022, с. 221]. Некоторые исследователи в этой связи предпочитают видеть в такой работе не только поиск молодыми своей идентичности, но и формирование новых направлений самореализации, претендующих на статус самостоятельных, эффективных путей творчества, выбора профессии, построение бизнеса или личного бренда. Например, коллектив исследователей под руководством Е.А. Омельченко использует концепт «молодежных культурных сцен», позволяющий характеризировать сложный процесс выбора и самоопределения молодого человека сегодня [Молодежь…, 2020].

Данный процесс в значительной степени зависит от общения молодых людей со своими ровесниками, друзьями, так как именно в коммуникации с теми, кто близок по возрасту и социальному статусу, определяется тот ряд основных представлений, смыслов, образов, которые фиксируют картину мира и наделяют ее носителей возможностями адекватного восприятия социальной ситуации. При этом специалисты указывают, что молодежь может выбирать из нескольких основных, типичных стратегий такой коммуникации, среди них: инновационный вариант (ориентация на активность, предприимчивость, новизну); физическое развитие (здоровый образ жизни, культ здоровья, культ тела); духовный (активизация духовной жизни); гедонистический (стремление получить как можно больше удовольствия); адаптационный (необходимость экономить во всем, приспосабливаться к изменяющимся условиям); моральная аномия (отрицание моральных норм, «у каждого своя мораль»).

Эти типичные стратегии в целом приводят к усвоению норм каких-то отдельных субкультур, но в то же время идентификация предполагает и освоение базовых образцов культуры через образование, систему просвещения, самостоятельную творческую активность и общение. Это позволяет формировать идентичность сразу с несколькими поколениями – как минимум родителей и сверстников.

Культурное пространство современной молодежи весьма разнообразно, отличается множеством вариантов

выбора индивидуальной жизненной и творческой траектории самореализации. В то же время оно накладывает серьезные ограничения на этот самый акт выбора. И дело здесь не в том, что есть разные возможности, определяемые различными социальными статусами, местом жительства, доходом или образованием. Скорее, здесь имеет место относительно новая для России социальная ситуация: такой выбор приходится делать в условиях возрастающей неопределенности, высоких рисков и рассмотрения альтернатив, малоприемлемых для общества в целом (например, достаточно популярная, к сожалению, стратегия отъезда молодых специалистов из страны). Кроме того, есть еще один аспект, отличающий нынешнюю модель поведения молодежи от их родителей: молодым приходится выбирать из весьма большого меню, разнообразных опций и стратегий, которые могут быть весьма привлекательны. Поэтому предпочитая какую-то альтернативу, молодой человек спустя небольшое время начинает понимать, что упустил минимум десять других вариантов, которые могут быть весьма соблазнительны. Часто бывает сложно понять, что они не лучше, чем тот выбор, который уже сделан. По сути, речь идет о фрустрированном сознании, разочаровании в собственных возможностях или в окружающем мире, появляются запросы на «коллекционирование впечатлений» через постоянный поиск новизны, актуального, модного.

Большую роль здесь оказывает мощное давление медиасреды на молодых и их активное сетевое общение. Выбор молодежи всегда опосредован калейдоскопом альтернатив, их конкуренцией, столкновением версий того или иного варианта жизненных, творческих и культурных предпочтений. В сетевом общении любая значимая цель может быть не только оспорена, но и подвержена осмеянию, обесценена, что может привести к душевному разладу, депрессии [*Кузнецов*, 2021, с. 237–252]. Возможный спектр реакций на такие коммуникативные ситуации с серьезными последствиями весьма широк: от эскапизма и отказа от деятельности вообще до прокрастинации и суицида.

Молодые россияне активно интересуются событиями и явлениями массовой культуры, следят за актуальными тенденциями искусства и моды, стараются «быть в тренде», наблюдая за творчеством и сетевой активностью известных людей, лидеров общественного мнения. Исследователи, обратившиеся к анализу культурного потребления поколения «миллениалов», отмечают интересную тенденцию – тяготение молодых к культурным продуктам и общему (неприкладному) гуманитарному знанию. Это связано не только со стремлением расширить свой кругозор и понимать актуальный контекст, но главным образом с потребностью саморазвития вне профессиональной среды. В.В. Радаев полагает, что в данном случае мы можем наблюдать стремление молодых людей сочетать прагматизм (ориентацию на максимальное получение необходимых навыков и компетенций в профессии) и «типовое культурное потребление» как сферу дополнительных возможностей для самореализации: «…тяга к гуманитарному знанию (например, к истории) не касается, как правило, профессиональных занятий (желания стать профессиональным историком у большинства нет), но является средством индивидуализации и собственного саморазвития во внепрофессиональной среде» [*Радаев*, 2020, с. 191–192].

Наиболее интенсивное обращение к культуре у молодежи связано с досугом, практиками проведения свободного времени. Социологи отмечают, что в этой сфере молодежь стремится

удовлетворить эстетические, эмоциональные, познавательные потребности, гедонистические устремления. Среди таких практик выделяются следующие зрелищные формы потребления культуры: просмотр телепередач и видео, прослушивание музыки; хождение по магазинам (шопинг); посещение кинозалов, стадионов, спортивных зрелищ, театров, концертов, музеев (см. таблицу 1). Будучи весьма разнообразными по содержанию и форме приобщения, данные практики формируют стиль жизни и особенности самоидентификации молодежи [*Зубок, Чупров*, 2018, с. 170–191].

В том же исследовании отмечается, что на основе полученных данных можно уточнить иерархию культурных потребностей молодежи. Доминирует здесь общение с друзьями (более 60%); пассивный отдых у телевизора – почти половина опрошенных (47,9%); каждый третий предпочитает общение в Интернете в социальных сетях (32,3%); каждый четвертый – прослушивание музыки, просмотр видео (24,4%); каждый пятый – занятия с детьми (19,4%); посещение бара, клуба и кинозала (18,4%) и лишь 12,3% выбирают чтение, а 6,8% – поход в театр [*Зубок, Чупров*, 2018, с. 170–191].

Таблица 1. Виды деятельности молодежи в свободное время, %
Table 1. Types of youth activities in their free time, %

Виды деятельности	Распределение ответов		
	Никогда, редко	Часто	Регулярно
Домашнее хозяйство, уход за детьми	32,9	36,5	30,6
Прогулки	14,6	52,6	32,8
Чтение художественной литературы	55,4	34,5	10,1
Прием и посещение гостей	31,6	56,2	12,2
Занятие художественным творчеством, конструированием	70,6	21,3	8,1
Просмотр телепередач, видео, прослушивание музыки	13,8	55,8	30,4
Участие в художественной самодеятельности, занятия в кружках, спортивных секциях	78,8	14,7	6,5
Посещение театров, концертов, музеев	68,9	25,0	6,1
Посещение кинозалов	39,6	48,6	11,8
Посещение дискотеки, вечеринок, танцев	67,2	25,3	7,5
Общение с друзьями	7,0	48,8	44,2
Посещение стадионов, спортивных зрелищ	67,9	23,9	8,2
Хождение по магазинам	20,0	57,7	22,3
Занятия спортом, туризмом	54,0	31,4	14,6
Проведение времени в Интернете, соцсетях	10,8	45,3	43,9
Получение дополнительного образования	78,5	15,5	6,0
Посещение церкви, мечети	81,2	15,5	3,2

Источник: [*Зубок, Чупров*, 2018, с. 170–191].

Если представить динамику культурных предпочтений молодежи в поколенческом аспекте, то выявляется весьма интересная и контрастная картина. Как отмечают Ю.А. Зубок и В.И. Чупров, в исследовании советской молодежи 1967 г. на вопрос «как ты проводишь свободное время?» были получены такие ответы: «занимаюсь рационализаторством, изобретательством» – 3%; «пишу повести, рассказы, стихи» – 4%; «рисую, режу по кости, вышиваю» – 8%; «занимаюсь фотографией, снимаю любительские фильмы» – 14%; «играю на музыкальных инструментах» – 12%; «участвую в художественной самодеятельности» – 11%; «занимаюсь спортом, туризмом» – 27%; «играю в шахматы» – 28%; «провожу с друзьями» – 28%; «посещаю кинотеатры, театры» – 27%; «занимаюсь дома или в библиотеке» – 28%; «читаю художественную литературу» – 68% [*Зубок, Чупров*, 2018, с. 170–191].

Эти данные демонстрируют заметное возрастание в настоящее время доли пассивного досуга, когда молодежь проводит время дома у телевизора или в Интернете. Скорее всего, это также означает сравнительно меньшее время, проведенное в непосредственном, личном общении со сверстниками (что не может не повлиять на формирование соответствующих коммуникационных навыков у молодежи). Кроме того, в структуре потребностей поколения «отцов» четко выражено стремление к активности, саморазвитию, совершенствованию в профессии или хобби. У «детей» же это заменяется потребностью в развлечении. По-видимому, в этой связи меняется и характер ожиданий от тех или иных учреждений, институтов культуры: заметный запрос на театр и классическую музыку несет по большей мере гедонистическую позицию (получить впечатления, удовольствие важнее, чем поставить новые для себя вопросы или узнать нечто, до сих пор неведомое).

Сетевое общение, поиск информации в Интернете теперь весьма мощно теснят чтение литературы, походы в театр, музей, на концерт. Наконец, сто́ит отметить, что в настоящее время социокультурная ситуация весьма отличается от позднесоветского времени не только отсутствием государственной идеологии и соответствующей системы политического просвещения, воспитания и т. д. (см. таблицу 2). Сейчас практически не осталось какой-либо авторитетной регуляции культурных потребностей молодежи. Молодые люди сами выбирают те или иные формы потребления культуры, зачастую не опираясь на устоявшиеся социально предписываемые и санкционируемые образцы. Большое влияние на такой выбор имеют те сообщества, в которых общаются молодые люди, и те лидеры общественного мнения, которые считаются ведущими в них.

Исследования российских социологов из ИС РАН подтверждают заметные поколенческие изменения досуговых предпочтений: «Молодежь как наиболее динамично реагирующая группа на всё то, что не принято считать традиционным, обнаруживает наибольшую активность в освоении новых возможностей и форм проведения свободного времени» [*Горшков, Шереги*, 2020, с. 264].

Межпоколенческие отличия в проведении досуга и выборе конкретных его форм фиксируются и В.В. Радаевым. Определяя миллениалов как нынешнее, современное поколение молодежи, он сравнивает их с более старшими (мобилизационным (военным) поколением, поколением «оттепели» и поколением «застоя»). Например, «самое молодое взрослое поколение намного чаще, чем все старшие поколения, слушает музыку, аудиокниги, смотрит

Таблица 2. Основные занятия населения в свободное время, %
Table 2. The main occupations of the population in their free time, %

Занятия	СССР (1982 г.)	Россия (2014 г.)
Просмотр телевидения	85	72
Прослушивание музыки	66	38
Чтение газет и журналов	83	34
Общение с друзьями, знакомыми	74	58
Чтение книг	78	39
Домашние дела	68	52
Просто отдых	32	49
Посещение дискотек, клубов (в 1982 г. – посещение вечеров танцев в клубе)	38	8
Посещение кинотеатров, концертов	79	22
Занятия на компьютере (в т. ч. в сети Интернет)	–	47
Посещение кафе, баров	–	17
Занятие спортом (в т. ч. фитнесом)	38	12
Дополнительные образовательные занятия	42	12
Хобби, увлечения	30	21
Посещение кружков по интересам	12	3

Источник: [*Горшков, Шереги*, 2020, с. 266].

видео – более половины миллениалов обоих полов делают это практически каждый день (53%) (в реформенном поколении таковых лишь каждый третий (32%), а у более старших поколений – 18%)» [*Радаев*, 2020, с. 87], «вполне ожидаемо, миллениалы значительно чаще играют на компьютере и проводят время в Интернете, две трети из них (65%) делают это ежедневно, в то время как в реформенном поколении эта доля снижается до 42%, а в более старших поколениях скачкообразно падает почти до нуля (в среднем для трех старших поколений – 17%)» [*Радаев*, 2020, с. 87]. «Миллениалы мало отличаются по частоте чтения книг – во всех выделенных нами поколениях, независимо от возраста, практически ежедневно читают книги чуть более чем каждый третий. А вот гендерные различия среди миллениалов весьма значительны – в чтение книг вовлечено значительно больше женщин. Добавим, что, по всей видимости, меняется форма чтения – всё чаще речь идет об электронных книгах» [*Радаев*, 2020, с. 89]. Стоит отдельно упомянуть массовое использование аудиокниг в настоящее время молодыми россиянами, что также можно отнести к относительно новой форме «фоновых практик», а не только к досуговому времяпрепровождению. Так, по данным исследования «Медиаскопа», в 2022 г. около 33% граждан России в возрасте от 12 до 64 лет слушают аудиокниги хотя бы на одном из устройств (смартфон или ПК). При этом женщин в структуре слушателей больше, чем в населении (55% против 51%), но меньше, чем в структуре онлайн-читателей; 15% из тех, кто слушает аудиокниги, купили подписку на онлайн-сервис, а 13% предпочитают единоразовые покупки [Поиск книг в Интернете… 2022].

Структура досуга современной молодежи такова, что большую часть этого времени молодые расходуют пассивно (просмотр ТВ – 64%, прослушивание музыки – 58%, сидение за компьютером – 45,9%, «ничегонеделание» – 49,6%). Среди активных форм выделяются общение (встречи) с друзьями, прогулки на природе (46%). Стала относительно большой доля молодежи, в свободное время посещающей церковь – 8,1%. Далее в предпочтениях молодежи следуют чтение прессы, журналов, книг; посещение дискотек, спортклубов, кино; занятие домашним хозяйством, хобби (рукоделие, моделирование, уход за животными). Среди заметных поколенческих изменений – постепенное исчезновение таких форм, как участие в работе кружков по интересам, в работе общественных и политических организаций [*Горшков, Шереги,* 2020, с. 270] (см. таблицу 3).

Отдельный весьма важный вопрос – что именно в массовой культуре предпочитают молодые граждане, чем увлечены они в обращении к Интернету, ТВ, кино, театру, книге и т. д. Такие исследования также проводились (см. [*Горшков, Шереги,* 2020]), причем с выделением отдельных тенденций формирования культурных предпочтений в конкретных возрастных группах опрошенных. Однако наряду с этим необходимо, на наш взгляд, серьезное уточнение того, какие именно образы

Таблица 3. Структура досуга молодежи в возрасте 14–30 лет, %
Table 3. The structure of leisure time for young people aged 14–30 years, %

Встречаются и общаются с друзьями дома или в гостях	65,1
Смотрят телевизор, слушают радиопередачи	64,3
Слушают музыку, читают книги, смотрят видео	58,2
Просто отдыхают, расслабляются	49,6
Проводят время на природе, гуляют	46,1
Увлекаются компьютером, Интернетом, играют в компьютерные игры	45,9
Занимаются домашним хозяйством, детьми, дачей	29,1
Читают газеты, журналы	28,3
Посещают кафе, бары, рестораны	28,1
Посещают дискотеки, ночные клубы, другие развлекательные мероприятия	26,5
Посещают театры, концерты, кино	26,5
Посещают спортклубы, секции, тренировки	20,3
Занимаются дополнительно для получения образования, повышения квалификации	12,6
Имеют хобби и занимаются им дома (рукоделие, фотография, моделирование)	11,5
Посещают церковь, другие религиозные собрания	8,1
Посещают музеи, выставки, вернисажи	6,8
Занимаются в различных кружках, клубах по интересам (музыкой, танцами)	3,7
Участвуют в работе общественных организаций, собраний, ассоциаций	2,5
Посещают политические организации, собрания, митинги	0,9

Источник: [*Горшков, Шереги,* 2020, с. 270].

и смыслы массовой культуры доминируют в сознании российской молодежи, как работает механизм формирования мировоззрения, становления картины мира и формирования собственной социальной идентичности.

Подведем некоторые итоги. Действительно, современные общества «превращаются в «общества досуга» – частную разновидность общества потребления. Централизованные СМИ формируют привлекательные образцы стилей жизни, в центре которых – потребление развлечений и товаров» [*Ильин,* 2010, с. 25–47]. Наряду со средствами массовой информации массовая культура является таким же мощным инструментом влияния на сознание и поведение масс, в особенности молодежи. Коммерциализация массовой культуры приводит к заметному снижению качества ее содержания (поддержку и распространение находит в основном то, что доступно, понятно и привлекательно для большинства), а также к утрате возможностей какого-либо нормативного контроля в данной сфере (за исключением прямых конституционных запретов на пропаганду социальной, национальной, религиозной и другой вражды и нетерпимости, пропаганды насилия до последнего времени в России почти не было жестких ограничений в этой сфере). Тем не менее роль МК в политической социализации молодежи весьма велика. А предпочтения в информационном и культурном потреблении молодых в значительной степени определяются доступностью соответствующих артефактов и социальным влиянием (модой, окружением, социальными контактами…). Кроме того, возможности адекватного диалога с молодежью о так называемых сложных вопросах могут быть значительно усилены выбором средств коммуникации и адаптацией содержания соответствующих месседжей.

Список литературы

Астафьева О.Н. Медиалогия как синтез наук: в объективе – изменяющаяся социокультурная реальность // Культурологический журнал. – 2013. – № 1. – С. 1–8.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – Москва : Academia, 2004. – 944 с.

Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. – Москва : Медиум, 1996. – 316 с.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. – Москва : Издательство АСТ, 2020. – 320 с.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: к итогам многолетних исследований. – Москва : ФНИСЦ РАН, 2020. – 688 с.

Дебор Г. Общество спектакля. – Москва : Издательство «Логос», 1999. – 224 с.

Захаров А.В. Массовое общество и культура в России // Вопросы философии. – 2003. – № 9. – С. 3–16.

Зубок Ю.А., Чупров В.И. Культура в жизни молодежи: потребность, интерес, ценность // Вестник Института социологии. – 2018. – № 4. – С. 170–191.

Ильин А.Н. Иерархическая модель массовой культуры // Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – № 2. – С. 67–75.

Ильин В.И. Российская глубинка в социальной структуре России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2010. – Т. 13, № 4. – С. 25–47.

Ионин Л.Г. Социология культуры: учебное пособие. 2-е издание. – Москва : Издательская корпорация «Логос», 1998. – 280 с.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. – Москва : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

Кузнецов И.И. Политическое сознание российского студенчества: обще-

ственная солидарность, доверие, взаимодействие // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 59. – С. 237–252.

Кукаркин А.В. Буржуазная массовая культура: Теории. Идеи. Разновидности. Образцы. Техника. Бизнес. – Москва : Политиздат, 1985. – 399 с.

Культура, традиции, образование : ежегодник. – Москва : Изд-во НИИ культуры, 1990. – 263 с.

Лебон Г. Психология народов и масс. – Санкт-Петербург : Макет, 1995. – 311 с.

Луков В.А. Массовая культура в современном обществе: молодежный аспект // Горизонты гуманитарного знания. – 2018. – № 5. – С. 53–66.

Макдональд Д. Масскульт и мидкульт // Российский ежегодник'90. Вып. 2. – Москва : Советская Россия, 1990. – С. 243–275.

Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. – Киев : Ника-Центр, 2004. – 432 с.

Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. – Москва : Кучково поле, 2019. – 464 с.

Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. – Москва : Издательство АСТ, 2002. – 526 с.

Массовая культура: современные западные исследования / отв.ред. В.В. Зверева. – Москва : Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры», 2005. – 339 с.

Массовая культура: учеб. пособие / Акопян К.З. [и др.]. – Москва : Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. – 304 с.

Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности / сост. и науч. ред. Е.Л. Омельченко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 502 с.

Нечай О.Ф. Блеск и нищета «массовой культуры». – Минск : Наука и техника, 1984. – 141 с.

Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология : уч. пособие для вузов. – Москва : Академический Проект, 2004. – 480 с.

Орлова Э.А. Социология культуры. – Москва : Академический проект, 2012. – 575 с.

Орнатская Л.А. Массовая культура и «дух эпохи» // Российская массовая культура конца XX века. Материалы «круглого стола». 4 декабря 2001 г. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 129–133.

Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. – Москва : Издательство «Искусство», 1991a. – 588 с.

Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. Эссе о литературе и искусстве. – Москва : Издательство «Радуга», 1991b. – 639 с.

Поиск книг в Интернете. Подготовлено Медиаскоп в 2022. – URL: https://mediascope.net/library/presentations/Auditoria_knig_v_internete_Mediascope.pdf (дата обращения: 15.10.2022).

Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 224 с.

Разлогов К.Э. Искусство экрана. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 287 с.

Райнов Б.Н. Массовая культура. – Москва : Прогресс, 1979. – 488 с.

Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование : монография / Зубок Ю.А. [и др.]; ФНИСЦ РАН. – Белгород : «Эпицентр», 2022. – 360 с.

Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – Санкт-Петербург : РХГИ, 2000. – 431 с.

Тард Г. Общественное мнение и толпа. – Москва : ЛЕНАНД, 2015. – 208 с.

Тульчинский Г.Л. Маркетинг и массовая культура // Вестник ЧГАКИ. – 2006. – № 2 (10). – С. 54–66.

Хевеши М.А. Толпа, массы, политика : историко-философский очерк. – Москва : ИФ РАН, 2001. – 224 с.

Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – Москва, Санкт-Петербург : Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.

Шапинская Е.Н. Массовая культура: теории и практики. – Москва : Согласие, 2017. – 386 с.

Hall S. Cultural studies and the Centre: some problematics and problems // Culture, Media, Language. – London : Hutchinson, 1980. – P. 2–35.

Culture and Identity

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.04

Mass Culture as a Symbolic Environment of the Younger Generation Political Socialization

Igor I. KUZNETSOV
DSc in Political Science, Professor of History and Theory of Politics Department
Faculty of Political Science
Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky Avenue, 27, building 4, Moscow, Russian Federation, 119991;
Leading Researcher of Political Science Department
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: politbum@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0274-8728

Elizaveta V. KULIKOVA
Master of Political Science
Junior Researcher of Political Science Department
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: kulikveta@bk.ru
ORCID: 0000-0002-8971-1831

Iuliia V. PETROVA
PhD Student of the Department of History and Theory of Politics Faculty of Political Science
Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky Avenue, 27-4, Moscow, Russian Federation, 119991;
Junior Researcher of Political Science Department
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: iuliiapeetrova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8778-9010

CITATION: Kuznetsov I.I., Kulikova E.V., Petrova Iu.V. (2022). Mass Culture as a Symbolic Environment of the Younger Generation Political Socialization. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 5, pp. 68–88 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.04

Received: 27.10.2022.
Revised: 13.12.2022.

ACKNOWLEDGEMENT: The article was prepared within the framework of project no. 1022062000240-7, which was implemented at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences based on the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

ABSTRACT. *Nowadays mass culture is becoming a significant tool for influencing the consciousness and behavior of the masses, especially young people. The commercialization of mass culture leads to a noticeable decrease in the quality of its content, as well as to the loss of any regulatory control in this area. This fact requires a serious study of what images and content of mass culture dominate in the minds of the Russian youth, how the mechanism of worldview creation and how the formation of their own social identity work. Within the framework of this article, the main approaches to determining the role of mass culture in the process of political socialization of youth in Russia are highlighted starting with studies emphasizing the purely targeted nature of the impact of cultural orientations on young people, to works stating the comprehensive nature of mass culture. It is concluded that modern approaches to the study of mass culture are largely focused on conceptualization and the search for universal explanations of the principles of its functioning (commercialization, contextuality, accessibility, the formation of conventions in the framework of communication, etc.). At the same time, the work records the main intergenerational differences in leisure activities and the choice of its specific forms, different for the generation of "fathers" and the generation of "children". This fact also significantly affects the information and cultural consumption of representatives of different generations. At the same time, for young people, the consumption of certain cultural samples is mainly determined by the availability of relevant artifacts and social influence (fashion, environment, social contacts, etc.).*

KEYWORDS: *mass culture; youth; socialization of youth; cultural artifacts.*

References

Astafyeva O.N. (2013). Medialogy as a Synthesis of Sciences: In The Lens of Changing Socio-cultural Reality. *Kulturologicheskiy zhurnal*, no. 1, pp. 1–8 (in Russian).

Baudrillard J. (2020). *Consumer Society*. Moscow : AST Publishing House, 320 pp. (in Russian).

Bell D. (2004). *The Coming of Post-Industrial Society*. Moscow : Academia, 944 pp. (in Russian).

Benjamin V. (1996). *A work of art in the era of its technical reproducibility*. Selected essays. Moscow : Medium, 316 pp. (in Russian).

Castells M. (2000). *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow : Higher School of Economics, 608 pp. (in Russian).

Debor G. (1999). *The Society of the Performance*. Moscow : Logos Publishing House, 224 pp. (in Russian).

Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2020). *Youth of Russia: on the results of long-term research*. Moscow : Institute of Socio-Political Studies of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, 688 pp. (in Russian).

Hall S. (1980). Culturology and the Center: some problems. *Culture, Media, Language*. London : Hutchinson, pp. 2–35.

Horkheimer M., Adorno T. (1997). *Dialectics of Enlightenment. Philosophical fragments*. Moscow, St. Petersburg : Medium, Juventa, 312 pp. (in Russian).

Ilyin A.N. (2009). Hierarchical Model of Mass Culture. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*, no. 2, pp. 67–75 (in Russian).

Ilyin V.I. (2010). The Russian Hinterland in the Social Structure of Russia. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 13, no. 4, pp. 25–47 (in Russian).

Ionin L.G. (1998). *Sociology of Culture: A Textbook*. 2nd edition. Moscow : Logos Publishing Corporation, 280 pp. (in Russian).

Kheveshi M.A. (2001). *Crowd, Masses, Politics: A Historical and Philosophical Essay*. Moscow : Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 224 pp. (in Russian).

Kukarkin A.V. (1985). *Bourgeois Mass Culture: Theories. Ideas. Varieties. Samples. Technic. Business*. Moscow : Politizdat, 399 pp. (in Russian).

Kul'tura… (1990). Yearbook "Culture, traditions, education". Moscow : Publishing House of the Research Institute of Culture, 263 pp. (in Russian).

Kuznetsov I.I. (2021). Political Consciousness of Russian Students: Public Solidarity, Trust, Interaction. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, no. 59, pp. 237–252 (in Russian).

Lebon G. (1995). *The Crowd: A Study of the Popular Mind*. St. Petersburg : Maket, 311 pp. (in Russian).

Lukov V.A. (2018). Mass Culture in Modern Society: Youth Aspect. *Horizons of Humanitarian Knowledge*, no. 5, pp. 53–66 (in Russian).

MacDonald D. (1990). Masscult and Midcult. *Russian Yearbook'90*, issue 2, Moscow : Sovetskaja Rossija, pp. 243–275 (in Russian).

Marcuse H. (2002). *One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*. Moscow : AST Publishing House, 526 pp. (in Russian).

Massovaja kul'tura… (2005). Zvereva V.V. (ed.). *Popular Culture: Modern Western Studies*. Moscow : Fond nauchnych issledovaniy "Pragmatika kul'tury", 339 pp. (in Russian).

Massovaya kul'tura… (2004). Akopyan A.V. [et. al.]. Mass Culture: Studies Manual. Moscow : Alpha-M; INFRA-M, 304 pp. (in Russian).

McLuhan M. (2004). *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Kiev : Nika-Center, 432 pp. (in Russian).

McLuhan M. (2019). *Understanding Media: The Extensions of Man*. Moscow : Kuchkovo pole, 464 pp. (in Russian).

Molodezh'… (2020). Omel'chenko Ye.L. (ed.). *Youth in the city: culture, scenes and solidarity.* Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 502 pp. (in Russian).

Nechai O.F. (1984). *Brilliance and Poverty of "Mass Culture"*. Minsk : Nauka i tehnika, 141 pp. (in Russian).

Orlova E.A. (2004). *Cultural (Social) Anthropology: A Textbook for Universities*. Moscow : Akademicheskij Proekt, 480 pp. (in Russian).

Orlova E.A. (2012). *Sociology of Culture*. Moscow : Akademicheskij Proekt, 575 pp. (in Russian).

Ornatskaya L.A. (2001). Mass Culture and the "Spirit of the Epoch". *Russian Mass Culture of the Late Twentieth Century. Materials of the "round table". December 4, 2001*. St. Petersburg : St. Petersburg Philosophical Society, pp. 129–133 (in Russian).

Ortega y Gasset J. (1991a). *Aesthetics. Philosophy of Culture*. Moscow : Izdatel'stvo "Iskusstvo", 588 pp. (in Russian).

Ortega y Gasset J. (1991b). *Dehumanization of Art. Essays on Literature and Art*. Moscow : Raduga, 639 pp. (in Russian).

Poisk knig v Internete… (2022). Mediaskope. *Search for Books on the Internet* (in Russian). Available at: https://mediascope.net/library/presentations/Auditoria_knig_v_internete_Mediascope.pdf, accessed 10.15.2022.

Radaev V.V. (2020). *Millennials: How Russian Society Is Changing*. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 224 pp. (in Russian).

Rainov B.N. (1979). *Mass Culture*. Moscow : Progress, 488 pp. (in Russian).

Razlogov K.E. (2010). *The Art of the Screen*. Moscow : ROSSPEN, 287 pp. (in Russian).

Samoreguljacija… (2022). Zubok Yu.A. [et al.]. *Self-Regulation in the Youth Environment: Typologization and Modeling*; Institute of Socio-Political Studies of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. Belgorod : "Epicenter", 360 pp. (in Russian).

Shapinskaya E.N. (2017). *Mass Culture: Theories and Practices*. Moscow : Soglasie, 386 pp. (in Russian).

Sorokin P.A. (2000). *Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law, and Social Relationships*. St. Petersburg : RHGI, 431 pp. (in Russian).

Tard G. (2015). *Public opinion and the crowd*. Moscow : LENAND, 208 pp. (in Russian).

Tulchinsky G.L. (2006). Marketing and Mass Culture. *Vestnik ChGAKI*, no. 2 (10), pp. 54–66 (in Russian).

Zakharov A.V. (2003). *Mass Society and Culture in Russia*, *Voprosy Filosofii*, no. 9, pp. 3–16 (in Russian).

Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (2018). Culture in the Life of Youth: Need, Interest, Value. *Bulletin of the Institute of Sociology*, no. 4, pp. 170–191 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.05

Образы прошлого, настоящего и будущего России: символическое измерение

Наталья Валентиновна СМУЛЬКИНА
кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социологии и психологии политики факультета политологии
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119991;
старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: smulkina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6691-5372

Николай Николаевич РОГАЧ
кандидат политических наук, младший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: nickolayrogach@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7477-906X

ЦИТИРОВАНИЕ: Смулькина Н.В., Рогач Н.Н. Образы прошлого, настоящего и будущего России: символическое измерение // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 89–106.
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.05

Статья поступила в редакцию 15.11.2022.
Исправленный текст представлен 09.12.2022.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Статья подготовлена в рамках проекта № 122101100033-0, который реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

АННОТАЦИЯ. *В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведенного в 2022 г. и посвященного изучению символических образов прошлого, настоящего и будущего России, сформированных в массовом сознании россиян. В своем исследовании авторы опираются на политико-психологический подход, используют метод индивидуальных фокусированных интервью в сочетании с проективными техниками. Для более детального*

анализа символического наполнения образа страны при сборе данных использовался рисуночный метод «Россия в виде несуществующего животного».

Проведенное исследование позволило апробировать предложенную авторами концептуальную модель, доказать ее исследовательский потенциал. В результате анализа данных были выделены несколько важных тенденций восприятия, выраженных в символических репрезентациях. Речь здесь идет о мифологизации восприятия, о гиперчувствительности современного восприятия к изменению внешнеполитического контекста, освещаемого через СМИ, о возрастании значимости параметра силы в образе России.

Была выявлена значительная неконгруэнтность и разбалансированность образа страны относительно пространственных и темпоральных компонентов, а также компонентов народа и государства. Исследование показало, что даже при символической бедности образы настоящего, прошлого и будущего тесно переплетены. Данные демонстрируют усиливающуюся тенденцию ретроориентированности восприятия настоящего и размывание образов будущего.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политико-психологический подход; проективные методы; политическое восприятие; образ России; образ будущего; образ прошлого; национально-государственная идентичность; символы.*

Постановка проблемы

Актуальность изучения символического содержания представлений российских граждан о своей стране в разрезе прошлого, настоящего и будущего сегодня сложно переоценить. События общемирового масштаба, начавшиеся в феврале 2022 г. и продолжающиеся по сей день, оказывают серьезное влияние на психоэмоциональное состояние общества, а именно эмоции, настроения, политические представления и образы, циркулирующие в нем [*Смулькина, Рогач,* 2022].

В условиях геополитической турбулентности особую значимость приобрела проблема восприятия гражданами собственной страны: осмысления ее историко-культурных и политических традиций, интерпретации текущих событий и, конечно, конструирования сценариев ее будущего. Содержательно-смысловое наполнение образа страны неразрывно связано с национально-государственной идентичностью россиян, их «социально-историческим самоощущением» и «цивилизационной самооценкой» [Восприятие…, 2022]. В этом контексте изучение символического наполнения образа России позволит исследователям стать на шаг ближе к ответам на вопросы «кто мы?» и «куда мы идем?».

Теоретико-методологические основания исследования

Теоретико-методологическим фундаментом исследования является политико-психологический подход, позволяющий использовать научный потенциал политологических, социологических, психологических и других теоретических концепций для изучения заявленной проблематики.

Многообразие научных трудов, на которые опирается данное исследование, можно условно разделить на три укрупненных блока. **Первый** из них включает в себя работы, посвященные изучению массовых политических представлений и политических образов [*Петухов,* 2010; Власть…, 2019]. Особую ценность для исследования

представляли труды, раскрывающие ментальные особенности формирования образа страны в политическом сознании граждан [*Мирошниченко,* 2018*; Шестопал, Смулькина,* 2018*;* Образы…*,* 2019*;* «Они» и «Мы»…*,* 2021], а также работы, в фокусе внимания которых находятся непосредственно образы прошлого и будущего России [*Маленков,* 2016*; Евгеньева, Титов,* 2017*; Измоденова,* 2018, *Смулькина,* 2021].

Второй блок раскрывает некоторые теоретические аспекты формирования, трансформации и выражения национально-государственной идентичности российских граждан [*Edelman,* 1985*;* Representation…*,* 1997; *Hobsbawm,* 2002; *Малинова,* 2010*; McCrone, Bechhofer,* 2015; *Попова,* 2016*; Семененко,* 2016, *Anderson,* 2016]. Согласно исследованиям, в качестве значимых факторов формирования национально-государственной идентичности нередко рассматриваются: коммуникативный фактор (информационная повестка, специфика контактов с представителями «других» и «чужих»); культурный контекст; темпоральный и территориальный факторы, а именно осознание пространственных и темпоральных образов, связанных с нацией. Речь здесь идет прежде всего о представлениях о своей и чужой земле, об образах прошлого и будущего нации. Первоочередной интерес для нас представляли теоретико-методологические разработки научного коллектива политических психологов МГУ имени М.В. Ломоносова, рассматривающих национально-государственную идентичность как сложный политико-психологический и социокультурный феномен, динамика которого обусловлена влиянием множества факторов, имеющих разную природу [*Титов,* 2017*; Евгеньева, Селезнева,* 2017].

Третий блок объединяет в себе научные труды, посвященные изучению различных аспектов формирования символических репрезентаций национально-государственной идентичности российских граждан. Наиболее важными для разработки концептуально-теоретической модели данного исследования стали работы отечественных политологов [*Палитай, Селезнева,* 2019*; Смулькина,* 2020*; Пушкарева,* 2020].

Концептуальная модель и характеристика исследования

В качестве теоретико-методологических оснований исследования символического наполнения образов прошлого, настоящего и будущего России, сформированных в сознании россиян, возьмем положение о возможности выделения нескольких моделей политического восприятия России как страны. Данные модели были предложены и в сформулированных первым автором статьи более ранних научных работах, посвященных формированию у россиян представлений о символической карте мира.

Определение данных моделей осуществлялось по следующим критериям: эмоциональный знак восприятия (позитивный, негативный, амбивалентный); фокус внимания (на достижения и успехи, на страновую и цивилизационную самобытность, на вызовы и угрозы, международные зависимости, международные влияния); связанности, группировки и категоризации символических репрезентаций [*Смулькина,* 2020].

Основываясь на авторских методологических разработках, возьмем за базу существование **модели тревожного типа восприятия,** при котором политические представления и образы сформированы в значительной степени под влиянием рационализированной и неосознанной тревожности воспринимающего. Воспринимающему

свойственно иметь пессимистический взгляд на будущее мира или же склонность к неосознанному отчуждению от обсуждаемой международной тематики.

Отличной по эмоциональному знаку (но близкой по своей сути) значимой моделью восприятия можно также назвать **модель позитивно-оптимистичного типа восприятия**, при которой воспринимающий определяет символическое поле политической карты мира и России через наборы оптимистичных и зачастую мифологизированных сюжетов. Акцент в восприятии здесь смещен на формулировку надежд, позитивных ожиданий. Исследования особенностей функционирования этой модели в последние годы позволили утверждать, что при озвучивании возможностей и благоприятных сценариев развития своей страны и всех международных отношений респондент завуалированно транслирует собственные тревоги и страхи в отношении восприятия глобального мира и восприятия отдельных стран. Данная модель была предложена первым автором в 2019–2022 гг. Изменение политического контекста, появление новых вызовов и угроз перед страной требует ее методологического уточнения в данном исследовании.

Третьей важной моделью будем считать **модель прагматично-рационального типа восприятия.** Возьмем за основу предположение, что в рамках этой модели формируются более сложноструктурированные образы, чаще актуализируются темы иерархичных политических образований, неоднородных международных символически окрашенных связей. Специфичными тенденциями данной модели являются большая ретроориентированность образов настоящего и неконгруэнтность политического восприятия. Согласно авторским исследованиям, если на рациональном уровне восприятия в контексте такой модели преобладает склонность к власть-центричному восприятию политической карты мира, международных отношений и России, вписанной в них, то на неосознаваемом же уровне преобладает нравственно-центричный характер восприятия.

Последней значимой для нас моделью будем считать **модель фрагментарно-неопределенного типа восприятия.** Для нее свойственны в наибольшей степени: размытость пространственных и темпоральных представлений; когнитивная бедность и стереотипизация образов; несвязанность разнородных элементов символического пространства. Также чаще обычного характерно отчужденное восприятие своей страны в виде клишированных аутостереотипов и «зарубежных» символов. Складывание данной модели в наибольшей степени зависимо от коммуникативного фактора. Более характерное ей символически «плывущее» восприятие политической карты мира и России объяснялось значительными проблемами национально-государственной идентичности у воспринимающих.

Одним из концептуальных тезисов является и то, что тенденции политического восприятия страны зависимы от целого комплекса факторов, влияющих на формирование символического наполнения образов прошлого, настоящего и будущего России в сознании россиян. К наиболее значимым субъектным факторам (то есть факторам, связанным с воспринимающей стороной) можно отнести социально-демографический, психологические особенности воспринимающих и общее психологическое состояние массового сознания, культурный фактор и характер каналов получения информации. Рост влияния СМИ на формирование национально-государственной идентичности

неоспорим, однако данное влияние неодинаково на граждан разных поколений, характерологических акцентуаций. Здесь требуются дополнительные исследования. В качестве объектных факторов мы можем рассматривать характеристики, связанные с воспринимаемым (в нашем случае с самой страной), а также контекст, в котором происходит процесс политического восприятия. Прежде всего здесь следует определить геополитический, геоэкономический и исторический факторы, информационную повестку (включающую как саму повестку, так и образы стран и международных событий, транслируемые СМИ).

Методологической целью нашего исследования было рассмотрение применимости подхода изучения символического наполнения образов России в контексте именно этих четырех моделей. Помимо этого, перед нами стояла задача рассмотреть символическое наполнение образа России с учетом темпоральности (изменение образов и аспектов связи образов прошлого, настоящего и будущего). Перед нами не стояла задача рассмотреть каждый образ отдельно. Основная часть материалов была посвящена образу современной России. В данной работе он рассматривается как системообразующий компонент комплексного восприятия прошлого, настоящего и будущего нашей страны.

Данная статья базируется на результатах серии эмпирических исследований, проведенных летом–осенью 2022 г. в нескольких регионах России. Их цель заключалась в выявлении и анализе символического содержания представлений граждан России о своей стране: ее прошлом, настоящем и будущем. Исследователи учитывали возможности влияния разнородных факторов на формирование содержательно-смыслового наполнения образов страны, в частности внешне- и внутриполитический событийный контекст.

В исследованиях использовался комплекс политико-психологических методов, применение которых позволило выявить и проанализировать не только рациональные (осознаваемые), но и неосознаваемые компоненты образов прошлого, настоящего и будущего России. Так, для изучения восприятия на вербальном (более рационализированном) уровне исследования использовался метод глубинного фокусированного интервью (включающий в себя набор открытых и закрытых вопросов о прошлом, настоящем и будущем России) в сочетании с проективными процедурами завершения (метод незавершенных предложений).

Использованные визуализированые проективные методики («Рисунок несуществующего животного» и «Метод графического картирования») позволили, в свою очередь, рассмотреть и сделать попытку интерпретации более неосознаваемых «нарисованных» символически наполненных образов своей страны, проявленной на фоне международного контекста, с учетом ее сопоставления с другими странами.

При интерпретации данных, полученных с применением рисуночных техник, особое внимание уделялось сюжетам и сценариям, а также символическим объектам, встречающимся на рисунках. Эффективность использования данных методов при изучении содержательно-смыслового наполнения образа своей страны была неоднократно доказана в исследованиях сотрудников кафедры социологии и психологии политики МГУ имени М.В. Ломоносова [*Евгеньева, Титов,* 2010*; Евгеньева,* 2017*; Смулькина,* 2021].

В общей сложности было проанализировано 160 глубинных фокусированных интервью и 150 рисунков.

Стенограммы глубинных интервью проходили процедуру качественного контент-анализа, ответы респондентов кодировались, а полученные данные обрабатывались в программе *SPSS Statistics*. Так как подобные политико-психологические исследования по большей части носят качественный характер, мы не преследовали цель получить данные, репрезентативные для страны в целом. Тем не менее представленная выборка была сбалансирована по половозрастным параметрам, а также уровню образования граждан.

Обсуждение результатов

Данное исследование продолжает практику политико-психологического изучения восприятия своей страны, происходящего в условиях влияния комплекса факторов как объектного, так и субъектного характера. Уже накоплен значительный эмпирический материал. Сопоставление материалов интервью 2022 г. с данными фокусированных интервью прошлых лет позволило говорить об усилении неуверенности респондентов относительно обсуждения многих тем, о которых ранее они говорили весьма категорично. Чаще респонденты отмечали, что затрудняются ответить, и речь здесь, вероятно, идет не столько о скрытности отвечающих, сколько о размывании политических установок, разрушении старых ориентаций и постепенном, еще далеко не завершенном, формировании новых.

В связи с этим наибольшее внимание мы уделили рассмотрению проективного рисуночного материала, позволяющего рассматривать эмоционально окрашенные образы, символические ряды, не до конца осознаваемые установки.

Результаты позволили утверждать, что на рациональном уровне политического восприятия образ современной России не отличается богатством символического наполнения. В ответах интервью преобладало упоминание государственной символики страны, символов медведя, природы и культуры (см. таблицу 1).

Таблица 1. Символическое наполнение образа России («Что или кто является для Вас символом России?»), 2022 г.
Table 1. Symbolic filling of the image of Russia (“What or who is the symbol of Russia for you?”), 2022

Символы	%
Медведь	15,4
Природа	8,7
Армия	2,9
Гос. атрибуты (флаг, гимн, орел, герб и пр.)	18,3
Москва	3,8
Народ	11,5
Путин	9,6
Гагарин	2,9
Духовное (вера, надежда, любовь, душа и пр.)	4,8
Другое	22,1

В 2022 г. российский народ как символ страны становится более упоминаемым, чем обычно. Оценки образа народа, однако, весьма неконгруэнтны и зависимы от поколенческой специфики. Наиболее негативные оценки россиян давали молодые граждане 25–35 лет, социализация которых пришлась на трудные 1990-е годы, отмеченные кризисом национально-государственной идентичности. Изучение образа народа относительно дихотомии «свой/чужой» требует последующего глубокого изучения. Образ народа трансформируется в массовом сознании россиян и согласно проекции восприятия векторов его взаимоотношения с властью, государством. При изменениях привлекательности образа государства образ народа также становится более чувствительным.

Респонденты, представляющие расколовшееся в своих оценках относительно стратегий развития России общество, не хотели акцентировать в интервью внимание на государственном компоненте символического образа России, однако поднимали тему роли главы государства как символа страны, упоминали символы военной мощи, границ, международных влияний. Согласно ответам интервью, более важными становятся символы биполярного мира, информационного противостояния, изоляционистской политики. Актуальность темы силы особенно проявлялась в собранном рисуночном материале.

Изучение вербализированных ассоциаций с Россией позволило отметить символическую бедность пространственных образов (см. таблицу 2). Самым типичным для респондентов было отождествление России с «местом своего проживания», «местом, где я родился», «где мои корни». При этом символически образы «своего места» абстрактны. Образы родного края, прошлого малой родины практически не обогащают образ страны.

Более детальное изучение проективных рисунков позволило выявить несколько интересных тенденций восприятия страны в последний год. Даже в большей мере, чем в случае интервью, было заметно значительное увеличение числа символов силы, агрессии, защитно-оборонительных символов. Еще в 2017–2018 гг. Россию не так часто изображали в виде несуществующего

Таблица 2. Представления о своей стране (Пожалуйста, завершите предложение «Россия для меня – это …»), 2022 г.
Table 2. Ideas about your country (Please complete the sentence "Russia for me is ..."), 2022

Категории ассоциаций	%
Место рождения, проживания, Родина	63,3
История, культура, гордость	8,3
Государство, держава, политика	6,4
Ресурсы	0,9
Природа	4,6
Возможности	2,8
Народ, люди	7,3
Другое	1,8

животного с клыками и когтями. Актуализировалась тема скорпионьего хвоста, который символизирует не только агрессивно-оборонительную реакцию, но и непредсказуемость и весьма неприятные последствия для нападающих врагов. Практически все изображенные животные имеют голову (четко осознанная субъектность образа), но не имеют опоры. Рисунки, где зверь идет/бежит/ползет по земле, встречались и ранее, но не доминировали абсолютно. Это может говорить о неустойчивости образа, размытых представлениях о будущем, отсутствии «чувства опоры и в жизни».

Изображения у страны-животного торчащей в разные стороны шерсти, иголок, шипов, встопорщенной чешуи, согласно схеме анализа, разработанной исследователями национально-государственной идентичности, говорит о преобладании защитно-агрессивной установки (см. рисунок 1а). Примечательно, что тема панциря (исключительно защитная установка) в рисунках не встречалась как ранее, так и сейчас. Движение животного изображались преимущественно в левую половину листа, что трактуется как установка на прошлое (данный тренд не был заметен в прошлые годы).

В 2017–2018 гг. символически сложносоставные изображения России в виде животного нередко затрагивали тему зверя с крыльями и тяжелыми слоновьими ногами, массивного неповоротливого существа, дремлющего или порывающегося взлететь, но неспособного к этому, или тему привлекательного пушистого, рыхлого существа на тонких неустойчивых ножках. Животные 2022 г. заметно отличаются: животные выглядят весьма активными, скорее, боевыми, они пышут огнем, угрожающе надвигаются (см. рисунок 1б). Вероятно, данная тенденция в большей мере свойственна модели тревожного типа восприятия.

Неизменно популярными в рисунках остаются государственные символы (флаг, герб), сакральные символы

а

б

Рисунок 1. Проективные рисунки восприятия России в 2022 г.
Figure 1. Projective drawings of the perception of Russia in 2022

(корона, скипетр) и православная символика (часто встречающаяся в рисунках 2013–2014 гг., она не теряет своей популярности и сейчас). По-прежнему нередко можно увидеть на рисунках тему нефти. Зато изображения атомной бомбы исчезли из рисунков России-животного. В 2017–2018 гг. тема неосторожного использования, как и самóго факта владения ядерным оружием, раскрывалась в 8–10% рисунков и использовалась для негативизации образа страны и приписывания ей фактической слабости. Исчезновение данной темы из символического поля может свидетельствовать об отчуждении, тревоге, страхах, связанных с этой темой в современных условиях. Даже изображающие Россию неприятным животным не решались затрагивать тему ядерной угрозы, рисков, с ней связанных. Данная тема становится табуированной, не подлежит «высмеиванию в рисунках».

Собранные рисуночные материалы можно было разделить на три группы. В первой группе рисунков (представлено 15% респондентов) Россия выглядит привлекательным, милым существом, изображаемым без острых углов, разнонаправленных линий. Это улыбающийся, милый и добрый зверь, который сидит и ничего не делает. Респонденты как будто намеренно наделяют его «игрушечной внешностью». Они при этом зачастую не дают зверю имени (лишь недоуменно пожимают плечами). Данный образ не заземлен в символическом пространстве и времени, зверь нигде не живет, ничем не питается. Это весьма фрагментированный и размытый образ. Предположительно, рисующие подобным образом свою страну респонденты стремятся не вникать в современные весьма сложные темы меняющегося международного контекста. Они не желают углубляться в тему, отчуждены от информационной повестки и неосознанно стремятся «вернуть всё как было», не замечать усиливающихся вызовов для страны.

Небольшой размер изображений на листе, отсутствие при этом композиции рисунка свидетельствуют о низкой заинтересованности в теме страны, идентификации себя с ней. На картоидах такие респонденты нередко рисовали разрозненные позитивные символы по всей карте (сердечки, цветы, ёлки, радостные смайлы), просто раскрашивали карту мира в разные цвета («потому что так красивее…»).

Наличие рисунков подобного рода позволяет говорить о том, что подтверждает свою актуальность использование в рамках исследовательского подхода моделей фрагментарно-неопределенного и привлекательно-оптимистичного типов восприятия. Согласно результатам, комплекс контекстуальных и субъективных факторов усиливает тенденцию к своеобразному эскапизму в политическом восприятии.

Вторая группа рисунков (11%) была выделена по критерию непривлекательности образа страны. Россия была изображена в виде непривлекательных существ, а не «зверей из нашего леса». Интересно, что эмоции, которые данное животное стремилось произвести, были не страх, злость или негодование, а, скорее, презрение и даже жалость. Эти несуществующие существа ползут, оставляя за собой следы, размахивают щупальцами, они изображаются слабыми, но активными, стремящимися напасть на других, лишить воли. И делают они это неповоротливо, но методично.

Изображение своей страны в виде не млекопитающего существа, а иного, согласно мнению разработчиков методики, может говорить о нежелании рисующего идентифицироваться со своей страной. В данном случае можно

заподозрить даже кризис национально-государственной идентичности у тех, кто рисовал подобные рисунки.

Некоторые же не млекопитающие животные были изображены с амбивалентным эмоциональным знаком и в разных ситуациях. Их мы можем отнести к третьей группе рисунков, отличающейся неконгруэнтными и сложными образами. Данных рисунков было больше всего (около 70%). Образ России здесь дополнялся и героизированными чертами (филин с хвостом скорпиона, в шлеме и с мечом летит над лесом), негативными чертами (например, лень, безхозяйственность и «головотяпство» (протекающее ведро с нефтью в руках зверя)), а также мифологизированными чертами.

Остановимся на рассмотрении весьма интересного (и актуального в большей мере с 2014 г.) мифологизированного символически богатого образа России-защитницы. 7% рисовавших респондентов изобразили особую роль страны на мировой арене. На рисунках животное-Россия предлагает свои особые ценности, скачет и летит на помощь, несмотря на дождь и град, закрывает своими крыльями земной шар. Животное заинтересовано в справедливости и правде, оно расстроено тем, что его не понимают (например, летящая птица плачет). Но при этом скачет по лужам, пышет огнем, переползает через рвы. Животное не останавливают препятствия. В интервью респонденты, рисующие подобные сюжеты, говорили о человеческих и природных ресурсах страны, богатой культуре. В таком контексте Россия претендует на защиту не потому, что может, а потому, что ей есть что предложить миру.

Тема неконгруэнтности образа России проявила себя в изображениях животного в оковах, стреноженного животного, а также животного поглощающего. Подобные образы не имели резко-негативной окраски. На рисунках зверь не стремится вырваться или стать вегетарианцем, он просто так живет.

Здесь могла быть актуализирована и тема бессубъектности. Например, респондент, рисуя поглощающего всё медведя, которому мешает его хвост, отмечает, что сам медведь с детским лицом, что любит он лес и ромашки, «он стал таким не по своей воле и не знает, как вернуть всё обратно». В данном случае респонденты разводят понятие Родины и государства. Весьма узко трактуя для себя феномен Родины (моя семья, мои единомышленники) и негативно при этом оценивая образ народа (в описаниях – символы глупости, лени), они демонизируют государственный институт. Интересно, что борьбу между данными «компонентами» образа страны на бумаге респонденты не изображают. Отношения в этом случае всегда подчиненно-зависимые.

В продолжение обсуждения темы «хвоста, мешающего медведю» следует отметить, что подобные тенденции восприятия страны на картоидах изображались в виде намеренного сужения пространства карты России (без Курил, Крыма, Калининграда, Сахалина). Это было свойственно больше молодым респондентам, упоминающим в рамках интервью о нерентабельности некоторых российских территорий, о неудобстве управления обширными землями, о приоритете внутренних интересов над внешними. В более ранних научных работах авторы уже отмечали данную весьма опасную тенденцию и связывали ее с моделью фрагментарно-неопределенного типа восприятия.

Наблюдаемая спутанность в эмоциях относительно своей страны объяснима, вероятно, гиперчувствительностью респондентов данной модели к информационному контексту. У них наблюдаются сложности с национально-государственной идентичностью.

Это подтверждается их склонностью символически бедно описывать Россию в контексте пространства и времени. И если, согласно эмпирическим исследованиям последних лет, пространственные образы России остаются символически бедными, то восприятие времени меняется под давлением современных реалий. И те респонденты, которые ранее отмечали, что ощущают Россию в контексте «бесконечно длящегося настоящего», и те, кто испытывали приближающуюся «точку перелома», почувствовали динамизм сегодняшнего дня. С трудом ориентируясь в меняющемся контексте, не все продемонстрировали желание глубоко разобраться в обстановке и понять, что же конкретно меняется и в какую сторону. В результате у части респондентов появился запрос на «возвращение в предыдущее состояние», а у части – неосознаваемое до конца стремление не обсуждать, не вникать. Прогнозы в оценках будущего страны стали более краткосрочными и абстрактными. Горизонты планирования значительно смещаются, и в данном случае ретроориентации в восприятии становятся актуализированной тенденцией политического восприятия. Конструируя образ будущего своей страны, россияне обращаются к ретроориентированным символам. Возрастает интерес к образам дореволюционной России (выраженным прежде всего в мифологизированных, культурных и героических символах), а также к образу СССР.

Обращение к этим двум периодам российской истории разнится. Больший интерес в 2022 г. вызывают дореволюционные символы-персоны, нежели советские (см. таблицу 3).

Государственные же образы были почерпнуты в первую очередь из образов советского прошлого (см. таблицу 4). Интерес к «советскому» возрастает у молодежи, прошедшей этап основной социализации в нулевых и впервые столкнувшейся с незнакомой для себя ситуацией международных идеологических противостояний и информационного давления в оценках внешнеполитической сферы. Встраивая в образ будущего вероятность изоляционистского сценария существования России, молодые респонденты проводят аналогии с образом биполярного миропорядка и отмечают, что мало знают о жизни в советскую эпоху. Привлекательные образы СССР были представлены через понятия политической

Таблица 3. Каких известных исторических личностей нашей страны Вы можете назвать (наиболее упоминаемые фигуры)?
Table 3. Which famous historical figures of our country can you name (most mentioned figures)?

	%
Исторические политические деятели советские	31,9
Исторические политические деятели современные	1,1
Исторические политические деятели дореволюционные	50,5
Ученые, изобретатели	4,4
Деятели искусства и литературы	7,7
Другое	2,2
Нет ответа	2,2

Таблица 4. Сопоставление образов России настоящего и СССР («по сравнению с СССР современная Россия…»), 2022 г.
Table 4. Comparison of images of Russia of the present and the USSR («Compared to the USSR, modern Russia is...»), 2022

Образы	%
Положительные	29,7
Отрицательные	12,1
Нейтральные	7,7
Амбивалентные	50,5

стабильности, силы, самодостаточности, мощи и порядка. При негативных оценках чаще упоминали темы дефицита, отсутствия личной инициативы, авторитарные тенденции. Интересна тенденция оценок СССР как «эксперимента», «неудавшегося опыта». Кто и над кем провел эксперимент? Возможно ли усовершенствование данного эксперимента? Респонденты не отвечают. Тема бессубъектности общества и фатализма в истории проявляет здесь себя и вызывает научный интерес.

Даже при неоднозначных оценках советского прошлого россияне смещают фокус внимания на удовлетворение ценностей выживания и адаптации, актуализируют символы силы, могущества страны, отмечая: «Зато нас боялись…». Эта тенденция восприятия подтверждает себя и в неосознаваемых до конца установках видеть свою страну способной защититься, дать отпор, выжить. Речь здесь идет, очевидно, о респондентах с моделью тревожного типа восприятия.

Согласно полученным эмпирическим результатам, образ будущего России наиболее размыт и символически беден. Исследования подтверждают, что пессимистичных прогнозов относительно будущего страны становится больше. Надежды на улучшение ситуации, однако, в оценках преобладают (см. таблицу 5). Это же заметно в картоидах, на которых изображались символы расцвета, расширения влияния, укрепления связей с отдельными странами.

Подводя итоги, можно отметить разбалансированность символического пространства образа России. Прежде всего, символически незаполненными остаются темпоральные и пространственные компоненты. В последнее время темпоральные образы

Таблица 5. Образ будущего страны («Будущее страны представляется мне …»), 2022 г.
Table 5. The image of the future of the country ("The future of the country seems to me ..."), 2022

Варианты	%
Изменится в лучшую сторону	54,9
Изменится в худшую сторону	18,7
Не изменится	2,2
Другое	24,2

претерпевают изменения, что требует более детального последующего изучения. Выявленные проблемы формирования национально-государственной идентичности (и даже, вероятно, ее кризиса у части граждан) детерминируют разбалансированность восприятия России относительно компонентов государства и общества.

И образы настоящего, и образы будущего России в значительной степени зависимы от образов прошлого. Есть все основания говорить о росте ретроориентированности политического восприятия, отраженного в форме символических репрезентаций. Сталкиваясь с незнакомыми трансформирующимися образами настоящего, россияне склонны опираться на представления о прошлом, искать аналогии из истории.

Тенденция восприятия образа России как символически фрагментированного и размытого конструкта опасна непредсказуемыми общественными реакциями на внезапные отдельные международные события, их освещением отечественными и зарубежными СМИ в виде сверхупрощенных форм.

Конструирование ретроориентированных образов будущего России зачастую сопровождается этатистскими сюжетами, ориентациями на сильное и независимое государство, способное обеспечить защиту, осуществить государственное прогнозирование, предупредить внешние угрозы, ответить на вызовы. Это формирует неосознаваемое стремление воспринимать современную Россию сильной, мощной державой. Однако, в случае роста непривлекательности образа власти в стране, данная тенденция может спровоцировать усиление общественных страхов, неосознанной тревоги, так как способствует ощущению потери личного контроля, актуализирует тему бессубъектности общества. Важными задачами в описанных условиях видятся повышение доверия политической власти, системная государственная информационная и символическая политика в отношении разных общественных групп, с учетом их поколенческой специфики и менталитета.

Оценивая воздействие объектных и субъектных факторов политического восприятия своей страны, необходимо отметить комплексный характер их влияния. Не представляется возможным утверждать, что именно влияние того или иного конкретного фактора в большей (меньшей) мере определяет символическое содержание образов настоящего прошлого и будущего России. Однако можно предположить, что некоторые выявляемые тенденции восприятия детерминированы вполне определенными факторами. Определение трансформационного потенциала этих факторов в будущих исследованиях позволит учесть перспективы, тенденции и риски в формировании национально-государственной идентичности, столь значимой на сегодняшний день.

Список литературы

Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018) / под ред. Е.Б. Шестопала. – Москва : Весь мир, 2019. – 656 с.

Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по результатам исследований и апробации) / Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 9–19.

Евгеньева Т.В. Крым в пространстве российской идентичности: образно-символическое измерение // Цен-

ности и смыслы. – 2017. – Т. 50, № 4. – С. 20–33.

Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2017. – № 4. – С. 48–64.

Евгеньева Т.В., Титов В.В. Образы прошлого в российском массовом политическом сознании: Мифологическое измерение // Политическая наука. – 2017. – № 1. – С. 120–138.

Евгеньева Т.В., Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 4. – С. 122–134.

Измоденова Н.Н. Образ будущего России: социальное воображаемое // Труды Кольского научного центра РАН. – 2018. – Т. 9, № 7–14. – С. 96–101.

Маленков В.В. Образ советского прошлого в темпоральной конструкции формирующейся российской нации // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – № 5. – С. 136–144.

Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 90–105.

Мирошниченко И.В. Пространственный образ Европы в представлениях российской молодежи // Вестник Пермского университета. Политология. – 2018. – № 2. – С. 31–44.

Образы России и Белоруссии в представлениях молодежи двух стран / Снежкова И.А., Калачева И.И., Шалыгина Н.В., Громов Д.В. // Власть. – 2019. – № 1. – С. 107–112.

«Они» и «Мы». Образы России и мира в сознании российских граждан / под ред. Е.Б. Шестопала. – Москва : РОССПЭН, 2021. – 420 с.

Палитай И.С., Селезнева А.В. Восприятие своей страны российской молодежью: ценностно-символический и политико-культурный аспекты // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 123–135.

Петухов В.В. Внешнеполитические приоритеты массового сознания россиян // Социологические исследования. – 2010. – № 11. – С. 4–13.

Попова О.В. Базовая матрица государственной политики идентичности в современной России // Политическое пространство и социальное время. – 2016. – С. 160–165.

Пушкарева Г.В. Символическое пространство государственного управления // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 183–203.

Семененко И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 8–28.

Смулькина Н.В. Формирование символического пространства политической карты мира в российском массовом сознании // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – Т. 5, № 102. – С. 210–223.

Смулькина Н.В. Ретроориентации в российском политическом восприятии: опыт политико-психологического исследования // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – Т. 12, № 1. – DOI: 10.18254/S207987840013818-8.

Смулькина Н.В., Рогач Н.Н. Психологическое состояние россиян разного возраста: политико-психологический анализ // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 138–147.

Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. – Москва : Типография «Ваш формат», 2017. – 184 с.

«Они» и «Мы». Образы России и мира в сознании российских граждан / под ред. Е.Б. Шестопала. – Москва : РОССПЭН, 2021. – 420 с.

Шестопал Е.Б., Смулькина Н.В. Факторы восприятия постсоветских стран в современном обществе // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 1. – С. 26–44.

Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London : Verso, 2016. – 256 p.

Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. – Urbana : University of Illinois Press, 1985. – 232 p.

Hobsbawm E. Inventing Traditions // The Invention of Tradition / Ed. by Hobsbawm E., Ranger T. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – P. 1–14.

McCrone D., Bechhofer F. Understanding National Identity. – Cambridge : Cambridge University Press, 2015. – 238 p.

Representation: Cultural representation and signifying practices / Ed. by Stuart Hall. – London : Sage, The Open University, 1997. – 257 p.

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.05

Images of the Past, Present and Future of Russia: Symbolic Dimension

Natalia V. SMULKINA
PhD, Senior Lecturer at the Chair of Sociology and Psychology of Politics, Dept. of Political Science
Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky Avenue, 27, building 4, Moscow, Russian Federation, 119991;
Senior Researcher at the Center for Interdisciplinary Studies
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: smulkina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6691-5372

Nikolay N. ROGACH
PhD, Junior Researcher at the Center for Interdisciplinary Studies
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: nickolayrogach@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7477-906X

CITATION: Smulkina N.V., Rogach N.N. (2022). Images of the Past, Present and Future of Russia: Symbolic Dimension. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 5, pp. 89–106 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.05

Received: 15.11.2022.
Revised: 09.12.2022.

ACKNOWLEDGEMENT. The article was prepared within the framework of project no. 122101100033-0 "The Image of the present, past and future of Russia in the minds of its citizens", which was implemented at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences based on the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

ABSTRACT. *The article presents the results of an empirical study conducted in 2022 and devoted to the study of the symbolic images of the past, present and future of Russia, formed in the mass consciousness of the Russians. In their study, the authors rely on a political and psychological approach, use the method of individual focused interviews in combination with projective techniques. For a more detailed analysis of the symbolic content of the image of the country, the drawing method "Russia in the form of a non-existent animal" was used when collecting data. The study made*

it possible to test the conceptual model proposed by the authors and prove its research potential. As the result of data analysis, several important perceptual tendencies were identified and expressed in symbolic representations. The authors establish mythologization of perception and hypersensitivity of modern perception to the changes in the foreign policy context that are covered through the media, as well as the increasing importance of the parameter of strength in the image of Russia. Significant incongruity, imbalance of the image of the country with respect to the spatial and temporal components, and the components of the people and the state were revealed. The study showed that even with symbolic poverty the images of the present, past and future are closely intertwined. The data demonstrate a growing trend of retro-oriented perception of the present and blurring of images of the future.

KEYWORDS: *political and psychological approach, projective methods, political perception, the image of Russia, the image of the future, the image of the past, national state affiliation, symbols.*

References

Anderson B. (2016). Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London : Verso. 256 pp.

Edelman M. (1985). The Symbolic Uses of Politics. Urbana : University of Illinois Press. 232 pp.

Evgenieva T.V. (2017). Crimea in the space of Russian identity: figurative and symbolic dimension. *Tsennosti i smysly,* vol. 50, no. 4, pp. 20–33 (in Russian).

Evgenieva T.V., Titov V.V. (2010). Formation of the national-state identity of the Russian youth. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 122–134 (in Russian).

Evgenyeva T.V., Selezneva A.V. (2017). Transformation of National-State Identity of Russian Youth in the Post-Soviet Period: Values' Foundations and Symbolic Representations. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, no. 4, pp. 48–64 (in Russian).

Evgenyeva T.V., Titov V.V. (2017). Images of the Past in the Russian Mass Political Consciousness: Mythological Dimension. *Political Science*, no. 1, pp. 120–138 (in Russian).

Hobsbawm E. (2002). Inventing Traditions // Hobsbawm E., Ranger T. (eds.) *The Invention of Tradition*. Cambridge : Cambridge University Press, pp. 1–14.

Izmodenova N.N. (2018). The image of the future of Russia: social imaginary. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN*, vol. 9, no. 7–14, pp. 96–101 (in Russian).

Malenkov V.V. (2016). The image of the Soviet past in the temporal construction of the emerging Russian nation. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, no. 5, pp. 136–144 (in Russian).

Malinova O.Yu. (2010) Symbolic politics and the construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 90–105 (in Russian).

McCrone D., Bechhofer F. (2015). *Understanding National Identity*. Cambridge : Cambridge University Press. 238 pp.

Miroshnichenko I.V. (2018). Spatial image of Europe in Russian youth notions. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, no. 2, pp. 31–44 (in Russian).

Obrazy… (2019). Snezhkova I.A. [et. al]. Images of Russia and Belarus in representations of youth of two countries. *Vlast',* no. 1, pp. 107–112 (in Russian).

"Oni" i "My"… (2021). Shestopal E.B. (ed.). *"They" and "We": images of Russia and the World in the Russian citizens consciousness*. Moscow : ROSSPEN. 420 pp. (in Russian).

Palitai I.S., Selezneva A.V. (2019). Perception of their own country of Russian youth: value-symbolic and political and cultural aspects. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo*

gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki, vol. 10, no. 2, pp. 123–135 (in Russian).

Petukhov V.V. (2010). Foreign Policy Priorities of the Mass Consciousness of Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya,* no. 11, pp. 4–13 (in Russian).

Popova O.V. (2016). The Basic Matrix of State Identity Policy in Modern Russia. *Politicheskoe prostranstvo i sotsial'noe vremya*, pp. 160–165 (in Russian).

Pushkareva G.V. (2020). Symbolic space of public administration. *Political Science*, no. 2, pp. 183–203 (in Russian).

Representation: Cultural representation and signifying practices (1997). Hall S. (ed.). London : Sage, The Open University, 257 pp.

Semenenko I.S. (2016). Identity Politics and Identities in Politics: Interethnic Perspectives in a European Context. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 8–28 (in Russian).

Shestopal E.B., Smulkina N.V. (2018). Factors of Political Perception of Post-Soviet Countries in Contemporary Russian Society. *Polis. Politicheskie issledovaniya,* no. 1, pp. 26–44 (in Russian).

Smulkina N.V. (2020). Formation of the symbolic space of the political map of the world in the Russian-Russian-Russian mass dimension. *Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nyh issledovanij. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, vol. 5, no. 102, pp. 210–223 (in Russian).

Smulkina N.V. (2021). Retroorientations in Russian political perception: experience of political and psychological research. *Istoriya*. vol. 12, no. 1 (in Russian). DOI: 10.18254/S207987840013818-8.

Smulkina N.V., Rogach N.N. (2022). The psychological state of Russians of different ages: political and psychological analysis. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta,* vol. 12, no. 2, pp. 138–147 (in Russian).

Titov V.V. (2017). *The politics of memory and the formation of national-state identity: Russian experience and new trends*. Moscow : Wash format, 184 pp. (in Russian).

Vlast'… (2019). Shestopal E.B. (ed.) *Authorities and leaders in the perception of Russian citizens. A quarter of a century of observations* (*1993–2018*). Moscow : Ves mir. 656 pp. (in Russian).

Vospriyatiye… (2022). Kharichev A.D. [et. al[. Perception of basic values, factors and structures socio-historical development of Russia (based on research and testing materials). *Zhurnal politicheskikh issledovanii*, vol. 6, no. 3, pp. 9–19 (in Russian).

Азия: вызовы и перспективы

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.06

Урбанистическая ситуация и национальная городская политика в Индии и КНР: сравнительный анализ

Александр Игоревич САЛИЦКИЙ
доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
Профсоюзная ул., д. 23, г. Москва, Российская Федерация, 117997
ORCID: 0000-0001-6134-768X

Илья Георгиевич ЧУБАРОВ
кандидат географических наук, старший научный сотрудник
Институт Китая и современной Азии РАН
Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117997
E-mail: ilya.chubarov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4672-6566

ЦИТИРОВАНИЕ: Салицкий А.И., Чубаров И.Г. Урбанистическая ситуация и национальная городская политика в Индии и КНР: сравнительный анализ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 107–132.
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.06

Статья поступила в редакцию 14.11.2022.
Исправленный текст представлен 27.11.2022.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Статья написана в рамках реализуемого в ИНИОН РАН грантового проекта РНФ № 22-28-01829 «Индия и Китай в последние полвека: сопоставление путей социально-экономической эволюции» (руководитель – А.Г. Володин).

АННОТАЦИЯ. *Ход урбанизации в Индии и Китае примечателен не только масштабами, но и разной ролью государства. Несмотря на обилие материалов, сравнительных исследований недостаточно: местные урбанисты увлечены национальными процессами, а от иностранных требуется глубокое знание контекста. Шедшие вровень темпы урбанизации двух стран разошлись с началом рыночных реформ. По официальным данным, доля горожан в КНР почти вдвое выше, чем в Индии, но из-за разных способов учета реальный отрыв, вероятно, меньше. В каждой из стран насчитывается по шесть мегаполисов численностью населения более 10 млн человек, однако*

индийская городская система в целом менее структурно сбалансирована. Уровень жизни населения, развития инфраструктуры и степень глобальной интеграции китайских центров выше индийских. В соответствии с международной практикой в обеих странах приняты установочные документы по развитию городов. Индийские «Десять городских сутр» (2018 г.) носят рекомендательно-экспертный характер и в основном посвящены городскому планированию и управлению. Внедрение предложенных подходов зависит от правительств штатов. Охват китайской «урбанизации нового типа» (2014 г.) значительно шире. Главная цель – увеличение числа городских жителей при одновременном ограничении размера крупнейших городов. В качестве основного инструмента выступает реформа системы прописки. Это комплексная нацпрограмма, реализацию которой координирует межведомственный штаб, а цели обязательны для властей всех уровней. Различия в регулировании урбанизации соответствуют различиям политических систем, а их анализ важен в контексте изучения модернизации развивающихся стран.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Индия, Китай, урбанизация, национальная городская политика, Азия, модернизация, урбанистические сравнения, городские исследования.*

Введение

Индия и Китай далеко опережают остальные государства по масштабам демоурбанизационных процессов. В двух странах-гигантах суммарно проживает 2,8 млрд человек, при этом уже в ближайшие годы Индия опередит Китай и станет наиболее населенной страной, а индийская столица Дели – самым крупным городом мира (опередит Токио к 2030 г.). По данным ООН, к 2050 г. разрыв по числу жителей между двумя странами увеличится до 300 млн человек [United Nations, 2022]. Несмотря на очевидную цивилизационную разницу, в хронологии социально-политического развития двух азиатских гигантов можно найти немало общего. Обе страны исторически характеризовались аграрным перенаселением, на которое затем наложилось вековое (полу)колониальное влияние. После обретения независимости в середине XX в. ориентировались на методы планового хозяйствования советского типа, но затем перешли к рыночным реформам и на рубеже тысячелетий окончательно интегрировались в глобальную экономику. Каждое из этих событий повлияло на траекторию урбанизации и развития национальной городской системы. В Китае доля горожан превысила долю сельских жителей в 2011 г., а в 2014 г. опередила среднемировой показатель. Индия значительно отстает, но, по оценкам, станет преимущественно городской страной в течение ближайшего десятилетия. Уже сейчас суммарное население китайских и индийских городов превышает 1,3 млрд человек – иными словами, в них проживает седьмая часть человечества.

Обзор литературы

Общественные процессы в Индии и Китае привлекают внимание научного сообщества далеко за пределами самих стран. Урбанисты сходятся на том, что сравнительный анализ исключительно важен для развития теории и методологии городских исследований в развивающемся мире, однако по-настоящему содержательных работ пока не так много [*Wu*, 2020; *Frazier*, 2021]. К примеру,

в изданной недавно коллективной монографии «Города драконов и слонов» сравнению посвящена лишь одна глава из восьми, а остальные рассматривают две страны по отдельности [Cities.., 2019]. Редкое исключение составляет монография китайско-американской урбанистки Жэнь Сюэфэй, которая обстоятельно сравнила имеющиеся в обеих странах проблемы, связанные с выделением земли под новую застройку, реновацией аварийных кварталов и трущоб, а также экологические последствия урбанизации [*Ren*, 2020].

Относительно небольшое количество сравнительных исследований связано с приоритетной концентрацией китайских и индийских урбанистов и социологов на глубоком изучении масштабных городских трансформаций на примере своего национального материала. Это оборачивается отсутствием временных и финансовых возможностей для изучения практики других развивающихся стран [*Ren*, 2017]. К примеру, в Китае интерес вызывают только правовые аспекты землепользования в Индии, в особенности вопросы конфискации земель под застройку [*Яо, Лю*, 2015]. Также есть работы, посвященные динамике развития городской системы под влиянием рыночных реформ [Сравнительное…, 2017]. Индийские ученые обращают особое внимание на распространенные в Китае механизмы пополнения городских бюджетов [*Vishal, Sridhar,* 2021]. Однако в целом и те, и те убеждены, что уникальность урбанистических процессов в их стране делает международные сравнения малосодержательными, что значительно контрастирует с интересом зарубежных исследователей к сравнению индийской и китайской практик.

Из русскоязычных работ можно выделить глубокое сравнительное исследование демографических и экономических факторов урбанизации в двух странах, выполненное коллективом российских географов-страноведов под руководством Е.Н. Самбуровой [*Самбурова, Горохов, Дмитриев,* 2010]. Ими было отмечено, что в Китае урбанизация «носит в значительной мере плановый и управляемый характер» в противовес довольно косвенному участию государства в индийском случае. Показательно, что этот вывод, который можно считать отправной точкой данного исследования, был сделан исходя из анализа ситуации конца 2000-х годов, без учета институциональной и идеологической консолидации китайской управленческой системы с 2013 г. под руководством Си Цзиньпина. После прихода к власти Н. Моди в 2014 г. тенденции на усиление концентрации власти наблюдаются и в Индии [*Manor*, 2021]. В данной работе развитие городов и городских систем двух стран рассматривается через призму правительственных мер. В свою очередь, анализ правительственных мер невозможен в отрыве от характеристики урбанистической обстановки, которая в этих двух странах значительно отличается.

Урбанистическая обстановка в Индии и КНР

Шедшие долгое время относительно вровень темпы урбанизации КНР и Индии разошлись с началом рыночных реформ. Если в 1987 г. горожане составляли около четверти населения в обеих странах, то к 2011 г. отрыв Китая от Индии увеличился до 20 п. п. По данным переписи 2020 г., в городах КНР постоянно проживало 902,0 млн человек, или 63,9% от числа всех жителей страны. В Индии последняя на данный момент перепись прошла в 2011 г., а промежуточные данные текущего учета населения обычно не публикуются. Однако есть официальные оценки, согласно

которым в 2020 г. в городах страны проживало 465,4 млн жителей, что составляло 34,6% всего населения страны[1]. Таким образом, разрыв по уровню городского населения увеличился еще в 1,5 раза – почти до 30 п. п. По данным ООН, разрыв несколько меньше, около 25 п. п.: 883 млн горожан в КНР против 483 млн человек в Индии (на 2020 г.).

Показательно, что динамика соотношения темпов урбанизации в целом коррелирует с динамикой темпов экономического роста двух стран (см. таблицы 1, 2). С началом реформ в Китае основными драйверами урбанизации стали экономические факторы, в то время как в Индии сохранилось сильное влияние историко-географических

Таблица 1. Валовой внутренний продукт в расчете на душу населения по ППС, долларов США
Table 1. Gross domestic product per capita, PPP USD

	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2020 г.
Индия	700	700	800	1 000	1 300	2 400	4 400	6 600
Китай	500	700	600	700	1 700	3 900	9 200	17 200

Составлено по: [Мировая…, 2013, с. 498; Asia Development Bank, 2021].

Таблица 2. Численность и прирост населения Индии и Китая, 1950–2020 гг., млн человек
Table 2. Population size and its growth in India and China, 1950–2020, million people

Годы	Индия		Китай	
	Население	Прирост за десятилетие	Население	Прирост за десятилетие
1950	338	30	580	52
1960	438	100	700	120
1970	556	118	830	130
1980	688	132	980	150
1990	840	152	1 155	175
2000	1 000	160	1 282	127
2010	1 186	186	1 341	59
2020	1 355	169	1 412	71
Всего за 70 лет		1 047	-	884

Составлено по: [Мировая…, 2013, с. 498; Asia Development Bank, 2021, p. 136].

1 Census of India 2011. Population projections for India and States 2011–2036. – National Commission on Population, 2020. – P. 135, 148. – URL: https://ruralindiaonline.org/en/library/resource/population-projections-for-india-and-states-2011-2036/#:~:text=The%20population%20of%20India%20is,463%20persons%20per%20square%20kilometre (дата обращения: 22.11.2022).

закономерностей, заложенных на предыдущем этапе развития [Сравнительное…, 2017].

В любом случае, при международных сравнениях уровня урбанизации необходимо учитывать разницу в методах учета городского и сельского населения. По данным переписи 2011 г., все 7 933[2] городских поселения Индии можно разделить на 2 группы: города, установленные законодательством («уставные города», *statutory town*), и города, соответствующие определенным критериям («переписные города», *census town*). «Уставные города» получили этот статус от правительства штата в соответствии с местным законодательством и управляются муниципальной корпорацией, муниципальным советом или другими подобными структурами, которые объединяют под названием городских местных органов управления (*urban local bodies, ULB*). По данным переписи 2011 г., в Индии насчитывалось 4 041 *ULB*, что на 242 больше, чем в 2001 г. Отдельные крупные города могут управляться несколькими *ULB*, к примеру, столичная территория Дели разделена на пять *ULB*. В таких «уставных городах» проживает 26% населения Индии. «Переписные города» – это сельские населенные пункты, где в ходе последней общенациональной переписи было зафиксировано свыше 5 тыс. жителей, плотность населения составила более 400 чел./км^2, а доля занятых вне сельского хозяйства мужчин – более 75%. Эти критерии не меняются уже много десятилетий. Число таких поселений с 2001 по 2011 г. увеличилось почти в 3 раза (с 1 362 до 3 894 населенных пунктов), в них проживало более 55 млн человек, или около 5% всего населения страны. В отличие от «уставных», «переписные» города управляются по тем же принципам, как и остальная сельская территория, то есть через органы местного самоуправления (панчаяты).

Смена статуса населенного пункта с сельского на городской происходит с трудом. Вышестоящие власти штатов неохотно идут на это из-за того, что в рамках индийской административно-политической системы «уставные города» имеют значительно больше полномочий, чем деревни. С другой стороны, имеется определенное противодействие и со стороны местных элит в само́м населенном пункте, для которых переход в категорию «уставных» будет означать ужесточение градостроительных и экологических нормативов, рост налогов и выход из дотационных программ для сельской местности. В 2016 г. Министерство городского развития было вынуждено напомнить руководству штатов о необходимости присвоить полноценный городской статус всем «переписным городам»[3]. Однако данных о том, в какой степени было реализовано это распоряжение, пока нет (перепись 2021 г. была перенесена из-за пандемии *COVID-19*). По подсчетам исследователей, к моменту проведения следующей переписи критериям «переписного города» будет удовлетворять еще 2 231 поселение [*Roy, Pradhan*, 2018].

По правительственным прогнозам, к 2035 г. уровень урбанизации Индии достигнет лишь 39%, а в Китае приблизится к 75%, что означает увеличение отрыва до 35 п. п. Однако исходя из того, что полноценным статусом обладает лишь примерно половина всех городских поселений страны, многие исследователи полагают, что официальные

2 По другим источникам – 7 935. Автору не удалось установить причину различия.

3 States asked to convert 3,784 urban areas into statutory Urban Local Bodies // Press Information Bureau. – 17.05.2016. – URL: https://pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=145405 (дата обращения: 22.11.2022).

цифры доли горожан в Индии занижены, а реальное отставание по уровню урбанизации от Китая, таким образом, значительно меньше [*Mukhopadhyay, Zérah, Denis*, 2020]. К примеру, по расчетам аналитического центра *IDFC Institute* (Мумбаи), при учете в качестве городских всех населенных пунктов населением более 5 тыс. жителей число горожан увеличится почти на 200 млн и составит 47%, а при других способах подсчета оно еще выше (см. рисунок 1).

В отличие от Индии, в КНР критерии определения сельского и городского населения регулярно менялись. Это привело к тому, что данные переписей разных лет невозможно полностью сопоставить, как и данные текущего учета по разным провинциям. Так, в период строительства плановой экономики (1949–1979 гг.) правительство разделило жителей на обладателей сельскохозяйственной (крестьяне) и несельскохозяйственной (рабочие, служащие и интеллигенция) прописки в зависимости от их рода деятельности. В те годы уровень урбанизации территории фактически совпадал с долей обладателей несельскохозяйственной прописки. С началом рыночных реформ в конце 1970-х годов в города на заработки начали перебираться многие сельские жители, что значительно усложнило ведение статистики. В середине 2010-х годов разделение прописки на два вида было упразднено, а статистические органы перешли к учету по территориальному принципу, то есть стали относить к городскому населению постоянных жителей городов и поселков, а всех остальных – к сельскому. Таким образом, определение уровня урбанизации упирается в разграничение городской (城镇) и сельской (乡村) местности. Разделение проходит по самому нижнему уровню АТД, а именно по комитетам жителей. Городскими считаются территории, связанные непрерывной застройкой с местонахождением административных зданий (центра) города или городского района (см. ниже) либо отдельно расположенные студгородки, наукограды, зоны развития, горнопромышленные районы, сельскохозяйственные и лесные станции с постоянным населением свыше 3 тыс. человек.

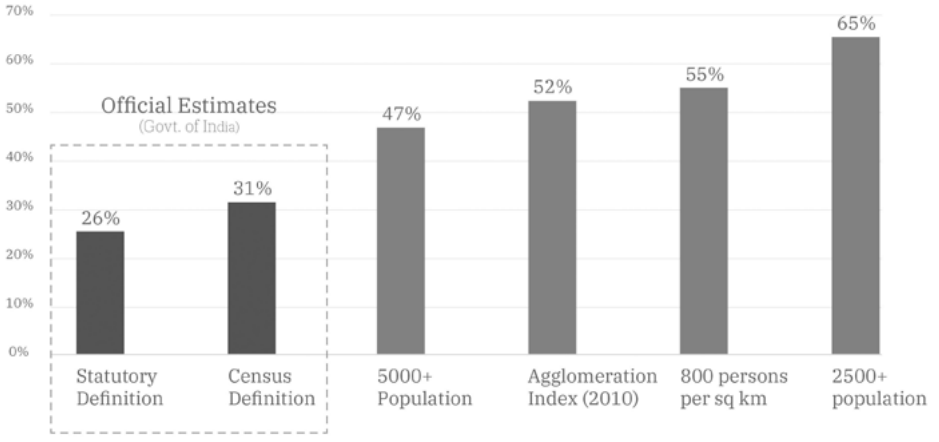

Рисунок 1. Уровень урбанизации Индии в зависимости от используемых критериев
Figure 1. Level of urbanization in India depending on the criteria used

Источник: [IDFC Institute, 2019, p. 15].

Все остальные территории относятся к сельским[4].

Параллельно с этим определением городской территории на трех верхних уровнях административной иерархии КНР существуют единицы, носящие название «город» (市): на провинциальном – это 4 города центрального подчинения (ГЦП, 直辖市); на окружном – это 293 городских округа (地级市); на уездном – это 388 городских уездов (县级市). Все они представляют собой не компактные населенные пункты, а обширные территориальные единицы, включающие удаленные от главного центра малые города, поселки и сельские окрестности (АТД КНР подробно разобрано в [*Кондрашова, Чубаров*, 2022]). В особенности это относится к городским округам: они являются основной административной единицей окружного уровня, и в них проживает более 90% всего населения страны. Суммарно трех видов «городов» в 2020 г. насчитывалось 685, и это небольшое для страны-гиганта число фигурирует в публикациях как «количество городов» (см., например, статью *List of cities in China* в «Википедии»), что искажает картину при международных сравнениях (см. таблицу 3). В справочниках часто фигурирует общая численность населения административной единицы, что не учитывает значительную долю сельской местности внутри ГЦП, городских округов и городских уездов. К примеру, доля горожан в населении Шанхая – только 89,3%, в населении Пекина – 87,5%, Чунцина – 69,4%, Гуанчжоу – 86,2%. В абсолютных цифрах это миллионы сельских жителей «городов»: Чунцин –

Таблица 3. Официальная классификация городских административных единиц Индии и КНР по людности, 2010 г.
Table 3. Official classification of urban administrative divisions of India and the PRC by population, 2010

Индия		Численность населения, чел.	Китай	
Количество, ед.	Категория		Категория	Количество, ед.
7 467	Малый I	менее 20 тыс.	Малый (小) II	255
	Малый II	20–50 тыс.		
	Средний I	50–100 тыс.		
372	Средний II	100–200 тыс.		
		200–500 тыс.	Малый (小) I	238
43	Большой (Large)	500 тыс. – 1 млн	Средний (中)	93
45	Крупный (Metropolitan) I	1–3 млн	Большой (大) II	47
		3–5 млн	Большой (大) I	11
5	Крупный (Metropolitan) II	5–10 млн	Особо крупный(特大)	9
3	Мегаполис (Megapolis)	Более 10 млн	Сверхкрупный (超大)	3

Составлено автором по данным: [Ministry …, 2014, стр. 4; Ци, Лю, Цзинь, 2016].

4 Разделение городской и сельской местности в статистике // Государственное статистическое управление КНР = 统计上划分城乡的规定 // 国家统计局. – 2008 – Кит. яз. – URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/tjbz/200610/t20061018_8666.html (дата обращения: 22.11.2022).

11 млн, Пекин, Шанхай, Гуанчжоу – более 2,5 млн и т. д. Только один городской округ в Китае (Шэньчжэнь) не имеет сельских жителей в своем населении. Кстати, аналогичную «статистическую аномалию» можно наблюдать и в Индии: к сельским жителям относят 400 тыс. человек (2,5%) из всех жителей столичной территории Дели[5].

При использовании другого подхода людность китайского городского округа определяется как число жителей его городских районов (市辖区). Согласно обычной практике, они создаются после достижения 70%-ной доли несельскохозяйственного населения. Наиболее точный, но трудоемкий способ учитывает только население городской территории, за вычетом сельской местности. Согласно такой методике в 2018 г. насчитывалось 93 города с населением свыше 1 млн человек, в том числе 16 городов с населением свыше 5 млн человек[6]. К примеру, согласно результатам переписи 2020 г., общая численность постоянного населения Чжэнчжоу (административный центр провинции Хэнань, городской округ) составляет 12,6 млн человек, из них 9,8 млн проживают в городской местности (уровень урбанизации – 78,4%), из них 5,3 млн человек – в основном пятне урбанизированной застройки[7]. Каждое из трех чисел отражает людность Чжэнчжоу.

При оценке потенциала урбанизации нельзя не учитывать различия в демографической ситуации. В отличие от Китая, Индия еще не завершила свой демографический переход от общества с высокими рождаемостью и смертностью к обществу с низким уровнем обоих показателей. Значение коэффициента фертильности в Индии в 2020 г. (2,18) соответствовало уровню Китая 1991 г. В этой связи основной вклад в рост городского населения по-прежнему дает естественный прирост, а не миграции. К примеру, население Дели (в границах столичной территории) с 2003 по 2020 г. увеличилось с 14,5 до 20,3 млн жителей, из них на миграцию пришлось лишь 2 млн. В 2019 г. естественный прирост населения в индийской столице составил 11‰ против минимального в крупных китайских городах: 2,6‰ – Пекин, 1,5‰ – Шанхай и т. д. Всё чаще идет речь о естественной убыли населения. В результате в индийской столице дети в возрасте до 15 лет составляют 22% населения, в то время как в китайской – только 12%. Начиная с 2020 г. в некоторых китайских городах наблюдается непредставимая пока в индийских условиях абсолютная убыль населения.

В Индии наиболее урбанизированы южная часть страны и столичный регион, а северная и северо-восточная части значительно более сельские. По доле горожан лидирует небольшой штат Гоа (62% горожан), а из крупных – Тамилнад, Керала и Махараштра (все по 45–50%). Последний лидирует и по абсолютному числу горожан (более 50 млн человек). В Китае крупные города исторически также располагались в центре страны, однако экономическая глобализация значительно повлияла на эту географию. Достаточно долгое время

5 Government of National Capital Territory of Delhi // Delhi Statistical Handbook 2021. – New Delhi, 2021. – Table 1.15. – P. 38.

6 Министерство жилищного, сельского и городского строительства КНР. Статистический ежегодник городского строительства 2019 = 住房和城乡建设部。城市建设统计年鉴 2019. – Пекин, 2019. – Кит. яз.

7 Статистическое управление г. Чжэнчжоу. Коммюнике № 1 о результатах 7-й Общекитайской переписи населения по г. Чжэнчжоу = 郑州市统计局 (2021) 郑州市第七次全国人口普查公报(第一号) – 2021. – Кит. яз. – URL: http://public.zhengzhou.gov.cn/D1002X/5032314.html (дата обращения: 22.11.2022); Статистическая таблица социально-экономического развития: основная информация о сверхкрупных и особо крупных городах // Цюши. = 经济社会发展统计图表：第七次全国人口普查超大、特大城市人口基本情况 // 求 是. – 2021. – 16 сентября. – Кит. яз. – URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2021-09/16/c_1127863567.htm (дата обращения: 22.11.2022).

наиболее урбанизированным регионом был северо-восток Китая, сначала находившийся под фактической японской оккупацией, а затем ставший флагманом советско-китайского промышленного сотрудничества. С началом рыночных реформ и интеграцией в мировую экономику их догнали приморские регионы. В последние годы опережающими темпами растет городское население центральной и западной части. В настоящее время к числу наиболее урбанизированных провинций относятся Гуандун (75%), Цзянсу (74%), Ляонин и Чжэцзян (по 73%). В силу географических факторов наименее урбанизированы в обеих странах горные и предгорные районы, часто заселенные представителями национальных меньшинств: Химачал-Прадеш (10% горожан), Бихар (11%) и Ассам (14%) – с индийской стороны; Тибет (37%), Юньнань и Ганьсу (50%) – с китайской.

Урбанистическая структура (соотношение городов разной людности) Китая выглядит более сбалансированной, чем индийская (см. таблицу 4). Так, в крупнейших (с населением свыше 10 млн человек) агломерациях Индии проживает пятая часть всех горожан, в то время как в Китае – лишь 12%. Аналогичная картина и с долями жителей самых небольших населенных пунктов: в Индии она значительно выше. В результате проседает «средний класс» городов, который в развитых странах составляет костяк городской системы.

Известное в географии правило Ципфа («ранг – размер») в обеих странах «перевыполняется»: вторые и третьи города значительнее крупнее, чем должны были быть, исходя из размера города-лидера. Доминирование крупных городов-портов в городской системе является наследием колониальной эпохи с ее специфической структурой экономики. Крупнейшие города Индии Колката (Калькутта), Мумбаи (Бомбей) и Ченнаи (Мадрас) были основаны британцами; другие городские центры, многие из которых имели многовековую историю, оказались в упадке. Колониальная «травма» в общественно-политическом сознании привела к тому, что после обретения независимости урбанизация в Индии воспринималась как неизбежное зло, которое не следует поощрять. Это способствовало сверхконцентрации населения в четырех крупнейших городах и усиливало дисбалансы национальной городской системы. Правительство же уделяло приоритетное внимание развитию сельской

Таблица 4. Урбанистическая структура Индии и Китая
Table 4. Urban structure of India and China

Людность населенного пункта, чел.	Численность населения, тыс. чел.		Доля в общем числе горожан, %	
	Индия	Китай	Индия	Китай
Более 10 млн	98 854	102 641	20	12
5–10 млн	21 873	99 324	5	11
1–5 млн	101 037	218 144	21	25
0,5–1 млн	33 914	118 960	7	14
0,3–0,5 млн	29 116	53 668	6	6
Менее 0,3 млн	198 304	282 339	41	32

Составлено по: [United Nations, 2018].

местности, а первый комплексный публичный анализ проблем урбанизации провело лишь в конце 1980-х годов (*Report of the National Commission on Urbanisation*).

При схожем векторе на создание новых приморских центров масштаб внешнего влияния на городскую систему в Китае был ощутимо меньше: Шанхай за столетие вырос в крупнейший экономический центр, однако возник как крупный торгово-ремесленный центр значительно раньше. «Антигородские» подходы к развитию общества существовали и в китайском руководстве, однако реализовывались на практике лишь в короткий период леворадикальной «культурной революции».

Масштабная урбанизация в обеих странах порождает расползание городской застройки и формирование агломераций. Крупнейшие из них (свыше 10 млн жителей) указаны в таблице 5, их по шесть в каждой из стран. Всего же, по данным ООН, в КНР существуют 424 агломерации с населением свыше 300 тыс. человек (2018 г.), в Индии – 356. По данным независимой аналитической компании *Demographia*, в 2022 г. в КНР насчитывалось 212 городских агломераций (сплошной городской застройки) с населением свыше 500 тыс. жителей, в том числе 11 «мегагородов» с населением более 10 млн человек [Demographia, 2022]. В Индии таких городов 108 и 6 соответственно.

На национальном уровне крупнейшие агломерации выступают в качестве главных узловых элементов опорного каркаса населения страны, а их связующим элементом является мультимодальный транспортный каркас. В Индии его основа – шестиугольник Дели – Колката (Калькутта) – Ченнаи (Мадрас) – Бангалор – Мумбаи (Бомбей) – Ахмедабад, а также транспортные коридоры Север – Юг и Запад – Восток. В Китае общепринятой является пространственная «решетка»

Таблица 5. Городские агломерации Индии и Китая с населением более 10 млн человек
Table 5. Urban agglomerations in India and China larger than 10 million inhabitants

Город	Число жителей в 2020 г., млн чел.	Число жителей в 1990 г., млн чел.
Дели	30	9,4
Шанхай	27,1	8,6
Пекин	20,5	6,8
Мумбаи (Бомбей)	20,4	12,4
Чунцин	15,8	4,0
Колката (Калькутта)	14,9	11,0
Тяньцзинь	13,6	4,6
Гуанчжоу	13,3	3,2
Шэньчжэнь	12,4	0,9
Бангалор	12,3	4,0
Ченнаи (Мадрас)	11,0	5,3
Хайдарабад	10,0	4,2

Составлено по данным: [United Nations, 2018].

из пяти осей развития. Две субширотные оси следуют вдоль двух важнейших речных бассейнов – Хуанхэ (с продолжением до границы со странами Средней Азии) и Янцзы. Три субмеридиональные оси: приморская (соединяет крупнейшие порты и прилегающие высокоурбанизированные районы), центральная (соединяет не выходящие к побережью северо-восточные регионы с центральными и южными) и западная (крупнейшие центры западной окраины основной зоны расселения).

Еще одной характерной особенностью, объединяющей процессы урбанизации в Китае и Индии, является тенденция к кластеризации, или мегалополизации урбанистического пространства [*Самбурова, Горохов, Дмитриев,* 2010]. В каждой из стран можно выделить несколько сверхкрупных городских образований. В Китае это бицентричный Столичный (Пекин – Тяньцзинь), моноцентричный Шанхайский (Шанхай и окружающие крупные городские центры, включая Ханчжоу, Нанкин, Нинбо и др.) и полицентричный Южнокитайский (Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Гонконг и др.) мегалополисы. К формирующимся мегалополисам можно отнести среднее течение Янцзы (полицентричный с главным городом Ухань), Сычуаньсую котловину (бицентричный Чунцин – Чэнду) и др.

В Индии выделяются 4 зоны: вдоль побережья штатов Гуджарат и Махараштра по линии Ахмадабад – Мумбаи (Бомбей) – Пуна; территории штатов Керала и Тамилнад по линии Бангалор – Ченнаи (Мадрас); индо-пакистанский по линии Исламабад – Лахор – Дели, а также индо-бангладешский мегалополис Вишакмаханагар по линии Дакка (столица Бангладеш) – Колката (Калькутта) – Асансол [*Дмитриев*, 2014]. Масштабы этих надагломерационных образований впечатляют, однако проблемы со статистическим учетом и разграничением сельских и городских жителей затрудняют создание единой системы координат для сравнения.

Параллельно с уплотнением внутристранового экономического каркаса в ходе урбанизации быстро растет значение крупнейших городов как глобальных управленческих центров. В соответствии с теорией глобальных городов (*global cities*), мерилом выступает положение в корпоративно-управленческой сети транснациональных компаний, предоставляющих деловые и консалтинговые услуги (подробнее о методике см. [*Чубаров*, 2013]). Китайские глобальные города значительно опережают индийские как по своему количеству, так и по уровню (см. таблицу 6). Наиболее глобальный индийский центр Мумбаи уступает сразу трем китайским городам: Гонконгу, Шанхаю и Пекину.

Национальная городская политика

Урбанизация, как и всякая общественная деятельность человека, протекает не стихийно, а в существующих правовых и культурных рамках. Помимо рассмотренных выше относительно объективных исторических, географических и демографических факторов, значительную роль играют целенаправленные действия государства. Особенности законодательного регулирования и политических процессов во многом определяют качество, динамику и тенденции развития как отдельных городов, так и национальных городских систем в целом. Значение этого фактора выше в азиатских странах, где правительство исторически активнее регулирует ход общественного развития. В этой связи сравнение урбанизации в Индии и Китае невозможно без учета целей и инструментов правительства в этой сфере. В обеих странах

Таблица 6. Глобальные города в Индии и КНР, 2000–2020 гг.
Table 6. Global cities in India and the PRC, 2000–2020

Уровень города в глобальной иерархии	2000 г.	2020 г.
Альфа ++	-	-
Альфа +	Гонконг	Гонконг, Шанхай, Пекин
Альфа		Мумбаи (Бомбей)
Альфа –	Мумбаи (Бомбей), Шанхай	Гуанчжоу, Дели, Шэньчжэнь, Бангалор
Бета +	Пекин	Чэнду
Бета		Тяньцзинь, Нанкин,
Ханчжоу, Чунцин		
Бета –	Дели	Ухань, Чанша, Сямэнь, Чжэнчжоу, Шэньян, Сиань, Далянь, Цзинань, Хайдарабад, Лахор
Гамма +	Бангалор	Колката, Циндао, Сучжоу,Куньмин, Ахмедабад, Хэфэй
Гамма	Колката (Калькутта)	Хайкоу
Гамма –	Гуанчжоу	Фучжоу, Харбин, Тайюань

Составлено по данным: The World According to GaWC // Globalization and World Cities Research Network. – 2020. – URL: https://www.lboro.ac.uk/microsites/geography/gawc/index.html (дата доступа: 22.11.2022).

урбанизация сопровождалась ростом доходов жителей параллельно с увеличением неравенства между городами и сельской местностью, также и внутри самих городов. Рост социальной нестабильности к началу 2010-х годов активизировал усилия государств в решении городских проблем.

Национальная городская политика (НГП, *national urban policy*) – это относительно новое аналитическое понятие, появление которого связано с активизацией усилий центральных властей многих стран по комплексному развитию городских систем [*Кузнецова*, 2021]. Бум разработки НГП в последние годы вызван принятием ООН в 2015 г. «Повестки устойчивого развития – 2030», где проведение эффективной НГП фигурирует в качестве одного из инструментов достижения Цели 11 «Устойчивые города и населенные пункты». НГП также является одной из пяти составляющих реализации «Новой программы развития городов» (*New Urban Agenda*), утвержденной на конференции ООН по жилью и устойчивому городскому развитию («Хабитат III») в 2016 г. Активна также ОЭСР, специалисты которой собирают и анализируют данные об НГП разных стран.

Рост внимания к этой теме в XXI в. связан со значимостью городов как центров экономического роста и одновременно увеличением проблем, с которыми они сталкиваются даже в наиболее развитых странах. В международных документах НГП обычно рассматривается как целостный набор долгосрочных решений по повышению эффективности, инклюзивности и устойчивости городского развития, разработанный по инициативе государства путем согласования подходов и целей различных акторов [UN Habitat/OECD, 2018]. Не менее удачным кажется нам определение, данное еще в 2005 г. российским исследователем Я.П. Силиным.

В его понимании городская политика – это декларируемая, целенаправленная, институционально и законодательно оформленная деятельность властей всех уровней, а также иных акторов, оказывающая регулирующее воздействие на развитие городов и их систем в рамках определенной концепции в интересах достижения поставленных целей [*Силин*, 2005]. По данным ОЭСР и ООН-Хабитат, в том или ином виде НГП имеется в 162 странах мира.

Индия и Китай, согласно этой классификации, реализуют «явную» НГП: это означает, что на национальном уровне принят установочный документ, носящий соответствующее название. В Индии это «Основы национальной городской политики» (*National Urban Policy Framework*) 2018 г. Его разработка велась под руководством Министерства жилья и городского хозяйства с привлечением специалистов Министерства финансов и научно-аналитических организаций, включая международные («Хабитат»). В Китае это «План урбанизации нового типа» (принят в 2014 г. на период до 2020 г., в 2021 г. продлен до 2035 г.). Его разработал и курирует «мозговой центр» китайского правительства – Государственный комитет по реформам и развитию (ГКРР, бывш. Госплан).

Наличие установочных документов облегчает анализ НГП двух стран. В индийских «Основах национальной городской политики» в соответствии с национальной традицией сформулированы 10 принципов, названных сутрами, которым должно следовать городское руководство в своей работе[8]:

1. Города – кластеры человеческого капитала, а не просто застроенная территория. Объектом городской политики должны быть жизненные и карьерные траектории горожан, а не земельных участков.

2. У каждого города есть свой «дух места». Самобытная архитектура способствует появлению сплоченного городского самосознания.

3. Эволюционирующая экосистема вместо статичного мастер-плана. Применяется гибкое планирование с приоритетом смешанного использования вместо классического зонирования. Повышение эффективности землепользования за счет возвращения в оборот некачественно используемых зданий и земельных участков.

4. Инфраструктура для высокой плотности населения. Принять высокую плотность населения как нормальную и неизбежную реальность, оставить приводящие к перерасходу земли и затратам на инфраструктуру попытки расселить жителей из центра в пригороды. Исходить из того, что повышение уровня жизни возможно и в густозаселенных городских районах.

5. Общественные пространства для общения. Нужно больше внимания уделять созданию условий для взаимодействия горожан, при этом учитывать местные обычаи и традиции, к примеру, как ступеньки к реке Ганг в Варанаси, площадки с уличной едой и т. п.

6. Развитие мультимодальных внутригородских перевозок и пешеходных маршрутов, снижение зависимости от автомобилей в пользу велосипедов и общественного транспорта.

7. Экологическая устойчивость. Развитие города должно потреблять минимальное количество водных, энергетических, земельных ресурсов, оказывать минимальное воздействие на климат.

8. Финансовая самообеспеченность. Городские власти должны

8 National Urban Policy Framework // Ministry of Housing and Urban Affairs, Government of India. – 2018. – URL: https://smartnet.niua.org/nupf (дата обращения: 22.11.2022).

меньше полагаться на бюджетные трансферты и изыскивать больше способов дохода, включая развитие туризма, выпуск муниципальных облигаций и др.

9. Единое руководство. Снижение числа центров принятия решений на городском уровне, координация деятельности различных административных органов, недопущение «размывания» ответственности между многочисленными госорганами.

10. Города как локомотивы регионального роста. В управлении нужно исходить из того, что взаимосвязанная городская сеть может генерировать высокие темпы экономического роста для всего окружающего региона. Необходимо планировать экономическое развитие городских сетей, а не отдельных городов, в том числе в сельской местности.

По мысли индийских специалистов, десять сутр предназначены для применения в десяти функциональных сферах городского развития, а именно в планировании (подходят сутры № 3, 4, 5), экономике (1, 9, 10), физической инфраструктуре, включая ЖКХ и утилизацию отходов (1, 5, 7, 8, 9), социальной инфраструктуре (1, 2, 9), жилье (3, 4, 8), транспорте (6, 9), финансах (7, 8, 9), управлении (1, 9), информационных системах (3, 5, 7, 9) и экологии (7, 9). Основной упор сделан на внедрение современных принципов в проектирование городов, реконструкцию улиц, кварталов и др.

Во вступительной части индийских «Основ НГП» напрямую сказано, что это не шаблон действий для штатов, который нужно выполнять «под копирку», а «интегрированный, последовательный и структурированный набросок (*outline*) нового подхода к пониманию городского пространства, жизни в городах и управления пространством, выделяющий фокусные сферы будущего городского развития и факторы экономического роста». Достаточно общий, концептуальный характер документа в первую очередь вызван тем, что руководство штатов, с одной стороны, избирается на выборах и обладает относительной независимостью от центрального правительства и его рекомендаций, а с другой стороны, не имеет достаточных полномочий для решения многих городских проблем. На практике головное министерство отбирает несколько штатов из числа выразивших желание и помогает им в адаптации положений НГП к их конкретным условиям, при этом между министерством и штатом подписывается соответствующий меморандум. Отдельные штаты имеют собственные документы аналогичного профиля, однако это пока не системное явление. В 2014 г. были существенно обновлены правила составления и реализации городских и региональных планов развития (*URDPFI guidelines*), которые тоже можно включить в НГП [Ministry …, 2014].

Приоритет индийской НГП – это улучшение стандартов городского планирования, однако нельзя забывать, что ряд острых проблем наименее обеспеченных слоев населения центральное индийское правительство точечно решает при помощи многочисленных государственных программ. Так, в рамках нацпрограммы «Умные города» (*Smart Cities Mission*, с 2015 г.) правительство финансирует внедрение цифровых и инновационных подходов в 100 отобранных по конкурсу городах. В рамках нацпрограммы *AMRUT* (*Atal Mission for Rejuvenation and Urban Transformation*, с 2015 г.; ранее (с 2004 г.) – *JNNURM*, *Javaharlal Neru National Urban Rejuvenation Mission*) в 500 городах модернизируется канализация, внедряется обработка твердых бытовых отходов, проводится озеленение, строительство

пешеходной инфраструктуры и т. д. Основные цели – обеспечение доступа к питьевой воде, повышение комфортности городской среды, улучшение экологической обстановки. Нацпрограмма *Pradhan Mantri Awas Yojana* (*Housing for all*, «Жилье для всех», с 2015 г.) направлена на улучшение ситуации с жильем, сокращение числа жителей трущоб. Используются такие меры, как строительство социального жилья, арендных домов, субсидирование ипотеки. Нацпрограмма «Чистая Индия» (*Swachh Bharat Mission*, с 2014 г.; ранее (с 2009 г.) – *Nirmal Bharat Abhiyan*) направлена на улучшение переработки мусора и других отходов. В рамках нацпрограммы *Heritage City Development and Augmentation Yojana* (*HRIDAY*) осуществляется реконструкция инфраструктуры вокруг объектов культурного наследия, в рамках нацпрограммы *Deen Dayal Antodaya Yojana – National Urban Livelihoods Mission* (*DAY – NULM*) – профессиональная переподготовка городской бедноты.

Китайский Национальный план урбанизации нового типа (国家新型城镇化规划) организован по-другому. Это большая правительственная нацпрограмма, включающая анализ причин возникших проблем, предлагаемые способы решения и конкретные целевые показатели. В КНР региональные власти назначаются сверху, поэтому от успешности воплощения определенного центром курса на подведомственной территории зависят дальнейшие карьерные перспективы местного руководства. После вступления в силу общенационального документа каждая провинция и многие нижестоящие административные единицы приняли собственный план «новой урбанизации» для своего региона. Посвященный урбанизации раздел был включен сначала в многолетние планы на период 2014–2020 гг., а затем до 2035 г., имеется он и в пятилетних планах, а начиная с 13-го (2016–2020 гг.) – и в ежегодном формате[9]. Совокупность этих документов и можно считать НГП КНР. Выделяется пять основных задач «новой урбанизации»[10].

1. Упорядоченный рост уровня урбанизации. Государство принимает конкретные меры для стимулирования переезда сельских жителей в города. Это облегчение получения постоянной регистрации в городе, улучшение социального обслуживания и пенсионного обеспечения в городах, реализация программ профессиональной переподготовки, обеспечение доступа к образованию для детей сельских мигрантов, защита трудовых прав, совершенствование бюджетной системы.

2. Оптимизация размещения сети городских поселений. Включает в себя комплексное развитие городских агломераций и метрополитенских регионов[11], координацию между собой стратегий развития городов разных

9 Ключевые задачи на 2022 г. в сфере интегрированного развития сельской и городской местности и урбанизации нового типа // Государственный комитет КНР по реформам и развитию. = 2022年新型城镇化和城乡融合发展重点任务 // 国家发展改革委. – 2022. – Кит. яз. – URL: http://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2022-03/22/content_5680416.htm (дата обращения: 22.11.2022).

10 План мероприятий по реализации урбанизации нового типа на период 14-ой пятилетки // Государственный комитет КНР по реформам и развитию = "十四五"新型城镇化实施方案 //国家发展改革委. – 2022. – Кит. яз. – URL: https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/202207/t20220712_1330363.html (дата обращения: 22.11.2022).

11 Китайские планировщики дают следующие определения. Городская агломерация (城市群) – группировка городов, характеризующаяся компактной пространственной организацией и плотными экономическими связями на основе развитой транспортно-телекоммуникационной сети. Метрополитенский регион (都市圈) – это межрегиональная пространственная единица из одного или нескольких имеющих сильное притяжение или стратегическое значение городов в качестве своего ядра и имеющих с ним тесные промышленные, коммерческие, социальные или досугово-туристические связи городских поселений в примерном радиусе часовой транспортной доступности.

размеров, диверсификацию функционального профиля средних и малых городов, развитие поселков как низовых центров урбанизации, уплотнение приграничной урбанизированной полосы, укрепление транспортного каркаса территории.

3. Внедрение новых градостроительных принципов. Увеличение доступности общественных услуг, включая медицину и образование, развитие внутригородской транспортной, электроэнергетической и другой инфраструктуры, жилищного рынка, реновация старых и ветхих кварталов, создание инновационных площадок, декарбонизация, озеленение, охрана исторического наследия.

4. Повышение уровня городского управления. Наведение порядка в сфере городского планирования и стиля застройки, повышение эффективности землепользования, профессионального уровня сотрудников районных администраций, развитие механизмов разрешения социальных конфликтов, развитие частно-государственного партнерства, оптимизация административно-территориальной структуры.

5. Скоординированное развитие сельских территорий. Проводится земельная реформа (создание рынка сельскохозяйственных земель), развитие каналов финансирования, точечное привлечение квалифицированных кадров из города, единое территориальное планирование, повышение охвата социальной, транспортной и другой инфраструктурой, рост доходов сельских жителей.

Главный пункт «новой урбанизации» – первый, основанный на крупнейшей за всю историю КНР реформе системы постоянной регистрации и социального обеспечения внутренних мигрантов. Это основной механизм поддержания темпов урбанизации, необходимых для стабильного роста внутреннего спроса и повышения продуктивности сельского хозяйства. Одновременно с этим реформа прописки включает в себя и меры для балансировки урбанистической структуры. Благодаря внедрению дифференцированного подхода государство имеет возможность сдерживать рост крупнейших городов и повышать привлекательность средних и малых центров, перенаправлять туда внутренние миграционные потоки. Если в Китае поток жителей из сельской местности ограничен сложностями оформления городской прописки, то в Индии схожую роль играют существующие до сих пор языковые, этнические и кастовые различия. Снятие этих (полу)институциональных барьеров могло бы высвободить дополнительный потенциал сельско-городской миграции, однако в рамках НГП об этом не упоминается.

В силу общности исторической стадии развития многие положения «десяти сутр» имеют прямые аналоги в «новой урбанизации». К примеру, обе страны в ходе модернизации активно заимствовали зарубежные архитектурные формы, что привело к значительной утрате индивидуальности городской застройки. О необходимости улучшения внешнего облика городов за счет использования в архитектуре национальных и региональных мотивов говорят индийская сутра № 2 и Глава 18 китайского «Плана». Сутра № 10, посвященная роли городов как драйверов развития пригородной местности, аналогична всему разделу 6 «Плана». Профиль индийской программы *Smart Cities Mission* соответствует тематике главы 18 «Плана», *AMRUT* – главе 16, *Housing for all* – главе 26, нацпрограмма «Чистая Индия» схожа с китайской «туалетной революцией» (厕所革命) и т. д. Содержание *URDPFI guidelines* в целом пересекается с тематикой второго, третьего и, особенно, пятого

раздела «Плана». К примеру, в обеих странах берут курс на повышение привлекательности и самостоятельности малых городов и поселков, рост эффективности землепользования и т. д. При постановке целей в обеих странах учитывают значительные различия между регионами. Огромное количество решений обозначено лишь в общем виде, а темп и способы их реализация являются прерогативой региональных или городских властей.

Обе страны сталкиваются с сельским перенаселением. В этой связи значимым фактором урбанизации является правовой режим землепользования. В рассматриваемых странах он отличается в своих основах. В то время как в Индии доминирует частная собственность, в Китае вся земля принадлежит государству либо сельской общине (коллективная собственность). Коммерческие организации, включая государственные, могут выступать лишь в качестве землепользователей. По мнению китайских авторов, частная собственность на земельные участки и отсутствие единого земельного законодательства в Индии препятствуют сокращению неравенства в сельской местности, несмотря на достаточно успешную систему компенсационных платежей. Китайская же система землепользования, наоборот, характеризуется более равным распределением земельных доходов и мотивирует крестьян к производительному труду, способствуя росту их благосостояния [*Яо, Лю*, 2015]. Благодаря государственной собственности на землю сформировалась система так называемых земельных финансов, когда основным способом пополнения городских бюджетов являются выплаты от продажи (формально – долгосрочной аренды) изъятых у сельских общин земельных участков под жилищную застройку. НГП в этой сфере направлена на повышение эффективности землепользования, поиск баланса между обеспечением продовольственной и экологической безопасности, повышение доступности жилья и решение нужд промышленности.

Одним из критериев зрелости НГП является наличие административной структуры, на которую возложены функции координатора и контролера действий остальных госорганов. В Индии головным ведомством является Министерство жилья и городского хозяйства (*MoHUA*), а аналитическо-консультационное сопровождение осуществляет «НИТИ Айог» (бывш. Плановая комиссия Индии, аналог советского Госплана). Межведомственный штаб, судя по всему, отсутствует. При Госсовете КНР (правительство) в 2014 г. было создано Междуведомственное рабочее совещание по вопросам урбанизации нового типа, куда вошли представители 15 госорганов во главе с упоминавшимся выше ГКРР[12]. В 2019 г. профиль работы Совещания был расширен за счет включения вопросов интегрированного развития сельских и городских территорий, к работе подключились еще 13 центральных

12 Это: ГКРР (головное ведомство), Министерство жилищного, сельского и городского строительства, Министерство образования, Министерство общественной безопасности, Министерство гражданской администрации, Министерство финансов, Министерство развития человеческих ресурсов и социальной защиты, Министерство земельных и природных ресурсов, Министерство защиты окружающей среды, Министерство транспорта, Министерство сельского хозяйства, Министерство здравоохранения, а также Народный банк (Центробанк КНР), Статистическое управление и Канцелярия центральной комиссии по кадровой комплектации (SCOPSR). См.: Согласие Госсовета на создание межведомственного рабочего совещания по урбанизации нового типа // Госсовет КНР. = 国务院关于同意建立推进新型城镇化工作部际联席会议制度的批复// 国务院. – 2014. – Кит. яз. – URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-07/31/content_8948.htm (дата обращения: 22.11.2022).

госорганов[13]. Межведомственное совещание собирается несколько раз в год, его задачи – оперативно согласовывать между собой деятельность участвующих госорганов, составлять годовой план мероприятий, готовить отчетность, в том числе для высшего руководства. Перечень участвующих ведомств демонстрирует широкий охват госпрограммы, признание невозможности решить городские проблемы силами одного-двух министерств.

Урбанизация и модернизация

С рубежа конца 1980-х годов, когда городское развитие обеих стран находилось в примерно равном положении, произошли значительные перемены. Задействовав сначала рыночные стимулы, а в 2010-х программу государственной стимуляции, Китай совершил резкий урбанистический рывок. Отрыв от Индии по таким показателям развития, как продолжительность жизни, уровень человеческого развития, доступ к питьевой воде и электроэнергии, качество и густота автодорожной сети и т. д., значительно вырос [*Ho*, 2019]. Китайские города играют всё более важную роль в мировом хозяйстве уже не за счет числа жителей, а благодаря развитию сферы услуг и глобальных связей.

К примеру, в Китае, в отличие от Индии, практически отсутствует такое явление, как городская нищета. Институты прописки (внедрен в конце 1950-х годов) и контроля рождаемости (внедрен в конце 1970-х годов), характеризующиеся довольно жесткими ограничениями прав жителей, позволили КНР в условиях демографического взрыва не допустить бесконтрольный переезд масс сельских жителей в города, их маргинализацию и появление трущобных поясов. Спрос небогатых слоев населения на недорогое проживание удовлетворяется за счет «городских деревень» (城中村) – бывших сельских поселений, впоследствии окруженных городской застройкой, но оставшихся вне его юрисдикции. Их возникновение связано с особенностями китайского земельного законодательства, в рамках которого городская земля относится к государственной, а сельская – к коллективной. «Городские деревни», при всех имеющихся санитарных и других проблемах, представляют жителям определенный уровень жизни – это капитальное жилье, имеющее доступ к водопроводной воде, канализации, связи и т. п. В городах Индии значительная доля жителей проживает в так называемых неофициальных поселениях, фактически в трущобах (*slum*). Они расположены в центрах городов в местах, не предназначенных для проживания: вдоль берегов рек и каналов, железнодорожного полотна, в парках и т. п. Программы повышения уровня жизни беднейших горожан осуществляются в Индии с 1970-х годов, однако, по оценкам, в 2011 г. в городских трущобах проживало 65,5 млн человек.

13 Это: Отдел единого фронта ЦК КПК, политико-правовая комиссия ЦК КПК, комиссия по сельским делам ЦК КПК, Министерство науки и технологий, Министерство культуры и туризма, Главное управление по рыночному надзору, Управление по безопасности здравоохранения, Управление по регулированию банковской и страховой деятельности, Управление по регулированию рынка ценных бумаг, Канцелярия малой руководящей группы Госсовета по борьбе с бедностью, Всекитайская торгово-промышленная ассоциация, Банк развития Китая и Банк сельскохозяйственного развития Китая. См.: Письмо Канцелярии Госсовета о согласии на создание межведомственного рабочего совещания по урбанизации и интегрированному развитию сельских и городских территорий // Канцелярия Госсовета. = 国务院办公厅关于同意建立城镇化工作暨城乡融合发展工作部际联席会议制度的函 // 国务院办公厅 – 2019. – Кит. яз. – URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2019/content_5419209.htm (дата обращения: 22.11.2022).

Такие зримые различия городской политики в Китае и Индии обычно объясняют «размером государства» (*state capacity*), то есть объемом полномочий, управляемостью и компетентностью исполнительно-контрольного аппарата – разветвленным, «большим» в КНР и фрагментированным, «маленьким» в Индии. Городская политика в Индии характеризуется недостаточной координацией между действиями различных госорганов, частного сектора и общественных организаций, а собираемые на городском уровне статистические данные недостаточны для потребностей современного городского управления [*Ren*, 2017; *Agrawal, Pachisia, Shah*, 2020].

Другой немаловажный фактор – наличие в китайских городах сильной территориальной управленческой компоненты. Такие институты, как постоянная и временная прописка (регистрация), коллективная собственность на сельскую землю, специальные экономические зоны, принципы карьерного продвижения чиновников, низовые парторганизации, функционируют в плотной привязке к конкретной территории. В Индии, наоборот, доминирует «ассоциативно-сетевой» принцип городского развития, построенный на союзах различных политических акторов, включая правительство, частный сектор, гражданское общество и политические партии. Такой вариант организации снижает управляемость и менее чувствителен к проблемам отдельных городских территорий [*Ren*, 2020].

Нельзя не учитывать и внутриполитический фактор. Лучшая управляемость китайских городов может быть связана с отсутствием политических разногласий между разными уровнями правительства, которые могут представлять оппонирующие друг другу партии, а также с отсутствием привязки к электоральным процессам. Если КПК декларирует политическую репрезентацию всего населения страны, то индийские партии опираются на представителей того или иного социального слоя. Правящая «Бхаратия джаната пати» во главе с Н. Моди обладает высоким уровнем поддержки среди жителей патриархального сельского севера страны и в меньшей степени среди горожан [*Mehta*, 2022]. Перераспределение бюджетных ресурсов на модернизацию городов и сворачивание льготных программ для сельских жителей будет означать потенциальный конфликт со своей электоральной базой.

НГП была документально оформлена в Индии лишь в 2018 г., поэтому делать выводы о том, насколько удалось преодолеть проблемы, пока преждевременно. Китайское руководство, подводя итоги 13-й пятилетки (2016–2020 гг.), отметило положительные результаты, достигнутые в рамках курса «новой урбанизации». Доля городских жителей в населении страны повысилась до 63,89% (45%, если учитывать наличие постоянной регистрации), то есть примерно на 100 млн человек, как и было задумано в 2014 г. Для расширения доступа мигрантов к городскому соцобеспечению был введен институт вида на жительство. Шла пространственная оптимизация городской системы страны, включающая повышение международной конкурентоспособности крупнейших мегаполисов. Было реконструировано 23 млн жилых помещений, суммарная протяженность рельсового общественного транспорта выросла превысила 7 тыс. км, постепенно сократился разрыв в доходах сельских и городских жителей и т. д. При этом эффективно ограничить рост крупнейших городов пока не удалось [*Чубаров*, 2022].

Согласно международным рекомендациям, глубоко проработанная НГП

должна носить комплексный характер, быть тесно связанной с целями региональной и пространственной политики и осуществляться совместно разными уровнями власти при обязательном наличии четкого видения на национальном уровне. В этом отношении видно, что концептуальный охват индийских «Основ» значительно у́же китайской «новой урбанизации». В Индии «за бортом» остались вопросы пространственного развития опорного каркаса расселения, структурной балансировки городов различной людности, повышения международной конкурентоспособности главных центров, проблемы сельской местности. Аналогично и с имплементацией: китайская НГП – это не один общенациональный документ, а вся система взаимоувязанных планов «новой урбанизации» провинциального, городского и районного уровней. В Индии ответственные центральные ведомства лишь оказывают содействие правительствам тех штатов, которые принимают решение разработать аналогичный документ. В числе главных причин низкого качества городского управления – отсутствие городского статуса у многих дефакто урбанизированных территорий и нехватка полномочий и финансирования у городских властей [IDFC Institute, 2019]. Беспорядочной урбанизации в Индии способствует большое число достаточно крупных поселений, живущих по законам сельской местности, без генплана и других элементов городского управления («переписные города»). В Индии основные полномочия и соответствующее финансирование сосредоточено в руках правительства штатов, а городские власти жалуются на нехватку ресурсов. Благодаря стабильным доходам от продажи земли под застройку, в Китае городские власти обладают необходимыми ресурсами для развития.

Заключение

Известно, что урбанизация идет рука об руку с ростом уровня жизни населения. Китайские планировщики исходят из безальтернативной необходимости разумного стимулирования роста доли горожан в населении до уровня крупных развитых стран (75–80%). Институт прописки выступает в качестве инструмента, позволяющего балансировать миграционные потоки между сельской местностью и городами разной людности. По уровню автомобилизации, подушевого ВРП и ИЧП городское развитие Индии в настоящее время находится на уровне Китая 1990-х годов. Впереди – массовое жилищное строительство и модернизация инфраструктуры, волны новых мигрантов, проблемы неравенства и человеческого капитала, осложненные сохранением кастовой системы. По оценкам, чтобы трудоустроить излишнюю сельскую рабочую силу, за период с 2023 по 2030 г. в Индии должно появиться не менее 90 млн новых рабочих мест – в 3 раза больше, чем в среднем появлялось в предыдущие годы [McKinsey, 2020]. Это колоссальный вызов, но в то же время и колоссальная возможность. Сможет ли Индия в ближайшие десятилетия повторить китайское социально-экономическое чудо, зависит в том числе и от успешности решения проблем городского развития.

Список литературы

Дмитриев Р.В. Опорный каркас расселения и хозяйства современной Индии. – 2014. – Москва : МАКС Пресс. – 156 с.

Кондрашова Л.И., Чубаров И.Г. Административно-территориальное устройство (деление) КНР // Современ-

ное китайское государство. Т. 1. Основные институты государственной власти и управления / под ред. А.В. Виноградова. – Москва : ИДВ РАН, ИВ РАН, 2022. – С. 19–44. – DOI: 10.48647/IFES.2022.88.54.004.

Кузнецова О.В. Становление национальной городской политики в России в контексте европейского опыта // Балтийский регион. – 2021. – № 4. – С. 7–20. – DOI: 10.5922/2079-8555-2021-4-1.

Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И.С. Королева. – Москва : Экономистъ, 2003. – 604 с.

Самбурова Е.Н., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Урбанизация в Китае и Индии: сравнительный анализ // География мирового развития. Выпуск 2: сборник научных трудов / под ред. Л.М. Синцерова. – Москва : Товарищество научных изданий КМК, 2010. – С. 240–253.

Силин Я.П. Городская политика в современной России: сущность, формирование, уровни реализации // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2005. – № 10. – С. 94–102.

Чубаров И.Г. Исследования глобальных городов в России и за рубежом // Региональные исследования. – 2013. – № 3. – С. 13–22.

Чубаров И.Г. Развитие городов Китая в рамках госпрограммы «урбанизации нового типа» // Проблемы Дальнего Востока. – 2022. – № 1. – С. 139–148. – DOI: 10.31857/S013128120017798-8.

Agrawal H., Pachisia H.V., Shah K. The other data challenge: Measuring life in a metro // Hindustani Times. – 2020. – URL: https://www.hindustantimes.com/analysis/the-other-data-challenge-measuring-life-in-a-metro/story-lS3bFCcGsOd3GcnW5n4shI.html (дата обращения: 22.11.2022).

Asia Development Bank. Key Indicators for Asia and the Pacific. 2021. – Mandaluyong City, 2021. – 389 p. – URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/720461/ki2021.pdf (дата обращения: 22.11.2022).

Cities of dragons and elephants: urbanization and urban development in China and India / Ed. by Wan Guanghua, Lu Ming. – Oxford : Oxford University Press, 2019. – 800 p.

Demographia. World Urban Areas. – 2022. – URL: http://www.demographia.com/ (дата обращения: 22.11.2022).

Frazier M.W. The challenges of China – India comparative urban studies // International Journal of Asian Studies. – 2021. – Vol. 19, N 2. – P. 1–14. – DOI:10.1017/S1479591421000164.

Ho S. Thirsty Cities: Social Contracts and Public Goods Provision in China and India. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – 298 p. – DOI: 10.1017/9781108580373.

IDFC Institute. Reforming Urban India. – 2019. – URL: https://www.idfcinstitute.org/knowledge/publications/reports/reforming-urban-india/ (дата обращения: 22.11.2022).

Manor J. A New, Fundamentally Different Political Order: The Emergence and Future Prospects of 'Competitive Authoritarianism' in India // Economic & Political Weekly. – 2021. – Vol. 56, N 10. – URL: https://www.epw.in/engage/article/new-fundamentally-different-political-order (дата обращения: 22.11.2022).

McKinsey. India's turning point: An economic agenda to spur growth and jobs. – 2020. – URL: https://www.mckinsey.com/featured-insights/india/indias-turning-point-an-economic-agenda-to-spur-growth-and-jobs (дата обращения: 22.11.2022).

Mehta N. From Expanding Electoral Footprint to Social Base: 5 Charts Show How Modi Has Changed the BJP // News18.com. – 2022. – August 21. – URL: https://www.news18.com/news/opinion/from-expanding-electoral-footprint-to-social-base-5-charts-show-how-modi-

has-changed-the-bjp-5975557.html (дата обращения: 22.11.2022).

Ministry of Urban Development of India. Urban and Regional Development Plans Formulation and Implementation (URDPFI) Guidelines, 2014. – New Delhi, 2014. – 209 p. – URL: https://www.nareda-co.in/notification/pdfs/Volume-I%20Main%20URDPFI%20Guidelines%202014a.pdf (дата обращения: 22.11.2022).

Mukhopadhyay P., Zérah M.-H., Denis E. Subaltern Urbanization: Indian Insights for Urban Theory // International Journal of Urban and Regional Research. – 2020. – Vol. 44, N 4. – P. 582–598. – DOI: 10.1111/1468-2427.12917.

Ren Xuefei. Cities in China and India: disjuncture, master-concepts, and comparison // A Research Agenda for Cities / Ed. by J.R. Short. – Cheltenham : Edward Elgar Publish, 2017. – P. 195–205.

Ren Xuefei. Governing the Urban in China and India: Land Grabs, Slum Clearance, and the War on Air Pollution. – Princeton : Princeton University Press, 2020. – 208 p.

Roy S.N., Pradhan K.C. Predicting the future of census towns // Economic & Political Weekly. – 2018. – Vol. 53, N 49. – URL: https://www.epw.in/journal/2018/49/review-urban-affairs/predicting-future-census-towns.html (дата обращения: 22.11.2022).

The World According to GaWC 2000, 2020 // Globalization and World Cities Research Network. – URL: https://www.lboro.ac.uk/microsites/geography/gawc/index.html (дата обращения: 22.11.2022).

Vishal R., Sridhar K.S. Can China teach India about cities? // The Economic Times. – 2021. – August 16. – URL: https://economictimes.indiatimes.com/blogs/urbanissues/can-china-teach-india-about-cities/ (дата обращения: 22.11.2022).

Wu Fulong. Scripting Indian and Chinese urban spatial transformation: Adding new narratives to gentrification and suburbanisation research // EPC: Politics and Space. – 2020. – Vol. 38, N 6. – P. 980–997. – DOI: 10.1177/2399654420912539.

United Nations. World Population Prospects 2022 Revision. – 2022. – URL: https://population.un.org/wpp/ (дата обращения: 22.11.2022).

United Nations. World Urbanization Prospects 2018 Revision. – 2018. – URL: https://population.un.org/wup/ (дата обращения: 22.11.2022).

UN-HABITAT/OECD. Global State of National Urban Policy. – Paris : OECD Publishing, 2018. – DOI: 10.1787/9789264290747-en.

Сравнительное исследование региональных различий урбанизации и пространственной эволюции городских систем Китая и Индии / Ли Цзямин, Ян Юй, Фань Цзе, Цзинь Фэнцзюнь, Чжан Вэньчжун, Лю Шэнхэ, Фу Боцзе // Географический журнал. =中印城镇化区域差异及城镇体系空间演化比较 / 李佳洺，杨宇，樊杰，金凤君，张文忠，刘盛和，傅伯杰 // 地理学报. – 2017. – Vol. 72, N 6. – P. 986–1000. – Кит. яз. – DOI: 10.11821/dlxb201706004.

Ци Вэй, Лю Шэнхэ, Цзинь Хаожань. Применимость новой стандартной классификации размеров городов // Прогресс в географической науке. =戚伟，刘盛和，金浩然. 中国城市规模划分新标准的适用性研究 // 地理科学进展. – Vol. 35, N 1. – P. 49–58. – Кит. яз. – DOI: 10.18306/dlkxjz.2016.01.006.

Яо Гоюэ, Лю Шэнхуа. Сравнительное исследование эффективности землепользования в КНР и Индии // Исследование мировой географии. = 姚国跃，刘胜华. 中国与印度土地制度及其效能比较研究 //世界地理研究. – 2015. – Vol. 24, N 2. – С. 59–67. – Кит. яз. – DOI:10.3969/j.issn.1004-9479.2015.02.007.

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.06

Urbanization and National Urban Policy in India and China: a Comparative Analysis

Alexandr I. SALITSKII
DSc in Economics, Chief Researcher
Primakov National Research Institute of World and International Relations of the Russian Academy of Sciences
Profsoyuznaya Street, 23, Moscow, Russian Federation, 117997
ORCID: 0000-0001-6134-768X

Ilya G. CHUBAROV
PhD in Geography, Senior Researcher
Institute of China and Contemporary Asia of the RAS
117997, Nakhimovsky Avenue, 32, Moscow, Russian Federation
E-mail: ilya.chubarov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4672-6566

CITATION: Salitskii A.I., Chubarov I.G. (2022). Urbanization and National Urban Policy in India and China: a Comparative Analysis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 5, pp. 107–132 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.06

Received: 14.11.2022.
Revised: 27.11.2022.

ACKNOWLEDGEMENT. The article is written at the Institute of Scientific Information for Social Sciences under financial support of the Russian Science Foundation, project no. 22-28-01829.

ABSTRACT. *The course of urbanization in India and China is notable not only for the scale, but also for the different role of the state. Despite the abundance of materials, comparative studies are scarce: local urbanists only passionate about national processes, while foreigners could lack a deep knowledge of the context. The pace of urbanization of the two countries, which was on a par for a long time, diverged drastically after the beginning of market reforms. According to official data, the share of citizens in China is almost twice as high as in India, though due to the differences in the criteria, the real gap could be less. Each country possesses six megacities larger than 10 million people, but the Indian urban system as a whole is less structurally balanced. The standards of living, infrastructure development and global integration of the Chinese urban centers are higher than those of the Indian counterparts. In accordance with international practice, both countries have adopted guidelines for the cities development. The Indian "Ten Urban Sutras" (2018) are advisory recommendation, mainly devoted to urban planning and management. Their implementation depends fully on the state*

governments. The coverage of China's "new-type urbanization" (2014) is much wider. Its main goal is to increase the number of urban residents while limiting the size of the largest cities. The main tool is the reform of the registration system (hukou). This is a comprehensive national program: implementation is coordinated by the high-level interministerial working group, the goals are mandatory for local authorities. The differences in the regulation of urbanization correspond to differences in political systems, and their analysis is important in the context of studying the modernization pathways of developing countries.

KEYWORDS: *India, China, urbanization, national urban policy, Asia, modernization, comparative urbanism, urban studies*.

References

Agrawal H., Pachisia H.V., Shah K. (2020). The other data challenge: Measuring life in a metro. *Hindustani Times*. Available at: https://www.hindustantimes.com/analysis/the-other-data-challenge-measuring-life-in-a-metro/story-lS3bFCcGsOd3GcnW5n4shI.html, accessed 22.11.2022.

Asia Development Bank (2021). *Key Indicators for Asia and the Pacific. 2021*. Mandaluyong City, 389 pp. Available at: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/720461/ki2021.pdf, accessed 22.11.2022.

Chubarov I.G. (2013). Studies of global cities in Russia and abroad. *Regionalnye issledovaniya*, no. 3, pp. 13–22 (in Russian).

Chubarov I.G. (2022). Chinese Urban Development under the "New Type Urbanization" Policy. *Far Eastern Studies*, no. 1, pp. 139–148 (in Russian). DOI: 10.31857/S013128120017798-8.

Cities of dragons and elephants: urbanization and urban development in China and India (2019). Wan Guanghua, Lu Ming (eds.). Oxford : Oxford University Press, 800 pp.

Demographia (2022). *World Urban Areas*. Available at: http://www.demographia.com/, accessed 22.11.2022.

Dmitriev R.V. (2014). *Urban and economy skeleton of modern India*. Moscow : MAKS Press, 156 pp. (in Russian).

Frazier M.W. (2021). The challenges of China – India comparative urban studies. *International Journal of Asian Studies*, vol. 19, no. 2, pp. 1–14. DOI:10.1017/S1479591421000164.

Ho S. (2019). *Thirsty Cities: Social Contracts and Public Goods Provision in China and India*. Cambridge : Cambridge University Press, 298 pp. DOI: 10.1017/9781108580373.

IDFC Institute (2019). *Reforming Urban India*. Available at: https://www.idfcinstitute.org/knowledge/publications/reports/reforming-urban-india/, accessed 22.11.2022.

Kondrashova L.I., Chubarov I.G. (2022). Administrative-territorial structure (division) of China. In: Vinogradov A.V. (ed.). *Modern Chinese state. Vol. 1. The main state and government institutions*. Institute of Far Eastern Studies RAS, Institute of Oriental Studies RAS, pp.19–44 (in Russian). DOI: 10.48647/IFES.2022.88.54.004.

Kuznetsova O.V. (2021). National urban policy in Russia and the European experience. *Baltic Region,* vol. 13, no. 4, pp. 7–20. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-4-1.

Sravnitel'noye… (2017). Li Jiaming, Yang Yu, Fan Jie, Jin Fengjun, Znang Wenzhong, Liu Shenghe, Fu Bojie. Comparative research on regional differences in urbanization and spatial evolution of urban systems between China and India. *Acta Geographica Sinica* [李佳洺，杨宇，樊杰，金凤君，张文忠，刘盛和，傅伯杰 (2017) 中印城镇化区域差异及城镇体系空间演化比较。地理学报], vol. 72,

no. 6, pp. 986–1000 (in Chinese). DOI: 10.11821/dlxb201706004.

Manor J. (2021). A New, Fundamentally Different Political Order: The Emergence and Future Prospects of 'Competitive Authoritarianism' in India. *Economic & Political Weekly*, vol. 56, no. 10. Available at: https://www.epw.in/engage/article/new-fundamentally-different-political-order, accessed 22.11.2022.

McKinsey (2020). *India's turning point: An economic agenda to spur growth and jobs*. Available at: https://www.mckinsey.com/featured-insights/india/indias-turning-point-an-economic-agenda-to-spur-growth-and-jobs, accessed 22.11.2022.

Mehta N. (2022). From Expanding Electoral Footprint to Social Base: 5 Charts Show How Modi Has Changed the BJP // *News18.com*. Available at: https://www.news18.com/news/opinion/from-expanding-electoral-footprint-to-social-base-5-charts-show-how-modi-has-changed-the-bjp-5975557.html, accessed 22.11.2022.

Ministry of Urban Development of India (2014). *Urban and Regional Development Plans Formulation and Implementation (URDPFI) Guidelines, 2014*. New Delhi, 209 pp. Available at: https://www.naredco.in/notification/pdfs/Volume-I%20Main%20URDPFI%20Guidelines%202014a.pdf, accessed 22.11.2022.

Mirovaya… (2003). Korolev I.S. (ed.). *The world economy: global trends over 100 years*. Moscow : Ekonomist Press, 604 pp. (in Russian).

Mukhopadhyay P., Zérah M.-H., Denis E. (2020). Subaltern Urbanization: Indian Insights for Urban Theory. *International Journal of Urban and Regional Research,* vol. 44, no. 4, pp. 582–598. DOI: 10.1111/1468-2427.12917.

Qi Wei, Liu Shenghe, Jin Haoran (2016). Applicability of the new standard of city-size classification in China. *Progress in Geography* [戚伟，刘盛和，金浩然 (2016) 中国城市规模划分新标准的适用性研究。地理科学进展], vol. 35, no. 1, pp. 49–58 (in Chinese). DOI: 10.18306/dlkxjz.2016.01.006.

Ren Xuefei (2017). Cities in China and India: disjuncture, master-concepts, and comparison. In: Short J.R. (ed.). *A Research Agenda for Cities*. Edward Elgar Publish, pp. 195–205.

Ren Xuefei (2020). *Governing the Urban in China and India: Land Grabs, Slum Clearance, and the War on Air Pollution*. Princeton : Princeton University Press, 208 pp.

Roy S.N., Pradhan K.C. (2018). Predicting the future of census towns. *Economic & Political Weekly*, vol. 53, no. 9. Available at: https://www.epw.in/journal/2018/49/review-urban-affairs/predicting-future-census-towns.html, accessed 22.11.2022.

Samburova Ye.N., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. (2010). Urbanization in China and India: a comparative analysis. In: Sintserov L.M. (ed.). *Geography of World Development. Issue 2*. Moscow : KMK Press, pp. 240–253 (in Russian).

Silin Ya.P. (2005). Urban policy in modern Russia: essence, formation, levels of implementation. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo e'konomicheskogo universiteta*, no. 10, pp. 94–102 (in Russian).

The World According to GaWC 2000, 2020 // Globalization and World Cities Research Network. Available at: https://www.lboro.ac.uk/microsites/geography/gawc/index.html, accessed 22.11.2022.

United Nations (2022). *World Population Prospects 2022 Revision*. Available at: https://population.un.org/wpp/, accessed 22.11.2022.

United Nations (2018). *World Urbanization Prospects 2018 Revision.* Available at: https://population.un.org/wup/, accessed 22.11.2022.

UN-HABITAT/OECD (2018). *Global State of National Urban Policy*. Paris : OECD Publishing. DOI: 10.1787/9789264290747-en.

Vishal R., Sridhar K.S. (2021). Can China teach India about cities? *The Economic Times*. Available at: https://economictimes.indiatimes.com/blogs/urbanissues/can-china-teach-india-about-cities/, accessed 22.11.2022.

Wu Fulong (2020). Scripting Indian and Chinese urban spatial transformation: Adding new narratives to gentrification and suburbanisation research. *EPC: Politics and Space*, vol. 38, no. 6, pp. 980–997. DOI: 10.1177/2399654420912539.

Yao Guoyue, Liu Shenghua (2015). A comparative study of land system between China and India. *World Regional Studies* [姚国跃，刘胜华 (2015) 中国与印度土地制度及其效能比较研究。世界地理研究], vol. 24, no. 2, pp. 59–67 (in Chinese). DOI:10.3969/j.issn.1004-9479.2015.02.007.

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.07

Формирование медийного образа «новой Турции»: содержательный аспект

Наталья Эдуардовна ДЕМЕШКО
кандидат политических наук, доцент кафедры «Политические науки и философия» Института общественных наук и международных отношений
Севастопольский государственный университет
ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Российская Федерация, 299053
E-mail: natalidem93@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9620-2410

Владимир Алексеевич АВАТКОВ
доктор политических наук, заведующий отделом Ближнего и Постсоветского Востока
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: v.avatkov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6345-3782

Александр Анатольевич ИРХИН
доктор политических наук, заведующий кафедрой «Политические науки и философия» Института общественных наук и международных отношений
Севастопольский государственный университет
ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Российская Федерация, 299053
E-mail: alex.irhin@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7895-550X

ЦИТИРОВАНИЕ: Демешко Н.Э., Аватков В.А., Ирхин А.А. Формирование медийного образа «новой Турции»: содержательный аспект // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 133–150.
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.07

Статья поступила в редакцию 25.05.2022.
Исправленный текст представлен 19.08.2022.

АННОТАЦИЯ. *Современная Турция активно формирует образ мировой державы, статус которой она стремится получить уже чуть более десяти лет. В статье авторы выявляют и исследуют ключевые медиатехнологии в процессе конструирования и продвижения образа Турецкой Республики под руководством Р.Т. Эрдогана и Партии справедливости и развития. Источниковой базой исследования являлись материалы, опубликованные на официальных YouTube-каналах Управления по коммуникациям*

Администрации президента Турции, Партии справедливости и развития, публикации государственного информационного агентства «Анадолу», а также выступления Р.Т. Эрдогана на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Методология работы представлена семиотическим подходом, мониторингом, дискурс-анализом, качественным и количественным контент-анализом, кейс-стади. Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что статус турецкой мировой державы напрямую связан с личностью президента Турецкой Республики Р.Т. Эрдоганом, который является ключевым элементом в продвижении нового образа сильной Турции. Турецкий президент представлен в турецких СМИ в большей степени как сторонник справедливого миропорядка, а также как лидер и защитник мусульманского мира. Контент исследуемых информационных ресурсов профессионально выверен и состоит из множества символов, которые латентно транслируют определенные идеологические установки. Турция позиционируется в качестве государства, оказывающего существенное влияние на мировую и региональную политику на протяжении многих исторических эпох. Особое внимание в турецком информационном пространстве уделено демонстрации преемственности имперского и республиканского периодов. При этом османский дискурс не только восстанавливает историческую преемственность с современностью, но и создает образ новой великой Турции, которая вызывает чувство национальной гордости как у своих граждан, так и в международном медийном пространстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Турция, Р.Т. Эрдоган, Партия справедливости и развития, медийный образ, политические технологии.*

Введение

С начала XXI в. Турецкая Республика переживает период значительных изменений и трансформаций, связанных с возвращением к своей цивилизационной идентичности, что напрямую отражается в ее позиционировании в глобальном информационном пространстве. В эпоху современного информационного общества СМИ транслируют определенные политические смыслы, символы и идеи, формируя конкретные представления о внутриполитических процессах государства и его роли на международной арене. При этом необходимо учитывать, что значительное влияние на конструируемый образ страны в СМИ оказывают не только современные события, но и исторические факты, идеологемы и национальный менталитет [*Джейхан,* 2016]. Образ не копирует, а реконструирует реальность в зависимости от тех смыслов, которые необходимо актуализировать и транслировать реципиентам. И именно с помощью СМИ формируется особый вид реальности, так называемая медиакартина мира, которая представляет собой комплекс медиаобразов действительности, производимый и транслируемый СМИ целевой аудитории. Образ государства, в том числе медийный, может представлять собой многосоставное образование, в которое входят государство, государственные органы различного уровня, официальные лица и выдающиеся представители государства, вся нация в целом и т. д. [*Фомин,* 2014].

Объект исследования – медиаобраз государства.

Предмет – технологии конструирования образа Турции в качестве великой державы в турецком информационном пространстве.

Цель публикации – выявление и исследование ключевых медиатехнологий в процессе создания и продвижения положительного образа Турции.

В рамках достижения поставленной цели в статье решаются конкретные задачи:

- исследование особенности медийного образа Р.Т. Эрдогана и Партии справедливости и развития в турецком медиапространстве;

- определение основных подходов, реализуемых Управлением по коммуникациям Администрации президента Турции по продвижению образа новой Турции;

- изучение особенностей конструирования медийного образа турецкой власти в турецких СМИ (на примере государственного информационного агентства «Анадолу»).

В основе методологии исследования лежит семиотический подход, который позволил расширить и конкретизировать инструментальное понимание медиаконтента Турецкой Республики, интерпретировать значения различных символов, знаков, содержащихся в визуальных и текстовых материалах указанных источников, поскольку в основе семиотического изучения визуальных и лингвистических знаков лежат одни и те же принципы. При этом визуальный контент – это своего рода система знаков, которая способна транслировать не только прямую информацию об объекте, но также символическую и метафорическую [*Ольшевский,* 2006]. Помимо этого, авторы для решения поставленных задач применяют следующие методы: мониторинг, дискурс-анализ, качественный и количественный контент-анализ, кейс-стади.

Конструирование образа Р.Т. Эрдогана как лидера мусульманского мира и сторонника справедливого миропорядка

В турецких медиатехнологиях конструирования и продвижения образа великой державы достаточно значимым является личностный фактор президента Р.Т. Эрдогана. Харизматическая личность во главе страны – достаточно характерное явление для Турции. Так, в османский период страну возглавляли султаны – халифы всех мусульман, что предполагало светскую и духовную власть. После революции во главе страны был также харизматический лидер М.К. Ататюрк. Поэтому появление в политике новых харизматиков вполне соответствовало запросу нации, и место нового вождя с непререкаемым авторитетом постепенно занял Р.Т. Эрдоган [*Надеин-Раевский,* 2017; *Matusiak,* 2015].

Мониторинг публикаций Управления по коммуникациям Администрации президента Турции, государственного информационного агентства «Анадолу», контент-анализ выступлений Р.Т. Эрдогана в ООН позволяют выделить два основных направления позиционирования ныне действующего президента Турецкой Республики:

1. Р.Т. Эрдоган – сторонник справедливого миропорядка, вклад в формирование которого вносит и Турция.

2. Р.Т. Эрдоган – лидер и защитник мусульманского мира.

Заявления о «справедливом мире», «справедливом миропорядке» становятся определенной визитной карточкой Р.Т. Эрдогана. Значительная часть роликов, подготовленных Управлением

по коммуникациям Администрации президента Турции, завершаются именно данными фразами[1], а Эрдоган выступает рупором всех «угнетенных» субъектов международных отношений. С 2013 г. турецкий лидер повторяет свой уже достаточно известный тезис «мир больше пяти» (Dünya Beşten Büyüktür). Таким образом Эрдоган критикует действующую структуру СБ ООН и его систему принятия важных управленческих решений [*Ирхин*, *Москаленко*, 2021]: «Мир сегодня не похож на мир, каким он был во времена Второй мировой войны и сразу после ее окончания. Сегодня под одной крышей собрались представители 194 стран мира. Почему все эти 194 страны не могут быть представлены в Совете Безопасности? Почему они не могут в порядке ротации занимать свои постоянные места в Совете Безопасности? Лишь пять стран являются постоянными членами Совета Безопасности; остальные же занимают места только на временной основе и не имеют при этом никакой реальной власти»[2]. Более того, он отмечает, что современный мир пребывает в состоянии кризиса справедливости: «Сегодня состояние 62 самых богатых людей в мире равносильно совокупному состоянию 3,6 миллиарда человек, или половины мирового населения, что свидетельствует о серьезной проблеме, с которой нужно что-то делать»[3]. Помимо этого, турецкий лидер отмечает, что самым большим препятствием на пути к обеспечению справедливости в глобальных масштабах являются чрезмерная алчность, монополизация власти и стремление к сохранению колониализма за счет придания ему новых форм[4].

Контент-анализ выступлений Р.Т. Эрдогана в ООН в 2014–2021 гг. позволил сделать вывод, что термин «справедливость» использовался им в каждом выступлении от 1 до 15 раз. Пик актуализации данной проблематики приходится на 2019 г. Количество упоминаний маркера «несправедливость» меньше и составляет от 1 до 6 раз. Данное понятие использовалось в 6 выступлениях из 9 (см. рисунок 1).

Конструирование образа Р.Т. Эрдогана в качестве лидера всех мусульман также явно прослеживается в медийном пространстве Турции. Данный тезис подтверждает использование Храма Святой Софии как демонстрации значимой религиозной составляющей в механизмах управления Турецкой Республикой и стремлении продемонстрировать Эрдогана как лидера всех мусульман. В июле 2020 г. музей Собора Святой Софии был преобразован в мечеть и открыт для богослужений. Достаточно символичной является и дата первого намаза – 24 июля, день подписания Лозаннского договора 1923 г. Это можно объяснить тем, что Турецкая Республика стремится к завершению лозаннского миропорядка, установленного М.К. Ататюрком, и действия выдвинутых им принципов, а также к восстановлению утерянного влияния Турецкой Республики в исламском мире [*Башаран,* 2020]. Именно данный исторический памятник постоянно

1 Türkiye-Afrika Ortaklık Zirvesi // Türkiye Cumhuriyeti İletişim Başkanlığı Resmi Youtube Kanalı'dır. – 2021. – 18.12. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=G2_XXmLeR5w (дата обращения: 09.05.2022); Türkiye "Daha Adil Bir Dünya Mümkün" perspektifini G20'de de vurguladı // Türkiye Cumhuriyeti İletişim Başkanlığı Resmi Youtube Kanalı'dır. – 2021. – 31.10. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=hbAsSmHEX1U (дата обращения: 09.05.2022).

2 Выступление президента Турецкой Республики г-на Реджепа Тайипа Эрдогана // ООН. – 2018. – 25 сентября. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/3792461?ln=ru (дата обращения: 09.05.2022).

3 Там же. С. 25.

4 Выступление президента Турецкой Республики г-на Реджепа Тайипа Эрдогана // ООН. – 2020. – 21 сентября. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/3905539?ln=ru (дата обращения: 09.05.2022).

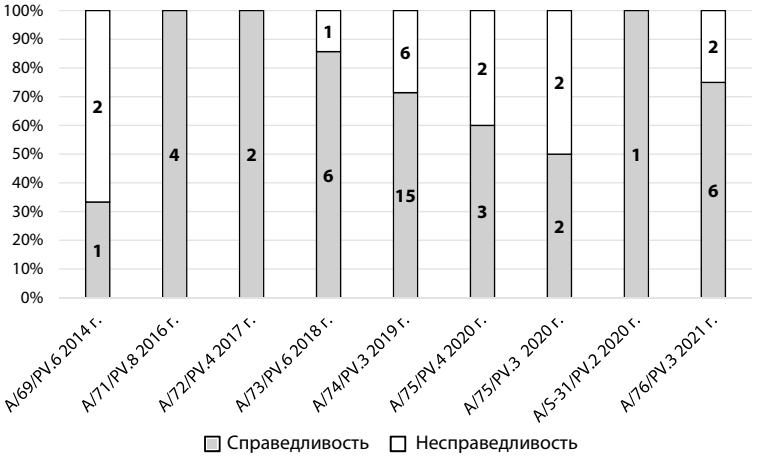

Рисунок 1. Контент-анализ выступлений Р.Т. Эрдогана на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН (2014–2021 гг.)
Figure 1. Content analysis of R.T. Erdogan's speeches at the sessions of the UN General Assembly (2014–2021)

Источник: составлено авторами на основе официальных отчетов сессий Генеральной Ассамблеи ООН.

фигурирует в различных роликах Управления по коммуникациям[5], поскольку он являлся не только туристической достопримечательностью, но и политическим символом былого величия и могущества Турции. При этом политические устремления Эрдогана сводятся к приданию Турции руководящей роли в исламском мире, а не только к лидерству среди мусульманских государств, ранее входивших в состав Османской империи [*Надеин-Раевский,* 2017]. Схожая тенденция отражается и в современном турецком информационном дискурсе. Об этом свидетельствуют заголовки «Анадолу», в которых также прослеживается конструирование данного образа: «Эрдоган – лидер, которого долго ждал исламский мир»[6], «Спикер Нацассамблеи Пакистана: Эрдоган – лидер исламского мира»[7], «Турция – надежда исламского мира»[8].

5 Story of Hagia Sophia – VR // Türkiye Cumhuriyeti İletişim Başkanlığı Resmi Youtube Kanalı'dır. – 2021. – 18.09. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=ZP0z3ENc_sM (дата обращения: 09.05.2022); Architectural History of Hagia Sophia – VR // Türkiye Cumhuriyeti İletişim Başkanlığı Resmi Youtube Kanalı'dır. – 2021. – 18.09. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=5sgcY1FhNBA (дата обращения: 09.05.2022).

6 Эрдоган – лидер, которого долго ждал исламский мир // Анадолу. – 2018. – 12 мая. – URL: https://www.aa.com.tr/ru/%d0%b7%d0%b0%d0%b3%d0%be%d0%bb%d0%be%d0%b2%d0%ba%d0%b8-%d0%b4%d0%bd%d1%8f/%d1%8d%d1%80%d0%b4%d0%be%d0%b3%d0%b0%d0%bd-%d0%bb%d0%b8%d0%b4%d0%b5%d1%80-%d0%ba%d0%be%d1%82%d0%be%d1%80%d0%be%d0%b3%d0%be-%d0%b4%d0%be%d0%bb%d0%b3%d0%be-%d0%b6%d0%b4%d0%b0%d0%bb-%d0%b8%d1%81%d0%bb%d0%b0%d0%bc%d1%81%d0%ba%d0%b8%d0%b9-%d0%bc%d0%b8%d1%80-/1143037 (дата обращения: 09.05.2022).

7 Спикер Нацассамблеи Пакистана: Эрдоган – лидер исламского мира // Анадолу. – 2020. – 14 февраля . – URL: https://www.aa.com.tr/ru/%D0%BC%D0%B8%D1%80/%D1%81%D0%BF%D0%B8%D0%BA%D0%B5%D1%80-%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%B8-%D0%BF%D0%B0%D0%BA%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B0-%D1%8D%D1%80%D0%B4%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D0%BD-%D0%BB%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D1%80-%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0/1733911 (дата обращения: 09.05.2022).

8 Турция – надежда исламского мира // Анадолу. – 2020. – 14 ноября. – URL: https://www.aa.com.tr/ru/%D0%BC%D0%B8%D1%80/%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%BD%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D0%B0-%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0/2043324 (дата обращения: 09.05.2022).

В укреплении имиджа Эрдогана как несомненного лидера нации большое значение имела и неудавшаяся попытка военного переворота в июле 2016 г. [*Yilmaz, Bashirov,* 2018]. Именно религиозные круги страны сыграли большую роль в мобилизации сопротивления путчистам. Призывы «защитить демократию» звучали с многочисленных минаретов мечетей, и десятки тысяч турок вышли на улицы и площади городов страны. Президенту и его соратникам удалось достаточно быстро полностью овладеть ситуацией. Эрдоган сразу заявил, что попытка путча – это «подарок Аллаха» [*Bodansky,* 2016], так как именно данное событие позволило справиться со значительной частью «врагов», внести изменения в государственные структуры [*Moudouros,* 2021], расширить президентские полномочия [*Надеин-Раевский,* 2017], а также значительно ослабить оппозиционную прессу в стране [*Аватков, Рыженков,* 2019].

Реакция турок на попытку военного переворота стала символом массовой поддержки Эрдогана со стороны населения. Этому событию посвящен цикл видео, разработанный Управлением по коммуникациям Администрации президента Турции[9]. В данных роликах, помимо хроники событий 2016 г., прослеживается и определенный символизм: показан рассвет как начало нового государства, проводятся параллели между сопротивлением и конницей Османской империи, демонстрируется мирная жизнь, а также молитва Эрдогана на могилах погибших. Ряд роликов завершаются их фотографиями, то есть формируется своеобразный пантеон героев, отдавших свою жизнь за политический режим во главе с Р.Т. Эрдоганом.

Имиджмейкинг Партии справедливости и развития в турецком медиапространстве

Партия справедливости и развития (ПСР) была создана Р.Т. Эрдоганом в 2001 г. на основе исламистского движения «Милли Гёрюш» и происламских партий. Ее многолетний успех (с 2002 г. является ведущей политической силой Турции) [*Çağaptay,* 2021] эксперты связывают прежде всего с внутриполитическими и международными успехами государства, с личностью ее харизматического и влиятельного лидера Р.Т. Эрдогана, идеологией, которую можно охарактеризовать как правоцентристскую[10]. Помимо этого, ПСР активно использует медиапространство для популяризации своей политической деятельности как в ходе предвыборных кампаний, так и в процессе нахождения у власти [*Oran,* 2022]. Мониторинг официального канала Партии справедливости и развития на *YouTube*, который был создан в 2014 г., продемонстрировал ряд особенностей позиционирования партии.

1. Формирование представлений о единстве президента, правящей партии и народа. В публичную сферу транслируется образ эффективных управленцев, которые разделяют одни и те же ценности с турецким народом. Стоит отметить и концептуальное

9 DİRENİŞ // Türkiye Cumhuriyeti İletişim Başkanlığı Resmi Youtube Kanalı'dır. – 2021. – 15.07. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=oRx3Rj4BoCg (дата обращения: 09.05.2022); 15 Temmuz Mehteri // Türkiye Cumhuriyeti İletişim Başkanlığı Resmi Youtube Kanalı'dır. – 2020. – 11.07. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=L_iceo9HfTI (дата обращения: 09.05.2022); 15 Temmuz - Kamu Spotu 2021 // Türkiye Cumhuriyeti İletişim Başkanlığı Resmi Youtube Kanalı'dır. – 2021. – 15.07. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=W7-yZe8bA1A (дата обращения: 09.05.2022).

10 Агаев М. Предвыборный портрет: Партия справедливости и развития и Реджеп Эрдоган // PolitIQ. – 2018. – 24 июня. – URL: https://politiq.ru/2018/06/24/predvybornyy-portret-partiya-spravedlivosti-i-razvitiya-i-redzhep-erdogan/ (дата обращения: 15.05.2022).

содержание контента канала ПСР. Так, в одном из роликов Эрдоган читает стихотворение, что достаточно часто прослеживается как в роликах ПСР, так и в видео Управления по коммуникациям Администрации президента Турции. Интерес представляет то, что оно написано от имени Турции: «Я – Турция…». Заканчивается ролик фразой «Свято наше дело, как полумесяц и звезда», то есть как Турция и ислам[11].

2. Демонстрация достижений Турции при Р.Т. Эрдогане и ПСР. Ряд видео посвящен технологическому развитию Турецкой Республики в различных сферах. Отдельные ролики раскрывают разнообразные проекты – от развития военной промышленности до технопарков[12]. Основная идея этих роликов заключена в противопоставлении ПСР и Эрдогана с их предшественниками [*Karabiyik,* 2021], которые якобы не способствовали технологическому развитию Турции и создавали преграды для реализации потенциала турецкой экономики.

3. Апелляция к авторитетным политическим деятелям. В роликах ПСР прослеживается стремление консолидировать сторонников различных политических взглядов для расширения своего электората. Так, в предвыборных роликах наряду с образами демократических правителей А. Мендереса и Т. Озала демонстрировались и кадры, на которых Эрдоган был запечатлен с Эрбаканом[13]. Помимо этого, на *YouTube*-канале размещены ролики с участием Эрдогана в мероприятиях, приуроченных памяти Ататюрка[14].

4. Актуализация османского прошлого. В отличие от приверженцев идеологии кемализма ПСР активно внедряет в общественное сознание мысль, что современная Турецкая Республика не является исключительно наследием М.К. Ататюрка, а выступает и преемницей Османской империи [*Матюхин,* 2016]. Так, на канале ПСР размещены ролики, демонстрирующие внимание правящей политической элиты к султанам Османской империи. В качестве примера стоит привести церемонию открытия третьего моста через Босфор в 2016 г., символично названного в честь Султана Явуза Селима[15], а также выступление Эрдогана, посвященное 100-летию со дня смерти султана Абдул-Хамида II[16].

11 Агаев М. Предвыборный портрет: Партия справедливости и развития и Реджеп Эрдоган // PolitIQ. – 2018. – 24 июня. – URL: https://politiq.ru/2018/06/24/predvybornyy-portret-partiya-spravedlivosti-i-razvitiya-i-redzhep-erdogan/ (дата обращения: 15.05.2022); AK'tır bizim davamız, ay yıldız gibi AK Vakit Türkiye Vakti! Haydi ayağa kalk! // Adalet ve Kalkınma Partisi Resmi YouTube Kanalı. – 2018. – 20.06. – URL: https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=TrswAPBW8f4 (дата обращения: 09.05.2022).

12 Milli Teknoloji Hamlesini başlattık. 150 yıldır yaptırılmayan milli piyade tüfeğimizi ürettik // Adalet ve Kalkınma Partisi Resmi YouTube Kanalı. – 2018. – 21.06. – URL: https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=XAG6cnOMdvA (дата обращения: 10.05.2022); Cumhurbaşkanı Erdoğan Uluslararası Demokratlar Birliğini Kabul Etti | AK Parti // Adalet ve Kalkınma Partisi Resmi YouTube Kanalı. – 2022. – 24.02. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=UpFfrlOVwrQ (дата обращения: 10.05.2022); Çanakkale'de Tarihi Gün Cumhurbaşkanımızın Katılımıyla 1915 Çanakkale Köprüsü Açılış Töreni // Adalet ve Kalkınma Partisi Resmi YouTube Kanalı. – 2022. – 18.03. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=KRTQo7ZjOEs (дата обращения: 10.05.2022).

13 Ak Parti'nin İlk Tanitim Filmi // Moralitas Web TV'nin resmî YouTube hesabıdır. – 2012. – 28.12. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=YZrGqyKnlPY (дата обращения: 10.05.2022).

14 Cumhurbaşkanımız, Atatürk'ü Anma Töreni'nde Önemli Açıklamalarda Bulundu | AK Parti // Adalet ve Kalkınma Partisi Resmi YouTube Kanalı. – 2021. – 10.11. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=A0zzquGP3I8 (дата обращения: 10.05.2022); President Erdoğan visits the mausoleum of Mustafa Kemal Ataturk in Ankara // Adalet ve Kalkınma Partisi Resmi YouTube Kanalı. – 2020. – 10.11. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=-9cdzkAbPZY (дата обращения: 10.05.2022); Cumhurbaşkanı Erdoğan, Atatürk'ü Anma Töreni'nde konuştu // Adalet ve Kalkınma Partisi Resmi YouTube Kanalı. – 2017. – 10.11. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=tdS_K3_1EQU (дата обращения: 10.05.2022).

15 Başbakan Yıldırım, Yavuz Sultan Selim Köprüsü'nün açılışında konuştu // Adalet ve Kalkınma Partisi Resmi YouTube Kanalı. – 2016. – 26.08. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=NWY-3lgwq5A (дата обращения: 10.05.2022).

16 Cumhurbaşkanı Erdoğan, Vefatının 100. Yılında Sultan Abdülhamid'i Anlamak programında konuştu // Adalet ve Kalkınma Partisi Resmi YouTube Kanalı. – 2018. – 12.02. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=ktlOnCOBwkY (дата обращения: 10.05.2022).

В турецком медийном дискурсе также формируется образ современной Турции как преемницы Османской империи. В публикациях «Анадолу» просматривается системная популяризация османского прошлого государства с комплементарной интерпретацией исторических фактов османского периода[17], а также достаточно уважительное отношение современной турецкой политической элиты и Р.Т. Эрдогана, в частности, к потомкам османской династии[18]. По большому счету эта содержательная сторона деятельности турецких проправительственных СМИ создает новую логику легитимизации власти Р.Т. Эрдогана и ПСР, апеллирующую не к республиканскому периоду, а к османской истории Турции и халифам, имея более содержательную и глубокую цивилизационную основу, в отличие от лоска вестернизации республиканского времени.

В период правления ПСР стали массово производиться и транслироваться на государственном канале *TRT1* сериалы, раскрывающие турецкую историю («Фатих-завоеватель», «Филинта» и др.), а в период предвыборной кампании 2015 г. кандидаты от ПСР апеллировали к имперскому прошлому и имперской идентичности: переодевались в костюмы османского периода для агитации населения в одной из турецких провинций [*Матюхин,* 2016]. Риторика действующего президента Турции также демонстрирует рассматриваемую тенденцию. После муниципальных выборов 2014 г. он отметил, что ПСР дала «османскую пощечину» (боевой удар янычар) своим противникам [*Кудряшова,* 2014].

Османское прошлое и османские мифы активно используются и в подготовке агитационных роликов. В ходе избирательной кампании 2018 г. был выпущен ролик, в котором Р.Т. Эрдоган уже традиционно читает стихотворение[19], слова которого демонстрируют отсылку к истории Османской империи, воспевая ее величие[20]. Видеоряд крайне символичен и представляет интерес. В ролике используется образ феникса – одного из древнейших мировых символов, существующего и в мусульманской культуре под именем Анка. Феникс – символ постоянного возрождения, в данном случае тюркской

17 Мемориалы в память о погибших в Галиции османских солдатах ждут посетителей из Турции // Анадолу. – 2021. – 28 октября. – URL: https://www.aa.com.tr/ru/%D0%BC%D0%B8%D1%80/%D0%BC%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8B-%D0%B2-%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D1%8C-%D0%BE-%D0%BF%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B1%D1%88%D0%B8%D1%85-%D0%B2-%D0%B3%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%BE%D1%81%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85-%D1%81%D0%BE%D0%BB%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B0%D1%85-%D0%B6%D0%B4%D1%83%D1%82-%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%B5%D1%82%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B9-%D0%B8%D0%B7-%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D0%B8/2405569 (дата обращения: 10.05.2022); Власти Османской империи открывали школы для детей беженцев // Анадолу. – 2016. – 10 января. – URL: https://www.aa.com.tr/ru/t%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F/%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8-%D0%BE%D1%81%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9-%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B8-%D0%BE%D1%82%D0%BA%D1%80%D1%8B%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B8-%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%8B-%D0%B4%D0%BB%D1%8F-%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B9-%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%B2/503138 (дата обращения: 10.05.2022).

18 Турция оберегает потомков Османской династии // Анадолу. – 2017. – 29 августа. – URL: https://www.aa.com.tr/ru/t%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F/%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%BE%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B0%D0%B5%D1%82-%D0%BF%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D0%BE%D1%81%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9-%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B8-/896334 (дата обращения: 10.05.2022).

19 Şimdi elini uzat, en güçlü devir başlasın. #ZümrüdüAnka Türkiye için kanatlansın // Adalet ve Kalkınma Partisi Resmi YouTube Kanalı. – 2018. – 18.06. – URL: https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=4ea0KzGgt3E (дата обращения: 10.05.2022).

20 Агаев М. Предвыборный портрет: Партия справедливости и развития и Реджеп Эрдоган // PolitIQ. – 2018. – 24 июня. – URL: https://politiq.ru/2018/06/24/predvybornyy-portret-partiya-spravedlivosti-i-razvitiya-i-redzhep-erdogan/ (дата обращения: 15.05.2022).

государственности. Ролик условно можно разделить на три части. В первой Анка указывает дорогу скачущему за ней Альп-Арслану, чьи войска в 1071 г. разгромили византийскую армию. Во второй части он летит перед османской армией, приближающейся к Вене, осаду которой турки-османы вели в 1529 и 1683 гг. И наконец, в третьем эпизоде направление полета указывает Анке уже сам ныне действующий президент Турецкой Республики. Таким образом, демонстрируется сопровождение турецкой экспансии некой высшей силой, а также акцентируется внимание на том, что судьба внешней политики Турецкой Республики на современном этапе определяется Р.Т. Эрдоганом и что даже священная птица подчиняется его воле[21].

Таким образом, ПСР не разделяет имперское прошлое и республиканское настоящее, а всячески актуализирует османский период истории Турции, рассматривая его как неотъемлемую часть турецкой государственности. Эта тенденция является примечательной, поскольку правящие элиты Турецкой Республики достаточно продолжительное время избегали упоминаний об имперском прошлом [*Кудряшова,* 2014]. Однако в настоящий момент османская история всё увереннее присутствует в турецком информационно-политическом дискурсе, что подтверждает и мониторинг *YouTube*-канала правящей партии. Представляет интерес и динамика публикаций видеороликов на данной информационной площадке (см. рисунок 2). С 2014 до 2016 г. количество видеороликов варьировалось от 77 до 287. После возвращения Р.Т. Эрдогана к партийной деятельности в 2017 г. количество публикаций на данной платформе значительно увеличивается и составляет от 643 до 931. Наибольшее число видеороликов приходилось на 2019 г., что может быть обосновано муниципальными выборами в Турецкой Республике и необходимостью бороться за поддержку электората[22].

Технологии формирования образа новой Турции

Современная Турция является одним из растущих центров геополитического влияния. Ключевым этапом развития государства обозначается 2023 г. – год столетия Турецкой Республики [*Rizo,* 2021]. При этом правящая политическая элита предполагает, что Турция подойдет к данному рубежу в качестве государства-лидера не только регионального, но и глобального масштаба.

Исследования материалов официального сайта и видеороликов Управления по коммуникациям Администрации президента Турции, дискурса турецких СМИ позволили определить, что Турция позиционируется ими в качестве государства, оказывающего существенное влияние на региональную и мировую политику. Ключевой в данном направлении является демонстрация участия представителей Турецкой Республики в деятельности ООН, саммитах Большой двадцатки, а также установленных государственных связей с Украиной, Азербайджаном, странами Африки, Палестиной и т. д. Турция позиционирует себя медиатором,

21 Исаев А. Символы внешней политики Турции // Международная жизнь. – 2019. – 19 июня. – URL: https://interaffairs.ru/news/show/22524 (дата обращения: 10.05.2022).

22 Выборы в Турции 2019: что нужно знать // Daily Sabah. – 2019. – 30 марта. – URL: https://www.dailysabah.com/russian/politics/2019/03/29/%D0%B2%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8B-%D0%B2-%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D0%B8-2019-%D1%87%D1%82%D0%BE-%D0%BD%D1%83%D0%B6%D0%BD%D0%BE-%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%82%D1%8C (дата обращения: 10.05.2022).

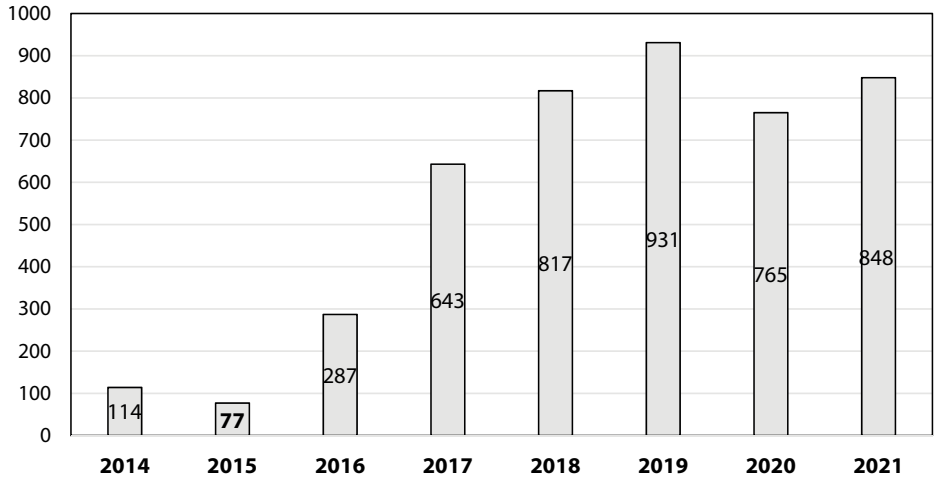

Рисунок 2. Динамика публикаций роликов на официальном *YouTube*-канале Партии справедливости и развития (2014–2021 гг.)
Figure 2. Publication dynamics of videos on the official YouTube channel of the Justice and Development Party (2014–2021)

Источник: составлено авторами на основе мониторинга официального *YouTube*-канала Партии справедливости и развития.

посредником в решении проблем международного сообщества. Интерес представляет и тот факт, что данные ролики затрагивают вопрос о несправедливом, по мнению Турции, миропорядке и заканчиваются фразами «более справедливый мир возможен», «мы выступаем за более справедливый мир» и т. д. Исключением является видео, подготовленное к 30-летию дипломатических связей Турции и Украины[23]. В ролике демонстрируются достаточно эффективные турецко-украинские отношения, Турция позиционируется как государство, оказывающее поддержку Украине в различных сферах: дипломатической, военной, торговой, туристической. Особый акцент сделан на военно-технологическом сотрудничестве и крымском вопросе. Отдельный видеоряд с текстовым сопровождением посвящен турецким беспилотникам, которые сыграли «значительную роль в защите национальной безопасности Украины», а также отмечается, что Турция выступает за территориальную целостность Украины. Более того, Турецкая Республика стремится выступить посредником в российско-украинских отношениях для снятия напряженности между данными государствами. Ролик заканчивается фразой «… стабильность и спокойствие – главные приоритеты Анкары». То есть в данном случае Турция отходит от традиционной для нее риторики о справедливом миропорядке и демонстрирует свою определяющую роль в Черноморском регионе.

Акцентирование внимания на достижениях Турции в военно-технологической сфере характерно и для других роликов. Данная технология прослеживается в контенте различной

23 Türkiye ve Ukrayna Güçlü İlişkiler // Adalet ve Kalkınma Partisi Resmi YouTube Kanalı. – 2022. – 04.02. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=u06-Nlai3rE (дата обращения: 10.05.2022).

направленности и реализуется через демонстрацию военных успехов Турции, видеоряда военной техники, а также сотрудничества государства с представителями международного сообщества в военно-технологической сфере[24],[25],[26]. Помимо этого, через СМИ популяризируются военные доктринальные документы Турецкой Республики. В этом случае достаточно показательной является военно-морская доктрина «Голубая Родина» (*Mavi Vatan*), введенная в оборот турецким адмиралом Джемом Гюрденизом еще в 2006 г. [*Görüşü,* 2021]. Однако первые признаки ее политической поддержки на высоком уровне возникли в 2019 г., когда президент Эрдоган появился на фотографиях перед картами, демонстрирующими границы «Голубой Родины», которые впоследствии вызвали международный резонанс. В этом же году в акваториях сразу трех морей прошли одноименные морские учения Турции, которые были обозначены как самые масштабные в истории государства[27]. По сути «Голубая Родина» представляет собой доктрину Турции, претендующую на обширную морскую юрисдикцию в Черном, Эгейском и Средиземном морях[28].

В контексте данного исследования достаточно важным представляется медийная составляющая продвижения данного доктринального документа. В сентябре 2020 г. Управлением коммуникаций при президенте Турции на *YouTube* был опубликован гимн «Мави Ватан»[29]. Данный гимн во многом напоминает национальный гимн Турции, сопровождается видео, освещающим многовековую историю турецкого флота, защищающего «Голубую Родину». Яркий и наполненный символикой видеоряд отражает не только значимость данной доктрины для современной Турции, но также дает представление о внешнеполитических амбициях Турецкой Республики [*Jager, Norris,* 2021].

Помимо этого, в медиапространстве осуществляется позиционирование Турции как социально ориентированного государства. Кроме раскрытия различных внутриполитических социальных программ также демонстрируется гуманитарная помощь Анкары другим государствам. Отдельной акцент делается на проекты ТИКА [*Akıllı, Çelenk,* 2019], приводятся результаты деятельности данной государственной структуры за рубежом[30].

Прослеживается формирование представлений о современной и исторической значимости турецкой культуры и необходимости распространения

24 30 Ağustos Zafer Bayramı Kutlu Olsun // Türkiye Cumhuriyeti İletişim Başkanlığı Resmi Youtube Kanalı'dır. – 2021. – 30.08. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=IK_cH-dfg1Y (дата: обращения: 10.05.2022).

25 #MilleteHizmetYolunda yaptıklarımız yapacaklarımızın teminatıdır // Türkiye Cumhuriyeti İletişim Başkanlığı Resmi Youtube Kanalı'dır. – 2021. – 03.11. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=Palx4ypEX8k (дата обращения: 10.05.2022).

26 Türkiye -Azerbaycan İki Devlet Bir Ordu // Türkiye Cumhuriyeti İletişim Başkanlığı Resmi Youtube Kanalı'dır. – 2020. – 12.12. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=hX7y3ZwEXgM (дата обращения: 10.05.2022).

27 В Турции продолжаются учения Mavi Vatan-2019 // Анадолу. – 2019. – 28 февраля. – URL: https://www.aa.com.tr/ru/t%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F/%D0%B2-%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B6%D0%B0%D1%8E%D1%82%D1%81%D1%8F-%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%B-D%D0%B8%D1%8F-mavi-vatan-2019/1405353 (дата обращения: 10.05.2022).

28 Кулиева Н. От «стратегической глубины» к «голубой родине»: новая турецкая политика в Восточном Средиземноморье // Российский совет по международным делам. – 2020. – 13 августа. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/ot-strategicheskoy-glubiny-k-goluboy-rodine-novaya-turetskaya-politika-v-vostochnom-sredizemnomore/ (дата обращения: 10.05.2022).

29 Mavi Vatan Marşı // Türkiye Cumhuriyeti İletişim Başkanlığı Resmi Youtube Kanalı'dır. – 2020. – 27.09. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=fDeuVgjzf3g (дата обращения: 10.05.2022).

30 Türkiye-Arnavutluk İşbirliği // Türkiye Cumhuriyeti İletişim Başkanlığı Resmi Youtube Kanalı'dır. – 2022. – 17.01. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=k7X4_tXg4wM (дата обращения: 10.05.2022).

турецкого языка[31]. Данный аспект раскрывается в отдельных роликах и в публикациях СМИ, посвященных взаимодействию Турции с другими государствами, а также деятельности Института им. Юнуса Эмре, который с момента своего образования в 2009 г. вносит весомый вклад в популяризацию турецкого языка и культуры за рубежом [*Güleç,* 2015][32].

Как было отмечено ранее, османский период истории Турции традиционно занимает довольно значимую роль в турецких медиатехнологиях. Контент Управления по коммуникациям Администрации президента Турции не является исключением. Так, в цикле видео, посвященном попытке государственного переворота 2016 г., современная видеохроника дополнялась кадрами событий времен Османской империи[33],[34],[35]. Подобная аналогия прослеживалась и в других роликах. Таким образом, достигается возможность позиционирования Турции как государства, обладающего историческим опытом и традицией участия в международно-политических процессах в качестве решающего и/или активного игрока [*Шаклеина*, 2011].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, совокупность медиатехнологий, применяемых современной Турцией, ставит в центр образ президента Эрдогана, который стал лицом турецкой внутренней и внешней политики, экономических и технологических успехов, военно-политических и внешнеэкономических достижений Республики. Эрдоган, сильный и харизматичный лидер, выступает единым целым с сильной и новой Турцией как региональной и мировой державой. При этом ключевыми направлениями конструирования личного бренда турецкого лидера являются позиционирование Р.Т. Эрдогана как сторонника справедливого миропорядка, а также лидера и защитника мусульман всего мира. Кроме того, после возвращения в 2017 г. Р.Т. Эрдогана к партийной деятельности концепция позиционирования ПСР также строится главным образом вокруг образа действующего президента. Именно Р.Т. Эрдоган является наиболее часто встречаемой фигурой в видеороликах партии. Помимо перечисления стандартных примеров политических, экономических, технологических, социальных достижений партии, в видеороликах прослеживается и стремление продемонстрировать единство Р.Т. Эрдогана, Партии справедливости и развития и турецкого народа.

Во-вторых, контент исследуемых информационных ресурсов профессионально выверен и состоит из множества символов, которые латентно транслируют внедряемые идеологические установки. Видеоролики обладают

31 Türkçenin Yüz Akı // Türkiye Cumhuriyeti İletişim Başkanlığı Resmi Youtube Kanalı'dır. – 2021. – 26.09. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=k5g8rPnrldk (дата обращения: 10.05.2022).

32 «Türkiye-Afrika İlişkileri» // Türkiye Cumhuriyeti İletişim Başkanlığı Resmi Youtube Kanalı'dır. – 2021. – 17.10. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=u-BuFCXXeh4 (дата обращения: 10.05.2022).

33 15 Temmuz Mehteri // Türkiye Cumhuriyeti İletişim Başkanlığı Resmi Youtube Kanalı'dır. – 2020. – 11.07. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=L_iceo9HfTI (дата обращения: 10.05.2022).

34 DİRENİŞ // Türkiye Cumhuriyeti İletişim Başkanlığı Resmi Youtube Kanalı'dır. – 2021. – 15.07. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=oRx3Rj4BoCg (дата обращения: 10.05.2022).

35 15 Temmuz - Kamu Spotu 2021 // Türkiye Cumhuriyeti İletişim Başkanlığı Resmi Youtube Kanalı'dır. – 2021. – 15.07. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=W7-yZe8bA1A (дата обращения: 10.05.2022).

различными механизмами эмоционального воздействия на реципиентов для формирования чувства гордости и сопричастности как к современным политическим процессам, так и к истории великой страны. Во время демонстрации видеоряда происходит акцентирование внимания на отдельных символах: выгодном геополитическом положении страны, выдающихся исторических личностях, военном могуществе Турции на протяжении различных исторических эпох, современных научно-технологических разработках, знаковых архитектурных памятниках, государственной символике, внутриполитических и международных успехах Турецкой Республики при руководстве ПСР и Р.Т. Эрдогана, массовой поддержке правящей элиты со стороны населения. Помимо видеоряда, крайне важно и музыкальное сопровождение. Так, традиционно для эмоционального подъема и концентрации внимания зрителей музыка звучит громче, а отдельные ролики озвучивает лично Р.Т. Эрдоган, благодаря чему достигается эффект персонального обращения и единства национального лидера и турецкой нации.

В-третьих, основными направлениями деятельности Управления по коммуникациям Администрации президента выступают:

- позиционирование Турции в качестве державы, оказывающей существенное влияние на региональную и мировую политику;

- популяризация достижений Турции в военно-технологической сфере;

- формирование образа Турции как социально-ориентированного государства;

- популяризация турецкой культуры и истории, оказавших значительное влияние на развитие всего человечества;

- в формировании образа державности Турции активно используются национальные мифы и образы прошлого, ранее приносившие военные победы;

- конструирование образа Турции как преемницы Османской империи;

- активное продвижение образа Турции как великой державы, активно участвующей в формировании модели нового и более справедливого мирового порядка.

Формирование образа великой державы через популяризацию османского исторического прошлого используется как при формировании и продвижении имиджа президента Турецкой Республики, так и в предвыборной агитации Партии справедливости и развития. В видеороликах осуществляется актуализация исторических героев, ключевых событий политической истории, проводятся аналогии с османским прошлым. Таким образом, османский дискурс не только восстанавливает историческую преемственность, но и создает образ новой великой Турции, которая должна вызывать восхищение как у граждан своей страны, так и у международного сообщества в целом. Османский дискурс имеет и внутриполитическую сторону: по большому счету эта содержательная сторона деятельности турецких СМИ создает новую логику легитимизации власти Р.Т. Эрдогана и ПСР, апеллирующую не к республиканскому периоду, а к османской истории Турции, имея более содержательную и глубокую цивилизационную основу, в отличие от лоска вестернизации республиканского времени. Однако в этом процессе отличительной чертой содержательной стороны турецких медиатехнологий является не противопоставление османского и республиканского периодов своей политической истории, а попытка их смыслового синтеза, несмотря на их объективные противоречия.

Список литературы

Аватков В.А., Рыженков А.С. «Правый поворот» в Турции в европейском контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Международные отношения». – 2019. – Т. 19, № 4. – С. 597–606. – DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-597-606.

Башаран В.И. Республика Татарстан как участник межцивилизационного диалога России и Турции на современном этапе : дис. ... канд. ист. наук. – Казань : Казанский федеральный университет, 2021. – 182 с.

Джейхан А.Х. Медиаобраз Турции в российских СМИ: особенности формирования имиджа : дис. ... канд. филол. наук. – Москва : РУДН, 2016. – 190 с.

Ирхин А.А., Москаленко О.А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Международные отношения». – 2021. – Т. 21, № 1. – С. 91–107. – DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107.

Кудряшова И.В. Стратегии национально-гражданской консолидации: опыт Турции // Россия и мир: анатомия современных процессов / под ред. Е.А. Нарочницкой. – Москва : Международные отношения, 2014. – С. 214–233.

Матюхин В.В. Доминирование Партии справедливости и развития в турецком политическом процессе: идеологический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Политология». – 2016. – № 2. – С. 25–38.

Надеин-Раевский В.А. Р.Т. Эрдоган как пример политика-харизматика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10, № 6. – С. 138–154. – DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-138-154.

Ольшевский П.Н. Семиотические аспекты телевизионной коммуникации : дис. … канд. социол. наук. – Москва : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. – 130 с.

Фомин И.В. Образ государства как предмет политического дискурс-анализа : дис. ... канд. полит. наук. – Москва : ИНИОН РАН, 2014. – 170 с.

Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. – 2011. – Т. 9, № 2. – С. 29–39.

Akıllı E., Çelenk B. TİKA's Soft Power: Nation Branding in Turkish Foreign Policy // Insight Turkey. – 2019. – Vol. 21, N 3. – P. 135–151. – DOI: 10.25253/99.2018EV.05.

Bodansky Y. The Military Coup in Turkey – Initial Observations // ISPSW Strategy Series: Focus on Defense and International Security. – 2016. – N 436. – P. 1–2.

Çağaptay S. A Sultan in Autumn: Erdogan Faces Turkey's Uncontainable Forces. – London ; New York : Bloomsbury Publishing Plc ; I.B. Tauris, 2021. – 144 p.

Güleç C. Cultural Diplomacy and Turkey in the Age of Globalization // Uludağ Üniversitesi VII. Uluslararası İlişkiler Konferansı. – Bursa, 2015. – P. 862–886.

Jager J., Norris A. The Mavi Vatan Doctrine and Blue Homeland Anthem: a Look at Turkey's Maritime Worldview // The Center for International Maritime Security. – 2021. – 27.09. – URL: https://cimsec.org/the-mavi-vatan-doctrine-and-blue-homeland-anthem-a-look-at-turkeys-maritime-worldview/ (дата обращения: 16.05.2022).

Karabıyık A.Ç. Visual Framing of Political Candidates: Case Study of the 2014 Turkish Presidential Election Campaign // Central European Journal of Politics. – 2021. – Vol. 7 (1). – P. 1–29. – DOI: 10.24132/cejop_2021_3.

Matusiak M. The Great Leap Turkey under Erdogan. – Warsaw : Centre for Eastern Studies, 2015. – 53 p.

Moudouros N. "Blue Homeland" and Cyprus: The "Survival of the State" Coalition and Turkey's Changing Geopolitical Doctrine in the Eastern Mediterranean // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Международные отношения». – 2021. – Т. 21, № 3. – С. 459–471. – DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-459-471.

Oran F.C. Religion, Nationalism and Foreign Policy. Discursive Construction of New Turkey's Identity. London : Bloomsbury Publishing Plc, 2022. – 184 p.

Rizo M.M. The Republic of Turkey on the Verge of its Centennial: Continuity or Change? // Journal of Social and Political Sciences. – 2021. – Vol. 4, N 1. – P. 154–163.

Yilmaz I., Bashirov G. The AKP after 15 years: emergence of Erdoganism in Turkey // Third World Quarterly. – 2018. – Vol. 39, N 9. – P. 1812–1830. – DOI: 10.1080/01436597.2018.1447371.

Гёрюшю У. Морская доктрина Турции: Голубая Родина. Görüşü U. Türkiye'nin Denizcilik Doktrini: Mavi Vatan. – Istanbul : Vizyon Siyasi Kalkınma Merkezi, 2021. – 8 p. – URL: https://vision-pd.org/wp-content/uploads/2021/03/Mavi-Vatan-.pdf (дата обращения: 16.05.2022). – Турец. яз.

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.07

Development of the "New Turkey" Media Image: Substantive Aspect

Natalia E. DEMESHKO
PhD in Political Science, Associate Professor, Political Science and Philosophy Department, Institute of Social Sciences and International Relations
Sevastopol State University
Universitetskaya Street, 33, Sevastopol, Russian Federation, 299053
E-mail: natalidem93@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9620-2410

Vladimir A. AVATKOV
PhD, Dr. of Sc. (Political Sciences), Head of the Department of Middle and Post-Soviet East
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: v.avatkov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6345-3782

Aleksandr A. IRKHIN
PhD, Dr. of Sc. (Political Sciences), Head, Political Science and Philosophy Department, Institute of Social Sciences and International Relations
Sevastopol State University
Universitetskaya Street, 33, Sevastopol, Russian Federation, 299053
E-mail: alex.irhin@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7895-550X

CITATION: Demeshko N.E., Avatkov V.A., Irkhin A.A. (2022). Development of the "New Turkey" Media Image: Substantive Aspect. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 5, pp. 133–150 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.07

Received: 25.05.2022.
Revised: 19.08.2022.

ABSTRACT. *Modern Turkey is actively developing the world-power image, and it has been striving for a little over ten years to get that status. The authors identify and do research in the article on the crucial media technologies in the process of constructing and promoting the image of the Republic of Turkey under the guidance of R.T. Erdogan and the Justice and Development Party. The source base for the study is the publications on the official YouTube channels of the Communications Department of the Presidential Administration of Turkey and the Justice and Development Party, of the state news agency "Anadolu", as well as the speeches by R.T. Erdogan at the sessions of the UN General Assembly. The methodology of the study is represented by semiotic*

approach, monitoring, discourse analysis, qualitative and quantitative content analysis and case study. The conducted study has made it possible to conclude that the Turkish world-power status is directly related to the president's personality of R.T. Erdogan, who plays an essential part in promoting the new image of strong Turkey. The Turkish media represent the Turkish president as a supporter of a fair world order, as well as a leader and defender of the Muslim world. The content of the studied information resources is professionally verified and consists of many symbols that latently transmit certain ideological attitudes. Turkey is positioned as a state that has a significant influence on the world and regional politics throughout various historical eras. The particular attention of the Turkish media scene is given to demonstrating the continuity of the imperial and republican period. At the same time the Ottoman discourse not only re-establishes historical continuity with the modern period, but also creates the image of new great Turkey that evokes a sense of national pride, both among its citizens and in the international media space.

KEYWORDS: *Turkey, R.T. Erdogan, Justice and Development Party, media image, political technologies.*

References

Akıllı E., Çelenk B. (2019). TİKA's Soft Power: Nation Branding in Turkish Foreign Policy. *Insight Turkey*, vol. 21, no. 3, pp. 135–151. DOI: 10.25253/99.2018EV.05.

Avatkov V.A., Ryzhenkov A.S. (2019). "Right Turn" in Turkey in the European Context. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 19, no. 4, pp. 597–606 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-597-606.

Basharan V.I. (2021). *The Republic of Tatarstan as a Participant in the Inter-Civilizational Dialogue between Russia and Turkey at the Present Stage* (Doctoral dissertation). Kazan : Kazan Federal University, 182 pp. (in Russian).

Bodansky Y. (2016). The Military Coup in Turkey – Initial Observations. *ISPSW Strategy Series: Focus on Defense and International Security*, no. 436, pp. 1–2.

Çağaptay S. (2021). *A Sultan in Autumn: Erdogan Faces Turkey's Uncontainable Forces*. London ; New York : Bloomsbury Publishing Plc ; I.B. Tauris, 144 pp.

Dzheykhan A.Kh. (2017). *The Media Image of Turkey in the Russian Media: Features of Image Formation Stage* (Doctoral dissertation). Moscow : RUDN University, 190 pp. (in Russian).

Fomin I.V. (2014). *The Image of the State as a Subject of Political Discourse Analysis* (Doctoral dissertation). Moscow : Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 170 pp. (in Russian).

Görüşü U. (2021). Maritime Doctrine of Turkey: Blue Homeland. Vizyon Siyasi Kalkınma Merkezi, 8 pp. Available at: https://vision-pd.org/wp-content/uploads/2021/03/Mavi-Vatan-.pdf, accessed 16.05.2022 (in Turkish).

Güleç C. (2015). Cultural Diplomacy and Turkey in the Age of Globalization. *Uludağ Üniversitesi VII. Uluslararası İlişkiler Konferansı*, Bursa, pp. 862–886.

Irkhin A.A., Moskalenko O.A. (2021). "The World is Bigger than Five". Turkey's Emergence as a Global Actor in World Politics: Prospects and Challenges for Russia. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 21, no. 1, pp. 91–107 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107.

Jager J., Norris A. (2021). The Mavi Vatan Doctrine and Blue Homeland Anthem: a Look at Turkey's Maritime Worldview. *The Center for International Maritime Security*. Available at: https://cimsec.org/the-mavi-vatan-doctrine-and-blue-homeland-anthem-a-look-at-turkeys-maritime-worldview/, accessed 16.05.2022.

Karabıyık A.Ç. (2021). Visual Framing of Political Candidates: Case Study of the 2014 Turkish Presidential Election Campaign. *Central European Journal of Politics*, vol. 7, no. 1, pp. 1–29. DOI: 10.24132/cejop_2021_3.

Kudryashova I.V. (2014). Strategies for National-Civil Consolidation: the Experience of Turkey. *Russia and the World: Anatomy of Modern Processes,* pp. 214–233 (in Russian).

Matusiak M. (2015). *The Great Leap Turkey under Erdogan*. Centre for Eastern Studies, 53 pp.

Matyukhin V.V. (2016). Understanding Dominance of the Justice and Development Party in Turkey: The Ideological Dimension. *Vestnik RUDN. Political Science*, no. 2, pp. 25–38 (in Russian).

Moudouros N. (2021). "Blue Homeland" and Cyprus: The "Survival of the State" Coalition and Turkey's Changing Geopolitical Doctrine in the Eastern Mediterranean. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 21, no. 3, pp. 459–471. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-459-471.

Nadein-Raevskiy V.A. (2017). R.T. Erdogan as an Example of a Charismatic Politician. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law,* vol. 10, no. 6, pp. 138–154 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-138-154.

Ol'shevskiy P.N. (2006). *Semiotic Aspects of Television Communication* (Doctoral dissertation). Moscow : Lomonosov Moscow State University, 130 pp. (in Russian).

Oran F.C. (2022). *Religion, Nationalism and Foreign Policy. Discursive Construction of New Turkey's Identity*. London : Bloomsbury Publishing Plc., 184 pp.

Rizo M.M. (2021). The Republic of Turkey on the Verge of its Centennial: Continuity or Change? *Journal of Social and Political Sciences*, no. 4 (1), pp. 154–163.

Shakleina T.A. (2011). Great Powers in Global and Regional Politics. *International Trends*, vol. 9, no. 2, pp. 29–39 (in Russian).

Yilmaz I., Bashirov G. (2018). The AKP after 15 Years: Emergence of Erdoganism in Turkey. *Third World Quarterly*, vol. 39, no. 9, pp. 1812–1830. DOI: 10.1080/01436597.2018.1447371.

Постсоветское пространство

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.08

Белорусская национальная культура и дебаты вокруг нее в современной Беларуси

Игорь Игоревич БАРИНОВ
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: ingobarinov@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0154-1506

ЦИТИРОВАНИЕ: Баринов И.И. Белорусская национальная культура и дебаты вокруг нее в современной Беларуси // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С.151–162.
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.08

Статья поступила в редакцию 11.08.2022.
Исправленный текст представлен 01.10.2022.

АННОТАЦИЯ. *В статье рассматриваются дискуссии различных белорусских общественных и политических акторов о роли и месте национальной культуры в процессе национального и государственного строительства в Республике Беларусь. В силу ряда исторических обстоятельств формирование национального самосознания началось на белорусской территории сравнительно поздно и во многом не завершено до сегодняшнего дня. Помимо этого, нынешняя Беларусь изначально представляла собой пограничный регион, где бытовали самые разные культуры, идеологии, общественные течения и политические проекты. Эта ситуация во многом способствовала тому, что единого понимания белорусской национальной культуры не существует, а относительно ее наполнения идут постоянные споры. В настоящем контексте изучены два обобщенных политических дискурса современной Беларуси, которые условно обозначены как «нонконформистский» и «правительственный». Сторонники каждого из них предлагают собственное видение национальной культуры как политического инструмента. В первом случае она вписывается в «европейскую цивилизацию» и наполняется смыслами, взятыми из исторического развития и современного общественного устройства «старых» национальных государств Европы. При этом ее собственно белорусское наследие заметно редуцируется, порой вплоть до языка. Во втором случае, напротив, в качестве главной идеи подается обретенный после*

1991 г. государственный суверенитет, который подается как высшее проявление национальной культуры. Глубокий анализ обоих дискурсов обнаруживает их структурную схожесть и идейную незавершенность. Стремление обеих сторон предложить работающую национальную идею наталкивается на ряд серьезных проблем, таких как устаревшие представления о процессах складывания нации и оперирование умозрительными категориями в политическом теоретизировании.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Республика Беларусь, белорусская национальная культура, белорусская государственность, нациестроительство*.

Вопрос о феномене белорусской культуры, ее формах и траекториях развития является, вероятно, наиболее проблемным и противоречивым для белорусского общества как в Республике Беларусь, так и за ее пределами. Духовное наполнение данной культуры и способы ее повседневной реализации становятся предметом постоянной, порой весьма острой дискуссии. Стоит отметить, что в центре обсуждения находятся не столько абстрактные мировоззренческие категории, сколько вопросы реального нациестроительства и самого́ существования белорусской нации.

Как известно, невозможно подобрать универсальное определение само́го понятия «культура». Любая подобная попытка всякий раз будет наталкиваться на субъективизм говорящего и его изначальные установки. В настоящем контексте под понятием «культура» будет пониматься «совокупность действий, взглядов и мыслей, характерная для некой группы и санкционированная ею внутри себя» [*Уладыкоўская*, 2017, с. 164]. Как и в других подобных случаях, здесь следует говорить об определенной иерархии смыслов. На самом верху находится представление о белорусской культуре как совокупности смыслов, способных сформировать основу национальной государственности. На следующей ступени находятся элементы культуры, которые служат основой для возникновения национального самосознания, в том числе способы «выражения ментальности» и формирования «национального эстетического идеала» [*Уладыкоўская*, 2017, с. 160–161]. Наконец, в основе данной пирамиды лежат те паттерны, которые принято относить к этничности: общность происхождения и территории, практики повседневности, коллективная психология и дихотомия «мы – они».

В современной Беларуси существуют две условные политические силы: «власть» и «оппозиция/нонконформисты», – которые продвигают собственное видение белорусской национальной культуры, прежде всего относительно ее роли в политике и государственном строительстве. Можно говорить, что это своеобразная попытка найти соотношение «нации общей культуры» и «нации, способной построить и поддерживать государство» (*Kulturnation/Staatsnation*, в терминологии Р. Козеллека). В первом случае цементирующими признаками выступают этнокультурные особенности, во втором – общественно-правовое сознание [Geschichtliche Grundbegriffe, 1992, p. 141–431]. Важным моментом здесь является то, что обе стороны стремятся найти ответ на вопрос, может ли *Kulturnation* перетечь в *Staatsnation* в условиях различной природы данных понятий. Такое положение, в свою очередь, порождает иную проблему, связанную с наполнением самого термина «белорусская культура».

Существует ли белорусская культура?

Сложность выработки универсальных критериев белорусской культуры напрямую связана с определением того, кто такие белорусы. Среди специалистов уже достаточно давно ведутся дискуссии относительно характеристик данной идентичности в разные периоды истории [*Кравцевич, Смоленчук, Токть*, 2011, с. 89–108]. Большинство из них сходятся во мнении, что белорусы – это один из наиболее поздних (если не самый поздний) национальных проектов в Европе. В силу ряда причин они вступили на путь нациестроительства в условиях практически полного отсутствия элитных слоев, которые сперва подверглись глубокому влиянию польской, а затем и русской культуры. Даже в начале XX в. белорусы жили в архаичном обществе, где система социальных связей находилась на средневековом уровне, а национальная идея была непонятна большинству населения. В качестве самоназвания при этом употреблялся целый спектр идентичностей, основанный на религиозных и территориальных принципах. В частности, популярностью пользовалось обозначение «здешний» (бел. «тутэйшы») и производное от него «тутэйшасць» для характеристики соответствующего сознания [*Титаренко*, 2006, с. 17].

Социальной рамкой для белорусского населения, в то время практически сплошь представленного крестьянами, стала «деревня» (бел. «вёска»). Впоследствии набор связанных с ней мировоззренческих особенностей и повседневных практик стал именоваться «вясковасць». Еще в начале 1920-х годов выдающийся славист Владимир Пичета, ректор недавно основанного Белорусского госуниверситета, писал, что социально-политическое положение крестьянина заставляло его «держаться за свой быт, традиции и язык», сделав его тем самым «хранителем национальной традиции». Деревня, таким образом, «спасла белорусскую культуру и от ополячения, и от русификации» [*Пичета*, 1924, с. 18–19]. Эта идея сохранялась и в дальнейшем. Как отмечал известный белорусский культуролог Леонид Лыч, именно деревня стала для белорусов источником самобытной национальной культуры и одновременно защитой от «чуждого влияния». Среди основных элементов данной культуры Лыч называл язык, локальную историю, ландшафт и топонимику, отражавшие, по его мнению, «национальное мировидение белоруса» [*Лыч*, 2017, с. 70–75].

Значительную роль в нациестроительстве белорусов сыграла деятельность активистов национального возрождения конца XIX – начала XX в. Представители местной шляхты, являясь носителями польской культуры, одновременно были патриотами своего родного края. Они стали той «мобилизующей группой» [*Smith*, 1995, p. 57], которая начала создавать литературу на местном языке, отличном от польского и русского, и попыталась «пробудить» у местного населения историческую память о Великом княжестве Литовском (ВКЛ). В последнем случае это выразилось в попытке вернуть белорусов в число «исторических народов». В духе популярного в то время подхода так обозначились общности, обладавшие «высокой» культурой и развитой традицией государственности. Национально ориентированные авторы развивали эту идею на протяжении практически всего XX в. В зависимости от периода она колебалась от представлений о значимой роли белорусов в истории ВКЛ до придания ему белорусского характера в целом.

В рамках данной теории белорусской культуре придавалось особое «благородство» (бел. «шляхетнасць»). Его неотъемлемыми чертами, помимо прочего, были внутренняя свобода и стремление перенести на свою почву наиболее прогрессивные общественно-экономические явления своего времени. Примечательно, что на основе двух этих разнонаправленных течений – «простонародного» и «благородного» – сформировался непротиворечивый дискурс. Так, работавший в Минске в 1920-е годы Институт белорусской культуры (Инбелкульт) занимался как народным творчеством, так и замковой археологией, воспринимая и то и другое как ипостаси одного культурного наследия.

Усиление централизации советского государства, начавшееся уже в начале 1930-х годов, коренным образом изменило культурную политику в БССР. Прежний подход был фактически объявлен антисоветским и заменен универсальными принципами построения культуры как «национальной по форме – социалистической по содержанию». В результате это привело к «этнографизации» белорусской культуры, когда утилитарная повседневность изредка расцвечивалась образами из традиционного обихода. Отдельные ниши существовали для использования белорусского языка (прежде всего в книгопечатании и музыке) и иных элементов этнического наследия. Немалую роль в этом сыграла постоянно возраставшая экспансия русского языка как в город, так и в деревню. Последняя, по словам Л. Лыча, была инструментализована для нужд сельского хозяйства и перестала быть резервуаром «духовного наследия» [*Лыч*, 2017, с. 80–81].

С началом «перестройки» и в особенности после обретения Беларусью независимости вопрос о (ре)кодификации национальной культуры встал одним из первых. Здесь сразу же выделились два магистральных направления. Весьма условно их можно обозначить как «нонконформистское» и «правительственное». Как представляется, оба эти подхода развиваются вокруг иерархической пирамиды, упомянутой в начале статьи, с той лишь разницей, что каждая из сторон наполняет ее своими смыслами. Следует оговориться, что в данной связи речь идет, скорее, о публичной политике, поскольку в менее политизированных дискуссиях о культуре набор ее критериев может отличаться.

Белорусская культура в политическом дискурсе нонконформистов

Еще с советских времен политическое оформление культуры в представлении условно диссидентской части белорусского общества было тесно связано с идеей «возврата» к подлинно национальной истории. Соответствующие тексты, написанные зачастую в паранаучном ключе, полуподпольно циркулировали в БССР вплоть до «перестройки», а после обретения страной независимости были легализованы и получили распространение в виде обычных книжных изданий.

В основе упомянутой идеи лежало намерение «вообразить» Беларусь без польского, русско-имперского и иного наследия. Впоследствии сюда добавился еще один тезис – об изначальной «европейскости» белорусов и экзистенциальной чуждости правящего режима для белорусской культуры и ментальности. Данный принцип шел в общем русле постсоветских/постсоциалистических стран Восточной Европы, где европеизация (по крайней мере, внешняя) стала бы одновременно

максимальным дистанцированием от тоталитарного прошлого.

Белорусский кейс здесь выделялся намерением ретроспективно европеизировать всё историко-культурное наследие Беларуси. Как отмечалось, уже в XIII в. белорусские земли переориентировались «на политически и культурно притягательную Европу» [*Кравцевич*, *Смоленчук, Токть,* 2011, с. 34, 47]. Ее национальное развитие в европейском духе остановилось «из-за деспотического правления российской монархии и КПСС», в результате чего белорусы стали «эрзац-нацией» без соответствующей «духовной неповторимости» [*Ровдо*, 2009, с. 12–16]. Аналогичным образом белорусы представлялись развитой *Staatsnation*, которая уже в Средневековье демонстрировала «выраженную национальную направленность культуры» [Гістарычны шлях…, 2007, с. 142].

Стоит отметить, что в основе данного представления лежит популярная в XIX в. теория «исторических наций». В зависимости от этой характеристики народ, обладавший «духом победителя», был способен либо не способен создать или обрести вновь собственное государство. В белорусском контексте эта теория, наряду с представлениями о «белорусскости» ВКЛ, преломилась в стремлении отстоять свое право на «высокую» культуру, связанную с проживавшей на белорусских землях знатью, представленной такими знаменитыми родами, как Радзивиллы и Сапеги. Во многом этот тезис проистекает из представления, что эта часть истории была «отнята» у белорусов, и ее повторное обретение будет одновременно означать возвращение в «европейскую семью народов». Европа, в свою очередь, воображалась как некое идеальное духовное пространство и имела мало общего с текущей политической ситуацией.

Такое стремление ретроспективно сделать белорусов «исторической нацией» раз за разом вытесняло из публичного пространства «деревенскую» составляющую белорусской культуры, еще столь ощутимую у национальных активистов 1920-х годов. Отчасти это объясняется тем, что нынешняя национально ориентированная интеллигенция сформировалась в индустриальном, высоко урбанизированном русскоязычном обществе, где деревня приходила в упадок, а связи с ней становились всё слабее. Кроме того, уходу традиционной народной культуры из публичного дискурса способствовало то, что она плохо коррелировала с идеей об «историчности» белорусов. Выходом из ситуации стало продвижение белорусского языка, который при этом стал чуть ли не единственным элементом собственно народного (этнического) в этой схеме.

Белорусский язык как часть национальной культуры всегда находился в противоречивом положении. В советские времена он был окончательно кодифицирован, на его основе возникла развитая художественная литература, и он присутствовал в других сферах жизни. В некоторых случаях (в частности, в радиовещании) он мог даже преобладать над русским. Тем не менее, престиж белорусского языка был низким, поскольку социальная мобильность и карьерные возможности связывались исключительно с русским. Таким образом, белорусский язык, присутствуя в жизни общества, не мог претендовать на ведущие позиции.

Подъем национального движения на закате советской власти перевел вопрос о языке в политическую плоскость. В представлении национально ориентированных политиков стратегия действующей власти по ущемлению белорусского языка с той поры стала целенаправленной и связана

прежде всего с неприятием иной модели национального развития, кроме «неосоветской». На практике это порой выражалось в демонстративном использовании белорусского в качестве языка повседневного и делового общения, что нередко воспринималось властью в роли некой формы фрондерства и лишь вредило тем, кто пользовался белорусским языком в повседневной жизни.

Следует заметить, что эмоциональная проевропейская риторика плохо сочетается с партикуляристским настроем. На уровне политических деклараций она фактически воспроизводит парадигму начала XX в. Тогда, в ходе формирования национальных государств в Восточной Европе, многовековое межкультурное взаимодействие отрицалось с целью установления четких («этнографических» – в характеристике того времени) границ. Любое сходство с соседом подавалось в данном разрезе как пример выдающегося культуртрегерства либо становилось свидетельством иноземного порабощения. Напротив, в «классической» Европе, особенно после Второй мировой войны, конвергенция «старых» национальных государств примирила даже таких заклятых врагов, как Германия и Франция, союз которых стал фундаментом будущего Евросоюза.

С другой стороны, представления о будущей государственности, построенной на основе подлинной национальной («европейской» по духу) культуры, базировались на умозрительных категориях. Европа в данном контексте воображается как некая экзистенциальная и моральная норма, причем складывается она из преимуществ развитых европейских стран, таких как высокий уровень гражданских прав и свобод личности, а также бытовых плюсов межстрановой интеграции. Осознание себя в этой парадигме по-прежнему строилось на противопоставлении чему-то чуждому. Если раньше это был «капиталистический мир», то теперь его заменила «реакционная диктатура», отрицающая всё белорусское и отделившая белорусов от «европейской цивилизации» [Belarus…, 2004, p. 13–35].

Итак, в условно оппозиционном/нонконформистском дискурсе белорусская культура на верхних уровнях иерархической пирамиды отображается следующим образом:

- белорусы исторически принадлежат к «европейской цивилизации» со свойственным ей набором культурных паттернов; в этом же ключе они должны реализовать свою государствообразующую функцию;

- в качестве составных частей белорусской культуры в этой связи представляются отдельные, во многом сконструированные заново явления из ее «благородной», «шляхетной» версии: личная свобода, достоинство, демократизм, высокая ангажированность в общественных процессах.

Вместе с тем основание пирамиды (собственно этническое наследие) оказывается наиболее шатким. Традиционная культура деревни, которая была аккумулирована первыми национальными «будителями», недалеко вышла за границы «этнографизма», характеризовавшего ее в советское время. В наши дни она по-прежнему бытует скорее в рамках гуманитарно-образовательных инициатив, чем в политической плоскости. По сути, единственным «рабочим» этническим элементом в данной концепции предстает белорусский язык. Из-за его слабых позиций в обществе ситуация вокруг него предельно политизируется – вплоть до того, что порой белорусу, по каким-то причинам не использующему национальный язык, отказывают в праве считаться таковым.

Стоит отметить, что это далеко не единственное слабое место описанной парадигмы. Идея возвращения Беларуси в «нормальное состояние» и повторного приобщения к европейским ценностям, таким как верховенство закона, права личности и социальная справедливость, во многом базируется на позднейшем национальном мифе о ВКЛ как продвинутой европейской стране (причем скорее в бытовом понимании), когда-то сложенной белорусами. При подобном утилитарном наполнении национальной культуры всякий раз остается неясным, что же выделяет ее на фоне других европейских культур. Поскольку традиционная деревенская модель с соответствующим ей укладом жизни плохо вписывалась в концепцию «историчности» белорусского народа, неудивительно, что из всей сферы этнического релевантным маркером уникальности, способным стать политическим инструментом, оказался лишь язык. Стремление за счет него укрепить всю эту неустойчивую конструкцию неминуемо ведет к вакуумизации представителей указанного дискурса и болезненной реакции на любое проникновение извне. Невозможность сформировать реальную альтернативу объясняется некими экономическими, социально-демографическими и другими особенностями белорусского общества, унаследованными от «советизации и русификации» [*Ровдо*, 2009, с. 108–109]. В результате понятие «белорус» смещается из сферы национальной идентичности в разряд политического кредо. С одной стороны, это дает постоянный повод для обвинений со стороны властей в формировании у молодежи политической «антикультуры» [Основы…, 2004, с. 118], а с другой – по определению противоречит идеологии глобализованного Евросоюза.

Белорусская культура в представлении действующей власти

Как ни парадоксально, властный дискурс в чем-то является зеркальным отражением оппозиционного. Это объясняется как минимум тем, что они формировались в одно время и в одних и тех же условиях. При этом аналогичные явления наполняются властями более конкретным содержанием. Если в альтернативном сценарии «золотым веком» часто выступает далекий период ВКЛ, то у нынешних белорусских властей – это позднесоветское общество потребления, когда на смену бедности и массовому террору постепенно пришло спокойное и относительно сытое существование. Гражданским свободам и правам, явлению, непонятному значительной части населения Беларуси, власти противопоставляют свой набор символов, точно так же связанный с чувством сопричастности, но с акцентом на другие эмоции. С идеологической точки зрения главным нарративом выступает интегрирующая память о Великой Победе и роли в ней белорусского народа. Иногда в литературе такая концепция именуется «эгалитарным национализмом», когда каждый может наполнять реальность конкретным, близким ему смыслом [*Leshchenko*, 2008, p. 1420–1422].

С другой стороны, краеугольным понятием здесь выступает обретение Беларусью независимости, связанное с получением политической субъектности и международной значимости. Отталкиваясь от него, белорусские власти выстраивают собственную иерархию смыслов. Зная о традиционно множественной самоидентификации белорусов, они стремились «синтезировать локальные типы идентичности с тем или иным универсалистским типом, соответствующим интересам белорусского

государства» [*Титаренко*, 2006, с. 134–135]. Таким образом на верхушке иерархии смыслов оказалось представление о суверенитете как высшей точке развития нации и одновременно отражении народного волеизъявления. По крайней мере, на символическом уровне глава государства постоянно апеллирует к народному мнению (в частности, в ходе референдумов 1995–2004 гг.), а стратегические задачи национального уровня рассматривает Всебелорусское народное собрание. В политическом отношении продвигалась трактовка понятия «белорус» как «представителя независимого белорусского государства». Критики данной идеологии отмечали, что она не имеет ничего общего с гражданским национализмом и призвана лишь поддержать и упрочить систему [*Ровдо*, 2009, с. 14].

Наряду с этим важным является тезис о неповторимости Беларуси и ее национальной идеи, коренящихся в верности традициям и устоям, обычаям и символам. Он нашел отражение в ряде программных заявлений, сделанных в последние годы. Так, капитальная многотомная «История белорусской государственности», вышедшая под эгидой Национальной академии наук Беларуси, открывается мыслью, что обретенный Беларусью суверенитет стал, помимо прочего, результатом «эволюции духовно-культурных ценностей белорусского народа». Именно на их богатстве «с юных лет должен воспитываться каждый гражданин Республики Беларусь». Они, по замыслу авторов, раскрывают «понимание исторического происхождения и развития белорусского этноса, незыблемость права белорусского народа на осуществление собственной национальной государственности» [История белорусской государственности, 2019, с. 3–5]. Похожие тезисы были внесены в преамбулу к Конституции Республики Беларусь [К вопросу… 2019, с. 4] и неоднократно озвучены в нынешнем году, объявленном в стране Годом исторической памяти.

Примечательно, что попытки осознать культурные истоки национального самосознания и вытекающего из него суверенитета вне идеологического задания выглядят порой еще более эклектично, чем у оппонентов. В данном случае происходит апелляция самых различных сюжетов повседневно-бытового, этнического, социально-психологического, политического и духовного свойства. При этом излагаются они максимально размыто, нередко с использованием таких клише, как «бытие белорусского этноса», «историческое наследие», «самобытность», «генетические истоки» и многих других [Основы…, 2004, с. 356–357]. Беларусь может рассматриваться как часть «русской цивилизации», тысячелетняя историческая традиция которой имеет для нее «фундаментальное значение». Ее культурные и нравственные ценности противопоставляются разрушительному «западному утилитаризму». Иногда подобный традиционализм трактуется в более широком славянском контексте, своеобразным символом которого выступает фестиваль «Славянский базар», ежегодно проходящий в Витебске. Белорусам как части восточного славянства приписываются «коллективизм и соборность», «вера в идеал», «служение обществу», опять же противопоставленные ценностям «западного общества». При этом тут же упоминается, что на менталитет белорусов, живших между Востоком и Западом, оказал влияние протестантизм с его «строгой воздержанностью и индивидуализмом» [Основы…, 2004, с. 359–363], которые во многом сложили то самое «западное общество».

В целом данный дискурс, вне сомнения, хорошо приспособлен к изменениям политической конъюнктуры. Упомянутая эгалитарность такой версии национализма оказывается удобной для правящих белорусских элит. В этом смысле грань между двумя ступенями пирамиды – элементами культуры и ее истоками – искусственно размыта: этническое перетекает в национальное и обратно. В зависимости от ситуации власти могут беспрепятственно инструментализировать даже не конкретные элементы, а случайную выборку смыслов, циркулирующих в общественном сознании. Это делает основание пирамиды куда более прочным, чем в аналогичной нонконформистской структуре.

Вместе с тем независимость Беларуси (прежде всего для внешнего наблюдателя) структурно, политически и идеологически связана исключительно с действующей властью, хотя на уровне риторики порой используются образы длинного и тернистого пути страны к суверенитету. События лета-осени 2020 г., несомненно, стали самым серьезным кризисом для режима Лукашенко за всё время его существования. Альтернативная версия политической (а в теории – и национальной) культуры при всей своей неустойчивости на некоторое время получила серьезные очки. Возможно, впервые в новейшей истории Беларуси, когда доверие к власти было поколеблено даже у традиционного электората. По прошествии двух лет можно говорить, что с идейной точки зрения ситуация во властном дискурсе стала обратно пропорциональна оппозиционной. Если в предыдущем случае шатким является основание, то здесь в слабом положении оказывается верхушка. Подход к сохранению пирамиды, однако, один и тот же – вакуумизация и сохранение статуса кво, причем с целью сохранения властного дискурса она осуществляется весьма жесткими средствами.

Белорусская культура или белорусские культуры?

Вместо заключения

В наши дни в Беларуси существуют два основных комплекса представлений о том, что такое белорусская национальная культура. Для нонконформистов ее важной характеристикой является «европейскость» (принадлежность к духовному миру, а также политическим, социальным и иным достижениям классической Европы). С этим вектором они, помимо прочего, связывают обретение целостной национальной истории и выход за пределы «этнографического заповедника», в который их заключали злонамеренные «внешние силы». Напротив, сторонники действующей идейной парадигмы ценят «стабильность» системы, ради которой готовы и в дальнейшем не вмешиваться в политические процессы. Здесь культура коренится, скорее, в повседневно-бытовых практиках и привычках, а идеологическое оформление происходит за счет набора абстрактных клише, эксплуатирующих сюжеты из истории страны и этнической культуры ее населения.

Примечательно, что обе стороны упрекают друг друга в отсутствии «белорусскости». Так, с точки зрения оппозиции тот, кто поддерживает режим или, по меньшей мере, остается в стороне от происходящего, выступает носителем ментальности «денационализированной» советской республики и таким образом участвует в уничтожении того немногого «белорусского», что еще осталось в стране. Их оппоненты, в свою очередь, подчеркивают, что из всего разнообразного и богатого белорусского наследия оппозиционеры взяли лишь этнический национализм,

а с таким трудом достигнутый национальный суверенитет готовы принести в жертву своему доктринерству. Как представляется, именно подобная ультимативность является наиболее слабым звеном и в том и в другом случае. В этом смысле неудивительно, что обе стороны порой заимствуют друг у друга фактуру и элементы риторики.

Как известно, на протяжении истории та территория, на которой впоследствии возникла Республика Беларусь, подвергалась воздействиям самых разных сил и обстоятельств. В эмоциональном смысле к ним можно (и нужно) относиться по-разному. Бесспорно, однако, то, что они обусловили широкую комбинаторность элементов идентичности. Стремление политиков установить собственную систему представлений как некий эталон не учитывает всех этих нюансов и полутонов. Более того, часто умозрительные рассуждения подменяют реальное положение вещей.

В последнее время среди белорусских интеллектуалов периодически возникает дискуссия о существовании не одной, а нескольких белорусских наций и, соответственно, культур. Имплицитно она имеет негативную окраску, поскольку предмет обсуждения не вписывается в стройную, пусть и безнадежно устаревшую теорию «одна нация – одна культура – одно государство». Между тем сам принцип перехода от *Kulturnation* к *Staatsnation* подразумевает выход за пределы привычных смыслов бытия, к другой форме общественной организации. В этом отношении носители разных культур (это касается и тех, кто имеет общее этническое происхождение) начинают мыслить в иных категориях. Сохраняя привычную культуру в сфере приватного, они одновременно вырабатывают публичный интегрирующий нарратив. Тем не менее сейчас мы можем видеть в Беларуси, скорее, обратный процесс, и тенденции к улучшению ситуации пока что нет.

Список литературы

История белорусской государственности. Том 1 / Коваленя А., Данилович В., Голубев В., Левко О. – Минск : Беларуская навука, 2018. – 598 с.

К вопросу об исторической политике / Коваленя А., Арчаков В., Данилович В., Баньковский А. // Беларуская думка. – 2019. – № 8. – С. 3–11.

Кравцевич А.К., Смоленчук А.Ф., Токть С.М. Белорусы: нация Пограничья. – Вильнюс : ЕГУ, 2011. – 210 с.

Основы идеологии Белорусского государства / под ред. С.Н. Князева, С.В. Решетникова. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. – 490 с.

Пичета В.И. Белорусский язык как фактор национально-культурный. – Минск : Белтрестпечать, 1924. – 23 с.

Ровдо В.В. Политическая система Республики Беларусь. – Вильнюс : ЕГУ, 2009. – 351 с.

Титаренко Л.Г. Национальная идентичность и социокультурные ценности населения в современном белорусском обществе. – Минск : Республиканский институт высшей школы (РИВШ), 2006. – 144 с.

Belarus: Catching up with Europe / ed. A. Komorowska, B. Kuzawińska. – Warsaw : Stefan Batory Foundation, 2004. – 63 p.

Geschichtliche Grundbegriffe / Hrsg. R. Koselleck. Bd. 7. – Stuttgart : Klett, 1992. – 774 S.

Leshchenko N. The National Ideology and the Basis of Lukashenka Regime in Belarus // Europe-Asia Studies. – 2008. – N 8. – P. 1419–1433.

Smith A.D. Nations and Nationalism in a Global Era. – Cambridge : Polity Press, 1995. – 216 p.

Гістарычны шлях беларускай нацыі дзяржавы / Біч М. [и др.]. – Мінск : Медисонт, 2007. – 203 с. – Белорус. яз.

Лыч Л.М. Праблемы гарманізацыі нацыянальнага і інтэрнацыянальнага ў культуры Рэспублікі Беларусь (1991–2015 гг.). – Мінск : б. в., 2017. – 87 с. – Белорус. яз.

Уладыкоўская Л.М. Духоўнасць грамадства і глабалізацыя: як трансфармуецца беларуская нацыянальная культура? – Мінск : Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы (РІВШ), 2017. – 286 с. – Белорус. яз.

The Post-Soviet Space

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.08

The Belarusian National Culture and Its Dimensions in the Modern Belarus

Igor I. BARINOV
Cand. of Sc. in History, Leading Researcher, Department of Europe and America
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: ingobarinov@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0154-1506

CITATION: Barinov I.I. (2022). The Belarusian National Culture and Its Dimensions in the Modern Belarus // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 15, no. 5, pp. 151–162 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.08

Received: 11.08.2022.
Revised: 01.10.2022.

ABSTRACT. *The article studies the discussions of various Belarusian social and political actors on the role and place of national culture in the process of national and state building in the Republic of Belarus. Due to a number of historical issues, the formation of national identity on the Belarusian territory began relatively late and, in many ways, has not been completed yet. Furthermore, the territory of present Belarus was originally a frontier region where a variety of cultures, ideologies, social and political projects developed and coexisted. This situation has largely contributed to the fact that there is a lack of common sense of the Belarusian national culture, and sometimes the debates about its characteristics occur to be hot. In this context, two main political discourses of modern Belarus, conventionally marked as "nonconformist" and "governmental", are evaluated. Each time their supporters promote their own visions of national culture, striving to use them as a political tool. In the first case, national culture is understood within the framework of "European civilization", together with "old" national states of Europe, their historical background and current social development. However,*

the Belarusian ethnic heritage is noticeably being reducing, sometimes up to the language. On the contrary, in the second case, the main national idea is the state sovereignty gained after the collapse of the Soviet Union in 1991, which at the same time symbolizes the manifestation of national culture. A deep analysis of both discourses reveals their structural similarity and ideological incompleteness. The desire of-both groups to offer a functioning national idea faces a number of serious problems, such as outdated ideas about the processes of nation-building as well as operating with speculative categories in political theorizing.

KEYWORDS: *The Republic of Belarus, Belarusian national culture, Belarusian statehood, nation-building.*

References

Belarus: Catching up with Europe (2004). Komorowska B., Kuzawińska A. (eds.). Warsaw : Stefan Batory Foundation, 63 pp.

Geschichtliche Grundbegriffe (1992). Koselleck R. (ed.). Bd. 7. Stuttgart : Klett, 774 pp. (in German).

Gistarychny shliakh… (2007). Bich M. [et al.]. *The historic path of the Belarusian nation and state*. Minsk : Medisont, 203 pp. (in Belarusian).

Istoriya belorusskoy gosudarstvennosti (2018). Kovalenya A. [et al.]. *History of Belorussian Statehood*. Vol. 1. Minsk : Belaruskaya navuka, 598 pp.

Kravtsevich A.K., Smolenchuk A.F., Tokt' S.M. (2011). *Belarusians: A Nation of the Borderlands*. Vilnius : EHU, 210 pp. (in Russian).

K voprosu… (2019). Kovalenya A. [et al.]. About the question of historical policy. *Belaruskaya Dumka*, no. 8, pp. 3–11.

Leshchenko N. (2008). The National Ideology and the Basis of Lukashenka Regime in Belarus. *Europe-Asia Studies*, no. 8, pp. 1419–1433.

Lych L.M. (2017). *The problems of national and international harmonization of the culture in the Republic of Belarus* (*1991–2015*). Minsk : publisher not identified, 87 pp. (in Belarusian).

Osnovy… (2004). Knyazev S.N., Reshetnikov S.V. (eds.). *The foundations of the ideology of the Belarusian state*. Minsk : Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, 490 pp. (in Russian).

Picheta V.I. (1924). *The Belarusian Language as a national-cultural factor*. Minsk : Beltrestpechat, 23 pp. (in Russian).

Rovdo V.V. (2009). *The political system of the Republic of Belarus*. Vilnius : EHU, 351 pp. (in Russian).

Smith A.D. (1995). *Nations and Nationalism in a Global Era*. Cambridge : Polity Press, 216 pp.

Titarenko L.G. (2006). *National identity and socio-cultural values of the population in modern Belarusian society*. Minsk : Republican Institute of Higher Education (RIVSH), 144 pp. (in Russian).

Uladykovskaya L.M. (2017). *The spirituality of the society and globalization: how the Belarusian national culture is transformed.* Minsk : Republican Institute of Higher Education (RIVSH), 286 pp. (in Belarusian).

Российский опыт

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.09

«Коммунистическая» трансформация и феномен советского патриотизма в среде православных верующих эпохи позднего СССР

Александр Вячеславович АПАНАСЕНОК
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: apanasenok@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4650-3730

ЦИТИРОВАНИЕ: Апанасенок А.В. «Коммунистическая» трансформация и феномен советского патриотизма в среде православных верующих эпохи позднего СССР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 163–184.
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.09

Статья поступила в редакцию 15.09.2022.
Исправленный текст представлен 01.11.2022.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена феномену «коммунистического сдвига» в массовой православной культуре позднего СССР. Автор анализирует просоветскую риторику Русской православной церкви, а также особенности сознания рядовых верующих, которые позволили сообществу православно-ориентированных граждан остаться частью советского социума в культурном смысле. В работе показано, что в послевоенный период церковью были приложены значительные усилия для формирования социальной доктрины, созвучной идеалам КПСС. Основу этой доктрины составили советский патриотизм, борьба за мир, равенство и братство народов, социальная справедливость и прогресс, уважение к человеческой личности с параллельной критикой пороков капиталистического строя. В 1950–1980-е годы соответствующие ценности неизменно провозглашались в официальных выступлениях, проповедях, публикациях представителей РПЦ. При этом последние старались по возможности не затрагивать принципиально неразрешимого в советских реалиях противоречия между религиозным и атеистическим мировоззрением.*

«Коммунистическая трансформация» церкви как сообщества верующих не была лишь стратегией выживания.

Социализация в советской культурной среде обусловила формирование многочисленной прослойки священников, искренне разделявших идеалы строительства «нового мира», веривших в совместимость религии и коммунизма, а также в великую историческую миссию СССР. Советский патриотизм клириков стимулировался и духовными запросами православно-ориентированных граждан, всё больше привыкавших считать себя советскими людьми. В статье демонстрируется, что значительная часть населения видела в социалистических преобразованиях практическое воплощение христианских ценностей, закрывая глаза на атеизм господствующей идеологии или рассматривая его как недоразумение, с существованием которого необходимо смириться. Миссия церкви при этом часто связывалась посетителями православных храмов с духовной поддержкой в новых социальных условиях и помощью государству в его благих начинаниях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *православие, СССР, советская культура, общественное сознание, коммунистические ценности, патриотизм, идентичность.*

Введение

В конце 2022 г. исполняется сто лет с момента образования СССР. Этот символический юбилей сам по себе является неплохим поводом для того, чтобы задуматься об уникальных особенностях исчезнувшей цивилизации, а в свете участившихся призывов возродить ее наследие рефлексия в отношении советского прошлого оказывается особенно злободневной. Важно помнить, что Советский Союз был соткан из противоречий, которые, несмотря на формальное устранение в конце XX в., не перестают влиять на культурную и политическую жизнь современной России. Пропаганда материалистического мировоззрения сочеталась в СССР с аскетизмом, сциентизм – с недоказуемыми идеологическими постулатами. Стремление к полному освобождению личности не помешало КПСС поставить жизнь граждан под контроль, а воплощение социалистических идей привело Страну Советов к железному занавесу со странами, их породившими.

Еще одним парадоксом советской реальности стало место в ней религиозной культуры. Партийными идеологами постоянно декларировалось фундаментальное противоречие последней по отношению к коммунистическому мировоззрению. Уже в начале 1950-х годов было заявлено, что подавляющая часть советских граждан отказалась от религии [*Худяков*, 1951]. Системная работа по массовой атеизации продолжалась в последующие десятилетия, однако закончилась не победой научного взгляда на мир, а церковным ренессансом. По утверждению председателя Совета по делам религий, в 1988 г. 70% населения были готовы назвать себя верующими [*Поспеловский*, 1995, с. 392]. Даже если эти данные несколько завышены, остается очевидным тот факт, что на практике многие граждане в эпоху позднего СССР сумели совместить теоретически несовместимое – советскую и конфессиональную идентичность. На отсутствие непроходимых барьеров между «советским» и «религиозным» в массовом сознании граждан указывает и относительная легкость перехода советской номенклатуры на позиции «сочувствующих» конфессиональным традициям, и распространение мифов о «тайном православии» советских военачальников эпохи Великой Отечественной войны, и даже появившийся в постсоветское время феномен «православного сталинизма».

Парадокс «советских верующих» пока не осмыслен должным образом в научной среде, чему в немалой степени препятствует стереотип «бинарного социализма», сформировавшийся в западной научной среде в послевоенный период[1], утвердившийся в отечественной историографии в начале 1990-х годов и предполагающий рассмотрение общественных отношений в Советском Союзе через призму категорий «подавление»/«сопротивление» [*Юрчак*, 2021, с. 38]. В недавнем религиозном прошлом большинство исследователей видит прежде всего конфронтацию. Как справедливо замечает М. Каиль, история конфессиональной культуры соответствующего периода пишется преимущественно как процесс противоборства партийно-государственных структур, с одной стороны, и сообществ верующих – с другой [*Каиль*, 2021]. В результате мы располагаем едва ли не исчерпывающими сведениями об эволюции государственно-церковных отношений и антирелигиозных кампаниях, но при этом имеем весьма поверхностные представления о процессах, происходивших в среде конфессионально-ориентированных граждан. Сохраняется в академическом мире и традиция безапелляционного противопоставления религиозной культуры советскому образу жизни. Попытки проанализировать те или иные аспекты ее развития не «вопреки», а в контексте социалистической реальности предпринимались некоторыми зарубежными исследователями [*Siegelbaum*, 1992; *Young*, 1997; *Stone*, 2008; *Такахаси*, 2012; *Киценко*, 2012; *Шлихта*, 2012] и отдельными отечественными (см., например, [*Воробьева*, 2019; *Апанасенок, Бубнов*, 2021; *Лизгунов*, 2021]), однако на российский научный мейнстрим они влияют слабо. В результате вопрос о «совмещении несовместимого» остается открытым.

В данной статье предпринимается попытка приблизиться к решению указанной проблемы и посмотреть на историю православной культуры эпохи позднего социализма 1950–1980-х годов[2], опираясь не столько на представление о конфронтации «советского» и «религиозного», сколько на допущение их сосуществования и взаимовлияния. Ее основная цель – охарактеризовать особенности трансформации массовой православной культуры, которые позволили православно-ориентированным гражданам СССР оставаться частью единого советского социума в культурном смысле и сохранять лояльность по отношению к государству. При этом предполагается ответить на ряд вопросов. Во-первых, какие пути для преодоления конфликта идентичностей предложила верующим Русская православная церковь (РПЦ) в лице своих иерархов и авторов? Во-вторых, насколько глубоко рядовые представители РПЦ были готовы интегрироваться в социалистическую реальность и принимать советские ценности? И, в-третьих, как представляли себе миссию религии и церкви в советском социуме граждане СССР, разделявшие коммунистические идеалы, но не ставшие атеистами?

В ходе работы над перечисленными вопросами автор опирался на материалы Совета по делам Русской православной церкви (СДРПЦ) и Совета по делам

1 Применительно к религиозному вопросу в СССР можно отметить, что зарубежные авторы, а также представители русской эмиграции (Р. Конквест, У. Флетчер, Н. Струве и др.) часто упрощали или искажали отношение верующих к советскому строю, утверждая, что последние враждебно относятся «ко всему официальному».

2 В исторической науке нет единства относительного того, как датировать эпоху позднего социализма. В данной работе автор использует подход А. Юрчака, предложившего считать поздним социализмом период советской истории с конца сталинского периода до перестройки [*Юрчак*, 2021].

религий (СДР) при Совете Министров СССР[3], документы партийных структур, церковные публикации 1950–1970-х годов, а также интервью с людьми, чье личностное становление пришлось на позднесоветский период.

Церковь и идеалы «нового мира»

Как известно, первые годы советской эпохи ознаменовались экзистенциальным конфликтом между православной церковью и новой властью. Несмотря на участие некоторых клириков в социалистическом движении и недовольство своим положением до 1917 г., в целом церковь оставалась носительницей консервативных идеалов общественного устройства и сформировавшейся при самодержавии политической культуры. Соответственно, бóльшая часть священнослужителей без энтузиазма либо враждебно восприняли Октябрьскую революцию. Несмотря на формальный нейтралитет церкви во время Гражданской войны, для большевиков были очевидны ее «прочные связи с дореволюционной Россией», что заставляло видеть в ней препятствие на пути строительства нового мира [*Шкаровский*, 2010, с. 72]. Однако укрепление советской власти было фактом, поэтому в 1920-е годы перед РПЦ встали две важные задачи: во-первых, сохранить себя в условиях атеистической политики государства, а во-вторых – помочь прихожанам преодолеть конфликт идентичностей в качестве верующих и советских граждан. Переход церкви на позиции политической (но не идеологической) лояльности к государству ознаменовала знаменитая декларация митрополита Сергия (Страгородского) от 29 июля 1927 г. В ней архипастырь, отмечая важность сохранения православных устоев в жизни граждан, указал им путь для новой православно-патриотической самоидентификации: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи»[4].

Следовать предложенному принципу в довоенный период, впрочем, было чрезвычайно тяжело: репрессии против клириков и насильственное разрушение приходского уклада не давали православно-ориентированным гражданам оснований для отождествления себя с советской цивилизацией. Кроме того, в силу маргинализации конфессиональной культуры ее представителям просто не давалась возможность публично формулировать те или иные социальные взгляды. Шанс вернуться в активную общественную жизнь у сообществ верующих появилась только в годы Великой Отечественной войны, в условиях «сталинского конкордата». Относительная либерализация государственного курса и ограниченное восстановление приходской жизни дало им надежду на обретение фактического статуса полноправных граждан и заставили искать точки соприкосновения православных и советских идеалов.

В военные годы естественным полем для такого соприкосновения стали ценности патриотизма, эволюционировавшего в советский патриотизм. Известно, что РПЦ оказала значительную помощь фронту, даже в глазах власти заслужив наименование «патриотической» церкви [*Смолкин,* 2021, с. 129].

3 Совет по делам РПЦ был образован в 1943 г., Совет по делам религий – в 1965 г. в результате объединения Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозны культов.

4 Цит. по: [*Шкаровский*, 2010, с. 117].

Возрожденный в 1943 г. «Журнал Московской Патриархии» уже в первых выпусках стал публиковать материалы о защите Родины, поддержке армии и т. п. [*Лизгунов,* 2021]. Позволив церкви вернуться в публичное пространство в 1940-е годы, ярко выраженная патриотическая позиция неизменно проявляла себя в церковной риторике последующих десятилетий. Нормой церковной жизни стали торжественные богослужения в честь годовщин Победы, а также приуроченные к ним патриотические проповеди с такими названиями, как «День Победы – день народного счастья», «О любви к Родине» и т. п.[5] Наблюдатели от СДР подчеркивали, что выступления архиереев и обычных клириков, посвященные воспоминаниям об освобождении от «фашистского ига», пользовались особой популярностью у посетителей богослужений[6]. Юбилеи Победы отмечались с особенным размахом, священники читали целые циклы проповедей на эту тему. Например, в 1974 г. один из харьковских священников информировал уполномоченного СДР, что он заготовил столько газетного и другого материала о Великой Отечественной войне для предстоящего 30-летия Победы, что его хватит для проповеди на два года[7]. Распространенной практикой стало публичное ассоциирование представителями РПЦ дат церковного календаря с важными событиями войны. Например, день Георгия Победоносца связывался с Днем Победы, день св. Феодосия Черниговского – с днем освобождения Чернигова и т. д.[8]

Формировать советский патриотизм у будущих клириков помогала система духовного образования. К началу 1970-х годов в программы духовных академий и семинарий были внедрены отдельные курсы «Конституция СССР», «История СССР», курс нравственного богословия был дополнен патриотически-ориентированными темами, в названиях которых фигурировало сочетание «Советская Родина»[9]. В 1974 г. ректор Московской духовной академии сообщал, что процесс подготовки священнослужителей обязательно предполагает воспитание «советского патриотизма, гражданственности и чувства долга перед народом, государством, Родиной»[10].

Советский патриотизм оказался той ценностью, исповедание которой давало чувство уверенности и при позиционировании РПЦ ее представителями на международной арене. В воспоминаниях Н.С. Людоговского – участника первого паломничества группы советских граждан на Ближний Восток (1964 г.) – есть интересный сюжет, связанный с посещением православной школы в Сирии. Местная молодежь стала расспрашивать членов советской делегации о церковно-государственных отношениях и положении верующих в СССР. Откровенно ответить на эти вопросы в присутствии

5 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 5. Д. 476. Л. 153.

6 Типичная выдержка из такого рода проповеди (1969 г.): «День Победы над фашизмом отмечает всё прогрессивное человечество, христианский мир. Мы молим Бога, чтобы послал нам мир и спокойствие между народами, избавил от новой войны, которую несет народам США, а для этого надо крепить мощь нашей страны и стран социалистического лагеря» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 476. Л. 156а).

7 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 1305. Л. 114.

8 Там же. Д. 476. Л. 15г.

9 В информационном отчете СДР за 1974 г. называются следующие темы: «Истинный патриотизм как естественная потребность нашего сердца», «Священный характер воинского долга и самоотверженного труда на благо своего народа и государства», «Воспитание паствы в духе любви к Родине, советского патриотизма, добросовестного отношения к труду на благо Отчизны», «Что такое Советская Родина, Советский гражданин» и т. п. (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 1305. Л. 56).

10 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 1305. Л. 56.

корреспондентов было сложно, так как в Советском Союзе продолжалась хрущевская антирелигиозная кампания. Однако глава делегации архимандрит Ювеналий (Поярков) сумел обойти острые углы, указав на то, что у православных христиан и неверующих граждан одна Родина, заботу о которой они воспринимают как священный долг. Эта забота объединяет всех советских людей и дает им общие жизненные смыслы независимо от их отношения к религии [*Людоговский*, 2008, с. 55].

Другим направлением общественной деятельности и риторики, которое «оправдывало» существование церкви в новом социалистическом обществе, стала борьба за мир. В 1950 г. в «Журнале Московской Патриархии» появился объемный раздел «В защиту мира», призванный отразить солидарность православного сообщества с государством в его международных инициативах. Тема мира – одна из центральных в епископских посланиях и церковных проповедях с начала холодной войны и до конца советского периода. Исследователями указывалось, что вовлечение РПЦ в соответствующее международное движение было одним из условий терпимости со стороны государства [*Беглов,* 2018]. С другой стороны, оно соответствовало духовным запросам подавляющего большинства граждан, переживших ужасы войны. Например, оглашение в 1951 г. в церквях обращения патриарха Алексия по поводу проведения сбора подписей под обращением Всемирного Совета Мира привело к настоящему аншлагу. «Где на обычных службах присутствовали десятки верующих, в эти дни даже в сельских церквях присутствовало от 200 до 400 человек. Обращение Патриарха слушалось верующими с напряженным вниманием», – писал по этому поводу представитель СДРПЦ[11]. Как журнальные публикации церковных авторов, так и публичные выступления архиереев выражали идею необходимости тесного государственно-церковного сотрудничества в борьбе за мир. Например, епископ Курский Иннокентий, выступая в 1958 г. во время рождественской проповеди и подчеркивая важные заслуги советской власти в борьбе за мир, в то же время указал, что в этих устремлениях (по сути, христианских) она нуждается в помощи церкви и верующих. «Мир – результат нравственного самоусовершенствования людей, усвоения ими истинно-христианского образа жизни», – говорил владыка[12]. Идею мира как фундаментальную и для христианства, и для советской цивилизации представители РПЦ транслировали регулярно и в последующие десятилетия, что импонировало прихожанам и одновременно использовалось советским правительством во внешней политике [*Белякова, Пивоваров*, 2018]. Кроме того, борьба за мир стала основанием для участия представителей РПЦ в крупных международных межрелигиозных мероприятиях с начала 1950-х до конца 1980-х годов [*Мельник*, 2022, с. 42–45].

Третьей декларируемой РПЦ точкой совпадения устремлений верующих и советской власти стало построение справедливого общественного порядка. Если ценности патриотизма всегда были близки православной церкви и в послевоенный период были просто подкорректированы в духе советского патриотизма, а участие в движении за мир отвечало духу христианства вообще, то идея активных социальных преобразований как фундаментального блага

11 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 839. Л. 133.

12 Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 5027. Оп. 5. Д. 16. Л. 13.

стала для РПЦ, в общем-то, новой. С конца 1940-х годов она аккуратно проводится авторами «Журнала Московской патриархии». Например, в 1948 г. знаменитый архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (Войно-Ясенецкий) призывал верующих увидеть «всё то доброе, полное великой социальной правды, что дал нам новый социалистический строй» [*Лука, архиепископ*, 1948, с. 62]. Один из самых авторитетных архиереев РПЦ митрополит Ленинградский Григорий (Чуков) в 1954 г. писал о готовности верующих принять многие положения марксизма, который называл «в высшей степени привлекательным социально-экономическим учением», по непонятным причинам соединенным с атеизмом [*Шлихта*, 2012, с. 91].

Маркером новой социальной позиции церкви стало представление Октябрьской революции 1917 г. как события, открывшего дорогу соответствующим евангельским заповедям преобразованиям. В 1957 г., то есть в годовщину 40-летия революции, «Журнал Московской Патриархии» в редакционной статье указал на приоритет русского православия в поисках отношений к новому социалистическому миру: «Русский народ первым вошел в очистительное пламя революции, Русская православная церковь первой из всех церквей мира должна была понять совершающийся исторический процесс» [Сорок лет… 1957, с. 37]. Еще более однозначными стали церковные оценки революции во время подготовки и празднования ее следующего юбилея. Например, в Послании Патриарха Алексия в связи с 50-летием Октября говорилось, что революция претворила в действительность мечты многих поколений людей, вернула народу все природные богатства страны, «изменила самую сущность человеческих отношений», сделав граждан равными друг другу и исключив из общества «любую возможность вражды между людьми»[13]. В документе также указывалось, что революционные начинания, созвучные евангельским идеалам, находят «всё большее понимание и поддержку со стороны широких кругов верующих людей»[14].

Комментируя послание патриарха, влиятельный митрополит Ярославский Иоанн (Вендланд) писал: «Мы, верующие, хотим быть не только лояльными по отношению к советской власти, а желаем вообще не отделять себя от советской власти, советской общественности, советских идеалов». Характеризуя себя как глубоко набожного человека, он в то же время добавлял, что не мыслит себя вне коммунистического строя. Заявляя о совпадении большинства ценностей православия и коммунизма, митрополит утверждал, что если КПСС разрешит своим членам быть верующими людьми, а верующим людям быть членами КПСС, «то от этого дело коммунизма только укрепится и выиграет»[15]. Харьковский епископ Феодосий во время приуроченной к юбилею проповеди говорил о полном согласии государства и церкви, которое зиждется на общих целях, «отвечающих чаяниям народов». «Создавая самое гуманное, самое справедливое общество, – проповедовал архиерей, – мы тем самым осуществляем заветы, о которых мечтали христиане на протяжении веков»[16]. Аналогичные комментарии, связанные с положительной

13 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 6.
14 Там же.
15 Там же. Л. 39.
16 Там же. Л. 18.

оценкой наследия Октябрьской революции, дали многие православные предстоятели, что подчеркивается в аналитическом отчете СДР за 1967 г.[17] Во время празднования юбилея по всей стране состоялись торжественные богослужения и проповеди, где говорилось про «50 героических лет», а также многолюдные благодарственные моления о даровании Советскому Союзу и его правительству «благоденственного и мирного жития»[18]. Традиция отмечать годовщины революции закрепилась в церковной жизни, даже в конце 1980-х годов к соответствующим датам приурочивались важные церковные мероприятия[19].

Судя по источникам, в 1960–1970-е годы тезис о совпадении евангельских и коммунистических социальных идей стал обычной составляющей риторики представителей РПЦ. Так, известный богослов Н. Заболотский в 1967 г. писал, что в результате социалистических преобразований СССР выработал поистине нравственный порядок жизни, а это делает новый мир близким христианину, побуждает его трудиться на благо этого мира [*Заболотский*, 1967]. Выступая на конференции в Будапеште в сентябре 1969 г., протоирей П. Соколовский заявил, что в деле построения «наиболее справедливого общества» верующие в СССР не имеют мнения другого, чем их секулярные сограждане – марксисты; патриарх Пимен, отвечая на вопросы итальянских корреспондентов вскоре после своего избрания в 1971 г., утверждал, что поставленная социалистическим обществом цель создания наиболее благоприятных условий для жизни и развития каждого его члена «весьма близка евангельским идеалам» [*Курочкин*, 1977, с. 29–30].

В 1970-е годы и советские функционеры, и советская социология, и религия были вынуждены констатировать «коммунистическую трансформацию» православия как свершившийся факт. Представители СДР увидели результаты этой трансформации в выступлениях и решениях знаменитого Поместного собора РПЦ в 1971 г., отмеченных «патриотизмом и интернационализмом», а также поддержкой внутренней и внешней политики правительства СССР[20]. В 1972 г. (через несколько месяцев после окончания Собора) составители информационного отчета для ЦК КПСС писали, что это событие имело «решающее значение для углубления лояльности и патриотизма не только церковной верхушки, епископата, но и всего духовенства»[21]. В 1977 г. на «коммунистический сдвиг» обратил внимание известный религиовед П.К. Курочкин. Он отметил, что соответствующая идейная трансформация стала совершенно новым явлением религиозно-церковной жизни, «одним из шагов на пути эволюции религии в условиях социалистического общества» [*Курочкин*, 1977, с. 19]. В отличие от популярного на Западе христианского социализма «коммунистическое» православие в СССР громко заявляло о неприятии капитализма и поддержке социалистических общественных отношений, в том числе борьбы за интенсивное социалистическое строительство. Основными декларируемыми принципами общественного бытия стали мирное сосуществование, свобода, равенство и братство народов, социальная

17 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 10.
18 Там же. Л. 8.
19 Там же. Оп. 6. Д. 3673. Л. 26.
20 Там же. Оп. 5. Д. 801. Л. 31.
21 Там же. Д. 965. Л. 4.

справедливость и прогресс, уважение человеческой личности с параллельной критикой пороков капиталистического строя. Отождествление общественного блага (в его земном измерении) с коммунистическими идеалами стало настолько привычным для церковных иерархов, что даже в разгар перестройки патриарх Пимен, приветствуя в письмах советскому руководству новую политику в отношении к РПЦ, называл ее не возвращением к традиционным ценностям, а воплощением «ленинских норм»[22].

«Единственным» противоречием между церковью и партийно-государственным аппаратом в СССР оставался важнейший для любого сообщества верующих вопрос – о Боге. Естественно, здесь церковь не могла перейти на позиции советской власти, не переставая быть самой собой. Некоторые иерархи пытались рассуждать об атеизме как некоем историческом недоразумении, вкравшемся в закономерный и прогрессивный процесс строительства светлого будущего. Так делали, например, уже упоминавшиеся митрополиты Ленинградский Григорий (Чуков) и Ярославский Иоанн (Вендланд). Большинство же старалось не поднимать этот фундаментальный, но неразрешимый вопрос, в публичной риторике сосредотачиваясь на общих целях верующих и неверующих строителей коммунизма.

По всей видимости, просоветская позиция церковного руководства в значительной мере являлась формой мимикрии, необходимой для сохранения церковной жизни в атеистически ориентированном государстве. Уже в 1950-е годы зарубежные православные издания называли «коммунистическую» риторику РПЦ «тяжелой повинностью», которую она платит за возможность существования [Церковь в Советской России, 1954]. Не факт, что, высказывая идеи о созвучии православных и советских идеалов, видные представители РПЦ действительно в них верили. Однако жизнеспособность церкви в советском обществе в большей степени зависела от того, насколько этими идеями сумеют проникнуться те, кто ежедневно взаимодействовал с верующими, то есть рядовые клирики.

Рядовые клирики и коммунистические идеи

В опубликованных воспоминаниях М. Захарчук, прожившей тридцать лет в качестве матушки в одном из сел Белгородской области, есть очень интересный эпизод об обсуждении православных клириков студентами ЛГУ в 1980 г. Когда автор мемуаров (студентка факультета журналистики) призналась, что вышла замуж за священника, ее спросили: «А правда ли, что все попы – коммунисты?» [*Захарчук*, 2014, с. 107]. Трудно поверить, что старшекурсники гуманитарного факультета в Ленинграде не осознавали теоретической несовместимости коммунизма и религии. Скорее, этот вопрос (возможно, слегка иронический) опирался на сложившиеся представления о практическом сходстве каких-то черт жизни/риторики членов КПСС и РПЦ. Действительно, источники позднесоветского периода дают основания говорить о таковых.

В 1950-е годы Совет по делам РПЦ начал регулярно фиксировать использование православными священниками идей о совпадении коммунистических и православных идеалов. Если архиереи старались обращаться с такими идеями аккуратно, то рядовые

22 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 3673. Л. 71.

клирики порой «рубили с плеча», заявляя о полном совпадении целей государства и церкви. Так, в 1959 г. представитель СДРПЦ указывал в своем докладе, что во время бесед с верующими они, приветствуя проводимые партией и правительством мероприятия, стараются внушить, «что между идеями коммунизма и религии нет никакой разницы, что вся деятельность церкви и духовенства направлена на успешное построение коммунизма»[23]. Церковь в таких случаях представлялась и главным проводником политики в борьбе за мир. От приходского батюшки, например, можно было услышать, что тот, кто не ходит в церковь, выступает «против дела мира, а значит, и политики Советской власти»[24]. А тема выступления перед прихожанами «О борьбе за мир и заботах нашего правительства о благе народа» оказалась одной из наиболее распространенных тем проповедей в 1960-е годы[25].

В аналитических материалах СДРПЦ-СДР можно встретить большое количество примеров практической ориентации клириков на советские ценности (за исключением атеизма). Так, здесь можно найти характеристику сельского батюшки, оформлявшего агитационные плакаты с коммунистическими лозунгами[26]; прочитать про священника, выражающего радость по поводу пионерских галстуков на собственных детях[27]; встретить немало упоминаний о клириках, ратующих за ударное выполнение планов по развитию социалистического хозяйства и организующих «трудовые подъемы» масс[28].

Одной из задач образованного в 1965 г. Совета по делам религий стал мониторинг содержания проповедей, читавшихся в приходских храмах. К 1967 г. проповедническая деятельность духовенства рассматривалась по меньшей мере в 50 отчетах местных уполномоченных СДР[29], и уже тогда стало ясно, что многие клирики стараются во время выступлений перед верующими показать совместимость религии и коммунизма, а также большую роль евангельских истин и христианской нравственности в утверждении новых общественных отношений и воспитании человека нового типа[30]. В качестве характерной представитель СДР приводит цитату священника кафедрального собора города Калинин Б. Осташевского, который во время проповеди учил, что моральный кодекс строителя коммунизма «признан святой православной церковью как заслуживающий полного одобрения и поддержки»[31]. В другой проповеди он же говорил о том, что коммунистические принципы гуманного отношения друг к другу являются в то же время и христианскими, а СССР, благодаря революции, исключил возможность вражды между людьми разного национального или социального происхождения[32].

Некоторые клирики в проповедях стремились доказать, что строительство коммунизма в СССР – это исполнение божественных предначертаний. «Любовь Бога к людям, – проповедовал

23 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1826. Л. 6.
24 Там же. Ф. А-561. Оп.1. Д. 406. Л. 58.
25 Там же. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 476. Л.153.
26 Там же. Оп. 1. Д. 839. Л. 143.
27 Там же. Д. 1826. Л. 9.
28 См., напр.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1826. Л. 8–9; Оп. 5. Д. 801. Л. 113.
29 Там же. Оп. 5. Д. 152. Л. 31.
30 Там же. Л. 14.
31 Там же. Л. 17.
32 Там же. Л. 21.

в 1967 г. настоятель церкви в Вышнем Волочке, – проявляется в человеческих действиях, направленных на более полное удовлетворение духовных и материальных потребностей людей, на создание более справедливых условий жизни на Земле»[33]. Указывая на созвучие идеалов коммунизма евангельским заповедям, многие священнослужители ссылались на цитату из советской Конституции «кто не трудится, тот не ест», которые почти дословно повторяли слова апостола Павла[34].

Порой отождествление православных и советских норм у простых клириков приобретало гротескные очертания. Например, один из священников Оренбургской области в 1969 г. во время проповеди задался вопросом: «Что значит православие?». Затем он дал следующий ответ на свой вопрос: «Основанием нашего православия служит Конституция – основной Закон СССР… Православие за собой может чувствовать только тот, кто выполняет свои гражданские обязанности по закону Советской власти». Впрочем, в этом случае среди прихожан нашлись недовольные (названные в информационном отчете СДР «фанатиками»), которые обвинили священника в том, что он проповедует «вместо Христа Ленина»[35].

Резюмируя обзор содержания церковных проповедей в 1967 г., составители соответствующей аналитической справки из СДР констатировали, что «довольно значительная» часть священнослужителей «искренне стала считать идеалы коммунизма своими собственными идеалами»[36]. Аналогичное суждение представлено и в информационном отчете СДР за 1974 г. Здесь говорится о стремлении клириков совместить коммунистическую и религиозную нравственность в сознании верующих в «единое и неделимое целое», об использовании ими примеров из жизни коммунистов в качестве иллюстрации выполнения библейских заповедей[37].

Надо сказать, что и подготовка священнослужителей в позднесоветский период способствовала «коммунистической» трансформации если не в сознании, то в модели взаимодействия с прихожанами. В духовных заведениях кроме предусмотренных программой курсов для будущих пастырей проводилась масса дополнительных культурно-просветительных мероприятий, включая лекции про Ленина и коммунистическую мораль[38]. Как и в светских образовательных учреждениях, в семинариях организовывались собрания для политинформации, лекции-беседы «У карты мира» и «У карты Родины», показы советских фильмов и киножурналов. Кроме того, для формирования «советского патриотизма» здесь практиковался ежедневный совместный просмотр вечерней программы «Время»[39].

Еще в 1950 г. (до того как такие явления стали нормой) известное

33 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 17.
34 Там же. Л. 39.
35 Там же. Д. 476. Л. 155.
36 Там же. Д. 152. Л. 40.
37 Там же. Д. 1305. Л. 114.
38 Например, в Одесской духовной семинарии при содействии местного уполномоченного Совета по делам религий в 1974 г. были прочитаны лекции «Успехи КПСС и Советского правительства в борьбе за существование Программы мира, выработанной XXIV съездом партии», «В.И. Ленин и культурная революция», «Коммунистическая мораль об отношении к труду и социалистической собственности», «Воспитание нового человека – важнейшая задача коммунистического строительства», «Ленинское учение о коммунистической морали и основных принципах нравственного воспитания», «Единство партии и народа – ключ всех побед коммунистического строительства», «Внутренняя и внешняя политика КПСС – выражение насущных интересов народа» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 1305. Л. 56).
39 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 1305. Л. 57.

эмигрантское издание констатировало, что церковь в СССР начинает жить «религиозным патриотизмом с привнесением в него соблазна специфически коммунистического империализма» [О жизни Русской Церкви, 1950, с. 22]. При этом соответствующая позиция клириков вызывала осуждение у зарубежных наблюдателей как приспособленческая. В 1960–1970-е годы такая оценка вряд ли была бы справедливой. Многочисленные свидетельства СДРПЦ и СДР о просоветских поступках и речах клириков говорят о том, что формирование в советском социуме действительно сделало многих батюшек сторонниками советского строя, а вопрос студентов ЛГУ сокурснице относительно «коммунизма у попов» был не настолько нелепым, как теперь кажется. Если не к коммунистическим, то к социалистическим идеям большинство клириков в позднесоветский период относилось вполне лояльно: это регулярно подчеркивалось наблюдателями в документах с грифом «для служебного пользования»[40]. Разумеется, это не означало отсутствия в церковной среде оппозиции – о ней говорится в тех же источниках. Например, в июле 1971 г. в ряде регионов страны стало распространяться анонимное письмо с названием «Вокруг деяний Поместного собора РПЦ», в котором не назвавшие себя члены «Комитета восстановления прав церкви» критиковали руководство РПЦ за соглашательство и декларировали намерение создать в СССР «параллельную» церковь[41]. В начале того же года в адрес Московской Патриархии поступил развернутый машинописный текст от группы верующих во главе со священником Н. Гайновым, в котором архиереи РПЦ критиковались за просоветские взгляды. «Православный христианин, – говорилось в тексте, – не может связывать … с коммунистическим идеалом … никаких религиозных чаяний»[42]. Однако такого рода явления воспринимались в 1970-е годы как эксцессы. О священниках, скептически настроенных по отношению к советским ценностям, представители СДР говорили как о меньшинстве, лояльном политически, но не идеологически. Впрочем, и этой категории, по утверждению тех же функционеров, довольно часто приходилось подстраиваться и принимать социализм, но не из-за страха, а потому что «за социализмом идут верующие»[43].

Рядовые верующие и советский патриотизм

Чтобы приблизиться к пониманию духовных запросов рядовых посетителей православных храмов в послевоенном (и особенно позднем) СССР, надо учитывать, что на протяжении предшествующих десятилетий партийными и государственными структурами проводилась системная работа по «воспитанию» граждан. Во время войны и, тем более, в последующий период во взрослую жизнь вступили поколения, сформировавшиеся при советской власти, получившие советское образование и воспринимавшие строительство социализма/коммунизма как фундаментальную миссию своей страны. Нельзя было сбрасывать со счетов и достижения (социально-экономические, военно-политические, культурные, научные), которые давали основания

40 См., напр.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 40; Д. 965. Л.177–194; Д. 1305. Л. 112–114 и т. д.
41 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 801. Л. 37.
42 Там же. Л. 38.
43 Там же. Оп. 5. Д. 152. Л. 40.

для патриотизма. Несомненно, бóльшая часть населения СССР (по крайней мере, в его культурном ядре, совпадавшем с территорией исторического распространения православия) в послевоенный период имела более-менее сформировавшуюся советскую идентичность. При этом от элементов конфессионального сознания, привитого в рамках семьи, отказаться было непросто, что показал церковный ренессанс 1940-х гг. Собственно, именно в это время стали заметны попытки православно-ориентированных граждан каким-то образом соединить религиозные и советские ценности. В письме И. Сталину первый председатель СДРПЦ Г. Карпов в 1945 г. отмечал, что посетители его инстанции, приезжавшие из разных регионов за разрешением на восстановление приходов, часто соединяли в своих заявлениях советско-патриотическую и православную риторику: храмы необходимы для того, чтобы молиться за тех, кто погиб на войне, выполняя свой долг перед советской Родиной[44].

В 1950-е годы местные уполномоченные СДРПЦ часто замечали, что верующие рассматривают церковь как важную опору советского строя, при этом цитируя наивные заявления: «Церковь борется за мир и за наше правительство» (1952 г.)[45], «Советская власть дружит с патриархом, вокруг него даже милицию выставляют, чтобы никто не помешал» (1956 г.)[46], и т. д. Храмы порой представлялись гражданами местами, где можно узнать новости и получить те или иные социально важные установки[47].

Причудливые сочетания «советского» и «православного» в сознании многих советских граждан всё чаще ставили в тупик борцов с религией, привыкших противопоставлять две формы мировоззрения. В 1961 г. известный атеист И.А. Крывелев вынужден был отметить, что противоречие между религией и ценностями «нового мира» потеряло былую остроту из-за формирования у верующих просоветских взглядов [*Крывелев,* 1961]. Во время хрущевской антирелигиозной кампании, когда была поставлена задача разобраться в причинах крепости религиозных «пережитков» и составить «карту религиозности» в СССР [*Смолкин*, 2021, с. 317], советские авторы, а вслед за ними и партийные лидеры убедились, что новые формы мировоззрения не столько вытесняли, сколько дополняли старые. Например, в одном из партийных докладов было с возмущением сказано, что в домах верующих нередко можно встретить мирно соседствующие молитвенник и Программу компартии[48]. А глава идеологической комиссии при ЦК КПСС Л. Ильичев, выступая на собрании в 1963 г., заявил, что многие граждане СССР считают коммунизм воплощением христианских идеалов[49].

Ильичев отнюдь не преувеличивал. Среди материалов Института научного атеизма (ИНА) можно найти немало доказательств соединения православно-ориентированными гражданами

44 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.
45 ГАКО. Ф. 5027. Оп. 5. Д. 3. Л. 37.
46 Там же. Д. 10. Л. 88.
47 В этом смысле примечателен случай, произошедший в 1951 г. в Ижевске. Как отмечает местный уполномоченный Совета по делам РПЦ, агитатор парторганизации Совета Министров Удмуртской АССР зашел в один из городских домов с тем, чтобы рассказать жильцам о деятельности Всемирного Совета Мира. Однако он понял, что жильцы в курсе. Поинтересовавшись, откуда они знают новости про Совет, агитатор получил ответ: «Надо чаще ходить в церковь, тогда всё будешь знать» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 839. Л. 142).
48 Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 33. Д. 215. Л. 145.
49 Там же. Ф. 72. Оп.1. Д. 9. Л. 21–23.

идей и символов двух формально несочетаемых культур. Так, в ходе изучения особенностей религиозности населения Воронежа в 1968 г. сотрудники ИНА констатировали, что многие посетители пасхальных служб, «оправдываясь» за посещение храма, сравнивали Иисуса Христа с главным символом коммунистической культуры – Лениным. Вот некоторые цитаты: «Христос был справедливым человеком, как Ленин», «Христос был настоящим коммунистом», «Как Ленин за народ, так и Бог за народ», «Христос – что Ленин. Его нет, но его помнят», «Ленин был – верим. Так и Христос был – верим» и т. п.[50]

Упоминавшееся выше послание Патриарха в честь 50-летия Октября (1967 г.), судя по многочисленным донесениям с мест, было воспринято населением позитивно, при этом особенно людям импонировала готовность церкви говорить о вере в связи с реальной жизнью[51]. В 1969 г. СДР в ходе анализа содержания проповедей констатировал ту же тенденцию: верующие в большинстве своем хотели слышать от клириков практические рекомендации для жизни в советской действительности, фактически требуя синтеза православных и советских ценностей. В качестве примера в информационном обзоре приводится заявление прихожанки Путинцевой из Черниговской области, которая утверждала, что «… человека прежде всего надо поучать, чтобы он трудился, любил свою Родину, был патриотом нашей страны, а не призывать нас жить так, как жили святые. Они же только и знали, что постились и молились, но не трудились»[52]. В аналогичном обзоре СДР за 1971 г. рассказывается о большой популярности у жителей Черкасской области священника, гордившегося полученным за прокоммунистическую деятельность прозвищем «советского попа»[53].

Еще одним свидетельством практического сочетания ценностей советского мира и конфессиональных устоев стала популярность православных богослужений во время советских праздников. Богослужения, приуроченные к 1 января, 1 мая, 9 мая, 7 ноября, 5 декабря оказывались неординарными: несмотря на их будничность с точки зрения церковного календаря, в церквях собиралось людей больше, чем обычно[54]. По свидетельствам клириков, прихожан привлекала патриотическая тематика сопутствующих этим богослужениям проповедей[55].

Обобщая особенности культуры верующих СССР в информационном отчете для ЦК КПСС в 1973 г., представители СДР опять же отмечали ее «советскую» трансформацию. В частности, отмечалась требовательность прихожан к идейной ориентации священника, который теперь должен был доказать верующим свою лояльность по отношению к Советскому государству, зарекомендовать себя патриотом. «Без этого священник, – говорилось в отчете, – не будет принят верующими как свой, хороший батюшка»[56].

Не было ли в выводах СДР преувеличения? Возможно, они несколько

50 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 154. Л. 69.

51 Там же. Оп. 5. Д. 152. Л. 8–18.

52 Там же. Д. 476. Л. 153.

53 В документе говорится о том, что священник, позиционировавший себя как «участник предсъездовского трудового подъема масс» и бесплатно выходивший с женой работать в колхозное поле, считался главным «наставником» в своем селе и был уважаем как собственными прихожанами, так и не посещавшими церковь людьми. После увольнения из прихода в его защиту посыпались заявления с тысячами подписей (см.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 801. Л. 113).

54 Там же. Д. 476. Л. 155д.

55 Там же. Л. 155е.

56 Там же. Д. 1176. Л. 47.

«лакировали» действительность, однако сам факт «коммунистического» сдвига в сознании верующих сомнений не вызывает: о нем свидетельствуют современные полевые исследования.

«Советская ностальгия» у православных в постсоветский период

В своей знаменитой монографии о жизни последнего советского поколения А. Юрчак пишет о «постсоветской ностальгии» у многих проинтервьюированных им гражданах «новой» России. В основе этой ностальгии – тоска по отчасти утерянным, но важным смыслам, которые были присущи жизни множества советских людей. К ним исследователь относит уважение к образованию и труду, дружбу, относительную неважность материальных благ, заботу о будущем страны, равенство, бескорыстие [*Юрчак*, 2021, с. 45]. Удивительно, однако такого рода ностальгия (ее можно назвать и «советской») присуща и многим современным православным верующим, чье личностное становление пришлось на позднесоветский период.

В 2021–2022 гг. автором статьи и его коллегами было проведено специальное анкетирование, направленное на выявление отношения православно-ориентированных граждан старшего возраста к советским ценностям. Условием участия в анкетировании была вовлеченность (хотя бы символическая) опрашиваемых в приходскую жизнь в позднесоветский период и на современном этапе. В 2021 г. им было предложено заполнить анкету на тему «Православные традиции в СССР», среди прочего включавшую вопросы о возможности верующих доверять советской власти, а также совмещения веры в Бога и в наступление коммунизма (такую анкету заполнили 144 человека в возрасте от 52 до 88 лет)[57]. В 2022 г. было организовано анкетирование на тему «Влияние православных традиций на уклад жизни граждан СССР в позднесоветский период», в ходе которого был задан вопрос о соответствии реалий советской жизни православным ценностям (эту анкету заполнили 58 человек в возрасте от 48 до 82 лет).

Главным выводом, который был сделан по итогам двух «раундов» полевых исследований, явилось отсутствие явного противопоставления советской и православной культуры большинством опрошенных. В 2021 г. 65% заполнивших анкеты утвердительно ответили на вопрос о том, можно ли было доверять советской власти и при этом посещать православный храм. Основным аргументом при этом стало указание на разные миссии советского государства и церкви: первое, согласно высказанным мнениям, должно было обеспечить условия для справедливо устроенной жизни, а вторая была призвана помочь людям в поддержании душевных сил. Характерные цитаты из анкет: «Да, можно… Так делала моя мама. Она была кавалером ордена Трудовой Славы и при этом глубоко верующим человеком. Ей вера дала сил вырастить детей после войны, так как мой папа погиб на фронте»[58]; «Можно, была бесплатной

57 Подробнее об обстоятельствах анкетирования, а также содержании анкеты см.: Апанасенок А.В., Пудякова И.С. Проблема совмещения советской и православной идентичности гражданами СССР в зеркале воспоминаний жителей провинциальной России // Провинциальные научные записки. 2021, №2. С. 12-18 (в публикации охарактеризованы промежуточные, то есть неполные результаты анкетирования)

58 Анкета Е.С. Каменевой, 1936 г.р. /Архив проекта «Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940-е – 1980-е гг.». Полевые материалы 2021 г. (анкетирование) (АП СИПР, 2021).

медицина, обучение, давали квартиры работающим»[59]; «Конечно, можно было доверять, ведь всё делалось для человека… Мы служили власти и тайно верили в Бога»[60].

Значительная часть (53%) опрошенных дала положительный ответ на вопрос о том, возможно ли было верить в Бога, но одновременно с этим надеяться на построение коммунизма. Тексты анкет дают основания говорить о том, что коммунизм нередко виделся земным воплощением православных идеалов. «Коммунисты хотели, чтобы по справедливости всё было устроено. Как в Писании. Только они в Бога не верили. Хотя некоторые верили. И мы верили»[61]; «Я думаю, что коммунизм не отвергает веру в Бога, потому что коммунизм призывает людей делиться тем, что есть, с другими»[62]. Такого рода мысли, в принципе созвучные охарактеризованной выше церковной риторике 1950–1970-х годов, представлены в разной форме во множестве анкет.

На вопрос «Можно ли считать, что советский уклад жизни в чем-то воплощал православные ценности?» в 2022 г. утвердительно ответили подавляющее большинство опрошенных – 84% (некоторые поставили восклицательный знак после «да»). Небольшая часть (15%) затруднились с ответом и лишь один человек написал «нет». Поясняя свою позицию, большинство указали на соответствие православным идеалам тех качеств, которые пыталась воспитать в гражданах СССР советская власть. «Провозглашаемые на государственном уровне ценности соответствовали библейским заповедям»[63]; «Да, одновременно с гонениями на Церковь воспитывались христианские идеалы: скромность, смирение, любовь к ближнему»[64]; «В советское время воспитание совпадало с христианскими заповедями, которые отражались в таких понятиях, как помощь ближнему, почитание старших, ответственность»[65], – характерные выдержки из анкет. Опрошенные вспоминают моральный кодекс строителя коммунизма как вытекающий из христианских ценностей, преподававшуюся в школе «нравственную» литературу (в том числе писателей-коммунистов, таких как Аркадий Гайдар), христианскую, по сути, скромность питания, осуждение потребительства и т. д.

Наверняка трансляция светлых образов культуры СССР пожилыми верующими отчасти связана с ностальгией по молодости и стремлением хранить в памяти прежде всего что-то хорошее. В то же время нельзя не видеть, что охарактеризованные выше суждения гармонично укладываются в церковный дискурс позднесоветского периода, ориентированный на максимально возможное согласование элементов православного и коммунистического мировоззрения.

Большинство опрошенных так или иначе признают парадокс совмещения православных ценностей и атеизма в рамках советского общества, однако не пытаются это явление объяснить. В некоторых случаях сквозь строки сквозит убежденность, что ввиду человеческого несовершенства невозможно привести все элементы мировоззрения к общему знаменателю. Бывший

59 Анкета Т.Н. Уваровой, 1943 г.р. / АП СИПР, 2021.
60 Анкета Юрия П.И., 1942 г.р. / АП СИПР, 2021.
61 Анкета Л.Т. Ворошиловой, 1941 г. р. / АП СИПР, 2021.
62 Анкета В.А. Кореневой, 1965 г. р. / АП СИПР, 2021.
63 Анкета С.А. Кононовой, 1960 г. р. / АП СИПР, 2022.
64 Анкета Г.И. Логачевой, 1968 г. р. / АП СИПР, 2022.
65 Анкета В.Д. Изварина, 1958 г. р. / АП СИПР, 2022.

офицер – член КПСС, не вписавший в анкету свою фамилию, но развернуто ответивший на все вопросы, так выразил эту мысль: «Я, как и все коммунисты, был атеистом. Проводя занятия с военнослужащими, я убеждал их тоже быть атеистами, но в душе я верил в Бога, иногда ходил в церковь. Тайно»[66].

Заключение

Итак, приведенные факты дают возможность говорить о масштабной трансформации, которую пережила неписаная социальная доктрина РПЦ, а вместе с ней и сознание православно-ориентированных граждан СССР в эпоху развитого социализма. Эта трансформация обусловила не только политическую, но и в значительной степени идеологическую лояльность верующих советскому строю. Фактически начало ей положил «сталинский конкордат», а фактом жизни церкви как сообщества верующих она стала в позднесоветский период. В процессе интеграции в советскую реальность церковь сформировала поле общих ценностей с государством и КПСС, главными из которых стали советский патриотизм, борьба за мир, социальная справедливость и социальный прогресс. В 1950–1980-е годы они неизменно провозглашались в официальных выступлениях, проповедях, публикациях представителей церкви. При этом последние старались по возможности не затрагивать самого главного, но неразрешимого в советских реалиях противоречия относительно нужности самой религии.

Лояльность РПЦ как института по отношению к советской власти в послевоенный период – известный факт. Однако неправильно видеть в этом факте лишь стремление приспособиться. «Коммунистическая» риторика, подвергавшаяся резкой (и не вполне справедливой) критике православными кругами на Западе, определялась не только стремлением церкви обеспечить себе сносное существование в Советском государстве. Разумеется, просоветские выступления и публикации высокопоставленных представителей РПЦ были неотъемлемыми элементами стратегии выживания. Но, вне зависимости от мотивации авторов, они серьезно влияли на рядовых клириков, формируя положительные установки в отношении советской реальности. В позднесоветский период большинство священников принадлежали к поколениям, прошедшим социализацию уже в советский период, поэтому стремление к внутреннему согласованию православной и советской культур было для них вполне естественно. Результатом такого согласования нередко становилось отождествление церковных и государственных задач, а также христианской и коммунистической морали.

Контуры «коммунистической» трансформации церкви оказались заданы и духовными запросами православно-ориентированных граждан, всё больше привыкавших считать себя советскими людьми и нередко искренне надеявшихся на коммунистическую перспективу. Значительная часть населения видела в социалистических преобразованиях практическое воплощение христианских ценностей, закрывая глаза на атеизм господствующей идеологии или рассматривая его как недоразумение, с существованием которого необходимо смириться. Миссия церкви при этом часто связывалась

66 Анкета Юрия П.И., 1942 г. р. / АП СИПР, 2021.

посетителями православных храмов с духовной поддержкой в новых социальных условиях и помощью государству в его благих начинаниях.

В заключение хочется подчеркнуть: исследование проблемы отношения клириков, рядовых верующих и сочувствовавших религии граждан СССР к советским реалиям явственно показывает неудовлетворительность модели черно-белого социализма, предполагающей рассмотрение прошлого православия через призму бинарных категорий «притеснение»/«сопротивление», «приспособленчество»/«нонконформизм». Многочисленные источники показывают, что делить граждан СССР на отказавшихся от религии и принявших советский образ жизни, с одной стороны, и оставшихся верными традиционной конфессиональной культуре противников коммунистических идей, с другой, – значит сильно упрощать историческую реальность. Общественный запрос на синтез традиционных конфессиональных и «социалистических» ценностей был и остается в отечественном социуме достаточно высоким.

Список литературы

Апанасенок А.В., Бубнов А.Ю. Православные практики в структуре повседневной жизни граждан СССР 1940-х – 1950-х гг. // Вопросы истории. – 2021. – № 12-3. – С. 204–214. – DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202112Statyi93.

Беглов А.Л. Международная деятельность Русской Православной Церкви в период «нового курса» в государственно-церковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11, № 4. – С. 104–129. – DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-104-129.

Белякова Н.А., Пивоваров Н.Ю. Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11, № 4. – С. 130–149. – DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-130-149.

Воробьева Н.В. Конструирование «советской» идентичности в автобиографиях омских архиереев // Омские научные чтения – 2019. Материалы Третьей Всероссийской научной конференции. – Омск : ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2019. – С. 962–963.

Заболотский Н. Русская православная церковь в новых социальных условиях // Журнал Московской патриархии. – 1967. – № 7. – С. 33–38.

Захарчук М. На поповских хлебах: Рассказы матушки. – Рязань : Зерна-Слово, – 2014. – 192 с.

Каиль М.В. Православие в России 1914–1964 годов: опыт изучения и общественная память в дискурсе репрессий и поиске альтернативных познавательных подходов // Новый исторический вестник. – 2021. – № 3 (69). – С. 74–86. – DOI: 10.54770/20729286_2021_3_74.

Крывелев И.А. Преодоление религиозно-бытовых пережитков у народов СССР // Советская этнография. – 1961. – № 4. – С. 30–44.

Курочкин П.К. Эволюция религии и церкви в социалистическом обществе // Вопросы научного атеизма. – Вып. 21. – Москва : Мысль, 1977. – С. 19–36.

Лизгунов Павел (иерей). «Журнал Московской Патриархии» как инструмент «примирения» православного и советского самосознания у верующих СССР в 1940-е –1980-е гг. // Церковный историк. – 2021. – № 2 (6). – С. 147–157.

Лука (архиепископ Крымский и Симферопольский). К миру призвал нас Господь // Журнал Московской патриархии. – 1948. – № 1. – С. 61–64.

Людоговский Н.С. Записки паломника. – Москва : Сатисъ, 2008. – 203 с.

Мельник С.В. Межрелигиозный диалог: типологизация, методология, формы реализации. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – 398 с.

О жизни Русской Церкви // Вестник русского студенческого христианского движения. – Париж, 1950. – № 1. – С. 19–24.

Поспеловский Д.В. Русская Православная церковь в XX веке. – Москва : Республика. – 511 с.

Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – 552 с.

Сорок лет возрожденного патриаршества // Журнал Московской Патриархии. – 1957. – № 12. – С. 36–45.

Такахаси С. Два типа религиозности времен позднего социализма: православные верующие Владимирской области // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 3–4 (30). – С. 328–348.

Худяков С.Н. О преодолении религиозных предрассудков. – Кишинев : Гос. изд-во Молдавии, 1951. – 32 с.

Церковь в Советской России // Вестник русского студенческого христианского движения. – Париж, Нью-Йорк, 1954. – № 1. – С. 21–26.

Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – Москва : Вече, 2010. – 478 с.

Шлихта Н.В. «Православный» и «советский»: к вопросу об идентичности верующих советских граждан (1940-е – начало 1970-х гг.) // Антропологический форум. – 2012. – № 23. – С. 82–107.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. 6-е изд. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – 661 с.

Siegelbaum L.H. Religion, Anti-Religion and Double Faith // Soviet State and Society between Revolutions, 1918–1929. – Cambridge : Cambridge University Press., 1992. – P. 156–165.

Stone A.B. “Overcoming Peasant Backwardness”: The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union // Russian Review. – 2008 – Vol. 67, no. 2. – P. 296–320.

Young G. Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village. – University Park : Pennsylvania State University Press, 1997. – 307 p.

Russian Experience

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.09

The "Communist" Transformation and the Phenomenon of Soviet Patriotism among Orthodox Believers in the Late USSR

Alexander V. APANASENOK
DSc (History), Leading Researcher, Department of History
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: apanasenok@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4650-3730

CITATION: Apanasenok A.V. (2022). The "Communist" Transformation and the Phenomenon of Soviet Patriotism among Orthodox Believers in the Late USSR // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 15, no. 5, pp. 163–184 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.09

Received: 15.09.2022.
Revised: 01.11.2022.

ABSTRACT. *The paper is devoted to the phenomenon of the "communist shift" in the mass Orthodox culture of the late USSR. The author analyzes the pro-Soviet rhetoric of the Russian Orthodox Church, as well as the peculiarities of the consciousness of ordinary believers which allowed the community of Orthodox-oriented citizens to remain part of the Soviet society in the cultural dimension. The paper shows that the Church made significant efforts to form a social concept consonant with the ideals of the communist party in the post-war period. The basis of this concept was Soviet patriotism, the struggle for peace, equality and fraternity of peoples, social justice and progress, respect for personality together with criticism of the vices of the capitalist system. In the 1950s and 1980s, the corresponding values were repeatedly proclaimed in official speeches, sermons, publications of the representatives of the Russian Orthodox Church. At the same time, they tried not to touch on the fundamentally insoluble in the Soviet realities contradiction between religious and atheistic worldviews.*

The "communist transformation" of the Church as a community of believers was not just a survival strategy. Socialization in the Soviet cultural environment led to the formation of a large stratum of the priests who sincerely shared the ideals of building a "new world", believed in the compatibility of religion and communism, as well as the great historical mission of the USSR. The Soviet patriotism of the clerics was also stimulated by the spiritual demands of the Orthodox-oriented citizens who were increasingly accustomed to consider themselves Soviet people. The work demonstrates that

a significant part of the population saw the practical embodiment of the Christian values in the socialist transformations, turning a blind eye to the atheism of the dominant ideology or viewing it as a misunderstanding, the existence of which must be reconciled. At the same time, the mission of the Church was often associated with spiritual support in new social conditions and assistance to the state in its good endeavors by adherents of Orthodox churches.

KEYWORDS: *Orthodoxy, the USSR, Soviet culture, public consciousness, communist values, patriotism, identity.*

References

Apanasenok A.V., Bubnov A.Y. (2021). Orthodox Practices in the structure of everyday life of the USSR citizens in 1940s – 1950s. *Voprosy istorii,* no. 12-3, pp. 204–214 (in Russian). DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202112Statyi93.

Beglov A.L. (2018). International Activity of the Russian Orthodox Church during the "New Deal" Between the State and the Church. Periodization and the Elements of Crisis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no. 4, pp. 104–129 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-104-129.

Belyakova N.A., Pivovarov N.Yu. (2018). Religious Diplomacy of the Soviet Unionduring the Cold War (the time of N.S. Khrushchev and L.I. Brezhnev). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no. 4, pp. 130–149 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-130-149.

Hudyakov S.N. (1951). *About overcoming religious prejudices.* Kishinev : State Publishing House of Moldova, 32 pp. (in Russian).

Kail' M.V. (2021). Orthodoxy in Russia 1914–1964: The Experience of Studying and Public Memory in the Discourse of Repression and the Search for Alternative Cognitive approaches. *Novyj istoricheskij vestnik*, no. 3 (69), pp. 74–86 (in Russian).

Kryvelev I.A. (1961). Overcoming religious and everyday survivals among the peoples of the USSR. *Sovetskaya Etnografiya*, no. 4, pp. 30–44 (in Russian).

Kurochkin P.K. (1977). Evolution of religion and the Church in a socialist society. *Voprosy nauchnogo ateizma*, issue 21. Moscow : Mysl', pp. 19–36 (in Russian).

Lizgunov Pavel (priest). (2021). The Journal of the Moscow Patriarchate as an Instrument of 'Reconciliation' of Orthodox and Soviet Identities Among Believers in the USSR in the 1940s–1980s". *Cerkovnyj istorik*, no. 2 (6), pp. 147–157 (in Russian).

Ludogovsky N.S. (2008). *Notes of a pilgrim*. Moscow : Satis, 203 pp. (in Russian).

Luka (archbishop of Crimea and Simferopol) (1948). The Lord has called us to peace. *Zhurnal Moskovskoj patriarhii*, no. 1, pp. 61–64 (in Russian).

Melnik S.V. (2022) *Interreligious dialogue: typologization, methodology, forms of implementation*. Moscow : INION RAN, 398 pp. (in Russian).

O zhizni russkoy tserkvi (1950). About the life of the Russian Church. *Vestnik russkogo studencheskogo hristianskogo dvizheniya,* Paris, no. 1, pp. 19–24 (in Russian).

Pospelovskij D.V. (1995). *The Russian Orthodox Church in the XX century*. Moscow : Respublika, 511 pp. (in Russian).

Shkarovskij M.V. (2010). *The Russian Orthodox Church in the XX century.* Moscow : Veche, 478 pp. (in Russian).

Shlihta N.V. (2012). "Orthodox" and "Soviet": on the question of the identity of believers of Soviet citizens (1940s-early 1970s)'. *Antropologicheskij forum,* no. 23, pp. 82–107 (in Russian).

Siegelbaum L.H. (1992). Religion, Anti-Religion and Double Faith // Soviet

State and Society between Revolutions, 1918–1929. Cambridge : Cambridge University Press, pp. 156–165.

Smolkin V. (2021). *A sacred space is never empty. A history of Soviet atheism*. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie, 552 pp. (in Russian).

Sorok let… (1957). Forty years of the revived Patriarchate. *Zhurnal Moskovskoj Patriarhii*, no. 12, pp. 36–45 (in Russian).

Stone A.B. (2008). "Overcoming Peasant Backwardness": The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union. *Russian Review*, vol. 67, no. 2, pp. 296–320.

Takahasi S. (2012). Two types of religiosity from the time of late Socialism: Orthodox believers of the Vladimir region. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 3–4 (30), pp. 328–348 (in Russian).

Tserkov' v Sovetskoy Rossii… (1954). The Church in Soviet Russia. *Vestnik russkogo studencheskogo hristianskogo dvizheniya*. Paris, New-York, no. 1, pp. 21–26 (in Russian).

Young G. (1997). *Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village*. University Park : Pennsylvania State University Press, 307 pp.

Yurchak A. (2021). *It was forever, until it was over. The last Soviet generation*. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie, 661 pp. (in Russian).

Vorob'eva N.V. (2019). Constructing the "Soviet" Identity in the Autobiographies of Omsk Bishops. *Omskie nauchnye chteniya – 2019. Materialy Tret'ej Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. Omsk : Omsk St. Univ. Publ., pp. 962–963 (in Russian).

Zabolotskij N. (1967). The Russian Orthodox Church in new social conditions. *Zhurnal Moskovskoj patriarhii*, no. 7, pp. 33–38 (in Russian).

Zakharchuk M. (2014). *On priestly bread: Mother's Stories*. Ryazan : Zerna-Slovo, 192 pp. (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.10

Патриотизм как ценностный ресурс в разработке корпоративной культуры российских компаний: оценка факторов, генезис понятий, тренды и тенденции развития

Никита Владимирович ГРИШАНИН
кандидат культурологии, старший научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418;
директор бакалаврской программы «РиСО», руководитель магистерской программы «Консалтинг и репутационный менеджмент в РиСО»
Северо-Западный институт управления РАНХиГС
Васильевский остров, Средний проспект В.О., д. 57/43, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199178
E-mail: grishanin-nv@ranepa.ru
ORCID: 0000-0001-8872-633X

Яков Владимирович МИНЕВИЧ
кандидат социологических наук, старший научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: jacob.minevich@rim-pn.ru
ORCID: 0009-0002-5951-4797

Татьяна Дмитриевна СОКОЛОВА
кандидат политических наук, доцент Школы коммуникаций факультета креативных индустрий
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000
E-mail: tdsokolova@hse.ru
ORCID: 0000-0002-2238-7539

Дмитрий Алексеевич ТИДЖИЕВ
ассистент кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна Высшей школы экономики и бизнеса
РЭУ им. Г.В. Плеханова
Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Российская Федерация, 117997
E-mail: Tidzhiev.DA@rea.ru
ORCID: 0009-0001-8287-1488

ЦИТИРОВАНИЕ: Гришанин Н.В., Миневич Я.В., Соколова Т.Д., Тиджиев Д.А. Патриотизм как ценностный ресурс в разработке корпоративной культуры российских компаний: оценка факторов, генезис понятий, тренды и тенденции развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 185–205.
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.10

Статья поступила в редакцию 01.12.2022.
Исправленный текст представлен 15.12.2022.

БЛАГОДАРНОСТЬ: Статья подготовлена в рамках проекта № 122102100001-6, который реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

АННОТАЦИЯ. *Корпоративные коммуникации существовали задолго до формирования теории маркетинга и управления. Еще в Риме отраслевые гильдии прописывали этические правила поведения между представителями разных профессий, что можно назвать протокорпоративными отношениями. В это же время начинается и формирование патриотизма как проявление героической любви к обществу, стране, семье, сюзерену и, в итоге, в XVII веке оформившейся в проявление любви и преданности к государству. До этого государственный патриотизм не пересекался с корпоративными коммуникациями и чаще всего они друг друга отрицали, о чем свидетельствуют труды Давосского форума, Римского клуба и других надгосударственных структур, которым было невыгодно поддерживать корпоративные коммуникации, направленные на благо государственных интересов. Данная статья – одна из первых работ, которая в качестве мотиваций к эффективности труда в компаниях будет рассматривать патриотизм, а корпоративные коммуникации как инструмент формирования этого типа мотивации. В настоящем исследовании собрана не только обширная теоретическая база гносеологии осмысления понятия пентабазиса, но и эмпирическая часть (опрос), включающая оценку влияния ценностей пентабазиса на формирование корпоративных ценностей российских компаний среднего и крупного бизнеса.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *пентабазис, общество, корпоративная культура, бизнес, ценности, патриотизм, культура, тренд корпоративной культуры, социально ориентированная компания.*

Цель нашего исследования – проанализировать феномен патриотизма, его роль и цели использования в формировании и отражении корпоративной культуры компаний (средний и крупный бизнес). В основу заложен анализ большого объема литературы, вторичных эмпирических данных, а также результаты полевого количественного исследования руководителей различного уровня среднего и крупного российского бизнеса (экспертный опрос 100 руководителей).

Генезис развития патриотизма и его концептуализация в отечественной исторической, политикой-правовой и социологической мысли анализируется через призму исторических предпосылок формирования понятия, а также принципов формирования корпоративной культуры и патриотизма. Для обоснования проблематики и выведения основных концептов использовался историографический и сравнительный анализ.

Количественная часть исследования посвящена определению возможностей интеграции ценностей патриотического сознания в корпоративную культуру. Выявлены драйверы и барьеры такой интеграции.

Для определения и систематизации трендов был проанализирован большой объем вторичной эмпирической базы данных (ВЦИОМ, 2014–2022 гг.). Также в эмпирическую базу включены данные по роли и цели реализации социальных проектов в корпоративной культуре российских компаний[1].

Гипотезы

H1. Если элементы пентабазиса (человек, страна, семья, общество, государство) включены в корпоративную культуру компаний, то сотрудники компаний могут демонстрировать более патриотичную позицию.

H2. В восприятии россиян любовь к родине может являться основной причиной реализации компанией социально значимых проектов.

H3. Наличие в компании социально ориентированных проектов не способствует общему росту патриотизма сотрудников и ее восприятию как более патриотичной.

Теоретико-методологические предпосылки изучения влияния элементов пентабазиса на формирование корпоративной культуры в российских компаниях

Корпоративная культура формируется внутрикорпоративными коммуникациями компании. Еще в Риме отраслевые гильдии прописывали этические правила поведения между представителями разных профессий, что можно назвать протокорпоративными отношениями. В это же время начинается и формирование патриотизма как проявление героической любви к обществу, стране, семье, сюзерену и, в итоге, в XVII в. оформившейся в проявление любви и преданности к государству. До этого государственный патриотизм не пересекался с корпоративными коммуникациями и чаще всего они друг друга отрицали, о чем свидетельствуют труды Давосского форума [*Малков*, 2021, с. 101], Римского клуба и других надгосударственных структур [*Кафели*, 2021, с. 117], которым было невыгодно поддерживать корпоративные коммуникации, направленные на благо государственных интересов.

Основная цель корпоративной культуры – формирование идентичности компании в сознании корпоративных работников. Идентичность компании создает ощущение исключительности и является фактором мотивации сотрудников организации. Идентичность государства является основой мировоззрения жителей. Носителем уникальной идентичности государства является язык. Он сохраняет культурные коды поколений и объединяет население страны. Во время нахождения в другой стране в незнакомой речи лег-

1 BrandPulse. Исследование потребительских предпочтений россиян. – 2022. – URL: https://mediascope.net/services/media/brandpulse/ (дата обращения: 01.12.2022).

ко узнаются родные слова. Язык объединяет население в коммуникационной составляющей, но есть то, что объединяет в государстве всех жителей, – это патриотизм. При этом патриотизм можно рассмотреть как процесс психологический и политический. С психологией связана система эмоций, оценок, чувств и традиций, сформированная по отношению к идентичности государства. С политическим процессом – «система патриотических политических идей, идеалов и убеждений» [*Абрамов*, 2016, с. 28–29], и определяется она способностью к совершению акта жертвенности, готовностью забыть себя и свои интересы перед интересами семьи, общества, страны, государства и пр. В статье А.Д. Харичева, А.Ю. Шутова, А.В. Полосина, Е.Н. Соколовой «Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации)» [Восприятие…, 2022, с. 9–19] выдвинута концепция идентичности России, которая основана на пяти важнейших элементах: семье, человеке, обществе, стране и государстве – пентабазисе. Данная концепция применительно к Российскому государству не является полной и цельной, поскольку не учтена церковь [*Лункин, Филатов*, 2018, с. 102–114] в качестве элемента идентичности. Но предположим, что понятие страны включает в себя этот общественный институт, формирующий идентичность. Базовые факторы и структуры социально-исторического развития (организации общественного бытия) включают следующие ценности: патриотизм (для уровня страны), доверие к общественным институтам (для уровня государства), согласие (для уровня общества), традиции (для уровня семьи), созидание (для уровня человека). В нашей статье мы расширили представление о возможностях факторов пентабазиса и его элементах для корпоративной культуры, что предоставило новые возможности в формировании патриотической компоненты внутрикорпоративных коммуникаций компании с целью усиления идентичности организации.

В рамках работы над изучением факторов внутрикорпоративной культуры, влияющих на патриотизм, вначале стоит разобраться, с какими ключевыми понятиями связан патриотизм и каким образом проходит становление патриотизма в России, как патриотизм увязывает эти понятия в единое поле.

Начнем с определения понятия «патриотизм». «Патриотизм как явление политического сознания выступает как форма отражения субъектами политики содержания существующего политического режима Отечества и выражения отношения к данному способу организации политической жизни с точки зрения эффективности его функционирования в интересах большинства общества» [*Абрамов*, 2016]. Патриотизм, понимаемый как потребность общества, тесно связан с проблемой безопасности [*Погорелый*, 2004].

Рассмотрим исторический аспект формирования патриотизма. Нам представляется, что генезис патриотизма как форма жертвенности и противоположности эгоизма проходит несколько ключевых этапов: семья, общество, страна, государство, человек (личность). Патриотизм древних славян проявлялся через принцип Роты (вселенский закон справедливости), соединявший образ Отца, персонифицированный в князе, и образ Матери, олицетворявший родную землю [*Погорелый*, 2004]. Таким образом, в основе российского патриотизма лежат образы Матери, который отражает архетип «родная земля», и Отца, олицетворяющего государство, консолидируемые соответствующей культурно-историческому периоду религией или идеологией

и выполняющие основополагающую роль в процессе патриотической идентификации. Здесь мы находим сразу три компонента патриотизма, обозначенные нами выше: семья, страна, государство. Далее мы видим развитие тем «безопасность» и «семья» как основу формирования патриотизма. Мы можем наблюдать, что безопасность личного пространства переходит на охрану того, что нас окружает, к отцу и матери, постепенно формируется семейный патриотизм [*Душкин*, 2020, с. 79–83; Социальная травма…, 2020, с. 3–18]. Готовность жертвовать собой ради «безопасности семьи», ради той территории, на которой живет семья, которую возделывает род, то есть дает жизнь [*Потаповская*, 2011, с. 110–138]. Потом, с годами, под влиянием внешних условий и факторов (это могут быть природные факторы, враги, конкуренты в торговле) человек понимает, что ему можно от них защититься, только если всё сообщество (семья семей) сможет противостоять внешним угрозам, формируется общественный патриотизм. После человек осознает, что те ресурсы, которые им были освоены, требуют защиты от внешнего воздействия; и тогда формируется страна – как территория, которая его кормит, которую он защищает, которая дает всё для проживания общины и его семьи; после для защиты этой земли от внутренних неурядиц назначается выборное лицо, которое решает дела как внутри страны, так и за ее пределами. Образуется государство и формируется патриотизм по отношению к государству и государю. И после этого человек осознает, что в государстве он является центром и без него не происходит ничего. В своей диссертации А.Ю. Парашин [*Парашин*, 2007, с. 172] указал на 5 этапов формирования патриотизма. Первый этап – с X по XV в.; для этого периода характерны четыре типа проявления патриотизма: общерусский, дружинно-вассальный, региональный, религиозный. Второй этап – с XVI по XVII в.; укрепление патриотической идеи, она прочно соединена с государственностью (Московское царство), понятие Родины совпало с границами Российского государства. Третий этап – со времен Петра I (начало XVIII в.) до 1917 г.; в первой четверти XVIII в. формировались индивидуальный и групповой виды патриотизма. Лишь во второй половине XVIII в. основные положения идеологии «общего блага» нашли отражение в патриотической политической психологии и начали проникать в политическое сознание общества. В середине XIX в. (30–60-е годы) можно выделить три вида патриотизма: казенно-прагматический, западнический, славянофильский. Четвертый этап – с 1917 по 1991 г.; в социалистическом патриотизме сложились две ветви: официальный патриотизм и народный. Пятый период – начиная с 90-х годов XX в. по настоящее время; неясный патриотизм, хотя развиты различные формы патриотической работы: военно-спортивная, образовательная, политическая и др.

Поэтому ключевыми компонентами формирования патриотизма можно назвать такие, как семья, общество, страна, государство, человек. Исторически складывается, что любовь к родительнице и отцу переходит в любовь к родине и отечеству и в политическом аспекте становится патриотизмом. Далее рассмотрим, каким образом понятия пентабазиса, такие как «человек», «семья», «общество», «страна», «государство», влияют на формирование патриотизма.

Рассмотрим понятие «человек». В свое время вопросами патриотизма занимались многие ученые, но среди всех трудов можно выделить диссертационные работы Т.В. Беспаловой и А.В. Кузнецовой. В первой работе

мы видим, как, объединив выводы И.А. Ильина, Н.К. Устрялова и П.Б. Струве о патриотизме в единую интегративную версию, автор определил патриотизм как способ этического и эстетического самоопределения личности в рамках духовного опыта и национально-культурного единения народа, осваивающей самобытные формы своей жизнедеятельности в границах единого государства [*Беспалова*, 2004, с. 27]. Вторая исследовательница, ссылаясь на работу В.С. Соловьева «Оправдание добра», в сжатой форме представляет сущность патриотизма: во-первых, как понимание личностью своих обязанностей по отношению к отечеству; во-вторых, как активно-деятельностное, а не созерцательное отношение к ним в действительности [*Кузнецова*, 2004]. В работе дается точное понимание связи патриотической идеи с поступками высоконравственного содержания во имя своей Родины [*Кузнецова*, 2004, с. 32]. По И.А. Ильину, можно выделить три аспекта патриотизма: национально-культурный, религиозно-философский, государственно-правовой, – обладающих собственной спецификой. А.П. Погорелый говорит о том, что «имеет место определенная парадоксальность: возникнув из биологической потребности самосохранения, патриотизм становиться ценностью, которая может побудить личность нанести себе вред ради безопасности социума [*Погорелый*, 2004, с. 17]. Поэтому можно сказать, что патриотизм в первую очередь обращен к чувству осознания самой личностью своих ценностей и жертвы ради этих ценностей – самой высокой ценности существования. Н.П. Лузик, в свою очередь, отмечает, что «чувства и сознание советского патриотизма превратились в одну из определяющих доминант личности, диктующую характер и направленность поступков. Синтез общечеловеческого отношения к местам своего рождения и глубокой приверженности к главным идеям XX века в наиболее полной форме характеризует советский патриотизм. Именно он выступает одной из определяющих духовных пружин героического» [*Лузик*, 2007, с. 22]. Таким образом, мы понимаем, что каждый, кто совершает патриотический поступок, в этот момент меньше всего должен думать о себе и в большей степени думать о семье, обществе, стране, государстве. Осознание своей истории, истории семьи, общества, страны, государства и скрепляющего начала, по мнению И.А. Ильина, религии, отражает в патриотическом акте мировоззрение и миропонимание, духовный и практический опыт человека. Через этот опыт человек определяет для себя приоритетными только социально-нравственные задачи. Е.И. Мозговая при этом отмечает, что осознание своей (личной) задачи как служение Отчизне лежит в основе любого другого патриотизма: государственного, регионального, политического, экономического, социального, культурного, экологического, культурно-исторического и т. д. [*Мозговая*, 2007, с. 21].

Следующим элементом в системе ценностей, по мнению А.В. Кузнецовой, является семья: идея патриотизма или веры в отечество первоначально выражает отношения семейно-родового плана, а потом – социоэтнического родства, что обусловливает восприятие нации в образе семьи как некой формы взаимодействия мужского и женского начал. Отношение к родителям становится матрицей отношения индивида к своей нации – то есть самóго способа соотнесения себя с общностью, динамического компонента патриотической идентичности. Рассмотрим этимологию самих понятий, имеющих патриотический смысл: «отец» – от слова πατήρ, в русском варианте будет

звучать как «отечество» или «сыны и дочери отечества»; «родина» – от слова «родительница» или «место продолжения рода». Таким образом, семья становится основой любой веры в отечество, государство и в дальнейшем – в собственную личность и возможность не только личного самосовершенствования, но и окружающих [Осипова, 2016, с. 29], то есть той самой общины или общества как «семьи семей».

Так мы переходим к следующему понятию – «общество». По своим истокам, содержанию и значению патриотизм является общесоциальным институтом, поскольку гарантирует единство и целостность, устойчивость и целенаправленность развития общества как самоорганизующейся системы. Патриотизм с веками становится связующим принципом взаимодействия всех элементов, проникая в каждый фактор матрицы пентабазиса [Восприятие…, 2022]. Он формирует устойчивую систему социальных индивидов и групп, обеспечивая их взаимопроникновение и сплоченность в общественной деятельности. Так, ценности патриотизма молодежи становятся неотъемлемым условием развития общества [*Каира*, *Кондратова*, 2022, с. 116]. В условиях реального национального пространства и времени патриотизм сплачивает соотечественников смысложизненными установками и ориентациями поведения по отношению к своей Родине, помогает соотечественникам стать единым народом и развивать то, что принадлежит всем им, то, что их определяет и отделяет, отличает от других, – их общее, свое общество [*Кузнецова*, 2004, с. 32]. «Там чувство общественной солидарности совпадало с чувством семейно-родовым или племенным». В своей работе Н.П. Лузик говорит о длительности формирования патриотизма и, в частности, о том, что, проходя через любовь к своему роду, племени, родной природе, традициям, обрядам, укладу жизни, постепенно сформировались социокультурные факторы, которые начинают под влиянием внешних факторов преобразовываться в общественно-государственные отношения. Территория проживания – та, на которой ты родился, и та, на которой тебя воспитали, которая кормила тебя (мать) и защищала тебя (отец), – становится родиной и отчизной, и ты в ответ защищаешь и возделываешь эту территорию. В этом случае понятие «страна» для нас становится актуальнее, ее мы понимаем и прочувствуем как понятия «Родина», «Отечество». Н.П. Лузик продолжает развивать идею патриотизма, отмечая, что в сознании человека он представлен не только как чувство, но и как разумное осмысление его, как идея, рациональность, а также как нравственно-политическая ценность. Содержание же патриотизма зависит, во-первых, от понимания родины, отечества, во-вторых – от мировоззренческих и политических позиций людей. В обществе, разделенном на противоположные социальные слои, классы, патриотизм определяется интересами этих сообществ. Каждая социальная группа выражает свое отношение к отечеству через призму своих специфических интересов [*Лузик*, 2007, с. 22], но все в едином порыве готовы ее защищать. Это когда территория, общество и человек в сумме становятся страной. В результате анализа выявлено, что патриотизм не возник из ничего, в готовом виде, а является завершением длительного и весьма противоречивого процесса, начало которого уходит в далекое прошлое. Еще можно рассмотреть тот факт, что в переводе с др.-греч. πατριώτης – «земляк, соотечественник», то есть житель одной с тобой местности, одного края земли, одной «стороны», то есть страны. Можно подытожить словами В.И. Ленина, что патриотизм – одно из наиболее

глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств [*Ленин*, 1974, с. 190].

Страна в нашем понимании может быть представлена как отечество. Само понятие «страна» представляется нам как связь материальной и духовной жизни людей. Это понятие, как мы уже сказали, близко к слову «родина». И здесь ключевое слово – «род», то есть то, что обеспечивает договоренности при передаче смысла из поколения в поколение: традиции, нравственные ориентиры, ценности. В.Л. Пашута в своей работе пишет, что страна непрерывно возобновляет себя вследствие совместных действий людей. Поэтому термин «страна» имеет наиболее глубокое культурно-историческое, социально-экономическое наполнение, нежели политическое, в связи с чем включает в себя понятия, определяющие особенности местного национального сообщества (менталитет, обычаи, язык и т. д.). Как отмечал Д.С. Лихачёв, страна есть единство народа, природы и культуры [*Пашута*, *Яковлева*, 2020, с. 87]. Можно добавить, что «русская культура во многом повлияла на складывание основных принципов соборного оформления государственности, основанного на принципах коллективизма, товарищества и совершенствования общественных отношений и связей» [*Пискорская*, 2013, с. 282–285]. Можно сказать, что сегодня в нашем представлении понятие «страна» объединило в себе три равных понятия: «родина», «отечество» и само понятие «страна».

Следующее понятие – это «государство». Национальный патриотизм может приобретать значение государственного тогда, когда определенная политическая сила от имени государства формирует необходимый, соответствующий ей уровень патриотизма (советский, российский и т. д.), наполняя его необходимым содержанием (коммунистическим, либерально-демократическим, социал-демократическим, этнократическим, имперским и т. д.), вытекающим из предлагаемых проектов реформирования российской государственности и придающим патриотизму наднациональный характер. Представляется очевидным использование государственного патриотизма в политических интересах [*Беспалова*, 2004, с. 27].

Во многих исследованиях патриотизм рассматривается как социокультурное явление духовной жизни общества, основанное на эмоциональной и рациональной идентификации личности с данным обществом, выражающейся в любви к «большой» и «малой» Родине, в чувстве общности, единства, солидарности с другими членами, сопричастности к их судьбе, готовности к практической деятельности для защиты общих интересов [*Парашин*, 2007, с. 172].

Термин «воспитание народа» занимает важное место в понятийном аппарате И.А. Ильина. Речь у него идет фактически о социальном воспитании, когда все воспитывают всех. Но один из главнейших воспитателей – государство, ибо оно воспитывает граждан духом справедливых законов, положительным примером деятельности чиновников, вовлечением граждан в самоуправление и т. п. [*Иванченко*, 2007, с. 22]. Следовательно, в системе корпоративных коммуникаций, во многом выполняющей функцию развития персонала, ставится задача организации его эффективной работы, и патриотизм россиянина – то сильное чувство, которое может стать причиной повышения производительности, – должен занять одно из лидирующих мест, поскольку ничто так не может увеличить силу, в том числе и производительную, как любовь. Но сегодня благодаря системе корпоративного управления мы откатились обратно к средневековью, когда

на первом месте были местнические чувства, преобразованные «в четыре типа проявления патриотизма: общерусский, дружинно-вассальный, региональный, религиозный» [*Кром*, 1994, с. 27]. Любовь к Отчизне, Родине, стране, государству и обществу сократили до любви к компании; даже институт семьи в какой-то мере разрушен: они обрели неклассическое значение, и семью как продолжательницу рода и традиций сегодня в разобщенном мире не стоит рассматривать. Хотя, по мнению А.Ю. Парашина, основные функции патриотического сознания, такие как консолидирующая, аксиологическая, мировоззренческая, познавательная, охранительная (или защитная), деятельностная, воспитательная, коммуникативная, стабилизирующая, регулирующая, которые позволяют более целостно понять патриотизм и его составляющие [*Парашин*, 2007, с. 172], в данный момент времени могли быть востребованы на любом производстве. Таким образом, для того чтобы включить в рабочий процесс в качестве стимулирующего и мотивирующего фактора патриотизм, необходимо оценить готовность компаний и корпоративного сектора.

Эмпирическая база исследования

Нами проведен опрос сотрудников (уровень – руководители проектов и топ-менеджеры) 100 предприятий; 20% опрошенных были сотрудниками предприятий численностью свыше 500 человек, 13% респондентов – сотрудники предприятий численностью 250–500 человек, 40% – сотрудники организаций численностью от 100 до 250 человек, 27% – с предприятий численностью до 100 человек.

Вопросы касались соотношений представлений о включенности патриотизма и его составляющих (рассмотренных нами выше (государства, страны, общества, семьи, личности)) в формирование внутрикорпоративных коммуникаций. Часто патриотические настроения мы связываем с тем, что относим к атрибутам патриотизма[2]: поднятием флага, прослушиванием гимна, обсуждением того, что мы «лучшие». В 2006 г. ВЦИОМ провел исследование «Патриотизм: истинный и мнимый», в котором в качестве истинных патриотических ценностей были названы укрепление семьи и воспитание детей, уважение традиций и «работа с полной самоотдачей по своей специальности» (30%)[3]. Работа как патриотическая компонента часто является важным атрибутом работодателя в Советском Союзе [*Рогачев, Свердлин*, 1974, с. 10]. Звания «Герой Труда», статусы «стахановец» и «передовик производства», доски почета разных уровней – часть патриотического воспитания сотрудников компании [*Шаронов*, 2016]. Но со временем эти показатели утратили свое неоспоримо важное значение. Однако есть, помимо этих элементов патриотического воспитания, и поддержка патриотических настроений в организации. С опорой на проведенный нами теоретический экскурс в формирование патриотизма можем сказать, что связь патриотических процессов не всегда находится на поверхности. Мы можем

2 Флаг, гимн, герб: незнание недопустимо. Большинство россиян гордятся символами нашего государства и считают, что их должен знать каждый гражданин. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/flag-gimn-gerb-neznanie-nedopustimo (дата обращения: 01.12.2022).

3 Патриотизм истинный и мнимый. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-istinnyj-i-mnimyj (дата обращения: 01.12.2022).

формировать представление о корпоративной культуре и работе с патриотической компонентой корпоративной культуры на основе факторов идентичности пентабазиса.

Основная цель исследования – определить, может ли патриотизм в его разнообразных проявлениях повлиять на производительность и репутацию компании. С этой целью были определены вопросы, в которые мы включили факторы формирования патриотизма – элементы пентабазиса. Нас интересовало, может ли сотрудник организации отнести к патриотическим действиям мероприятия по укреплению семейных ценностей, которые проводит работодатель и в свою очередь руководитель организации, а также будет ли он, проводя эти мероприятия, относить их к формирующим патриотические чувства у сотрудников. В свою очередь, страна для нас – это культурно-историческая идентичность, которая обладает своими ценностями, и будет ли поддержание компанией этих ценностей восприниматься сотрудниками компании как патриотизм. Государственный патриотизм – это защита и укрепление суверенитета, независимости; будут ли восприниматься как патриотичные действия работодателя, если они направлены на стимулирование эффективного труда сотрудника и поддержку трудовых династий; что влияет на развитие государства? Мы будем анализировать действия работодателя, направленные на культурное развитие и сохранение здоровья сотрудника, как патриотичные; является ли это вкладом в развитие страны? Воспринимаются ли сотрудниками и работодателем как патриотичные социальные программы компании, стимулирующие формирование гармонично развиваемых общественных отношений, направленных на защиту интересов граждан?

Перейдем к первому блоку вопросов о человеке, то есть о сотруднике компании. Так как «забота о здоровье сотрудников» воспринимается не как общественная, а внутрикорпоративная цель, с этой задачей справляться должна сама компания. Так считают 85,7% респондентов (рисунок 1).

Более 50% опрошенных считают, что реализация компаниями программ здорового образа жизни (ЗОЖ) должна вознаграждаться государством. Таким образом, половина опрошенных понимает, что сотрудник – он и гражданин,

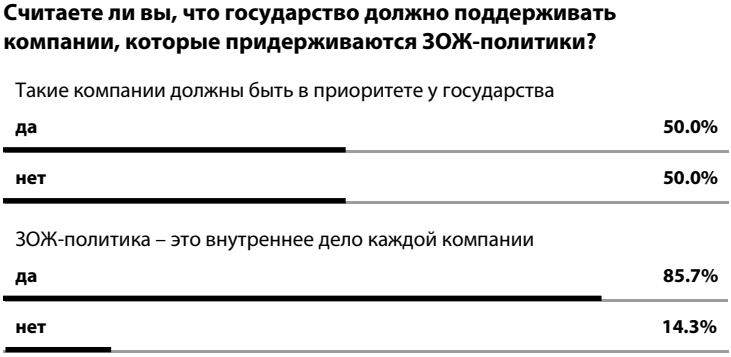

Рисунок 1. Восприятие политики ЗОЖ на предприятии сотрудниками
Figure 1. Employees' perception of the HLS policy at the enterprise

следовательно, забота о его здоровье является элементом поддержания государственной безопасности.

С другой стороны, почти 86% опрошенных считают программы ЗОЖ работодателя внутрикорпоративным, «местечковым» делом, руководители в этом не видят потенциала для дополнительной мотивации (рисунок 1). Но самое парадоксальное, что только 21,4% респондентов уверены, что государство не играет никакой роли в заботе корпораций о здоровье сотрудников (рисунок 2). Цифры на рисунке прямо противоположны цифрам предыдущего опроса, и поэтому всё будет зависеть от акцента в коммуникациях организации-работодателя.

Наряду с этим был задан вопрос об образовании сотрудников. 68,8% опрошенных считают, что через образование сотрудников компания делает страну сильнее. Это свидетельствует о том, что в компаниях есть понимание того, что внутрикорпоративные действия приводят к росту продаж и прибыли самой компании и только через укрепление всего государства можно противостоять внешнему влиянию. 87,5% опрошенных подтверждают, что вклад компании в культурное и интеллектуальное обогащение сотрудника положительно развивает общественные отношения.

Несмотря на это, лишь 18,8% считают, что в социально ответственной компании забота о сотруднике со стороны компании приводит к тому, что сотрудник начинает считать компанию патриотичной. Это свидетельствует о том, что руководители коммуникационных отделов компаний должны расставлять акценты с целью включения мотивационной ценности патриотизма в деятельность организации. И забота о сотруднике является не только сугубо практической и эгоистической целью работодателя, а воспринимается сотрудниками как часть его социально ориентированного имиджа, который по своей сути является проявлением любви к Отечеству.

Следующий блок вопросов направлен на выявление патриотической компоненты в сфере социальной политики компаний, которая, с точки зрения сотрудников, также не воспринимается как направленная на благо Отечества. Так, например, на вопрос о цели компании 75% опрошенных ответили, что она строит гармоничное и развитое общество.

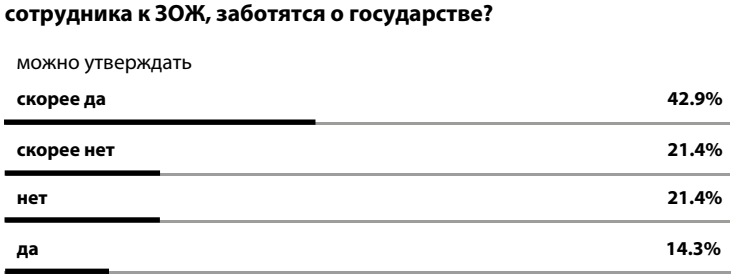

Рисунок 2. Результаты опроса о взаимосвязанности заботы о благе страны и заботы о ЗОЖ сотрудников
Figure 2. The results of the survey on the interconnectedness of caring for the welfare of the country and caring for the healthy lifestyle of employees

Также каждый второй респондент (53,3%) в коммуникационной деятельности работодателя видел патриотизм (любовь к родине), который является причиной социальных акций.

Исходя из анализа следующих ответов, можно сделать вывод о том, что инициировать внутрикорпоративные коммуникации в рамках построения имиджа социально ориентированной компании с целью формировать любовь к стране (с этим согласны 78% опрошенных) должно руководство компании (рисунок 3).

Но почти 86% респондентов считают, что это должна быть государственная политика. Опять мы сталкиваемся с противоречием мнений: с одной стороны, независимые компании могут добавить себе важной компонентой патриотизм, с другой стороны, ведущая роль в этом процессе должна принадлежать государству, а не работодателю.

Государство как элемент формирования патриотизма отражается в коммуникационной политике компании через поддержание безопасности, поэтому был задан блок вопросов о том, как можно сохранить традиции компании, в частности трудовые династии.

Не считается патриотичным для компаний приветствовать трудовые династии (68,8% опрошенных). Интересным является и то, что, согласно данным опроса, в общественном восприятии успехи в труде единичного сотрудника создают сильную страну (68,8%). Между тем сильное государство не мотивирует сотрудников к достижению высоких результатов (83% опрошенных).

В то же время сотрудники заботу компаний о них не оценивают как проявление патриотизма. И это является проблемой, потому что, как мы видели выше, в большинстве случаев

Рисунок 3. Ответы респондентов об инициаторе патриотических идей в компаниях
Figure 3. Respondents' answers about the initiator of patriotic ideas in companies

сотрудник считает деятельность, направленную на его развитие, актом усиления государства, но прочертить связь между этими явлениями не может: сильная компания, по мнению 62,5% опрошенных, не обязана быть патриотичной.

Интересен результат по ответам на вопрос о том, кто должен повышать имидж страны в корпоративной политике: 83% респондентов ответили, что стимулировать должны и государство, и компания. Вместе с тем отношение руководителей и их сотрудников может отличаться в зависимости от размера компаний, в которых они трудятся.

Семью мы рассматриваем не только как способ сохранения преемственности поколений и сохранения традиций, в том числе трудовых династий, но и как объект коммуникаций и способ воздействия семьи на мотивацию сотрудников. Примечательно, что 60% опрошенных сталкивались со случаями, в которых семьи сотрудников были целью внутрикорпоративных коммуникаций (рисунок 4). Это говорит о том, что работодатель понимает значение семьи в жизни сотрудников. За продолжение традиции включения семьи во внутрикорпоративную жизнь выступили более половины опрошенных (55%).

Страна в нашем случае представлена как система ценностей, формирующих идентичность населения; отношение к этим ценностям и стремление поддерживать идентичность будут говорить о патриотичности.

Возможно, идентичность россиян потому не находится в приоритете у компаний (так считают 31,3% опрошенных), что сотрудниками компаний ее суть пока еще точно не осознана. Однако по косвенным ответам на другие вопросы мы можем отметить, что в коммуникациях компании все-таки создают свой имидж через присоединение к месту происхождения товара.

Так как идентичности страны был посвящен единственный вопрос, мы обратились к анализу ценностей исследования *BrandPulse 2020* компании «Медиаскоп». В рамках анализа вторичных исследований нам важно было посмотреть, как отличаются руководители и сотрудники компаний в зависимости от размера компании. Согласно данному исследованию компании «Медиаскоп», более активная общественная позиция (желание участвовать в жизни общества и приносить ему пользу) характерна руководителям компаний, нежели сотрудникам. При этом доля таких руководителей больше

Считаете ли вы, что компания, в которой работаете, включает в поле зрения внутрикорпоративной культуры не только сотрудника, но и его семью?

скорее да	7	**46.7%**
скорее нет	4	**26.7%**
да	2	**13.3%**
нет	2	**13.3%**

Рисунок 4. Результат опроса о включенности семей сотрудников в корпоративные коммуникации компании
Figure 4. The result of a survey on the involvement of employee families in the company's corporate communications

в компаниях с количеством сотрудников от 100 до 500 человек.

Несмотря на различия в общественной позиции, для всех подгрупп руководителей и сотрудников семейное времяпрепровождение является одинаково важным аспектом жизни (стараются как можно больше времени проводить со своей семьей) – различия между подгруппами минимальны (рисунок 5).

Как правило, элементы пентабазиса глубоко пронизывают корпоративную культуру крупных компаний (со штатом более 500 сотрудников), однако при этом сотрудники таких компаний не проявляют более активную общественную позицию. Одной из причин такой ситуации может быть низкая мотивация руководителей для продвижения всех элементов пентабазиса в общем и патриотизма в частности. При этом ради карьеры и успеха руководители крупных компаний готовы многим жертвовать чаще, чем другие

		Согласен (-на) с суждением	
		Суждение 1. "Мне хочется активно участвовать в жизни общества, приносить ему пользу"	**Суждение 2. "Я стараюсь как можно больше времени проводить со своей семьей"**
Руководители	**Компании численностью до 100 человек.** ***Выборка: 2 005 человек.***	**76,0%**	**89,5%**
	Компании численностью от 101 до 200 человек. ***Выборка: 2 005 человек.***	**82,5%**	**90,7%**
	Компании численностью от 201 до 500 человек. ***Выборка: 2 005 человек.***	**77,6%**	**91,7%**
	Компании численностью более 500 человек. ***Выборка: 2 005 человек.***	**76,4%**	**88,9%**
Сотрудники	**Компании численностью до 100 человек.** ***Выборка: 2 005 человек.***	**66,3%**	**87,1%**
	Компании численностью от 101 до 200 человек. ***Выборка: 2 005 человек.***	**68,6%**	**90,2%**
	Компании численностью от 201 до 500 человек. ***Выборка: 2 005 человек.***	**68,8%**	**90,3%**
	Компании численностью более 500 человек. ***Выборка: 2 005 человек.***	**66,6%**	**88,7%**

Рисунок 5. Суждения руководителей и сотрудников об обществе и семье в зависимости от размера компании
Figure 5. Judgments of managers and employees about society and family, depending on the size of the company

руководители или сотрудники (рисунок 6), а значит, они могут быть катализатором для роста патриотизма среди сотрудников, если перед ними будет стоять такая цель как один из ключевых показателей эффективности.

Кроме того, важна и среда, в которой происходит коммуникация по вопросам патриотизма, – эта тема для многих людей может быть весьма эмоциональной и чувствительной. Согласно исследованию, сотрудникам компаний зачастую легче выражать свои чувства в Интернете, поэтому создание новой или адаптация уже имеющейся патриотической интернет-платформы могли бы стать одним из возможных решений для роста патриотизма, особенно если руководители будут активно вовлекать в общение на этой платформе своих сотрудников.

Таким образом, деятельность компаний по патриотическому воспитанию представлена сегодня на уровне подсознательных действий и в этом плане проникла так глубоко, что ни топ-менеджмент, ни сами сотрудники не могут отделить и согласовать свою

		Согласен (-на) с суждением	
		Суждение 3. "Я готов (-а) многим пожертвовать ради карьеры и успеха"	Суждение 4. "Мне легче выразить свои чувства, общаясь с людьми в Интернете, чем лично"
Руководители	Компании численностью до 100 человек. *Выборка: 2 005 человек.*	39,2%	33,2%
	Компании численностью от 101 до 200 человек. *Выборка: 2 005 человек.*	40,3%	38,6%
	Компании численностью от 201 до 500 человек. *Выборка: 2 005 человек.*	44,5%	39,0%
	Компании численностью более 500 человек. *Выборка: 2 005 человек.*	44,9%	35,7%
Сотрудники	Компании численностью до 100 человек. *Выборка: 2 005 человек.*	29,2%	41,6%
	Компании численностью от 101 до 200 человек. *Выборка: 2 005 человек.*	32,7%	41,8%
	Компании численностью от 201 до 500 человек. *Выборка: 2 005 человек.*	24,6%	40,4%
	Компании численностью более 500 человек. *Выборка: 2 005 человек.*	28,2%	39,5%

Рисунок 6. Отношение руководителей и сотрудников к карьере и выражение чувств в зависимости от размера компании
Figure 6. The attitude of managers and employees to career and expressions of feelings depending on the size of the company

личную выгоду и личное благополучие от государственного благополучия, не видят, в каком случае они помогают обществу через свою деятельность. Это приводит к смещению в корпоративной коммуникации. Сотрудники, которые занимаются корпоративной культурой, не могут правильно расставить акценты в такой теме, как «патриотизм». Не способны, понимая всю силу включения составляющих этого понятия в работу; но все другие понятия, которые работают на патриотизм, не отрицают и реализуют. Следовательно, практика применения и инструментарий внедрения будет зависеть от правильного подхода к пониманию этого понятия. Проблема требует тщательного рассмотрения и продолжения изучения.

Выводы

1. Согласно данным, полученным в ходе экспертного опроса руководителей компаний, «любовь к родине» может являться основной причиной реализации компанией социально значимых проектов.

Как правило, элементы пентабазиса глубоко пронизывают корпоративную культуру крупных компаний (со штатом более 500 сотрудников), в частности в формировании образа социально ответственной компании. Однако при этом нет корреляции с выражением более активной социальной позиции сотрудников. Реализующая социальные проекты компания не воспринимается как более патриотичная.

2. С другой стороны, если элементы пентабазиса (человек, страна, семья, общество, государство) включены в корпоративную культуру компаний, выражение патриотической позиции сотрудников может быть более отчетливым. Формируется такой тип поведения сотрудника, для которого конечной целью является не столько личное обогащение, сколько общественные интересы, интересы страны и государства или семьи.

3. Как было отмечено выше, реализация компанией социально значимых инициатив не формирует образ патриотической компании. С другой стороны, реализация социальных проектов, в частности реализация ЗОЖ-инициатив, формирует образ компании как заботящейся не только о сотрудниках, но и государстве. Такие проекты не вызывают отторжения у сотрудников. При этом, согласно результатам экспертного опроса, именно государство и руководство компании должны выступать инициаторами подобных проектов.

Список литературы

Абрамов А.В. Российский патриотизм: история и современность. – Москва : Московский государственный областной университет, 2016. – 184 с.

Беспалова Т.В. Патриотизм в современном российском политическом процессе : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 27 с. – EDN: NHTQGX.

Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) / Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6. – № 3. – С. 9–19. – DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19.

Душкин А.М. Феномен патриотизма как онтологическая универсалия общества // Манускрипт. – 2020. – Т. 13. – № 7. – С. 79–83. – DOI: 10.30853/manuscript.2020.7.14.

Иванченко И.Н. Идея религии, духа и патриотизма в образах России

И.А. Ильина : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Санкт-Петербург, 2007. – 22 с. – EDN: NISESX.

Каира Ю.В., Кондратова Е.К. Ценности патриотизма молодежи России как ресурс социального развития общества // Среднерусский вестник общественных наук. – 2022. – Т. 17. – № 6. – С. 106–123. – DOI: 10.22394/2071-2367-2022-17-6-106-123.

Кефели И.Ф. Ренессанс цивилизационной геополитики: исторические замыслы и современные уроки // Политическая география и геополитика в России: исторический опыт и современность : Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения выдающегося российского географа В.П. Семёнова-Тян-Шанского, Санкт-Петербург, 8–9 апреля 2021 года. – Санкт-Петербург : ООО «Издательство ВВМ», 2021. – С. 114–124. – EDN: VBWBNO.

Кром М.М. К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.) / отв. ред. Л.Н. Пушкарев : сб. ст. – Москва : ИРИ РАН, 1994. – С. 16–30.

Кузнецова А.В. Культура патриотизма как фактор консолидации российского общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Москва, 2004. – 32 с. – EDN: NHUIMJ.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1974. – Т. 37. Июль 1918 – март 1919. – С. 188–197.

Лузик Н.П. Патриотизм как социокультурный феномен : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Санкт-Петербург, 2007. – 22 с. – EDN: NIOKMR.

Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния // Современная Европа. – 2018. – № 3 (82). – С. 102–114. – DOI: 10.15211/soveurope32018102114.

Малков С.М. Цифровизация как антропологический вызов: Методологический аспект // Человек. – 2021. – Т. 32, № 2. – С. 89–105. – DOI: 10.31857/S023620070014863-6.

Мозговая Е.И. Культурные парадигмы и идеологемы русского патриотизма : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Белгород, 2007. – 21 с. – EDN: NJKSBD.

Осипова Л.Н. Семья как основная среда воспитания патриотизма и гражданственности человека // Формирование патриотизма у молодежи средствами социально-культурной деятельности: векторы исследовательских и практических перспектив : Материалы Международной электронной научно-практической конференции, Казань, 1 декабря 2016 года. – Казань : Астор и Я, 2016. – С. 128–132. – EDN: XGJCAJ.

Парашин А.Ю. Патриотизм: историко-социологический анализ : дис. канд. социол. наук. – Москва, 2004. – 172 с.

Пашута В.Л., Яковлева Е.О. Подмена понятий о Родине и Отечестве, стране и государстве в современном мире // Итоговая научная конференция Военно-научного общества Военного института физической культуры за 2019 год : сб. ст., Санкт-Петербург, 27–28 марта 2020 года / под ред. В.Л. Пашута. – Санкт-Петербург : Военный институт физической культуры, 2020. – С. 84–87. – EDN: FASMJI.

Пискорская С.Ю. Соборный идеал русской культуры // Вестник КрасГАУ. – 2013. – № 9 (84). – С. 282–285. – EDN: RDCPRP.

Погорелый А.П. Патриотизм как ценность российского общества (Социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Москва, 2004. – 17 с. – EDN: ZMUXAJ.

Потаповская О.М. Ценностные приоритеты семейного воспитания в России // Вестник ПСТГУ. Серия 4 : Педагогика. Психология. – 2011, № 1 (20). – С. 110–138. – EDN: NEJPSP.

Рогачев П.М., Свердлин М.Н. Патриотизм и общественный прогресс. – Москва : Политиздат, 1974. – 280 с.

Социальная травма и ценности поколений: Великая Отечественная война в исторической памяти студенческой молодежи / Лебедев С.Д., Шаповалова И.С., Рощупкина Н.А., Шкапенко А.А. // Научный результат. Социология и управление. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 3–18. – DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-1.

Шаронов А.А. Анализ взглядов на понятия «патриотизм» и «активность» // Мир науки. – 2016. – Т. 4, № 4. – 10 с. – URL: http://mir-nauki.com/PDF/12PDMN416.pdf (дата обращения: 01.12.2022).

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.10

Patriotism as a Valuable Resource in the Development of Corporate Culture of Russian Companies: Assessment of Factors, Genesis of Concepts, Trends and Development Trends

Nikita V. GRISHANIN
PhD, Senior Researcher
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418;
Director of the Bachelor's Program "Public Relations and Advertising", Head of the Master's program "Consulting and Reputation Management in Public Relations and Advertising"
The Northwestern Institute of Management of RANEPA
Vasilievsky Ostrov, Sredny prospekt V.O., 57/43, St. Petersburg, Russian Federation, 199178
E-mail: grishanin-nv@ranepa.ru
ORCID: 0000-0001-8872-633X

Yakov V. MINEVICH
PhD, Senior Researcher
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: jacob.minevich@rim-pn.ru
ORCID: 0009-0002-5951-4797

Tatiana D. SOKOLOVA
PhD, Associate Professor, School of Communications of the Faculty of Creative Industries
HSE University
Myasnitskaya Street, 20, Moscow, Russian Federation, 101000
E-mail: tdsokolova@hse.ru
ORCID: 0000-0002-2238-7539

Dmitry A. TIDZHIEV
Assistant Professor, Department of Advertising, Public Relations and Design, Higher School of Economics and Business
Plekhanov Russian University of Economics
Stremyanny Lane, 36, Moscow, Russian Federation, 117997
E-mail: Tidzhiev.DA@rea.ru
ORCID: 0009-0001-8287-1488

CITATION: Grishanin N.V., Minevich Ya.V., Sokolova T.D., Tidzhiev D.A. (2022). Patriotism as a Valuable Resource in the Development of Corporate Culture of Russian Companies: Assessment of Factors, Genesis of Concepts, Trends and Development Trends // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 15, no. 5, pp. 185–205 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.10

Received: 01.12.2022.
Revised: 15.12.2022.

ACKNOWLEDGEMENT: The article was prepared within the framework of project no. 122102100001-6, which was implemented at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences based on the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

ABSTRACT. *Corporate communications existed long before the formation of the theory of marketing and management. Even in Rome industry guilds prescribed ethical rules of conduct between representatives of different professions which can be called protocol relations. At that time, the formation of patriotism began, as a manifestation of heroic love for the society, country, family, suzerain, and as a result, in the 17th century, it took shape in the manifestation of love and devotion to the state. Prior to that, state patriotism did not intersect with corporate communications and most often they denied each other, as evidenced by the works of the Davos Forum, the Club of Rome and other supranational structures, which did not gain anything from supporting corporate communications aimed at the benefit of state interests. The present paper is one of the first works that consider patriotism as motivation for the efficiency of work in companies, and corporate communications as a tool for the formation of this type of motivation. The study contains not only an extensive theoretical base of the epistemology of understanding the concept of pentabasis, but also an empirical part (survey), including an assessment of the impact of pentabasis values on the formation of corporate values of the Russian medium and large business companies.*

KEYWORDS: *pentabasis, society, corporate culture, business, values, patriotism, culture, corporate culture trend, socially oriented company.*

References

Abramov A.S. (2016). *Russian Patriotism: History and Modernity*. Moscow : Moscow National University, 2016, 184 pp. (in Russian).

Bespalova T.S. (2004). *Patriotism in the joint Russian political process*. Abstract of dissertation (political sciences). Rostov-on-Don, 27 pp. (in Russian).

Dushkin A.M. (2020). Phenomenal patriotism as ontological universality. *Manuscript*, vol. 13, no. 7, pp. 79–83 (in Russian). DOI: 10.30853/manuscript.2020.7.14.

Ivanchenko I.N. (2007). *Relational idea, spirit and patriotism in the image of Russia I.A. Ilyin.* Abstract of dissertation (philosophical sciences). St. Petersburg, 22 pp. (in Russian). EDN: NISESX.

Kairo Yu.S., Kondratova E.K. (2022). The value of Russian patriotism as a resource for the social development of the community. *Central Russian Journal of Social Sciences*, vol. 17, no. 6, pp. 106–123 (in Russian). DOI: 10.22394/2071-2367-2022-17-6-106-123.

Kefeli I.F. (2021). Renaissance civilized hepolitics: metaphor design and agreed lessons. In: *Political Geography and Geopolitics in Russia: Metaphorical version of modernity.* Materials of the International Science Conference, which falls on the 150th anniversary of the Russian geographical V.P. Semenov-Tien-Shan, St. Petersburg, 8–9 April 2021. Saint Petersburg : MVM Publishing House, LLC, pp. 114–124 (in Russian). EDN: VBWBNO.

Krom M.M. (1994). On the question of the time of the origin of the idea of patriotism in Russia. In: Pushkarev L.N. (ed.). *Worldview and self-consciousness of the Russian community* (*XI–XX centuries*). Collection of articles. Moscow : Institute of Russian History of the RAS, pp. 16–30 (in Russian).

Kuznetsova A.S. (2004). *Culture patriotism as a factor in the consolidation of Russian society*. Abstract of dissertation (sociological sciences). Moscow, 32 pp. (in Russian). EDN: NHUIMJ.

Lenin V.I. (1974). *Complete compendium of works*. 5th ed. Moscow : Politizdat, vol. 37 (July 1918 – March 1919), pp. 188–197 (in Russian).

Lunkin R.N., Filatov S.B. (2018). Interfaith differences in Europe and new ideological opposites. *Contemporary Europe*, no. 3 (82), pp. 102–114 (in Russian). DOI: 10.15211/soveurope32018102114.

Luzik N.P. (2007). *Patriotism as a socio-cultural phenomenon*. Abstract of dissertation (philosophical sciences). St. Petersburg, 22 pp. (in Russian). EDN: NIOKMR.

Malkov S.M. (2021). Civilization as an anthropological challenge: Methodological aspect. *Human*, vol. 32, no. 2, pp. 89–105 (in Russian). DOI: 10.31857/S023620070014863-6.

Mozgovaya E.I. (2007). *Cultural paradigms and ideologies of Russian patriotism*. Abstract of dissertation (philosophical Sciences). Belgorod, 21 pp. (in Russian). EDN: NJKSBD.

Osipova L.N. (2016). Family as the main part of the restoration of patriotism and civil status of a person. In: *Formation of patriotism among the youth of the socio-cultural desertion: vectors of research and active prospects*. Materials of the International Electronic Educational and Practical Conference, December, 2016. Kazan : Astor and Me, pp. 128–132 (in Russian). EDN: XGJCAJ.

Parashin A.Yu. (2004). *Patriotism: historical and sociological analysis*. Dissertation (sociological sciences). Moscow, 172 pp. (in Russian).

Pashuta V.L., Yakovleva E.O. (2020). About the Motherland and the Fatherland, the country and the state in a joint world. In: Pashuta V.L. (ed.). *The final scientific conference-the scientific community and the actual Physical Institute of Culture for 2019*. Collection of articles, Saint Petersburg : Military Physical Institute of Culture, pp. 84–87 (in Russian). EDN: FASMJI.

Piskorskaya S.Y. (2013). The Cathedral ideal of Russian culture. *Bulletin of KrasGAU*, no. № 9 (84), pp. 282–285 (in Russian). EDN: RDCPRP.

Pogorely A.P. (2004). *Patriotism as a value of the Russian society (socio-philosophical analysis)*. Abstract of dissertation (philosophical sciences). Moscow, 17 pp. (in Russian). EDN: ZMUXAJ.

Potapovskaya O.M. (2011). Value priorities of seed recovery in Russia. *Bulletin of PSTGU. Episode 4: Pedagogy. Psychology*, vol. 1 (20), pp. 110–138 (in Russian). EDN: NEJPSP.

Rogachev P.M., Sverdlin M.N. (1974). *Patriotism and developed progress*. Moscow : Politizdat, 280 pp. (in Russian).

Sharonov A.A. (2016). Analysis of views on the concept of "patriotism" and "relevance". *Mir nauki*, vol. 4, no. 4. Available at: http://mir-nauki.com/PDF/12PDMN416.pdf, accessed 01.12.2022.

Sotsial'naya travma… (2020). Lebedev S.D. [et. al.]. Social trauma and the value of tokens: the Great Patriotic War in the metaphorical memory of students' youth. *Scientific result. Sociology and Management*, vol. 6, no. 2, pp. 3–18 (in Russian). DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-1.

Vospriyatiye… (2022). Kharichev A.D., Shutov A.Yu., Polotsin A.S., Sokolova E.N. Restoration of the main values, factors and structural and statistical analysis of Russians (based on research and approbation). *Journal of Political Studies*, vol. 6, no. 3, pp. 9–19 (in Russian). DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19.

Страницы прошлого

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.11

Становление советской дипломатической культуры (1917–1939 гг.)

Александр Александрович ВЕРШИНИН
кандидат исторических наук, доцент исторического факультета
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119192
E-mail: averchinine@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5206-8013

ЦИТИРОВАНИЕ: Вершинин А.А. Становление советской дипломатической культуры (1917–1939 гг.) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 206–225.
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.11

Статья поступила в редакцию 18.11.2022.
Исправленный текст представлен 08.12.2022.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии в рамках научного проекта № 20-59-18007 «От региональных конфликтов к эпохе глобальных трансформаций: взгляд российских и болгарских историков на международные отношения в конце XIX – начале XXI в.».

АННОТАЦИЯ. *В статье с опорой на теорию поля П. Бурдье рассматривается сложная эволюция советской дипломатической культуры в межвоенный период. Идея демонтажа само́го дипломатического поля доминировала в умах большевиков сравнительно недолго и быстро сменилась заявкой на глубокое переформатирование дипломатического поля за счет внедрения в него новых практик и представлений о легитимности социального и символического капитала. Разочарование большевиков в перспективах мировой революции запустило процесс постепенного встраивания советской внешнеполитической службы в дипломатическое поле и адаптации к его структурам. Усвоение соответствующего габитуса вело к формированию в среде дипломатического корпуса особого этоса, сближавшего его с западной поведенческой моделью. На переговорном уровне эта тенденция отражалась в формировании у дипломатов стремления к установлению долговременных отношений с капиталистическими государствами, даже ценой политических уступок. Соответствующие признаки наглядно проявились в ходе Генуэзской конференции, а в полной степени дали о себе знать после прихода к руководству НКИД М.М. Литвинова, при котором советский дипломатический корпус обрел наглядные черты особой социопрофессиональной группы. Наиболее*

глубокая интеграция советского внешнеполитического ведомства в дипломатическое поле произошла в первой половине – середине 1930-х годов в ходе реализации им политики коллективной безопасности. Однако уже после 1936 г. стремление Сталина взять под полный контроль внешнюю политику на фоне общей неудачи курса Литвинова на международной арене запустило процесс перестройки НКИД, который завершился формированием основ новой дипломатической культуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *дипломатическая культура, дипломатическое поле, габитус, символический капитал, советская дипломатия, Чичерин, Литвинов.*

Категория дипломатической культуры лишь недавно стала предметом изучения политологов и международников. В российской литературе она практически не исследуется. Как и в случае со стратегической культурой, подобное положение дел объясняется расплывчатостью понятия. Можно выделить два основных подхода к интерпретации дипломатической культуры, разделяемые исследователями. Первый основывается на тезисе о том, что в основе дипломатической культуры лежат общий дискурс и способ мышления, который позволяет договариваться даже тем, кто исповедует различные ценности. По мнению О. Зендинга, несовпадение ценностей в рамках дипломатических культур вообще является ключевым условием их способности вырабатывать решения спорных вопросов и модальности урегулирования конфликтов [*Sending*, 2011, p. 643]. Второй подход рассматривает дипломатическую культуру как «общий набор идей и ценностей, разделяемый официальными представителями государств» [*Bull*, 2002, p. 304]. Речь идет о своего рода надстройке над политическими и культурными различиями, которая и делает возможным взаимодействие государств на дипломатическом уровне.

Оба эти взгляда примиряются в рамках концепции дипломатического поля, восходящей к сформулированному Пьером Бурдье понятию поля как пространства, в рамках которого акторы борются за доступ к желаемым ресурсам. При этом их положение в рамках поля зависит от объема имеющегося в их распоряжении капитала, наиболее важной формой которого является капитал символический, обеспечивающий акторам признание их статуса как легитимного [*Бурдье*, 2007, с. 15–20]. Ключевое влияние на их поведение в рамках поля оказывает так называемый габитус – набор внутренних предрасположенностей, влияющий на поведенческие практики, обуславливающих траекторию перемещения актора в рамках поля. Габитус можно рассматривать как активное воздействие прошлого опыта на актуальные действия индивида, влияющее на восприятие им реальности, ход мыслей и поступков и таким образом формирующее социальные практики [*Бурдье*, 2007, с. 32].

Теория Бурдье полезна для анализа дипломатической культуры, поскольку дипломатическое поприще представляет собой разновидность поля. Дипломаты являются его акторами и достигают желаемой позиции в нем, аккумулируя соответствующий уровень капитала, который в случае с дипломатией, как правило, является социальным и символическим. Социальный капитал выражает себя через усвоенные модели поведения и этикета, которые, в свою очередь, позволяют налаживать долговременные личные связи. Символический капитал определяется статусом должности, занимаемой дипломатом.

Дипломатический габитус представляет собой конструкцию, в значительной степени опирающуюся на традицию. Соответственно, дипломатическая культура выступает в качестве стратегии поведения актора в рамках дипломатического поля и определяет логику его функционирования.

Анализ дипломатической культуры открывает новое направление в изучении внешней политики государства на том или ином этапе его исторического развития. Дипломатический корпус всегда оказывает важное влияние как на выработку вектора внешней политики, так и на процесс его практической имплементации. Во многом его глазами верховная власть смотрит на международную обстановку, он обеспечивает ее коммуникацию с иностранными партнерами. В конечном счете в случае с дипломатическим корпусом эффект исполнителя оказывает значительное влияние на получаемый результат. Следовательно, понять, как она формулируется и реализуется, невозможно без изучения системы ценностей и поведенческих практик ее непосредственных операторов. При этом в силу того обстоятельства, что дипломатическое поле по природе своей интернационально, необходимо учитывать и международные тенденции развития дипломатии как вида государственной службы и профессии.

С целью получения более полного представления о природе российской внешней политики в XX – начале XXI в. интересно обратиться к тому периоду, когда она переживала свой наиболее глубокий слом. События 1917 г. привели к полному переформатированию дипломатического поля в новой Советской России, становлению новых институтов, трансформации социального и культурного облика дипломатического корпуса, серьезному изменению модели взаимоотношений внешнеполитического ведомства и верховной власти. Наконец, сам факт функционирования советской дипломатии в рамках государственности, чей характер нес на себе яркий отпечаток господствующей идеологии, обуславливал важную специфику функционирования ее аппарата. В конечном итоге советская дипломатическая культура, формировавшаяся в межвоенные годы и окончательно сложившаяся во время Второй мировой войны, стала основой внешнеполитических коммуникативных практик сверхдержавы. Она же выступила субстратом для формирования дипломатического поля современной России после 1991 г.

В свете теории дипломатического поля, спроецированной на историю советской внешней политики 1920–1930-х годов, важными представляются следующие вопросы. В какой степени советские дипломаты, будучи в массе своей новичками на соответствующем поприще, усвоили дипломатический габитус? Имелись ли к моменту их выхода на авансцену альтернативные взгляды на внутреннее устройство и функционирование дипломатического поля? Насколько эффективно им удавалось достичь статуса в рамках дипломатического поля? Претерпел ли дипломатический габитус какие-либо изменения под влиянием участия в дипломатической игре представителей нового государства, декларировавшего приверженность специфической идеологии?

Теория поля, сформулированная Бурдье, на протяжении последних десятилетий применяется исследователями для анализа проблемы принятия внешнеполитических решений и формулирования стратегии. Историк П. Джексон, комментируя в этой связи культурный поворот в области изучения дипломатической и военной истории, отмечает, что подходы французского социолога позволяют частично

устранить его главные недостатки – отсутствие четкого категориального аппарата и слабую степень формализуемости субъективных мотиваций действующих лиц [*Jackson,* 2008]. Исследователи Ф. Меран и В. Пулио справедливо указывают на главный недостаток концепции Бурдье применительно к изучению истории международных отношений – ее чрезмерную приверженность идее рационально действующих субъектов [*Mérand, Pouliot*, 2008]. С этой точки зрения определенный интерес представляло бы совмещение теории поля с принципом «плюрализма ценностей», сформулированным И. Берлиным, на эвристический потенциал которого применительно к анализу международных отношений недавно указал британский историк стратегии Дж. Стоун [*Stone*, 2021].

Концепция поля нашла применение в исследованиях истории и современного состояния международных интеграционных объединений, получив популярность у специалистов по европейской интеграции и безопасности [*Adler-Nissen*, 2014, *Pouliot*, 2010]. Проблематика истории международных отношений внешней политики отдельных стран лишь начинает рассматриваться через призму социологии Бурдье. Применительно к тематике статьи наибольший интерес представляет исследование периода становления советской дипломатии англо-американским историком А. Кохо-Уиллиамсом [*Kocho-Williams*, 2012]. Несмотря на тот факт, что историку удалось получить ряд важных результатов, он в недостаточной степени учел роль институционального фактора, серьезно искажавшего структуру дипломатического поля в Советском Союзе в межвоенные годы. Этот недостаток указанной работы высвечивает важную проблему, возникающую при попытках применить концепцию поля к анализу советской внешней политики, – невозможность полностью проанализировать в ее рамках фактор особых отношений между дипломатами и политической властью в реалиях СССР. В данной статье предпринимается попытка изучить советскую дипломатическую культуру с учетом этого ключевого момента.

***

Сразу после захвата власти в октябре 1917 г. большевики предприняли попытку коренной перестройки всей дипломатической работы в России. Она основывалась на их специфическом представлении о природе международных отношений, которое, в свою очередь, вытекало из нескольких фундаментальных идеологических установок. Во-первых, дипломатическую службу они относили к числу ведомств, составлявших аппарат господства и подавления на службе буржуазного государства. Она подлежала такому же слому, как полиция или армия. Во-вторых, мировая повестка, по их убеждению, стремительно развивалась в направлении скорой мировой революции, которая должна была полностью поменять не только политическую географию мира, но и саму модель взаимодействия стран и народов [*Ленин*, 1970, с. 36]. Широко известно апокрифическое высказывание Л.Д. Троцкого, первого наркома по иностранным делам РСФСР, о том, что его главная задача на посту – опубликовать секретные договоры царского правительства с союзниками по Антанте, после чего он издаст «несколько прокламаций к народам и закроет лавочку», так как «революция не нуждается в дипломатии» [*Дойчер*, 2006, с. 333].

Большевики видели в дипломатии «буржуазное» занятие. Характерно, что в работах В.И. Ленина сам термин

«дипломатия» практически не имеет положительной коннотации [*Ленин*, 1968, с. 31, *Ленин*, 1969, с. 238]. Одним из центральных пунктов «Декрета о мире» был отказ от секретной дипломатии. С точки зрения того, что до сих пор огромная часть регулярных межгосударственных контактов оставалась негласной, – отказ от дипломатии как таковой. Случайно или нет, но Министерство иностранных дел оказалось одним из тех ведомств Временного правительства, которое практически в полном составе отказалось служить новой власти [Десять лет…, 1927, с. 3–5]. Однако в идее противопоставления секретной дипломатии некоей новой практике международной коммуникации уже крылись зерна альтернативного видения внешнеполитической деятельности, которое, хотя и в корне переосмысляло прежние подходы, сохраняло саму организационную нишу для дипломатической работы, а следовательно – дипломатическое поле.

Уже в ноябре 1917 г., отвечая на страницах печати на обвинения правительств стран Антанты в разглашении секретных сведений посредством публикации международных договоров старых правительств, Троцкий заявил о том, что тайной дипломатии империалистических держав новая Россия противопоставляет «народную, действительно демократическую внешнюю политику» [Документы…, 1957, с. 21]. Для ее реализации требовалась соответствующая инфраструктура, что предполагало сохранение в некоем виде внешнеполитического ведомства. Если «первое издание» НКИД, учрежденного II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов в октябре 1917 г., имело чрезвычайно простое устройство и управлялось фактически тремя человеками, то уже в декабре в результате того, как мировая революция откладывалась, а перед новой властью возникали неотложные международные задачи, она очевидно усложнилась [Очерки…, 2002a, с. 38–39]. Штаты ведомства росли быстрыми темпами, достигнув к концу 1917 г. 125 человек, а в январе превысив 200 человек [*Остапенко*, 2019, с. 153–154]. Этот процесс ускорялся переговорами о заключении мира с Германией и ее союзниками в Брест-Литовске. Ввиду практически полного отказа российских послов признать новую власть, с декабря начался процесс создания советских миссий в зарубежных странах.

Главной задачей как аппарата НКИД в Петрограде, а с марта 1918 г. – в Москве, так и его иностранных представительств являлось ведение пропаганды и агитации. Первый официальный делегат советской власти за рубежом, находившийся в Лондоне М.М. Литвинов, открыто ездил по митингам и распространял революционные прокламации, делая это с санкции нового наркома Г.В. Чичерина, писавшего ему в феврале 1918 г.: «Интернационалистская агитация и, в частности, Ваша деятельность, для нас более ценны, чем признание [советской власти Великобританией]» [Очерки…, 2002b, с. 344]. Подобная установка предполагала резкий разрыв с традиционной дипломатической практикой, важным принципом которой являлось невмешательство послов, по крайней мере открытое, во внутренние дела стран пребывания. Именно поэтому действия Литвинова были в конечном итоге расценены официальным Лондоном как недопустимые, а сам он выслан за пределы Великобритании.

Имелся целый ряд других признаков, говоривших о стремлении большевиков изменить правила функционирования дипломатического поля. Под сомнение ими был поставлен святой принцип дипломатической

неприкосновенности. 31 декабря 1917 г. в ответ на действия румынских властей против русских революционных солдат, дислоцированных на территории королевства, в Петрограде по приказу В.И. Ленина были арестованы все сотрудники румынского посольства, от самóго посла до рядовых служащих [В.И. Ленин и ВЧК…, 1975, с. 48]. В июне 1918 г. советское правительство объявило об упразднении дипломатических рангов и отказе от самóго термина «посол» в пользу более демократично звучащего «полномочный представитель» [Собрание…, 1942, с. 536]. В рамках дипломатического поля официальные звания были важным показателем той меры символического капитала, которой обладал тот или иной актор. Стремление к ним являлось одним из ключевых законов его функционирования. Их отмена свидетельствовала о намерении изменить само представление о статусах и их легитимности. Альтернатива обозначалась открыто. Так, Литвинов, узнав о своем назначении, вывесил на дверях импровизированного представительства в Лондоне табличку с надписью «Русское народное посольство», а себя объявил «народным послом» [*Майский*, 1964, с. 256]: предполагалось, что вес дипломата отныне будет зависеть от того, насколько хорошо он справляется со своей ролью «народного» эмиссара.

Смешение задач пропаганды и поддержания регулярных связей с иностранными правительствами стирало грань между дипломатической миссией и организованной группой идеологического влияния за рубежом. Новые советские дипломаты и НКИД как ведомство сыграли важнейшую роль в организации в 1919–1920 гг. Коммунистического Интернационала, ставшего штабом по подготовке мировой революции. При образовании Коминтерна в 1919 г. Чичерин демонстрировал явное желание стать координатором его деятельности [*Ватлин*, 2009, с. 42–44]. Вплоть до апреля 1919 г. НКИД распоряжался фондами для финансирования деятельности иностранных коммунистических партий [*Watson*, 2004, p. 135]. Последующая трудная история взаимоотношений НКИД и Коминтерна являлась наглядной иллюстрацией того, насколько было трудно советскому внешнеполитическому ведомству, уже ставшему на путь встраивания в дипломатическое поле на «системных» началах, избавиться от этого «тяжелого наследия».

Говорил сам за себя и социокультурный облик новых дипломатических кадров. С одной стороны, в своем подавляющем большинстве они являлись выходцами из среды революционеров. Случаи, когда на службу приходилось принимать штатных сотрудников старого МИД, были немногочисленны, причем лицу, инициировавшему подобное решение, приходилось его дополнительно разъяснять, обосновывая, почему профессиональные качества работника перевешивают его недостаточную политическую надежность [*Senn*, 1974, p. 83]. Вместе с тем НКИД поощрял прием на службу лиц, обладавших в той или иной степени необходимыми для дипломата умениями и качествами – прежде всего знанием языков, опытом проживания в Европе и навыками коммуникации с иностранцами соответствующего социального положения. При назначении С.И. Аралова полпредом в Турции Чичерин заявил ему, что «дипломату надо быть культурным» [*Аралов*, 1960, с. 14]. Полезными могли оказаться и представители бывших господствующих классов. К их числу принадлежал сам Чичерин [*О'Коннор*, 1991, с. 20]. Дворянка А.М. Коллонтай вспоминала о том, как ей на дипломатической службе пригодилась усвоенная еще в юности

«салонная наука поведения», хотя она, будучи убежденным большевиком, и полагала, «что и в эту область мы, советские люди, внесем свои новшества и упрощения» [*Коллонтай*, 2001, с. 36].

Таким образом, складывалось двойственное положение дел. Стремление советской власти переформатировать дипломатическое поле было очевидным. В этом вопросе она следовала мировым тенденциям. Демократизация внешнеполитической деятельности стала результатом «восстания масс», ускоренного Первой мировой войной, и происходила во всех ведущих странах мира [The Times Survey…, 1982, *Vaïsse*, 1985], и советские инициативы имели очевидной целью возглавить этот процесс. Локомотивом здесь выступало новое государство, политика которого мыслилась в глобальных категориях и опиралась на универсалистскую идеологию. Однако в то же время на работе НКИД и полпредств во всё большей степени сказывались традиции, стремление в той или иной форме перенять дипломатический габитус, без которого серьезно затруднялся поиск общего языка с иностранными визави.

Определенная склонность к проведению символической связи с дореволюционными практиками и попыткам наполнить их новым смыслом проявлялась уже в первые месяцы существования внешнеполитической службы Советской России в виде активной борьбы ее представителей за границей за право занять помещения бывших дипломатических миссий Российской империи [*Шейнис*, 1989, с. 30–35]. Здесь проглядывали явные элементы корпоративности, чуждые официальному дискурсу, но неизбежно возникавшие в ситуации, когда НКИД на фоне несовершенства советской властной конструкции сохранял определенную автономию. Подобное положение дел сохранялось на протяжении достаточно длительного периода, что обусловило направление развития советской дипломатической культуры в 1920-е – первой половине 1930-х годов.

Уже на завершающей стадии Гражданской войны стало понятно, что цели, стоявшие перед советской дипломатией, меняются. Мировая революция, очевидно, отсрочивалась, следовательно, на первый план выходила задача налаживания стабильных связей с внешним миром. Признание советской власти становилось более насущной проблемой, чем ведение пропагандистской работы за рубежом. В свою очередь, этот вызов предполагал изменение в подходах. Попытки трансформировать дипломатическое поле следовало оставить и переключиться на деятельность по максимально плотной интеграции в его уже существующую структуру. Советские эмиссары должны были восприниматься как полноценные дипломаты, а не революционеры под прикрытием. Это же являлось необходимым условием развития торговых отношений СССР с Западом. Не случайно 1920-е годы, как точно подмечает А. Кохо-Уиллиамс, стали периодом активного рекрутирования на дипломатическую работу бывших меньшевиков [*Kocho-Williams*, 2012, p. 78]. С точки зрения новой внешнеполитической повестки советского государства они имели важное преимущество: считаясь минимально благонадежными с политической точки зрения (большинство меньшевиков в свое время выступали против участия России в Первой мировой войне), они имели репутацию умеренных социал-демократов, выступавших против большевистского радикализма, что делало их вполне приемлемыми партнерами для западных элит. Меньшевистское прошлое самого Чичерина ни для кого не являлось секретом [*О'Коннор*, 1991, с. 37–38].

Тем же преимуществом обладали и некоторые большевики. В первой половине 1920-х годов среди них выделялся Л.Б. Красин. Принадлежа к кругу технических специалистов, он с дореволюционных времен поддерживал связи с видными инженерами, промышленниками, учеными как в России, так и за рубежом, что вызывало подозрения со стороны ряда советских руководителей, но делало его удобной фигурой для ведения международных переговоров и заключения соглашений. Современники отмечали безупречный стиль Красина, учение вести беседу и находить подходы к людям. Один из мемуаристов вспоминал: «Ленин считался и с тем, что капиталисты платили Красину большие деньги и что с Красиным "не стыдно" было появиться в буржуазном обществе» [*Эрлихман*, 2022, с. 246].

Проблема внешнего вида и поведения официальных советских представителей в иностранных государствах виделась настолько важной, что в 1923–1924 гг. нашла свое отражение на страницах печати. Член коллегии НКИД Ф.А. Ротштейн сетовал на то обстоятельство, что на первых порах большевикам так и не удалось поменять характер дипломатического поля в части социальных практик и к середине 1920-х годов советские эмиссары за рубежом «очутились, не успев опомниться, в болоте дипломатического церемониала», но при этом призывал «свести все эти неприятные и оскорбляющие нас частности буржуазного дипломатического быта до скромных размеров, в зависимости от объективной обстановки и собственного такта полпреда». Заведующий протокольным отделом НКИД Д.Т. Флоринский называл «печальной» необходимость «облекаться… в одиозные для нас фраки и смокинги». Заместитель наркома по иностранным делам М.М. Литвинов говорил о том, что от соблюдения этикета зависит успех миссии дипломата, и отмечал: «Приспособляться к заграничной среде заставляют наших дипломатов как чувство скромности, так и соображения дипломатической целесообразности»[1].

Массовое привлечение новых людей в НКИД и полпредства придало советскому дипломатическому корпусу особый социокультурный облик. Обращал на себя внимание ее национальный состав. Среди сотрудников, пришедших в наркомат до 1925 г., 48% составляли русские, 33% – евреи, 4,5% – выходцы из Прибалтики (в основном латыши) [*Дюллен*, 2009, с. 56]. Отличие от царского МИД, где преобладали русские и остзейские немцы, бросалось в глаза. Тенденция к укреплению корпоративности продолжала углубляться. Складывался негласный набор критериев профессионального соответствия, предъявляемых к будущим дипломатам. Он пока не стал обязательным условием приема на службу, однако лег в основу образовательных программ подготовки специалистов-международников, реализовывавшихся на отделении внешних сношений факультета общественных наук МГУ, в Институте мирового хозяйства и мировой политики и Институте красной профессуры. Высшее образование превращалось в ключевое условие поступления на дипломатическую службу. К 1933 г. его имели 60% сотрудников НКИД [*Дюллен*, 2009, с. 56]. Внедрявшаяся с 1926 г. практика направления в наркомат «выдвиженцев» из низов, не обладавших необходимыми навыками, вызывала глухое сопротивление сотрудников ведомства.

1 Дискуссия об этикете в 1923–1924 гг. (по материалам печати). – URL: https://idd.mid.ru/informacionno-spravocnye-materialy/-/asset_publisher/WsjViuPpk1am/content/neizvestnyj-cicerin-cast-2- (дата обращения: 16.11.2022).

Наркомат всё более уверенно воспринимал международные дела как свой «домен» и ревниво относился к попыткам других ведомств зайти на эту «заповедную» территорию. Сохранялись серьезные трения с Коминтерном, чей курс на поощрение революционной деятельности коммунистических партий подрывал все попытки полпредств наладить контакты за рубежом. Присутствие в штатах советских миссий людей, в прошлом так или иначе связанных с Коминтерном, подрывало внутреннюю сплоченность дипломатического корпуса вокруг общих целей. Этому мало способствовало и аффилирование зарубежных коммунистов с официальными советскими учреждениями в странах пребывания. В своей последней служебной записке, составленной в 1930 г., Чичерин назвал Коминтерн «первым» из «наших внутренних врагов». Вторым в списке значилось ГПУ, которое наводняло заграничные миссии своими агентами, не только собиравшими информацию о странах пребывания, но и шпионившими за дипломатами [Последняя служебная…, 1995, с. 108–109]. Остро стояла проблема ведомственной конкуренции с наркоматом внешней торговли, зачастую ставившим коммерческие интересы за границей выше политических.

Аппаратная автономия НКИД укреплялась на фоне разброда во властных верхах, сопровождавшегося борьбой за положение наследника В.И. Ленина. С началом болезни вождя для Чичерина встал вопрос о том, кому именно посылать регулярные доклады по международной проблематике [*Debo*, 1994, p. 27]. Подобная ситуация объективно работала на закрепление особого статуса НКИД, который постепенно продвигал собственную повестку в ходе контактов с главными международными партнерами СССР. Это стало отчетливо заметно уже в последние годы жизни Ленина. Так, в 1922 г. при подготовке участия советской делегации в работе Генуэзской конференции Чичерин предлагал не сводить его к политической манифестации, к чему склонялся Ленин, а серьезно обсудить проблемы восстановления экономических отношений с внешним миром. В ходе самой конференции из Москвы наркому неоднократно поступали сигналы с целью побудить его действовать жестко и не идти на чрезмерные уступки европейцам по вопросу о дореволюционных долгах, где Чичерин считал необходимым искать компромисс [*Хормач*, 2020, с. 87–88, 97].

Само решение Москвы направить в Геную представительную делегацию говорило о том, что советские дипломаты уверенно чувствовали себя в рамках дипломатического поля и полагали, что обладают достаточным объемом социального капитала. Безукоризненная выдержка ее членов, их внешний вид и стиль поведения, ничем не отличавшийся от поведенческих практик, принятых на Западе, произвели впечатление [*Pope*, 1943, p. 183]. Ответным шагом организаторов было решение допустить представителей СССР к участию во всех четырех комитетах конференции, в том числе в тех, которые прямо не касались русских дел. Интенсивные переговоры Чичерина с главой британской делегации Д. Ллойд Джорджем шли в формате той самой секретной дипломатии, которую в 1917 г. заклеймил декрет о мире. Реакция части европейского общественного мнения была весьма характерной с точки зрения реконструкции габитуса советских дипломатов. Наблюдавший Чичерина на Генуэзской и Лозаннской конференциях Э. Хемингуэй не сомневался, что перед ним «старый русский дипломат», который «крепче всего стоит на ногах, когда борется за национальные интересы России» [*О'Коннор*, 1991, с. 101].

«Полоса признаний» советской власти ведущими странами Европы в 1924 г. являлась не столько принятием факта существования государства – «оплота социализма» (связанные с этим обстоятельства будут мешать советско-европейскому диалогу вплоть до начала Второй мировой войны), сколько легитимизацией СССР в рамках дипломатического поля. Показательно, что одновременно с этим шел процесс вытеснения за официальные рамки остатков дореволюционного дипломатического корпуса, члены которого настаивали на своем праве представлять Россию за рубежом. Созданный ими в ходе Гражданской войны Совет послов постепенно терял перспективу сохранения своего статуса [*Кононова*, 2002]. В 1922 г. из его состава вышел бывший посол в США Б.А. Бахметев. К концу 1924 г. последним государством, поддерживавшим регулярные контакты с Советом, оставалась Франция, где, однако, все громче раздавались голоса за то, чтобы выстраивать отношения с новой Россией с учетом прежде всего французских национальных интересов, а не мнения эмигрантов. В октябре 1924 г. бывший посол Временного правительства в Париже В.А. Маклаков был проинформирован о намерении французского правительства признать СССР и передать ему здание посольства на улице Гренель.

После окончания Гражданской войны советская дипломатия продемонстрировала свою готовность играть по принятым правилам, не отказываясь от собственных целей. Цель при этом оставалась далекоидущей – сохранить в неприкосновенности советский общественно-экономический строй, стратегическая установка которого по-прежнему предполагала демонтаж буржуазной государственности в странах Запада, получив от того же Запада ресурсы, необходимые для его выживания. Подобный подход оставался внесистемным и ставил СССР вне рамок существовавшего на тот момент международного порядка. Вел ли процесс интеграции в дипломатическое поле и, как следствие, к усвоению соответствующего габитуса к постепенному отходу советских представителей за рубежом от целеполагания, обозначенного политическим руководством страны? Этот вопрос с течением времени волновал Москву всё сильнее.

Приход на пост наркома по иностранным делам М.М. Литвинова ускорил процессы становления советского дипломатического корпуса как особой социопрофессиональной группы с собственной поведенческой культурой, в то же время являющейся частью интернационального дипломатического поля [*Иванов*, 2022]. Новый глава ведомства во многом мыслил категориями корпоративной сплоченности, уделяя ей большее внимание, чем его предшественник. Если Чичерин так и не создал собственной фракции в НКИД, то Литвинов рано обнаружил склонность к формированию вокруг себя сети клиентов. К числу «литвиновских» дипломатов [*Эренбург*, 2000, с. 738], обязанных наркому карьерным продвижением и просто связанных с ним дружескими отношениями и общим прошлым, относились И.М. Майский, А.М. Коллонтай, Б.С. Стомоняков, Я.З. Суриц, Б.Е. Штейн, Л.М. Хинчук.

Новый нарком серьезно реорганизовал работу ведомства, привнеся в нее начала системности. «Это был прежде всего умевший искусно распределять дела между своими сотрудниками и работавший сам “напряженно, быстро и эффективно”», – пишет о нем историк С. Дюллен [*Дюллен*, 2009, с. 64]. При Литвинове коллегия НКИД превратилась в регулярно собиравшийся орган с четкой повесткой дня. Сложилась понятная схема распределения

обязанностей, установились четкий график и внутренняя дисциплина [*Майский*, 1964, с. 138]. Усилилась централизация аппарата НКИД на всех уровнях, обострилась его конкуренция с другими ведомствами, занимавшимися внешней политикой, причем Литвинову удавалось отстаивать первенство своего наркомата, в частности в отношениях с НКВТ. Рыхлый коллектив «красных» дипломатов, сохранявший внутри себя неформальный дух и определенную демократичность, унаследованную с эмигрантских времен, уступал место иерархичной культуре, усваивавшей критерии идентичности и четкий кодекс поведения.

Набор неформальных требований, предъявляемых к потенциальным сотрудникам НКИД, ужесточился. Обязательным условием принятия на работу стало знание по крайней мере двух иностранных языков. Резерв старых кадров революционной интеллигенции с опытом жизни в эмиграции был практически исчерпан в то время, когда советской дипломатии, активно реализовывавшей политику коллективной безопасности в Европе, насущно требовались люди. В 1934 г. внутри НКИД был создан Институт по подготовке дипломатических и консульских работников (с 1974 г. – Дипломатическая академия МИД СССР), занявшийся массовым обучением дипломатов. Преподавателями выступали члены коллегии НКИД и полпреды. Формировался механизм воспроизводства и передачи дипломатического габитуса. В состав дипломатического корпуса влилось новое поколение родившихся на рубеже веков, не имевших опыта дореволюционной политической деятельности. К середине 1930-х годов они занимали половину всех должностей в наркомате [*Дюллен*, 2009, с. 55]. Постепенно складывалась ситуация, при которой попасть на дипломатическую службу без специальной подготовки становилось затруднительно. Литвинов активно противодействовал экспансии «выдвиженцев» в ряды дипломатического корпуса [*Дюллен*, 2009, с. 58–60].

Специфика дипломатической работы в СССР заключалась в том, что социальный капитал и габитус, усваиваемые акторами дипломатического поля, вступали в противоречие с символическими представлениями, считавшимися легитимными в рамках политической культуры государства победившего пролетариата. Если в 1920-е годы это противоречие пытались сглаживать, по крайней мере, внешне (в том числе сами дипломаты: стоит вспомнить такие показательные акции, как облачение самого Чичерина и его сотрудников в красноармейские гимнастерки), то впоследствии оно укоренилось. НКИД постоянно ставил вопрос перед правительством о создании для дипломатов лучших условий жизни вплоть до строительства отдельного квартала в районе здания наркомата на улице Воровского в центре Москвы [*Дюллен*, 2009, с. 71]. Дипломатический корпус в столице имел доступ к специальному снабжению литеры «А», обеспечивавшему лучший в стране паёк [*Осокина*, 1999, с. 101].

Проблема социального расслоения, обозначившаяся в советском обществе, касалась не только дипломатов, однако они являлись «группой риска», так как в силу профессии вели очевидно «буржуазный» образ жизни. Отсюда постоянные попытки провести связь между советским дипломатическим корпусом и актуальной повесткой строительства социалистического общества. Так, 17 июля 1936 г. в статье для «Правды» Коллонтай назвала Литвинова «дипломатом-стахановцем». В 1933 г. с подачи московской партийной организации НКИД обзавелся подшефным колхозным хозяйством на территории

Подмосковья, которое получило почетное наименование колхоза им. Литвинова [*Шейнис*, 1989, с. 329]. В реалиях 1930-х годов подобные опыты выглядели малоубедительно, прежде всего с точки зрения самих дипломатов, которые во всё большей степени ощущали свой элитарный статус, поднимавший их над рабоче-крестьянским дискурсом.

На посту наркома Литвинов смог серьезно влиять на советскую внешнюю политику. Стремление дипломатов к налаживанию долговременных связей с «буржуазными» государствами даже ценой компромиссов по важным политическим вопросам, которое они демонстрировали еще со времен Генуэзской конференции, получило признание со стороны верховной власти. Речь шла о тактическом маневре: И.В. Сталину, победившему в борьбе за положение наследника Ленина, требовались «рабочие» взаимоотношения с Западом на время осуществления «революции сверху» и подготовки Советского Союза к возможной в будущем мировой войне. Однако имелась еще одна причина. Хозяин Кремля мог уделять решению практических внешнеполитических задач лишь ограниченное время и внимание ввиду особой важности внутренних проблем и собственной неопытности в международных делах. По мнению историков, последнее обстоятельство сказывалось вплоть до 1939 г. [*Haslam*, 1994, p. 57], что давало Литвинову возможность – сначала широкую, но постепенно сужавшуюся – предлагать и проводить в жизнь собственную повестку. «Наркоминдел хотел договариваться с Западом, а не разрушать его» [*Carley*, 2006, p. 298] – эта установка на годы стала магистральной для советской внешней политики, что способствовало росту самосознания дипломатического корпуса.

Идеи коллективной безопасности – неделимость и самоценность мира, недопустимость войны ни в какой форме, необходимость участия в международных институтах – совпадали со взглядами на природу международных отношений самого Литвинова и его единомышленников. Фигура А. Гитлера, первоначально рассматривавшаяся как скорее неоднозначная и на Западе, и в Советском Союзе, у круга «литвиновских» дипломатов вызвала резко негативную реакцию сразу после его прихода к власти. По мнению С. Дюллен, свою роль здесь сыграло то обстоятельство, что верхушка НКИД, в большой части состоявшая из евреев, первой уловила и верно восприняла тот разрушительный расистский импульс, который содержался в трудах нацистского вождя [*Дюллен*, 2009, с. 91]. Однако сближение с западными демократиями имело, с точки зрения советских дипломатов, не только политическое, но и практическое измерение.

Присоединение СССР к системе коллективной безопасности в 1933–1934 гг. открыло перед ними качественно более обширное поле деятельности. Рос штат полпредств в ключевых западных столицах, равно как и их финансирование. Заключение политических и торговых соглашений расширяло сеть контактов за счет предпринимательских и военных кругов, что создавало новые многообещающие направления работы, о которых в предыдущее десятилетие не приходилось и говорить [*Вершинин*, 2020]. Наконец, вхождение СССР в Лигу Наций в 1934 г. дало советским дипломатам доступ в символический центр мировой политики. Литвинов регулярно выступал в штаб-квартире Лиги в Женеве, став одним из ее главных спикеров и снискав всемирную известность. Он, по характерному замечанию наблюдавшего его У. Черчилля, «быстро приспособился

к атмосфере Лиги Наций и пользовался ее моральным языком с таким большим успехом, что скоро стал выдающимся деятелем» [*Churchill*, 1986, p. 95].

Советская дипломатическая культура всё больше приближалась к европейской, переняв к середине 1930-х годов ее основные параметры. Полпреды в европейских государствах поддерживали активные контакты с местными элитами вплоть до установления с их представителями личных отношений, как в случае с полпредом в Лондоне И.М. Майским и У. Черчиллем [*Churchill*, 1986, p. 263]. Эксцессы вроде того, который произошел в 1927 г. с полпредом в Париже Х.Г. Раковским, который, не обращая внимания на свой особый статус, подписал выдержанное в антиимпериалистическом духе воззвание троцкистско-зиновьевской оппозиции, за что был фактически объявлен во Франции персоной нон-грата, стали практически невозможны [*Carley*, 2006, p. 309]. Вместе с тем советские дипломаты часто придавали своим действиям очевидный демократизм, намекавший на особое самовосприятие. Символично была обставлена формальная процедура приема СССР в Лигу Наций. Чтобы не представать в роли просителя и не подчеркивать тем самым высокий статус основанной империалистическими державами международной организации, советская делегация во главе с Литвиновым отказалась ожидать формального приглашения в зал заседаний Лиги и заняла в нем свои места еще до официального объявления результатов голосования [*Шейнис*, 1989, с. 318].

Сам Литвинов и его политический стиль не вызывали симпатий у высшего руководства СССР [*Чуев*, 1991, с. 95–99]. Аппаратные позиции главы НКИД не были сильны: с 1934 г. он входил в состав ЦК ВКП(б), но никогда не состоял в Политбюро. В своей переписке вожди указывали на чрезмерную самостоятельность Литвинова. Внешнеполитические взгляды Сталина и его ближайшего сотрудника В.М. Молотова очевидно отличались от тех, которые исповедовали нарком и «его» дипломаты. Коллективная безопасность рассматривалась ими сугубо инструментально, а не в качестве стратегического курса. В 1936 г. наметились первые признаки разочарования Сталина в политике Литвинова, которая переставала решать главную задачу – минимизировать военную угрозу в Европе. На фоне растущего отчуждения от Запада НКИД, укомплектованный людьми, усвоившими «буржуазный» стиль, нормы поведения и взгляд на вещи, всё чаще рассматривался как политически ненадежный. Эти опасения присутствовали и ранее: партийные ячейки в полпредствах и негласные агенты спецслужб пристально наблюдали за деятельностью дипломатов, которых заведомо подозревали в нелояльности. В 1937 г. дипломатию решили поставить под полный контроль партийно-политического руководства страны.

Удар наносился не просто по Литвинову, а по всему дипломатическому корпусу. С одной стороны, влияние наркома неуклонно снижалось. Сталин всё чаще работал с дипломатами непосредственно, подключая к процессу Молотова. Сфера, в рамках которой нарком мог самостоятельно принимать решения, неуклонно сужалась. С другой стороны, Литвинов терял главный инструмент, помогавший ему выстраивать работу НКИД – контроль над кадрами. В руководстве ведомства стали появляться нелояльные ему люди (в частности, В.П. Потёмкин, бывший полпред во Франции, ставший в 1937 г. его заместителем). Начальником отдела кадров НКИД стал кадровый чекист. Венчали процесс две волны масштабных репрессий, жертвами которых оказались более

трети сотрудников наркомата, причем среди высшего звена эта доля достигала 62% [*Дюллен*, 2009, с. 200]. К 1939 г. чистки парализовали работу подразделений внешнеполитического ведомства и ключевых полпредств. Ряд советских представителей за рубежом стали политическими беженцами. Все попытки Литвинова защитить свои кадры оказались бесплодными. Сам он, попадая во всё более плотную изоляцию, также ждал ареста, однако занимал пост наркома до мая 1939 г., после чего был заменен Молотовым, что фактически означало переход рычагов управления внешней политикой непосредственно к Сталину.

***

В межвоенный период советская дипломатическая культура проделала сложную эволюцию. Идея демонтажа самого́ дипломатического поля, сущностно связанная с марксистко-ленинской апокалиптикой, доминировала в умах большевиков сравнительно недолго: уже работа по поиску, подготовке к публикации и изданию секретных соглашений дореволюционных правительств потребовала создания дипломатического аппарата, который рос по мере того, как новая власть сначала выбрала своей главной внешнеполитической задачей пропаганду и агитацию, а затем была вынуждена приступить к мирным переговорам с Центральными державами. Вместе с тем советская власть делала заявку на глубокое переформатирование дипломатического поля за счет внедрения в него новых практик и представлений о легитимности социального и символического капитала. Ввиду интернационального характера дипломатического поля эти попытки завершились ничем, хотя они и следовали в русле общего изменения представлений о международных отношениях под влиянием Первой мировой войны.

Разочарование большевиков в перспективах мировой революции запустило процесс постепенного встраивания советской внешнеполитической службы в дипломатическое поле и адаптации к его структурам. Усвоение соответствующего габитуса вело к символическим ассоциациям с дореволюционной русской внешней политикой, а в среде дипломатического корпуса постепенно формировался собственный этос, сближавший его представителя с западной поведенческой моделью. На переговорном уровне эта тенденция отражалась в формировании у дипломатов стремления к установлению долговременных отношений с капиталистическими государствами, даже ценой политических уступок. Соответствующие признаки наглядно проявились в ходе Генуэзской конференции, а в полной степени дали о себе знать после прихода к руководству НКИД М.М. Литвинова, при котором советский дипломатический корпус обрел наглядные черты особой социопрофессиональной группы.

Наиболее глубокая интеграция советского внешнеполитического ведомства в дипломатическое поле произошла в первой половине – середине 1930-х годов в ходе реализации им политики коллективной безопасности. Однако уже после 1936 г. стремление Сталина взять под полный контроль внешнюю политику на фоне общей неудачи курса Литвинова на международной арене запустило процесс перестройки НКИД, главным следствием которого стала утрата им аппаратной автономии и радикальное изменение его кадрового состава вследствие массовых чисток. Конец «эры Литвинова» означал полное переформатирование советской дипломатической культуры.

По данным, приводимым С. Дюллен, из 157 человек, занимавших руководящие посты в НКИД в 1940–1946 гг., 85% начали свою карьеру после 1936 г. [*Дюллен*, 2009, с. 200].

На дипломатическую работу массово пришли молодые люди, часто выходцы из низов, как правило, не имевшие специального образования. Многие из них слабо владели иностранными языками. Критериями отбора были благонадежность и дисциплинированность, при этом главным навыком, который предстояло освоить новым сотрудникам, являлось умение сохранять секретность [*Никонов*, 2016, с. 9]. Соблюдение строгой конфиденциальности стало базовым принципом функционирования высшего партийно-политического аппарата еще в 1930-е годы. Теперь этот принцип клался в основу дипломатической работы. Советская дипломатия теряла связь с интернациональным дипломатическим полем и вступала в короткий, но важный этап самостоятельного развития, который окончательно завершился после победы во Второй мировой войне и привел к установлению тесной субординационной связи между дипломатической службой и политической властью.

Список литературы

Аралов С.И. Воспоминания советского дипломата (1922–1923). – Москва : Издательство Института международных отношений, 1960. – 222 с.

Бурдье П. Социология социального пространства. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. – 288 с.

В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). – Москва : Политиздат, 1975. – 679 с.

Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. – Москва : РОССПЭН, 2009. – 374 с.

Вершинин А.А. У истоков советско-французского военного сотрудничества: миссия Б.М. Симонова во Франции (1932–1933 гг.) // Российская история. – 2020. – № 3. – С. 52–66.

Десять лет советской дипломатии (акты и документы). – Москва : Литиздат Наркоминдела, 1927. – 126 с.

Документы внешней политики. Т. 1. – Москва : Госполитиздат, 1957. – 772 с.

Дюллен С. Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. – Москва : РОССПЭН, 2009. – 319 с.

Иванов Ю.В. Первые советские дипломаты. НКИД РСФСР/СССР. 1917–1941. – Москва : Перо, 2022. – 464 с.

Коллонтай А.М. Дипломатические дневники. Т. 1. – Москва : Academia, 2001. – 527 с.

Кононова М.М. Деятельность дипломатов царского и Временного правительств в 1917–1938 годах // Вопросы истории. – 2002. – № 3. – С. 105–118.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 21. – Москва : Политиздат, 1968. – 671 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37. – Москва : Политиздат, 1969. – 748 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. – Москва : Политиздат, 1970. – 725 с.

Майский И.М. Воспоминания советского посла. Кн. 1. – Москва : Наука, 1964. – 462 с.

Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. – Москва : Молодая гвардия, 2016. – 524 с.

О'Коннор Т. Георгий Чичерин и советская внешняя политика, 1918–1930. – Москва : Прогресс, 1991. – 320 с.

Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. – Москва : РОССПЭН, 1999. – 271 с.

Остапенко А.И. Организационное строительство НКИД РСФСР в петроградский период и переезд советского правительства в Москву в марте 1918 г. // Переезд советского правительства в Москву. К 100-летию возвращения столицы в Первопрестольную / отв. ред. И.И. Тучков, Л.С. Белоусов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2019. – С. 137–162.

Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2 / под ред. И.С. Иванова. – Москва : Олма-пресс, 2002a. – 617 с.

Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 3 / под ред. И.С. Иванова. – Москва : Олма-пресс, 2002b. – 419 с.

Последняя служебная записка Г.В. Чичерина // Источник. – 1995. – № 6. – С. 99–112.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. – Москва : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. – 1483 с.

Хормач И.А. Советское государство на международной конференции в Генуе по экономическим и финансовым вопросам. 10 апреля – 19 мая 1922 г. // Новая и новейшая история. – 2020. – № 3. – С. 80–106.

Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. – Москва : Терра, 1991. – 623 с.

Шейнис З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. – Москва : Издательство политической литературы, 1989. – 430 с.

Эренбург И.Г. Собрание сочинений. Т. 7. – Москва : Художественная литература, 2000. – 861 с.

Эрлихман В.В. Леонид Красин. Красный лорд. – Москва : Вече, 2022. – 416 с.

Adler-Nissen, R. Symbolic Power in European Diplomacy: The Struggle Between National Foreign Services and the EU's External Action Service // Review of International Studies. – 2014. – Vol. 40, N. 4. – P. 657–681. – DOI: 10.1017/S0260210513000326.

Bull H. The anarchical society: A study of order in world politics. – New York : Columbia University Press, 2002. – 329 P.

Carley M.J. A Soviet Eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940 // Diplomacy & Statecraft. – 2006. – Vol. 17, N 2. – P. 295–346.

Churchill W.S. The Second World War. Vol. 1, The Gathering Storm. – New York : Harper Paperbacks, 1986. – 724 P.

Debo R. G.V. Chicherin: A Historical Perspective // Soviet Foreign Policy, 1917–1991: A Retrospective / Ed. by G. Gorodetsky. – London : Routledge, 1994. – P. 21–29.

Haslam J. Litvinov, Stalin and the Road Not Taken // Soviet Foreign Policy, 1917–1991: A Retrospective / Ed. by G. Gorodetsky. – London : Routledge, 1994. – P. 55–62.

Jackson P. Pierre Bourdieu, the "cultural turn" and the practice of international history // Review of International Studies. – 2008. – Vol. 34, N 1. – P. 155–181. – DOI: 10.1017/S026021050800795X.

Kocho-Williams A. Russian and Soviet Diplomacy, 1900–39. – London : Palgrave Macmillan, 2012. – 227 P.

Mérand F., Pouliot V. Le monde de Pierre Bourdieu: Éléments pour une théorie sociale des relations internationales // Revue canadienne de science politique. – 2008. – Vol. 41, N 3. – P. 603–625.

Pope A.U. Maxim Litvinoff. – New York : Secker & Warburg, 1943. – 530 P.

Pouliot V. International Security in Practice: The Politics of NATO – Russia Diplomacy. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 290 P.

Sending O.J. United by difference: Diplomacy as a thin culture // International Journal. – 2011. – Vol. 66, N 3. – P. 643–659. – DOI: 10.1177/002070201106600 30.

Senn A.E. Diplomacy and Revolution: The Soviet Mission to Switzerland, 1918. –

Notre Dame, Indiana : Notre Dame University Press, 1974. – 221 P.

Stone J. So many butterflies: Isaiah Berlin and the challenge of strategy // Journal of Strategic Studies. – 2021. – Vol. 44, N 5. – P. 640–660. – DOI: 10.1080/01402390.2019.1612376.

The Times Survey of the Foreign Ministries of the World / Ed. by Z. Steiner. – London : Times Book, 1982. – 624 P.

Vaïsse M. L'adaptation du Quai d'Orsay aux nouvelles conditions diplomatiques (1919–1939) // Revue d'histoire moderne et contemporaine. – 1985. – Vol. 32, N 1. – P. 145–162.

Watson D. The Politburo and Foreign Policy in the 1930 // The Nature of Stalin's Dictatorship. The Politburo, 1924–1953 / Ed. by E.A. Rees. – Basingstoke, New York : Palgrave Macmillan, 2004. – P. 134–167.

The Pages of the Past

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.11

The Formation of the Soviet Diplomatic Culture (1917–1939)

Aleksandr A. VERSHININ
PhD (History), Associate Professor, Faculty of History Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky Prospekt, 27–4, Moscow, Russian Federation, 119991
E-mail: averchinine@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5206-8013

CITATION: Vershinin A.A. (2022). The Formation of the Soviet Diplomatic Culture (1917–1939) // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 15, no. 5, pp. 206–225 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.11

Received: 18.11.2022.
Revised: 08.12.2022.

FINANCIAL SUPPORT: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the National Science Foundation of Bulgaria within the framework of the scientific project No. 20-59-18007 "From regional conflicts to the era of global transformations: the view of Russian and Bulgarian historians on international relations in the late 19th – early 21st centuries."

ABSTRACT. *The article, based on the theory of field of P. Bourdieu, examines the complex evolution of the Soviet diplomatic culture in the interwar period. The idea of dismantling the diplomatic field as such dominated the minds of the Bolsheviks for a relatively short time and was quickly replaced by aspiration for a deep reformatting of the diplomatic field by introducing new practices and ideas about the legitimacy of social and symbolic capital into it. The Bolsheviks' disillusionment with the prospects*

of the world revolution started the process of gradually embedding the Soviet foreign policy service in the diplomatic field and adapting to its structures. The assimilation of the appropriate habitus led to the formation of a special ethos among the diplomatic corps, which brought it closer to the Western behavioral model. At the negotiating level, this trend was reflected in the formation of diplomats' desire to establish long-term relations with capitalist states, even at the cost of political concessions. The corresponding signs were clearly manifested during the Genoa Conference, and fully made themselves felt after M.M. Litvinov came to the leadership of the NKID (People's Commissariat for Foreign Affairs of the USSR), under whom the Soviet diplomatic corps acquired the visual features of a special socio-professional group. The most profound integration of the Soviet foreign ministry into the diplomatic field took place in the first half – mid-1930s during the implementation of its collective security policy. However, after 1936, Stalin's desire to take full control of foreign policy against the background of the general failure of Litvinov's course in the international arena launched the process of restructuring the NKID, which ended with the formation of the foundations of a new diplomatic culture.

KEYWORDS: *diplomatic culture, diplomatic field, habitus, symbolic capital, Soviet diplomacy, Chicherin, Litvinov*.

References

Adler-Nissen R. (2014). Symbolic Power in European Diplomacy: The Struggle Between National Foreign Services and the EU's External Action Service. *Review of International Studies*, vol. 40, no. 4, pp. 657–681. DOI: 10.1017/S0260210513000326.

Aralov S.I. (1960). *Memoirs of a Soviet diplomat* (*1922–1923*). Moscow : Izdatel'stvo Instituta mezhdunarodnykh otnosheniy, 222 pp. (in Russian).

Bourdieu P. (2007). *Sociology of social space*. Saint-Petersburg : Aleteya, 288 pp. (in Russian).

Bull H. (2002). *The anarchical society: A study of order in world politics*. New York : Columbia University Press, 329 pp.

Carley M.J. (2006). A Soviet Eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940. *Diplomacy & Statecraft*, vol. 17, no. 2, pp. 295–346.

Chuev F.I. (1991). *One hundred and forty conversations with Molotov: From the diary of F. Chuev*. Moscow : Terra, 623 pp. (in Russian).

Churchill W.S. (1986). *The Second World War. Vol. 1, The Gathering Storm*. New York : Harper Paperbacks, 724 pp.

Debo R. (1994). G.V. Chicherin: A Historical Perspective. In: Gorodetsky G. (ed.). *Soviet Foreign Policy, 1917–1991: A Retrospective*. London : Routledge, pp. 21–29.

Desyat' let… (1927). *Ten years of Soviet diplomacy* (*acts and documents*). Moscow : Litizdat Narkomindela, 124 pp. (in Russian).

Deutscher I. (2006). *Trotsky. An armed prophet. 1879–1921*. Moscow : Tsentrpoligraf, 527 pp.

Dokumenti… (1957). *Foreign Policy Documents, vol. 1*. Moscow : Gospolitizdat, 772 pp. (in Russian).

Dullin S. (2009). *Stalin and His Diplomats: The Soviet Union and Europe, 1930–1939*. Moscow : ROSSPEN, 319 pp. (in Russian).

Ehrenburg I.G. (2000). *Collected works, vol. 7*. Moscow : Khudozhestvennaya literature, 861 pp. (in Russian).

Erlikhman V.V. (2022). *Leonid Krasin. Red lord*. Moscow : Veche, 416 pp. (in Russian).

Haslam J. (1994). Litvinov, Stalin and the Road Not Taken. In: Gorodetsky G. (ed.). *Soviet Foreign Policy, 1917–1991: A Retrospective*. London : Routledge, pp. 55–62.

Ivanov Yu.V. (2022). *The First Soviet Diplomats. NKID RSFSR/USSR. 1917–1941*. Moscow : Pero, 464 pp. (in Russian).

Jackson P. (2008). Pierre Bourdieu, the "cultural turn" and the practice of international history. *Review of International Studies*, vol. 34, no. 1, pp. 155–181. DOI: 10.1017/S026021050800795X.

Khormach I.A. (2020). The Soviet state at the international conference in Genoa on economic and financial issues. April 10 – May 19, 1922. *Novaya i noveyshaya istoriya*, no. 3, pp. 80–106 (in Russian).

Kocho-Williams A. (2012). *Russian and Soviet Diplomacy, 1900–39*. London : Palgrave Macmillan, 227 pp.

Kollontai A.M. (2001). *Diplomatic diaries, vol. 1*. Moscow : Academia, 527 pp. (in Russian).

Kononova M.M. (2002). Activities of diplomats of the tsarist and Provisional governments in 1917–1938. *Voprosy istorii*, no. 3, pp. 105–118 (in Russian).

Lenin V.I. (1968). *Complete Works, vol. 21*. Moscow : Politizdat, 671 pp. (in Russian).

Lenin V.I. (1969). *Complete Works*, *vol. 37*, Moscow : Politizdat, 748 pp. (in Russian).

Lenin V.I. (1970). *Complete Works, vol. 44*, Moscow : Politizdat, 725 pp. (in Russian).

Maysky I.M. (1964). *Memoirs of the Soviet Ambassador*. Moscow : Nauka, 462 pp. (in Russian).

Mérand F., Pouliot V. (2008). Le monde de Pierre Bourdieu: Éléments pour une théorie sociale des relations internationales. *Revue canadienne de science politique*, vol. 41, no. 3, pp. 603–625.

Nikonov V.A. (2016). *Molotov: Our cause is just*, *vol. 2*. Moscow : Molodaya Gvardya, 524 pp. (in Russian).

O'Connor T.E. (1991). *Georgy Chicherin and Soviet foreign policy, 1918-1930*. Moscow : Progress, 320 pp. (in Russian).

Ocherki… (2002a). Ivanov I.S. (ed.). *Essays on the history of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, vol. 2*. Moscow : OLMA-PRESS, 617 pp. (in Russian).

Ocherki… (2002b). Ivanov I.S. (ed.). *Essays on the history of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, vol. 3*. Moscow : OLMA-PRESS, 419 pp. (in Russian).

Osokina E.A. (1999). *Behind the facade of "Stalin's abundance". Distribution and market in the supply of the population during the years of industrialization. 1927–1941*. Moscow : ROSSPEN, 271 pp. (in Russian).

Ostapenko A.I. (2019). Organizational construction of the NKID of the RSFSR in the Petrograd period and the move of the Soviet government to Moscow in March 1918. In: Tuchkov I.I., Belousov L.S. (eds.). *The move of the Soviet government to Moscow. On the 100th anniversary of the return of the capital to Moscow*. Saint-Petersurg : Aleteya, pp. 137–162 (in Russian).

Pope A.U. (1943). *Maxim Litvinoff*. New York : Secker & Warburg, 530 pp.

Poslednyaya sluzhebnaya… (1995). The last memo of G.V. Chicherin. *Istochnik*, no. 6, pp. 99–112 (in Russian).

Pouliot V. (2010). *International Security in Practice: The Politics of NATO – Russia Diplomacy*. Cambridge : Cambridge University Press, 290 pp.

Sending O.J. (2011). United by difference: Diplomacy as a thin culture. *International Journal*, vol. 66, no. 3, pp. 643–659. DOI: 10.1177/00207020110660030.

Senn A.E. (1974). *Diplomacy and Revolution: The Soviet Mission to Switzerland, 1918*. Notre Dame, Indiana : Notre Dame University Press, 221 pp.

Sheinis Z.S. (1989). *Maxim Maksimovich Litvinov: revolutionary, diplomat, man*. Moscow : Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 430 pp. (in Russian).

Sobraniye… (1942). *Collection of laws and government orders for 1917–1918*. Moscow : Administration of Affairs of the USSR Council of People's Commissars, 1483 pp. (in Russian).

Stone J. (2021). So many butterflies: Isaiah Berlin and the challenge of stra-

tegy. *Journal of Strategic Studies*, vol. 44, no. 5, pp. 640–660. DOI: 10.1080/01402390.2019.1612376.

The Times Survey of the Foreign Ministries of the World (1982). Steiner Z. (ed.). London : Times Book, 624 pp.

V.I. Lenin i VChK… (1975). *V.I. Lenin and the Cheka. Collection of documents (1917–1922)*. Moscow : Politizdat, 679 pp. (in Russian).

Vaïsse M. (1985). L'adaptation du Quai d'Orsay aux nouvelles conditions diplomatiques (1919–1939). *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, vol. 32, no. 1, pp. 145–162.

Vatlin A.Yu. (2009). *Comintern: Ideas, Decisions, destinies*. Moscow : ROSSPEN, 2009, 374 pp. (in Russian).

Vershinin A.A. (2020). At the origins of Soviet-French military cooperation: the mission of B.M. Simonov in France (1932–1933). *Rossiyskaya istoriya*, no. 3, pp. 52–66 (in Russian).

Watson D. (2004). *The Politburo and Foreign Policy in the 1930*. In: Rees E.A. (ed.). The Nature of Stalin's Dictatorship. The Politburo, 1924–1953. Basingstoke, New York : Palgrave Macmillan, pp. 134–167.

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.12

Международные художественные выставки как форма культурного и политического диалога

Ника Прохоровна МАЛЮТИНА
старший лаборант
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: baleine.mango@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6586-3876

ЦИТИРОВАНИЕ: Малютина Н.П. Международные художественные выставки как форма культурного и политического диалога // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 226–236. DOI: 10.31249/kgt/2022.05.12

Статья поступила в редакцию 25.11.2022.
Исправленный текст представлен 15.12.2022.

АННОТАЦИЯ. *Данная статья посвящена представлению роли международных выставок в политической жизни различных стран в качестве пространств, где организуется культурный и политический диалог. Как основные примеры были рассмотрены культурное сотрудничество США и СССР, выставки «Париж – Москва», «Москва – Париж», организованные по совместной инициативе Франции и СССР в 1979 и 1981 гг., а также выставки американского поствоенного искусства в галерее Тейт. Помимо этого, в статье рассмотрены несколько примеров подобных мероприятий, чтобы подтвердить идею о том, что подобные мероприятия действительно являлись местом проведения политических диалогов разных уровней, начиная от поиска общих точек в искусстве на сцене экспозиции и заканчивая скрыто протекающими процессами переговоров и переписок, благодаря которым эти выставки были реализованы. Статья также представляет специфику культурных отношений между США и СССР, а также непосредственно внутри западного сообщества, не используя сравнение Европы и СССР в качестве единственного очевидного политического противостояния и антитезы.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *культура, политика, культурная дипломатия, международные выставки, «Париж – Москва», мягкая сила, культурная программа, экспозиция, галерея Тейт.*

Вступление

Культурный диалог во все времена был важной составляющей внешней политики цивилизованных государств. Сближение через восприятие другой

культуры может обеспечивать и катализировать политические и социальные процессы и трансформации. В данной статье мы хотели рассмотреть такое культурное и политическое взаимодействие на примере международных художественных выставок XX в. Своей целью мы видим представление международных художественных выставок как формы культурного и политического диалога. Также посредством конкретных примеров попытались рассмотреть взаимозависимость культурных событий и историко-политического контекста.

С середины XIX – начале XX в. научно-технический прогресс и индустриализация закрепили тенденцию глобализации экономики, и отход от приоритетных ранее принципов автаркии и протекционизма стал всемирным трендом. Свидетельством этого является традиция проведения всемирных выставок, которые по своей сути были платформой для представления достижений и культурных особенностей государств. Таким образом, внешняя политика государства становилась всё более весомой на фоне возрастания значимости международных отношений.

В этом контексте важными составляющими внешней политики становились культурный диалог и культурная репрезентация. Формирование позитивного образа государства, открытости, готовности к диалогу в совокупности с представлением национальных особенностей и эксклюзивности являлись важным экономическим и политическим фактором. Это нашло свое проявление в формировании отдельной сферы государственной политики – внешней культурной политики. Под внешней культурной политикой мы готовы понимать «комплекс мер, разрабатываемых и реализуемых государством на внешнем уровне для продвижения национальной культуры и языка за рубежом, направленный на формирование благоприятного образа страны с целью укрепления его авторитета в мире. Как правило, внешняя культурная политика предполагает активное продвижение, популяризацию, экспорт национальной культуры и языка, пропаганду собственных культурных ценностей и достижений за рубежом» [*Захарова*, 2014, с. 95].

Отражением исторического и политического контекста XX в. была трансформация внешней культурной политики. Так, в 1930-е годы Ф. Баргхорн сформулировал термин «культурная дипломатия», подразумевавший «манипуляцию культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях» [*Василенко,* 2016]. За якобы негативным контекстом понятия «пропаганда» легко читается прагматичная цель достижения политических целей методами культурного диалога. В 1965 г. Эдмунд Галлион сделал попытку избавиться от негативной коннотации понятия «пропаганда», заменив более нейтральным понятием «публичная дипломатия». Суть понятия оставалась схожей, с одним разительным отличием: культурный диалог в данном случае должен быть обращен не только на дипломатический корпус другого государства, но и на его население. Дж. Фишер указывал: «Недостаточно точно быть уверенным в том, что ваши иностранные коллеги-дипломаты понимают политику вашего государства. Её должна понять массовая аудитория, которая влияет на политику своего Министерства иностранных дел» [*Fisher*, 1972, p. 4]. Финальной на текущий момент точкой эволюции внешней культурной политики является сформулированное в 1980-х годах Дж. Найем понятие «мягкой силы» (*soft power*). При этом как противопоставление «жесткой силе» (военному и политическому

давлению) для раскрытия «мягкой силой» начинал использоваться фактор привлекательности образа, имиджа страны (что в дальнейшем нашло развитие в термине «национальный брендинг») [*Василенко,* 2016].

Понятие «мягкой силы» включает в себя как один из значимых элементов понятие «культура». Культура того или иного государства должна быть привлекательна для других стран, потенциальных партнеров и соперников. «Мягкая сила» использует культурные каналы как способ проведения культурных интервенций и развития за пределами своей страны, преследуя национальные интересы, создавая ее выгодный облик в глазах потенциальных партнеров или же укрепляя уже образовавшиеся связи в других аспектах: экономике, вооруженной поддержке, обмене информационными данными [*Nye,* 1990].

У культуры есть собственные агенты воздействия: люди, организации, события. В данном случае мы рассматриваем таких агентов, как музеи и выставки. Музеи стремятся сохранить преимущественно наследие материальной культуры, в первую очередь национальной, а также культуры иных стран. Выставки занимают важное место в области культуры. Они являются способом ее распространения и репрезентации – непосредственно для ознакомления с ней жителей страны, но также для того, чтобы распространять информацию о собственной культуре за ее пределами. Таким образом, культура становится динамичной и приобретает способность влиять на восприятие людей. Выставки и музейная деятельность являются одним из каналов для передачи смыслов и ценностей, заложенных в ту или иную культуру, а также включают ее в глобальный общемировой процесс взаимовлияния государств, наций и людей.

История международной выставочной деятельности

Культурный и политический диалог может иметь различные виды и протекать в разных форматах, однако, на наш взгляд, одной из наиболее очевидных и выразительных точек соприкосновения культуры и политики, а также их взаимодействия, взаимовлияния являются международные культурные инициативы, зачастую поддерживаемые правительствами государств. Одна из наиболее эффектных и ярких форм среди них – организация в кооперации нескольких стран международных художественных выставок. Это один из действенных способов представления собственной культуры государства и объединения культурного наследия многих стран, его сравнения, сопоставления, поиска каких-либо общих связей или же отличий.

«Международная выставочная деятельность является одним из коммуникационных каналов современных предприятий в глобальной мировой экономической системе, обеспечивает взаимосвязь с экономиками многих стран. По факту международно-правовой значимости выставочной деятельности в системе современных международных правоотношений, в части продвижения государственных интересов стран – членов мирового сообщества, можно обоснованно утверждать о развитии вполне самостоятельного института выставочного дела в рамках международного экономического права» [*Мураталиева,* 2018].

История международных выставок в роли самостоятельного медиума культуры и политических намерений начинается в конце XIX в., со Всемирных международных выставок ЭКСПО, Венецианской биеннале, а также заграничных поездок («Русские сезоны» С.П. Дягилева, проходившие с 1908

по 1921 г. в Европе и Америке). Если ранее культурный диалог и обмен проходили, скорее, в форме «пенсионерских» или же самостоятельных художественных поездок в другие страны ради обучения новым формам искусства и изучения местной культуры, то с технологическим прогрессом возросла и возможность для транспортировки большого количества памятников, а также стали возникать инициативы по презентации за рубежом искусства творцов и художников. Это было вызвано потребностью и желанием представить свое искусство, а также культуру своей страны, не только современную, но и более ранние ее периоды.

В середине XX в. ситуация преображается еще больше, музеи и выставки приобретают значение политических высказываний, галерейные пространства – социальных узлов, а курирование выставок и проектов стало самостоятельной дисциплиной, позволившей кураторам и художникам представлять собственные идеи, выражать их посредством художественного языка и интерпретировать различные культуры по-новому, осмысляя их суть и связи. XX век также ознаменован появлением независимых арт-платформ, частных художественных галерей, что позволяло художникам андеграундного искусства собирать самостоятельные экспозиции и кооперироваться между собой. Все эти факторы указывали на то, что искусство приобретало большее социальное влияние. Оно получило новые возможности и расширило инструментарий соприкосновения с обществом.

При этом политическое влияние на искусство не ослабло: с одной стороны, искусство стало продвигать определенную идеологическую повестку: антикапиталистическую, антивоенную, связанную с угнетением меньшинств или же просто с анархическими или абсурдистскими высказываниями. С другой – искусство продолжало существовать, отражая официальную государственную идеологию. Примером может быть «план монументальной пропаганды» в СССР [*Толстой,* 1961], а в дальнейшем – методология соцреализма или же искусство монументальной мексиканской живописи, связанное с коммунистическими настроениями в обществе.

Политический диалог продолжался и в форме международных выставок. Инициатором могли быть и независимые галереи, однако для полноценной организации договоренности по обмену и передачи произведений с дальнейшим провозом через государственные границы должны были согласовываться с представителями государств, с которыми планировалось сотрудничество.

Международная культурная деятельность в западном сообществе

Для более наглядного представления был выбран период с конца 1950-х по начало 1990-х годов – по той причине, что налаживание политических и культурных связей между странами после Второй мировой войны вновь стало актуальным, а также по причине интенсификации глобализации, повышения взаимовлияния и взаимопроникновения национальных культур в беспрецедентном объеме. Мы заострим свое внимание на особо крупных и запоминающихся событиях, дабы оценить, насколько полно формат международных выставок смог вместить в себя поставленные задачи и ответить на них, насколько привлекательной и эффективной оказалась подобная форма.

Международные выставки, как уже упоминалось ранее, могли быть

инициированы частными музейными организациями и частными лицами, а также в рамках непосредственного проведения государственных политических кампаний. Данный тезис вполне может быть подтвержден историей программы культурного взаимодействия между США и СССР с 1950-х по 1970-е годы.

В 1958 г. СССР и США была инициирована международная культурная программа, которая была частью плана по обмену национальными научными, техническими и другими достижениями между обеими странами. «В начале 1958 г. ситуация на культурном фронте начинает меняться: 27 января в Вашингтоне было подписано Соглашение между СССР и США об обменах в области науки, техники, образования, культуры и других областях (известное также как «Соглашение Лэйси – Зарубина», по фамилиям глав делегаций на переговорах). Оно стало первым в истории российско-американских отношений договором, создавшим фундамент для развития культурных и академических связей в правовом поле и официально закрепившим тенденции, наметившиеся за предыдущие несколько лет» [*Иванян,* 2001].

«Соглашение предусматривало обмен специалистами в области промышленности, сельского хозяйства, медицины; обмен артистами, музыкантами, художниками; межуниверситетский обмен, а также обмен радио- и телепередачами, фильмами и т. д.» [*Курляндцева,* 2020, с. 91].

Выставки занимали отдельное место в этом культурном обмене. Первые выставки, прошедшие в США и СССР, были посвящены в большей степени национальным техническим достижениям и открытиям. Культура стран также была представлена, однако она заключалась преимущественно в достижениях национальной материальной культуры. Нам же более интересны те выставки, которые были реализованы в дальнейшем: выставки, связанные с искусством различных художников из Америки, подаренные Эрмитажу и ГМИИ им. А.С. Пушкина картины американских художников, а также персональная выставка «официального советского художника, и им становится Павел Корин» [*Курляндцева,* 2020, с. 93]. Наряду с представлением технических и интеллектуальных достижений необходимо было представить особенности национальной культуры и посредством изобразительного искусства; пусть в тот период это и было противопоставлением американской живописи единой художественной методологии соцреализма в СССР, однако даже это подчеркивало и усиливало интерес и особенности каждой отдельно взятой культуры. Это привлекало внимание, пусть и подчеркивая соперничество и контраст.

Помимо организации выставок, необходимо отметить и тот факт, что некоторые художники были командированы в другую страну для того, чтобы представить свои картины в рамках национальных выставок, а также в качестве амбассадоров национальной культуры и искусства, чтобы представление памятников было дополнено корректными и расширяющими понимание и восприятие историями. На советской выставке Ромас в течение десяти дней «давал консультации по вопросам советского изобразительного искусства, делал обзорные доклады и прочее» [*Курляндцева,* 2020, с. 94].

«Далее в выставочном обмене наступает пауза до 1970-х годов. Культурные отношения между США и СССР во второй половине 1960-х годов также ослабевают: в разгаре вьетнамская война, антисоветские выступления, организованные Лигой защиты евреев, гонка вооружений и т. д.» [*Курляндцева,* 2020].

На примере данного договора можно видеть, насколько от политического взаимодействия было зависимо культурное взаимодействие, активность развития и укрепления взаимных связей, насколько точным отражением хода политических событий в данном случае становились выставки: они включали в себя не только художественную ценностную составляющую, но и являлись прямым инструментом пропаганды и донесения необходимой информации для зарубежных партнеров, а также другого народа.

Еще одним достаточно значимым международным контактом между СССР и западным миром были экспозиции «Париж – Москва. 1900–1930» и «Москва – Париж. 1900–1930». Выставка «Париж – Москва. 1900–1930» была проведена в Национальном центре искусства и культуры имени Жоржа Помпиду в Париже с 31 мая по 5 ноября 1979 г. Вторая ее часть, «Москва – Париж. 1900–1930», задуманная как зеркальное отражение выставки в Париже, состоялась в Москве два года спустя. Она была открыта в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина с 3 июня по 4 октября 1981 г. Обе эти выставки стали настоящим открытием и сенсацией и для западного, и для советского зрителя. На выставках были представлены работы русских и советских авангардистов периода после Октябрьской революции. Эта живопись не была известна широкой публике ни в СССР, ни на Западе. На выставке в Москве впервые были показаны работы модернистов европейской живописи в широком масштабе.

Основная идея организаторов и кураторов выставки заключалась в том, чтобы представить диалог русской и французской культур на заре XX в., когда произошло самое прорывное открытие в мире искусства – становление авангарда. Родившийся во Франции, авангард приобрел в России совершенно новое концептуальное и стилистическое развитие. Какая судьба ждала искусство после Первой мировой войны, а также после Октябрьской революции в России? Для каждой из европейских стран, а также для России, а затем для СССР начало века стало временем глобальных изменений как в социальном, политическом ключе, так и в культурном и эстетическом.

Для представления на выставке кураторы выбрали первое тридцатилетие века в обеих странах, чтобы провести параллели между развитием русского и французского искусства, вспомнить о взаимном влиянии, а также чтобы представить зарождение новой вехи искусства, которое стало предтечей искусства современного. В ходе подготовки экспозиции кураторы очень активно развивали идею о том, что русское искусство переняло те новшества, которые образовались во французском. Некоторые истолковали это как претензии СССР на то, чтобы считаться прямым и единственным наследником французского искусства, подчеркивая это тем, что в начале XX в. русские, точнее московские, меценаты заказывали картины у французских мастеров. Однако необходимо отметить, что, несмотря на действительно тесные отношения между Россией и Францией в культурном плане, выставка показала, что и в России, и во Франции работали и писали абсолютно самостоятельные творческие личности – художники-модернисты и авангардисты. Можно считать, что любое принимаемое решение попечителей могло быть достигнуто только лишь благодаря практически ежедневным диалогам друг с другом и стремлению к взаимопониманию. В 1978 г. обе стороны сошлись на компромиссе и согласовали содержание выставки.

Кураторы с французской стороны главным своим достижением считали именно то, что они смогли представить зарубежной публике русский авангард как раз для того, чтобы показать ту самую «паритетную силу», долго скрывавшуюся в запасниках русских музеев. Выставка не могла быть завершенной и полноценной без представления зрителю русского авангарда. Также, как утверждал Жан-Юбер Мартен, «важно было достичь обоюдно устраивавшего всех равновесия между авангардом и даже не соцреализмом, но фигуративным искусством, понятым весьма широко»[1].

Действительно, исходя из кураторских интервью и замечаний, можно сказать, что основной целью и задачей данного проекта являлось именно представление связей между СССР и Францией [Москва – Париж…, 1981, с. 8–15]. Желание подчеркнуть взаимное влияние и обогащение культур, желание заново открыть то, что было спрятано долгое время как для зарубежья, так и для самого СССР. По этой причине были старательно опущены острые и откровенно политические моменты, а также во избежание провоцирования мнения о конфронтации и противопоставлении искусства двух стран друг другу. Однако данная подача и трактовка всё равно подверглись критике общественности, вызвали ажиотаж и в некоторой степени даже неудовлетворение.

Стоит также отметить, что, хотя внешне работа над проектом выглядела вполне успешно, внутренние процессы не всегда шли так гладко. Это было связано с особенностями политической системы СССР и его общественным строем, кардинально отличавшимся от западного, а также тем, что с его стороны команду по работе над экспозицией представляли чиновники – люди, связанные с Министерством культуры: А.Г. Халтурин (почетный работник Министерства культуры) и его коллега В.М. Полевой. В интервью Жан-Юбер Мартен упоминал о них в первую очередь. Все решения должны были получать официальные подтверждения, в том числе это касалось наполнения выставки.

Из-за такого специфического государственного курирования с советской стороны, а также из-за упоминаний, что некоторые работы могли просто не представить, создается впечатление, словно внутренняя конфронтация всё же существовала. И художественные решения имели второстепенное значение перед политическими. Можно говорить о некоем противопоставлении французской стороны советской, словно последняя была представлена недостаточно компетентными персонами для организации выставки. Это находит подтверждение и в источниках, например в отрывке из письма Сержа Фошеро А.Г. Халтурину: «Я не могу поверить, что учреждения культуры, принявшие эти документы, вдруг добровольно передумали. Поэтому давайте договоримся не делать столь резких произвольных изменений. Давайте честно работать в рамках подписанных договоров. Что бы Вы сказали, если бы я постоянно менял соглашения, которых мы совместно решили придерживаться? Пишу Вам как другу, я не понимаю Вашей смены настроений. Чувствую себя ребенком, которого попросили внимательно посмотреть на торты, а потом сказали, что он их не получит ни одного.

1 Ерофеев А., Обухова А. Интервью Жан-Юбера Мартена, одного из кураторов выставок «Париж – Москва» и «Москва – Париж» (перевод: В. Леденев). – URL: https://russianartarchive.net/ru (дата обращения: 04.12.2022).

Какова цель подобного поведения?»[2] [*Мосур*, 2020, с. 48].

То же настроение демонстрирует и отрывок из письма Понтуса-Хюльтена напрямую Анри Фроману-Мёрису, послу Франции в СССР, с просьбой обращения к П.Н. Демичеву, тогда министру культуры СССР: «Я считаю эти картины решающими для успеха нашей выставки, особенно когда речь идет о Матиссе. Более чем очевидно, что без этих картин нам пришлось бы столкнуться с серьезной проблемой. Мне кажется, что советский министр культуры – единственный, кто может позволить нам получить картины. Поэтому был бы признателен, если бы Вы лично вмешались как можно скорее и поговорили с советским министром Демичевым»[3] [*Мосур*, 2020, с. 49].

Однако французские кураторы также подчеркивали значимость контактов с советскими искусствоведами, которые внесли свой значительный вклад в формирование данной выставки. Среди них были Д.В. Сарабьянов, С.Г. Джафарова, а также Л.А. Жадова. Все эти люди имели непосредственное отношение к искусству и оказывали консультации именно по искусствоведческой части. Это была профессиональная и конкретная работа в отношении памятников искусства, которые должны были быть представлены на выставке. Так что нельзя сказать, что весь проект был настолько сильно политизирован и ограничен чиновничьей бюрократией. Можно утверждать, что именно такой симбиоз кураторских практик и профессионального, экспертного подхода к выбранной теме для выставки сделал возможной саму реализацию этого масштабного и амбициозного проекта.

Внимания также заслуживает история выставок в галерее Тейт в Лондоне, которые проводились с 1970 по 1980-е годы. Они посвящены непосредственно репрезентации работ и творчества американских художников, скульпторов и других деятелей изобразительного искусства. В рамках этих экспозиций было представлено искусство послевоенной Америки, также много внимания было уделено экспозициям одного конкретного художника, которые, по мнению организаторов выставок, олицетворяли дух Америки. Для Гая Бретта отстраненность Уорхола и «удивительно меланхолические картины» отражали «коллективное американское чувство». Это были выставки, проходившие не только в галерее Тейт, но и в галереях других стран и городов, как, например, те же выставки работ Уорхолла или Барнетта Ньюмана.

Когда сын Фреда Майора Джеймс вступил в должность в 1973 г., создав послевоенный и современный отделы в *Sotheby's New York*, он почти сразу сделал акцент на показе американских художников. Только в 1973 и 1974 гг. галерея проводила персональные выставки работ Энди Уорхола (дважды), Роберта Раушенберга, Сая Твомбли, Денниса Оппенгейма, Роя Лихтенштейна, Агнес Мартин (в *Art Basel*), Ман Рэя, Евы Гессе и Джеймса Розенквиста, а также групповую выставку «США на бумаге»[4].

В рамках данных выставок и такой активной галерейной деятельности с привлечением зарубежных художников, организацией интернациональных выставок, посвященных искусству

2 Lettre de Serge Fauchereau à Monsieur Khaltourine, 13.03.1979 // Archives du Centre Pompidou, Archives de l'exposition Paris-Moscou, 1900–1930, CARTON 92022/116, Correspondance 1977–1980.

3 Télégramme de Pontus Hulten à Monsieur Bruno de Leusse, 14.03.1979 // Archives du Centre Pompidou, Archives de l'exposition Paris-Moscou, 1900-1930. CARTON 92022/116, Correspondance 1977-1980.

4 Timeline: American Art in Post-War Britain. – URL: https://www.tate.org.uk/research/publications/modern-american-art-at-tate/timeline/1970s (дата обращения: 01.12.2022).

определенной страны, можно говорить об определенном интересе и желании включить в коллекцию галереи экспонаты американского искусства, обогатить экспозицию послевоенного времени именно искусством Америки. Подобное выделение и обращение к искусству США может характеризовать именно стремление в формате выставок изучить и представить образ страны непосредственно через ее современников, актуальное искусство ее художников.

Выводы

В заключение отметим, что международные выставки являются одним из инструментов «мягкой силы», могут выражать политические намерения различных стран и в формате открытой заявленной культурной программы, которая сопровождает экспозиции, и в формате официальных взаимодействий между кураторами, представителями государств, а также культурными институциями. Международные выставки могут стать площадкой для политических дискуссий даже в процессе формирования экспозиции и местом для политического высказывания, если будет поставлена такая задача. Однако их первостепенная роль – презентация культуры различных стран, диалог различных культур, с которой они прекрасно справляются. Цель выставок – распространить влияние культуры, подарить людям возможность ее изучения, тем самым имплементируя принципы «публичной дипломатии».

Интересно то, что подобные мероприятия обычно ограничены по времени. Это может означать, что международные выставки должны иметь достаточно яркий и краткосрочный эффект, точно отвечая на актуальные вызовы в условиях меняющейся конъюнктуры. Таким образом, мы можем говорить, что использование искусства как формы коммуникации являет собой отдельный механизм культурной внешней политики – в большей степени через визуальных агентов, когда посетитель экспозиции должен мгновенно воспринять изобразительное искусство; оно оставит определенное впечатление, далее оно будет осмыслено и начнется рефлексия над материалом.

Мы полагаем, что, несмотря на организационные трудности, данная форма диалога между странами, как и отрасль культурной дипломатии, достаточно эффективна, так как диалог культур всегда ведет к обоюдному обогащению и является перспективным направлением для международных отношений.

Список литературы

Василенко Е.В. Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» государства // Перспективы. Электронный журнал. – 2016. – № 1 (5). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-diplomatiya-kak-instrument-myagkoy-sily-gosudarstva (дата обращения: 26.12.2022).

Захарова В.И. Внешняя культурная политика и современные этнополитические коммуникации // Коммуникология. – 2014. – Т. 5, № 3. – С. 95–100.

Иванян Э.А. Энциклопедия российско-американских отношений. – Москва : Международные отношения, 2001. – 696 с.

Курляндцева А.С. Америка конца 1950-х – начала 1960-х годов глазами советских художников // США & Канада: экономика – политика – культура. – 2020. – № 1. – С. 88–105.

Москва – Париж, 1900–1930: [каталог выставки], 3 июня – 4 октября 1981 : в 2 т. / науч. ред. М.А. Бессонова и др. ;

предисл. В. Полевого. – Т. 1. – Москва : Советский художник, 1981. – 382 с.

Мосур М.В. «Париж – Москва – Париж»: кураторство дипломатии // Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. – 2020. – № 4. – С. 48–49.

Мураталиева Ж.К. Международно-правовое регулирование организации и проведения международных выставок : дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2018. – 165 с.

Толстой В.П. Ленинский план монументальной пропаганды в действии / отв. ред. О.И. Сопоцинский. – Москва : Издательство Академии художеств СССР, 1961. – 56 с.

Fisher G.H. Public diplomacy and the behavioral sciences. – Bloomington : Indiana University Press. 1972. – 180 p.

Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – London : Basic Books, 1990. – 336 p.

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.12

International Art Exhibitions as a Form of Cultural and Political Dialogue

Nika P. MALYUTINA
Senior Laboratory Assistant
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: baleine.mango@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6586-3876

CITATION: Malyutina N.P. (2022). International Art Exhibitions as a Form of Cultural and Political Dialogue. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law.* vol. 15, no. 5, pp. 226–236 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.12

Received: 25.11.2022.
Revised: 15.12.2022.

ABSTRACT. *The paper focuses on presenting the role of international exhibitions in the political life of various countries as spaces where cultural and political dialogue is organized. As the main examples the cultural cooperation between the United States and the Soviet Union, the Paris-Moscow and Moscow-Paris exhibitions organized on the joint initiative of France and the USSR in 1979 and 1981, as well as the exhibitions of American post-war art in the Tate were considered. The article also examines several more examples of such events in order to support the idea that such events were indeed the flow of political dialogues on many levels, from the search for common points in art on the exhibition scene to the covert processes of negotiation and correspondence that made these exhibitions come to fruition. At the same time the paper presents the specifics of cultural relations between the United States and*

the USSR, and directly within the Western community, without using the comparison of Europe and the USSR as the only obvious political confrontation and antithesis.

KEYWORDS: *culture, politics, international exhibitions, Paris-Moscow, soft power, cultural program, exhibition, Tate Gallery.*

References

Fisher G.H. (1972). *Public diplomacy and the behavioral sciences*. Bloomington : Indiana University Press, 180 pp.

Ivanyan E.A. (2001). *Encyclopedia of Russian-American Relations*. Moscow : International Relations, 696 pp. (in Russian).

Kurlyandtseva A.S. (2020). America in the late 1950s and early 1960s through the eyes of Soviet artists. *USA & Canada: Economy – Politics – Culture*, no. 1, pp. 88–105 (in Russian). DOI: 10.31857/S268667300008058-3.

Moskva – Parizh… (1981). Bessonova M.A. (ed.). Catalogue of exhibition. *Moscow – Paris, 1900–1930*, vol. 1. Moscow : Soviet artist, 382 pp. (in Russian).

Mosur M.V. (2020). "Paris – Moscow – Paris": Curating Diplomacy. *Voice of the Past: Kuban Historical Journal*, no. 4, pp. 48–49 (in Russian).

Muratalievna J.K. (2018). *International legal regulation of the organization and holding of international exhibitions* : dissertation (juridical sciences). Moscow, 165 pp. (in Russian).

Nye J. (1990). *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. London : Basic Books, 336 pp.

Tolstoy V.P. (1961). Lenin's plan of monumental propaganda in action. *Academy of Arts of the USSR*. Moscow : Publishing House of the Academy of Arts of the USSR, 56 pp. (in Russian).

Vasilenko E.V. (2016). Cultural Diplomacy as an Instrument of "Soft Power" of the State. *Perspectives and prospects: E-journal*, no. 1 (5), pp. 67–79 (in Russian).

Zakharova V.I. (2014). Foreign cultural policy and contemporary ethno-political communications. *Communicology*, vol. 5, no. 3, pp. 95–100 (in Russian).

Вокруг книг

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.13

Роль национальной культуры в политике и экономике (обзор литературы)

Сергей Валерьевич СОКОЛОВ
научный сотрудник, руководитель Научно-исследовательского отдела библиотековедения
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: beholder73@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2068-6797

ЦИТИРОВАНИЕ: Соколов С.В. Роль национальной культуры в политике и экономике (обзор литературы) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. № 5. С. 237–249.
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.13

Статья поступила в редакцию 06.11.2022.
Исправленный текст представлен 30.11.2022.

АННОТАЦИЯ. *В статье представлен обзор книг датского (Брайан Рассел Грэм – Brian Russell Graham), индонезийского (Хариджоно Джоджодихарджо – Harijono Djojodihardjo), румынского (Ливиу Вартер – Liviu Warter) и ирландского (Шон Кроссон – Sean Crosson) авторов. Монографии охватывают проблемы взаимосвязи национальной культуры и инноваций (H. Djojodihardjo), национальной культуры и деловой этики (I. Warter, L. Warter), национальной и массовой культуры (Sean Crosson), а также национальной культуры как основы для национальной идентичности (B.R. Graham). В обзоре учитывается обращение исследователей к российскому национальному культурному опыту и его влияние на политику в области массовой культуры, инноваций и экономического сотрудничества. Тезисы авторов статей и монографий подкрепляются данными из аналитического сервиса Google Trends по поисковым запросам интернет-пользователей, таким как «деловая этика», «кинематограф», «общая культура» и «инновации». Соотнесение научных выводов в рецензируемой научной литературе и общественного интереса к определенным темам позволяет показать популярность и значимость выбранной проблематики, уточнить региональные особенности исследуемого контента.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *обзор, национальная культура, массовая культура, общая культура, киноискусство, инновации, организационное управление, деловая этика.*

Современные исследования национальной культуры в политическом и экономическом дискурсе отразили общий взлет общественного интереса

к проблемам национальной идентичности в информационном, медийном, культурном и образовательном пространстве. Информационно-аналитический сервис *Google Trends* показывает с 2004 г. растущую динамику общественного интереса к проблемам национальной культуры. Публичный *web*-интерес к понятию «национальная культура» (*National Culture*) был на максимуме 27 марта 2022 г. Страны – лидеры запросов в Интернете по проблемам национальной культуры: Ямайка, Филиппины, Гана. «Сверхпопулярностью» на платформе *Google Trends* отмечены смежные запросы по «национальной идентичности» народов Филиппин и Национальному историческому парку культуры Чако в Нью-Мексико (США). Рассмотрим наиболее цитируемые монографии 2020–2022 гг. по проблемам национальной культуры, определим общее и особенное в этих работах; выясним, насколько часто современные исследователи проблем национальной культуры обращаются к российскому национальному культурному опыту.

Научный сборник **«Понимание культуры и этики в организациях: Исследование Восточной и Центральной Европы»** опубликован издательством *Emerald* в Великобритании в 2020 г. и посвящен различным вопросам взаимосвязи деловой этики и национальной культуры, особое внимание уделено странам Восточной Европы [Understanding…, 2020].

Редакторы-составители научного сборника профессора Юлиан Вартер и Ливиу Вартер – руководители Центра социально-экономических исследований и мультикультурализма (Яссы, Румыния). Деятельность Центра фокусируется на взаимосвязи между национальной культурой, менеджментом, лидерством, инновациями, деловой этикой и корпоративной социальной ответственностью. Центр социально-экономических исследований и мультикультурализма был создан для содействия расширению исследований, диалога и осведомленности среди представителей различных культур и происхождения, вовлеченных в румынский бизнес, академические круги и общественные организации. Позиция Центра заключается в том, что мультикультурализм и разнообразие являются важнейшими факторами развития и благосостояния людей. Авторы сборника – известные специалисты по межкультурному диалогу и деловой этике, связанные с Обществом межкультурного образования, обучения и исследований (*SIETAR*).

Ведущая статья сборника написана редакторами-составителями о слияниях и поглощениях (*Merger and acquisition, M&A*) в автомобильной промышленности [*Warter, Warter,* 2020]. Авторы обратились к опыту слияний таких автомобильных гигантов, как *Mitsubishi* и *Daimler, Jaguar* и *Ford, Daimler* и *Chrysler, Seat* и *Volkswagen, Daewoo* и *General Motors, Land Rover* и *Ford*, и определили, что недооценка национальных культурных факторов оказывает существенное влияние на достижение/недостижение операциями по слияниям и поглощениям заранее определенных целей. На примере анализа неудачной попытки слияния компаний *Rover* и *BMW*, а также издержек слияния компаний *Renault* и *Nissan* авторы делают вывод о том, что «в настоящее время автомобильный сектор состоит из различных культур, которые влияют на действия и поведение компаний, участвующих в трансграничных слияниях и поглощениях. Таким образом, совершенно необходимо, чтобы топ-менеджеры были осведомлены о ценностях, традициях и поведении в других культурах. Деятельность по слияниям и поглощениям, связанная с автомобильными

компаниями из разных стран, может столкнуться с существенными препятствиями на пути успешной интеграции. Этими препятствиями могут быть местные правила и отраслевые стандарты, язык и местная культура и т. д.».

Глава по аспектам национальной культуры в российской автомобильной промышленности написана Филиппом Вери – профессором стратегического менеджмента и главой факультета бизнес-школы *EDHEC* во Франции – в соавторстве с Винсентом Монтенегро – доктором философии, сотрудником *CEFRES*, Французского исследовательского центра гуманитарных и социальных наук (Прага, Чешская Республика) [*Montenero*, *Very,* 2020]. Авторы исходили из так называемой концепции национального административного наследия (*concept of nationally bound administrative heritage*), чтобы определить условия наиболее эффективного внедрения зарубежных предпринимательских практик. На основе опроса 16 российских менеджеров, работающих в автомобильной промышленности, авторы подтвердили, что без учета российской «сильной национальной специфики» невозможно развивать в стране иностранный бизнес. Основные принципы деловой этики, основанные на российской культурной и национальной специфике, по мнению авторов, следующие:

«Развивайте сеть личных отношений, потому что в определенный момент деловой жизни вам может потребоваться помощь одного из ваших знакомых.

Не доверяйте систематически нормам и правилам, потому что всегда можно найти человека с достаточной силой, чтобы изменить обычный ход действий.

Принимайте во внимание авторитет в отношениях с другими, то есть ситуационную власть другого.

Управляйте информацией как политическим инструментом, поскольку информация является важным элементом произвольной среды» [*Warter, Warter,* 2020, p. 20].

Вывод авторов: без гибридизации, то есть адаптации норм и правил ведения зарубежного бизнеса к условиям российской корпоративной культуры, иностранные предприниматели не смогут добиться успеха.

Отдельные страноведческие исследования в данном сборнике были также посвящены национальным особенностям развития здравоохранения в Румынии [*Ioan, Rusu, Hanganu,* 2020] и демократизации массового сознания постсоветской Румынии [*Grecu,* 2020]. Исследователи особенностей системы медицинского обслуживания в Румынии, известные специалисты по биоэтике и сотрудники университета медицины и фармакологии в Яссах (Румыния) пришли к выводу, что медицинский персонал несет этическое обязательство оказывать медицинскую помощь с учетом национальных культурных особенностей, поскольку этническое происхождение, уровень образования, знание языка и культурные ценности пациентов имеют важное значение для функциональных отношений между врачом и пациентом. В главе по демократизации массового сознания Румынии автор статьи Сильвиу-Петру Греку, профессор Ясского университета (Румыния), установил слабые статистические корреляции между личными ценностями румынских граждан и активным членством в политических и гражданских ассоциациях. Культурное измерение национальных особенностей демократии в Румынии автор провел по таким параллелям, как историческое наследие, культурные традиции, политические взгляды и поведение. Как и в другой своей статье о политическом поведении граждан Румынии [*Grecu*,

2021], автор использует количественные методы и делает окончательный вывод об «ущербной демократии в Румынии» (*flawed democracy*): «культурная модель Румынии связана с политической апатией и недоверием к политическим деятелям» [*Grecu,* 2020, p. 133].

Таким образом, сборник румынских, французских, немецких и английских авторов обогатил представления культурологов о тесной взаимосвязи между деловой этикой и национальной культурой, доказал существование в постсоветских странах Восточной и Центральной Европы единой ментальности, связанной с наследием второй половины XX в., определил необходимость учета национальной культуры для ряда профессиональных компетенций политиков, медиков и руководителей компаний.

Обратимся к сервису *Google Trends* для уточнения тематического, географического и динамического интереса пользователей Интернета к теме «деловая этика» (*business ethics*). Поисковый запрос *business ethics* представлен в *Google Trends* отдельной темой, что говорит об устойчивом и значительном интересе к нему пользователей интернет-пространства. С 2004 г. интерес к теме постепенно снижался (за исключением небольшого всплеска в марте 2022 г., на 39% превзойдя пиковый уровень ноября 2004 г.). Особенность географического распределения запросов по этой теме заключается в абсолютном преобладании запросов из африканских стран, прежде всего из Зимбабве, Намибии, Уганды, Мозамбика и Замбии. Страны англосаксонской культуры совершенно не озабочены данной проблематикой. Так, США находится среди этих запросов на 45-м месте, а Великобритания – на 52-м. Россия также находится в конце этого общего списка. По отдельным тематическим рубрикам интерес российских пользователей к деловой этике наблюдается только в теме «интернет-сообщества» (19-е место), «люди и общество» (39-е место). Статистика поисковых запросов пользователей Интернета по теме «деловая этика» подтверждает основные выводы сборника о тесной связи между национальными культурами и организационной этикой. В запросах можно проследить устойчивые различия по интересу к деловой этике между группами стран прежде всего по неравенству регионального развития, которое также влияет и на национальные культурные особенности.

Книга **«Спорт, кино и национальная культура»** под редакцией Шона Кроссона была опубликована издательством «Рутледж» в Лондоне в 2020 г. [Sport…, 2020].

Шон Кроссон – доктор философии (*PhD*) по ирландским исследованиям, старший преподаватель кинематографии в Хьюстонской школе кино и цифровых медиа, руководитель исследовательской группы по спорту и физическим упражнениям в Ирландском национальном университете в Голуэе. Этот сборник объединяет статьи по 11 национальным контекстам на 6 континентах, включая Северную и Южную Америку, Европу, Африку, Азию и Океанию. Авторы сборника представляют такие крупные исследовательские организации в области кино и массовой культуры, как Исследовательский центр изучения кино и медиа (*CIMS*) при Университете Гента (Бельгия), Школа искусств *LUCA* (Бельгия), Федеральный институт образования, науки и технологий (Бразилия), Лондонский университет (Великобритания), Университет Де Монфор (Великобритания), Лондонский университет (Великобритания), Университет Тамканг (Тайвань, КНР), Бергенский университет (Норвегия), Католический университет Милана (Италия),

Университет Помпеу Фабра в Барселоне (Италия), Венецианский университет *IUAV* (Италия), Университет Шенандоа в Винчестере (США), Университет Кентукки (США), Университет Денисона (США) и др.

Сборник состоит из трех частей: «Спорт, кино и национальная культура в США», «Европейский опыт», «Вне Голливуда и Европы». Начало своего предисловия к сборнику Шон Кроссон посвятил мощному взлету спортивного патриотического кино в России. В качестве примера продвижения национальной культуры в кинематографе и через кинематограф автор приводит историю «са́мого коммерчески успешного фильма о коренных народах, когда-либо выпущенного (по состоянию на 2020 год) в российском прокате» – спортивного фильма «Движение вверх» (*Going Vertical*) [*Crosson*, 2020, p. 17]. Шон Кроссон не столько анализирует содержание фильма о победе Советского Союза над Соединёнными Штатами в баскетбольном турнире на Олимпийских играх 1972 г. в Мюнхене, сколько подчеркивает внутриполитическое значение фильма и связь режиссера фильма Н.С. Михалкова и актера В.Л. Машкова с президентом России. Автор констатирует синхронный патриотический подъем в странах, объединенных единой внешнеполитической линией, подтверждая свой тезис описанием большого коммерческого успеха фильма в Китае, где он получил 20% своего общего прокатного сбора и собрал почти 60 млн долларов.

Редактор сборника делит национальные культуры вслед за Линкольном Аллисоном (Уорикский университет, Великобритания) на определяемые религией (Израиль, Пакистан, Бельгия), языком (Германия, Италия) и идеологией (Соединённые Штаты Америки). Американское спортивное кино, как показывают авторы сборника, – не о спорте. Спортивный жанр идентифицируется только по профессиональной специализации главных героев фильма, а проблемы, которые ставятся в этих фильмах, прежде всего связаны с идеологическими вопросами «идентичности, пола, расы и класса» [*Crosson*, 2020, p. 20]. Американская теннисистка Билли Джин Кинг в фильме «Битва полов» (*Battle of the Sexes*) (2017) [*Crosson*, 2020, p. 74] выступает как икона ЛГБТ-сообщества. Фильм «Тоня против всех» (*I, Tonya*) (2017) о фигуристке из беднейших слоев белого населения юга Соединённых Штатов, так называемого белого мусора (*White trash*), направлен на защиту классовой и расовой идентичности. Другие вопросы американского кино, поднятые в сборнике, – проблемы сексуального насилия и оправдание его в американском культурном феномене «аквакейда» и так называемых Тихуанских библиях. «Американской гражданской религии» посвящена статья о биографии чернокожих спортсменов в фильмах «Номер 42» (*42*) (2013) и «Гонка» (*Race*) (2015). В статье доказывается, что современный американский мультикультурализм не снимает напряженности между религиозным национализмом и радикальным секуляризмом, представленными в мировоззрении евангельских христиан фильма «Номер 42», и проблему радикального секуляризма в фильме «Гонка» [*Wiedenfeld*, 2020]. Авторы статей о европейском спортивном кино делают большой акцент на исследовании кинематографа времени немецкого национал-социализма, итальянского фашизма и испанского франкизма. Помпезная кинохроника Берлинской олимпиады с участием Лени Рифеншталь в документальном фильме «Олимпия» (1938) и фильме «Большая игра» (*Das groβe Spiel*) (1942) является выразительным примером государственной

пропаганды [*Dawson*, 2020]. Фильм испанского комедиографа Рамона Торрадо «Кампеонес» (1943) заложил основу жанра «кик-флика» и способствовал созданию «образа сильной и объединенной нации под одним знаменем» (*¡Una, Grande y Libre!*) «вместо многослойной реальности конфликтующих национализмов и региональных идентичностей внутри страны» [*Buscemi,* 2020, p. 58]. Статья о британском крикете [*Glynn*, 2020] представляет анализ романтизации режиссером британского колониализма. Таким образом, статьи о европейском кинематографическом спортивном ландшафте являются исследованиями истории радикального национализма, противоположного американскому мультикультурализму.

Третья часть сборника, посвященная истории кинематографа вне евроатлантической традиции, содержит статьи о спортивных фильмах Новой Зеландии, Бразилии, Эфиопии и Тайваня (КНР). Объединяет эти фильмы единая концепция авторов о возрождении в спортивном кино национального самосознания малых народов на фоне борьбы с неоколониализмом. Статья о новозеландском женском нетболе, местной разновидности баскетбола, показывает включение национального женского спорта в «гендерно-инклюзивное понимание формирующегося чувства отчетливой новозеландской национальной идентичности». Разбор фильма «Год, когда мои родители уехали в отпуск» (*O Ano em Que Meus Pais Saíram de Férias*) (2006) посвящен победе Бразилии на чемпионате мира по футболу 1970 г. в Мексике и связи между национальной идентичностью и бразильским футболом. Статья о двух эфиопских картинах на амхарском языке посвящена отрицательному восприятию зрителями фильма, снятого совместно с Германией и США, а также коммерческого (рекламного) фильма местной кинокомпании. Разбор последних спортивных фильмов в современном тайваньском популярном кино направлен на доказательство идеи, что «кино как средство восстановления национального самосознания особенно важно в настоящее время для противостояния китайскому гегемонизму» [*Crosson,* 2020, P. 12]. На примере фильмов «Прыжок Ашин» (*Fangunba ashin – Jump Ashin!*) (2011), «Шаг назад к успеху» (*Zhiqi – Step Back to Glory*) (2013) и «Кано» (*Kano*) (2014) показывается также возможность преодоления культурной неоднородности современного Тайваня (КНР).

Таким образом, сборник «Спорт, кино и национальная культура» под редакцией Шона Кроссона представил всё разнообразие зарубежного кинематографа о спорте как отражение массовой культуры на фоне текущих глобальных культурных, общественно-идеологических и геополитических процессов.

Сервис *Google Trends* показывает статистику обращений пользователей Интернета к понятию «кинематограф» (*cinema*). В истории обращений с 2004 г. стоит отметить резкое уменьшение активности пользователей по этому поисковому запросу в апреле 2020 г. Интерес пользователей к кинематографу упал на 50% и, достигнув 11% от его максимального значения, далее не поднимался выше 51% (данное значение зафиксировано в июле 2022 г.). Абсолютные лидеры запросов по вопросам кинематографа – такие страны, как Ирландия, Италия, Бахрейн и ОАЭ. Также большое количество запросов идет из стран Центральной и Восточной Европы: Румынии (65% запросов), Венгрии (40%), Чехии и Польши (30%). Румыния держит максимальный интерес пользователей к кинематографу в области научных исследований (рубрика «Наука» в *Google Trends*), за которым следует интерес к рубрике «Новости», связанной

с кинематографом. Россия занимает 50-е место. В анализе смежных запросов с темой «кинематограф» *Google Trends* показывает пикообразный взлет, достигший так называемой сверхпопулярности для темы «курды», что говорит о большой политизации массовой культуры. Этот факт подтверждает тезисы вступительной статьи сборника, а также статей об американском и тайваньском кинематографе как способе политического и идеологического влияния – сильнейшем инструменте массовой культуры современности.

Монография Брайана Рассела Грэма **«Об общей культуре: Идея общей национальной культуры»** была опубликована в 2022 г. издательством Джона Ханта [*Graham*, 2022].

Брайан Рассел Грэм – адъюнкт-профессор литературы, медиа и культуры в Университете Ольборга в Дании. Его первая монография «Необходимое единство противоположностей», опубликованная издательством *University of Toronto Press* в 2011 г., представляет собой исследование «диалектической философии» канадского филолога и исследователя мифологии Нортропа Фрая.

Брайан Рассел Грэм ставит прежде всего вопрос о британской национальной культурной идентичности. Автор является критиком мультикультурализма и сторонником усиления национального государства вслед за Ф. Фукуямой. Основной путь формирования национальной идентичности, по мнению автора, лежит в так называемой общей культуре (*common culture*), которая заключается в преодолении культурного неравенства между высшими и низшими слоями общества. Инструментарий преодоления культурного неравенства заключается в разработке государственного института общественного контроля как за творческими (опера, балет), так и за коммуникативными (теле- и радиовещание) формами искусства. Общественный контроль будет способствовать выравниванию массовой и высокой культуры, создавая единые общественные интеллектуально-культурные потребности и обеспечивая тем самым культурное единство нации. Создание своей концепции общей культуры Брайан Рассел Грэм связывает с творчеством валлийского неомарксиста, исследователя роли СМИ в обществе и культуре Рэймонда Уильямса. «Развитие идей Р. Уильямса об общей культуре (*common culture*), – писал автор, – будет способствовать преодолению общественных дискуссий между правым и левым политическими лагерями в Великобритании. Мы могли бы объединить политические симпатии, которые могут показаться взаимоисключающими: либеральные, социал-демократические и консервативные». Эта тема рассматривается более подробно в главе 3. Интересно, что именно такое сочетание точек зрения восхвалял американский социолог Дэниел Белл; а совсем недавно Дэвид Гудхарт, имея в виду Белла, назвал такую гибридную политику «постлиберализмом». «Политические правые сегодня защищают национальную идентичность; академические левые отстаивают тот вид равенства, о котором идет речь. Как исследование, поддерживающее обе цели (хотя и с использованием подходов, отличных от тех, которые выдвигают левые и правые), эта книга направлена на одновременное продвижение обеих целей. Это инклюзивная национальная идентичность, о которой говорят; и, что касается второй цели, то моя аргументация традиционна в том, что касается принятия оценочных суждений при обсуждении того, как обеспечить культурное равенство» [*Graham*, 2022, p. 4].

Своим предшественником Рассел Грэм также считает Ричарда Хоггарта, который в середине XX в. исследовал социальную и культурную роль

аудиовизуальных медиа. Идеи Хоггарта о важности «оценочных суждений» (*value judgements*) в анализе произведений культуры занимают центральное место в первых трех главах книги. Р. Хоггарт участвовал в качестве эксперта в так называемом деле против издательства *R v Penguin Books Ltd* в 1960 г., когда был отклонен иск о судебном преследовании за публикацию «непристойной» книги Д.Х. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей» 1928 г. Литературная критика не только как отдельный жанр литературы, но и как действенный социальный институт служит дополнительным инструментарием для культурной ревизии современной английской литературы. Здесь автор подробно останавливается на концепции Нортропа Фрая о том, что литературное произведение есть вербализированный ритуал, включающий в себя множество мифологических образов – архетипов. На основе так называемой анатомии критики художественной литературы Н. Фрая, системы «оценочных суждений» Р. Хоггарта и идей Р. Уильямса об «общей культуре» автор этой работы Рассел Грэм предложил путь единения британской нации и воссоздания британской национальной культурной идентичности.

Проведем анализ понятия «общая культура» (*common culture*) через статистику поисковых запросов в сервисе *Google Trends*. Интерес пользователей Интернета к этой теме достигает пика (100%) к апрелю 2016 г. и далее идет на спад. Абсолютное лидерство с отрывом более чем 80% показывают запросы из Филиппин. Далее следуют США и Индонезия. Обращения российских пользователей Интернета по этой теме заняли 17-е место в общем зачете, 16-е место по запросам по тематике «справочные материалы» и 19-е – по запросам, связанным с темой «люди и общество». Интересен факт, что Россия держит лидерство по запросам термина *common culture* в области финансов (100%-й интерес к теме), далее следуют Дания, Филиппины, Швеция и Великобритания. Высокий уровень интереса к «общей культуре» Великобритания также показывает в рубриках «Интернет-сообщества» и «Книги и литература», что подтверждает выводы автора книги и существование устойчивого общественного интереса в британском обществе к «общей культуре» как компромиссу между высокой и массовой культурой, который должен стать путем преодоления классовых противоречий на пути к национальной культурной идентичности.

Монография **«Изобретательность для национальной культуры»** известного индонезийского государственного деятеля в области аэрокосмической индустрии Хариджоно Джоджодихарджо (до 2009 г. он также преподавал в Научном университете Малайзии, а в настоящее время преподает в Университете Путра Малайзии) написана в рамках проекта «Развитие науки, технологий и культуры» и опубликована в 2020 г. Институтом развития аэрокосмической науки и техники Персада Крияpека Диргантара (*The Institute for the Advancement of Aerospace Science and Technology*) [*Djojodihardjo*, 2021]. В рамках этого проекта была также издана монография «Смысл национальной культуры» [*Djojodihardjo*, 2020] и переиздана монография 1984 г. того же автора «Введение в компьютерные системы».

В качестве эпиграфа к монографии было выбрано высказывание Сократа «Человек должен подняться над Землей – на вершину атмосферы и выше – только так он полностью поймет мир, в котором живет» (Сократ, 400 г. до н. э.). Эпиграф размещен на фоне фотографии Земли, сделанной астронавтами во время полета к Луне на «Аполлоне-8». Монографию предваряют семь

предисловий выдающихся специалистов в технических и естественно-научных областях (например, проф. Борис Лашка из Технического университета Мюнхена, проф. Синдзи Судзуки из Токийского университета, проф. Паоло Гасбарри из Римского университета Ла Сапиенца). Одно из семи предисловий к данной монографии написано профессором Московского авиационного института Владимиром Журавлевым, который отметил выдающийся вклад этого известного специалиста в развитие российско-индонезийских научных и общественных связей.

В предисловии к монографии Хариджоно Джоджодихарджо объясняет понятие «изобретательность» как способность человечества к различным технологическим разработкам в обязательной связи с умением проектировать новые организации, институты и социальные отношения. Соединение технологического и социального проектирования для автора неразрывно связано с культурным и религиозным императивом. В предисловии к своему произведению автор ссылается на соответствующие фразы в Коране, например, на «суру Аль-Алак», которая передает повеление Бога: *IQRA*, что есть «читать», понимаемое как обязательство «читать», то есть стремиться понимать природу и человечество. «Опыт научил автора тому, что парадигма, отвечающая благородным ценностям человечества, отраженным во всех религиях, – это единение, и совместное использование является частью этой парадигмы» [*Djojodihardjo,* 2021, P. 31].

Монография состоит из двух частей.

Часть «А» содержит 9 глав, посвященных различным «макроаспектам» развития национальной науки и технологий в связи с социальными, экономическими и культурными процессами. Главы представляют собой отдельные статьи, опубликованные ранее. Теоретические основы разработки и внедрения в Индонезии социальных и технологических «изменений, основанных на доверии», по мнению автора, основываются на концепции израильского военного историка-медиевиста Юваль Ной Харари [*Харари,* 2020], в которой история человечества – это прежде всего культурные изменения, ограниченные природой и направленные на объединение различных стран и народов. Модель социально-технологического развития, предлагаемая автором, – так называемая «модель тройной спирали инноваций» (*Triple helix model of innovation*): набор взаимодействий между академическими кругами (университетами), промышленностью и правительством в целях содействия экономическому и социальному развитию [*Djojodihardjo*, 2021, p. 54]. Автор призывает правительственные круги больше опираться на такие сектора национальной экономики и национальной культуры, как гражданское общество и бизнес-сообщество [*Djojodihardjo*, 2021, p. 58]. Примером функционирования такого треугольника является, по мнению автора, создание Национального исследовательского совета (*DRN*) и Национальной программы конкурентных исследований (*RUT*) в Индонезии. Только в национальной культуре, построенной на «доверии», возможны прорывные технологические изменения в области устойчивой космической, морской и ориентированной на конечного потребителя «зеленой» энергетики.

Часть «В» представляет перепечатку научных статей, посвященных «микроаспектам», которые носят технический характер и в гораздо меньшей степени привязываются к общим проблемам развития национальной технической и организационной культуры, но служат дополнительными примерами разработки инноваций, возможных при реализации единой

национальной культурной, экономической и энергетической политики. Индонезийский пример национальной культуры, основанной на так называемой изобретательности и названной автором «АкалБуди» (*AkalBudi*), предполагает единство государственной политики в образовании, науке, развитии технологий и промышленности, опирающейся на широкие слои негосударственного сектора экономики.

Сервис *Google Trends* помечает наиболее устойчивые поисковые запросы как отдельные темы, компании или организации. Ключевое слово «инновации», которое можно выбрать как основное для монографии Хариджоно Джоджодихарджо, *Google Trends* выделяет и как «тему исследования». Общественный интерес в мировом интернет-пространстве к инновациям как к теме исследования держится стабильно с 2004 г. по настоящее время на очень высоком уровне, не опускаясь с марта 2019 г. ниже 55%. Максимальное количество запросов по теме «инновации» направлено с территории Казахстана. Если посмотреть историю запросов за последние 5 лет, то можно заметить, что Казахстан сохраняет абсолютное лидерство, опережая на 30% Макао, за которой идут Норвегия, Перу, Панама и Тайвань. В этом периоде уже присутствует резкий скачок к теме «инновации» 22–28 августа 2021 г. (взлет на казахстанском медийном поле казахстанской технологической компании *Kaspi.kz*). Индонезия в общем списке интереса интернет-пользователей к теме «инновации» отсутствует, но появляется с уточнением запроса в рубриках «Бизнес и промышленность», «Законодательные и правительственные акты» (на 3-м месте среди всех стран) и выходит на 1-е место в рубрике «Люди и общество». Таким образом, веб-статистика подтверждает соответствие тезисов автора о необходимом единстве для эффективных инноваций государственной политики, национальной культуры и бизнес-сектора, что соответствует модели национальной культурной и экономической политики Индонезии, отраженной в запросах интернет-пользователей.

Представленные четыре монографии датского, индонезийского, румынского и ирландского авторов с разных сторон раскрывают роль национальной культуры в политике и экономике. Монографии охватывают проблемы взаимосвязи национальной культуры и инноваций (Хариджоно Джоджодихарджо), национальной культуры и деловой этики (Юлиан Вартер), национальной и массовой культуры (Шон Кроссон), а также национальной культуры как основы для национальной идентичности (Рассел Грэм). Российский национальный культурный опыт затрагивается во всех работах, кроме монографии Брайана Рассела Грэма «Об общей культуре: Идея общей национальной культуры». Российская культурная политика особенно интересна авторам с учетом ее идеологизации на примере российского кинематографа. Большой интерес для зарубежных исследователей представляют элементы российской деловой культуры. О политических и идеологических аспектах национальной культуры пишут все авторы представленных сборников и монографий. В работах по экономической тематике, о деловой этике (Юлиан Вартер), инновациях (Хариджоно Джоджодихарджо) и экономическом культурном разрыве (Рассел Грэм) также подчеркивается значимость связи национальной культуры с политикой и экономикой.

Тезисы авторов статей и монографий подкрепляются данными из аналитического сервиса *Google Trends* по поисковым запросам интернет-пользователей «деловая этика», «кинематограф»,

«общая культура» и «инновации». Соотнесение научных выводов в рецензируемой научной литературе и общественного интереса к определенным темам позволяет показать популярность и значимость выбранной проблематики, уточнить национальные и географические особенности исследуемого контента.

Список литературы

Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества / пер. с англ. Л. Сумм. – Москва : Синдбад, 2020. – 518 с.

Buscemi F. Primo Carnera, propaganda and Mussolini's international legitimisation: The boxer who was a passport for fascism // Sport, Film and National Culture. – Routledge, 2020. – P. 126–143. – DOI: 10.4324/9780429327018-1.

Dawson R. Soccer, film and the Third Reich: Hunters, cowards and glory // Sport, Film and National Culture. – Routledge, 2020. – P. 112–125. – DOI: 10.4324/9780429327018-10.

Djojodihardjo H. Ingenuity for national culture. – Jakarta : Persada Kriyareka Dirgantara, 2021. – 949 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/344320794_ingenuity_for_national_culture (дата обращения: 22.05.2023).

Frye N. Anatomy of criticism: Four essays. – Princeton : Princeton University Press, 1957. – 400 p. – DOI: 10.4067/S0718-22952008000100014.

Glynn S. Cricket, film and British national identity: On a sticky wicket? // Sport, Film and National Culture. – Routledge, 2020. – P. 161–174. – DOI: 10.4324/9780429327018-13.

Graham B.R. On a Common Culture: The Idea of a Shared National Culture. – John Hunt Publishing, 2022. – 192 p.

Grecu S.P. Political Culture, Cognitive Bias and Democracy in Post-Communist Romania // Understanding National Culture and Ethics in Organizations. – Emerald Publishing Limited, 2020. – P. 121–134. – DOI: 10.1108/978-1-83867-022-120201011.

Grecu S.P. Political culture, social polarization and electoral behavior. The last decade in Romanian political system // Journal of Intercultural Management and Ethics. – 2021. – Vol. 4, N 4. – P. 27–40. – DOI: 10.35478/jime.2021.4.04.

Ioan B.G., Rusu R.E., Hanganu B. Health Mediators – Intercultural Bridge in Healthcare Organizations Case Study–Romania // Understanding National Culture and Ethics in Organizations. – Emerald Publishing Limited, 2020. – P. 107–120. DOI:10.1108/978-1-83867-022-120201010.

Montenero V., Very P. Cultural hybridization in the Russian car industry // Understanding National Culture and Ethics in Organizations. – Emerald Publishing Limited, 2020. – P. 5–20. – DOI: 10.1108/978-1-83867-022-120201003.

Sport, Film and National Culture / Ed. by S. Crosson. – Routledge, 2020. – 264 p. – DOI: 10.4324/9780429327018.

Understanding National Culture and Ethics in Organizations: A Study of Eastern and Central Europe / Ed. by I. Warter, L. Warter. – Emerald Group Publishing, 2020. – 191 p.

Warter L., Warter I. Mergers and Acquisitions in Eastern Europe: Intercultural Issues in the Automotive Industry // Understanding National Culture and Ethics in Organizations. – Emerald Publishing Limited, 2020. – P. 21–32. – DOI: 10.1108/978-1-83867-022-120201004.

Wiedenfeld G. Multicultural American heroes: Reading Obama-era biopics of Jackie Robinson and Jesse Owens through the lens of American civil religion // Sport, film and national culture. – Routledge, 2020. – P. 48–63.

Джоджодихарджо Х. Смысл национальной культуры. Djojodihardjo H. Akal budi untuk budaya bangsa. – [S. l.] : MKosa-Kata-Kita and The Institute

for the Advancement of Aerospace Science and Technology, 2020. – 229 p. – Индонез. яз. – URL: https://www.researchgate.net/publication/344320801_akal_budi_untuk_budaya_bangsa (дата обращения: 22.05.2023).

Spotlight on New Academic Arrivals

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.13

The Role of National Culture in Politics and Economics (Review of Books)

Sergei V. SOKOLOV
Researcher, Head of the Research Department of Library Science
Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS (INION RAN)
Nakhimovsky prospect, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: beholder73@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2068-6797

CITATION: Sokolov S.V. (2022). The Role of National Culture in Politics and Economics (Review of Books). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 5, pp. 237–249 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.13

Received: 06.11.2022.
Revised: 30.11.2022.

ANNOTATION. *The article presents an overview of the books by Danish (Brian Russell Graham), Indonesian (Harijono Djojodihardjo), Romanian (Liviu Warter) and Irish (Sean Crosson) authors. The books cover the problems of the relationship between national culture and innovation (H. Djojodihardjo), national culture and business ethics (I. Warter, L. Warter), national and popular culture (S. Crosson), as well as national culture as the basis for national identity (B.R. Graham). The review takes into account the appeal of the researchers to the Russian national cultural experience and its influence on the policy in the field of mass culture, innovation and economic cooperation. The abstracts from the articles and books are supported by the data from the Google Trends analytical service for the search queries of the Internet users such as "business ethics", "cinema", "general culture" and "innovation". The correlation of scientific findings in the peer-reviewed scientific literature and public interest in certain topics makes it possible to show the popularity and significance of the chosen issue, to clarify the national and geographical features of the content under study.*

KEYWORDS: *review, national culture, popular culture, general culture, film art, innovation, organizational management, business ethics.*

References

Buscemi F. (2020). Primo Carnera, propaganda and Mussolini's international legitimisation: The boxer who was a passport for fascism. *Sport, Film and National Culture*. Routledge, pp. 126–143. DOI:10.4324/9780429327018-11.

Dawson R. (2020). Soccer, film and the Third Reich: Hunters, cowards and glory. In: *Sport, Film and National Culture*. Routledge, pp. 112–125. DOI: 10.4324/9780429327018-10.

Djojodihardjo H. (2020). *Common sense for the culture of the nation*. S. l.: MKosa-Kata-Kita and The Institute for the Advancement of Aerospace Science and Technology, 229 pp. Available at: https://www.researchgate.net/publication/344320801_akal_budi_untuk_budaya_bangsa, accessed 22.05.2023 (in Indonesian).

Djojodihardjo H. (2021). *Ingenuity for national culture*. Jakarta: Persada Kriyareka Dirgantara, 949 pp. Available at: https://www.researchgate.net/publication/344320794_ingenuity_for_national_culture, accessed 22.05.2023.

Frye N. (2020). *Anatomy of criticism: Four essays*. Princeton, 400 pp. DOI: 10.4067/S0718-22952008000100014.

Glynn S. (2020). Cricket, film and British national identity: On a sticky wicket? In: *Sport, Film and National Culture*. Routledge, pp. 161–174. DOI: 10.4324/9780429327018-13.

Graham B.R. (2022). *On a Common Culture: The Idea of a Shared National Culture*. John Hunt Publishing, 192 pp.

Grecu S.P. (2021). Political culture, social polarization and electoral behavior. The last decade in Romanian political system. *Journal of Intercultural Management and Ethics*, vol. 4, no. 4, pp. 27–40. DOI: 10.35478/jime.2021.4.04.

Grecu S.P. (2020). Political Culture, Cognitive Bias and Democracy in Post-Communist Romania. In: *Understanding National Culture and Ethics in Organization*s. Emerald Publishing Limited, Bingley, pp. 121–134. DOI: 10.1108/978-1-83867-022-120201011.

Harari Yu.N. (2020). *Sapiens. Short history of mankind*. Moscow : Sinbad, 518 pp. (in Russian).

Ioan B.G., Rusu R.E., Hanganu B. (2020). Health Mediators – Intercultural Bridge in Healthcare Organizations Case Study – Romania. In: *Understanding National Culture and Ethics in Organizations*. Emerald Publishing Limited, Bingley, pp. 107–120. DOI: 10.1108/978-1-83867-022-120201010.

Montenero V., Very P. (2020). Cultural Hybridization in the Russian Car Industry. In: *Understanding National Culture and Ethics in Organizations*. Emerald Publishing Limited, Bingley, pp. 5–20. DOI: 10.1108/978-1-83867-022-120201003.

Sport, Film and National Culture (2020). Crosson S. (ed). Routlegde, 264 pp. DOI: 10.4324/9780429327018.

Understanding National Culture and Ethics in Organizations: A Study of Eastern and Central Europe (2020). Warter I, Warter L. (eds.). Emerald Group Publishing, 191 pp. DOI: 10.1108/978-1-83867-022-120201004.

Warter L., Warter I. (2020). Mergers and Acquisitions in Eastern Europe: Intercultural Issues in the Automotive Industry. In: *Understanding National Culture and Ethics in Organizations*. Emerald Publishing Limited, Bingley, pp. 21–32. DOI: 10.1108/978-1-83867-022-120201004.

Wiedenfeld G. (2020). Multicultural American heroes: Reading Obama-era biopics of Jackie Robinson and Jesse Owens through the lens of American civil religion. In: *Sport, film and national culture*. Routledge, pp. 48–63.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1,3 п.л.

**Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право
Том 15 № 5 – 2022**

Номер регистрационного свидетельства
ПИ № ФС 77-80326
Дата регистрации 04.02.2021 г.

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
http://inion.ru

Отдел печати и распространения
изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Верстка И.К. Летунова

Корректор Л.Н. Марданова

Подписано к печати 19.12.2022 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 20,3 Уч.-изд. л. 18,7
Тираж 1 000 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № __

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У

ISSN 2542-0240
22005>
9 772542 024004 >